Алина в Стране Чудес

Владимир Контровский
Элеонора Фролова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чтобы добиться своего, мало пройти все препятствия и одолеть всех врагов. Надо сделать главное: выиграть трудный бой с самим собой…

-
- КНИГА ПЕРВАЯ. НЕВЕСТА ЭЛЬФИЙСКОГО КОРОЛЯ
- Даже если у вас проблемы, не забывайте смотреть под ноги (типа пролог)
- ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДОБРОДУШНЫЙ ПОГРАНИЧНИК
- ГЛАВА ВТОРАЯ. ДОРОГА ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ. УХМЫЛКА ФОРТУНЫ
- ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВЕРНЫЙ ПАЛАДИН
- ГЛАВА ПЯТАЯ. УДИВИТЬ — НАПОЛОВИНУ ПОБЕДИТЬ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ. КОРОЛЕВСКАЯ НЕВЕСТА
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОХИТИТЕЛЬ ЧУЖИХ ЖЁН
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВЫКУП ГОЛОВЫ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. КОРОЛЕВА АЛАВА
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. МНЕ ОТМЩЕНЬЕ, И АЗ ВОЗДАМ
- Мы наш, мы новый мир построим (типа эпилог)
- КНИГА ВТОРАЯ. ДИТЯ ДВУХ МИРОВ
- Опять двадцать пять… (как бы пролог)
- ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭХХИЙСКИЙ СУВЕНИР
- ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОЛКИ ИДУТ ПО СЛЕДУ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАМ, ГДЕ МЕНЯ ЖДАЛИ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!
- ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТ КАМЕРОНА ДО ОТДАНОНА
- ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТЕРРИТОРИЯ ТЬМЫ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КЛИНОК СУДЬБЫ
- Мальчик по имени Кассандр (как бы эпилог)

Владимир Контровский, Элеонора Фролова
Алина в Стране Чудес
(Сказка для взрослых)

КНИГА ПЕРВАЯ. НЕВЕСТА ЭЛЬФИЙСКОГО КОРОЛЯ

Я из женщин тебя не первую,
Много вас,
Но с такою как ты со стервою
Первый раз
Излюбили тебя, измызгали
Невтерпёж
Что ты смотришь так синими брызгами
Или в морду хошь?

(Сергей Есенин)

Даже если у вас проблемы, не забывайте смотреть под ноги (типа пролог)

Глаз болел дико.

Ну что за гадство, ну почему все мужики такие уроды? Им, видите ли, всё можно, а мы должны являть собой эталон непорочности! Вот интересно, с кем бы резвились все эти Казановы, если б женщины сплошь были предельно высоконравственны? Статистика, блин, — в трахе участвуют двое (об экзотических исключениях говорить не будем), значит… А чего значит? А того, что все мужики — козлы по натуре! Вот было бы клёво, если бы на шарике остались одни только женщины, но такого, по самым смелым прогнозам футурологов, в ближайшие пятьдесят лет не предвидится, а что будет дальше, мне уже как-то по барабану.

Я потрогала свой левый глаз и со вкусом матюгнулась. Шедшие мне навстречу две мымры средних лет на это никак не среагировали — подумали, наверно, что я готовлюсь к кастингу на какое-нибудь телешоу и вхожу в образ нормальной современной девушки. Разве что позавидовали — с их параметрами там ловить нечего. Обе они напоминали раздвоенные снизу и небрежно завинченные тюбики зубной пасты, раскрашенные тупым дизайнером. Тюбики сжали, и выдавленная паста вылезла из брюк этих дебилок увесистыми жирными кольцами. Подделываются под молодых, идиотки, — ходят с голыми животами, хотя им давно пора прятать свой целлюлит под чем-нибудь балахонистым. Вот я — другое дело, мне есть чем похвастаться. Хотя сегодня я типа дохвасталась…

Нет, конечно, я немного погорячилась, но этот Димочка… Парень классный, чем-то похож на своего тёзку Диму Билана и одновременно на Колдуна — такой вот коктейль. Глаза — супер, гормоны так и бегают, попискивая и повизгивая. Мой-то — или уже не мой? — Славик тоже по кайфу, вылитый Хабенский, девчонки бошки сворачивают, когда мы с ним топаем рядышком как голубки, — завидуют типа. А я на них сверху вниз — завидуйте, мочалки… И чёрт меня дёрнул за двумя зайцами погнаться, тем более что второй-то зайчик так, за ушки подержаться мимоходом.

Тусовались мы основательно. У Кристинкиных предков флэт

что надо, просторно, и уголков всяких укромных до хрена, есть куда рассосаться. Когда Криста сообщила, что они, в смысле её старые хмыри, — хотя папаню-то её старым не назовёшь: помню я, как он меня ощупывал глазками своими шустрыми, я такие взгляды на раз секу, — отъехали оттянуться в Анталию, я тут же предложила собраться у неё, а не тащиться на ночную дискотеку. Чего мы там не видели? Знакомо всё, как прошлогодние понты. Короче, затарились чем подогреться, и тоже решили оттянуться по полной — гулять так гулять. Пятница, два выходных впереди, а тут ещё шеф денюжкой порадовал к уикэнду — как раз один заказик обработали, клиент нам за труды праведные ха-а-арошие бабки отвалил. Ему эти бабки — тьфу, судя по его "мерсу", а нам — ой, вах! Да и то сказать — зря, что ли, пахали на него всем офисом почти три недели?

Короче, веселись мы красочно. Наших я всех знала, а этого Диму пригласил Мишаня, очередной Кристинкин бой-френд, от которого она уже успела аборт сделать — везёт на это дело моей подружке закадычной: залетает только так, от сквозняка. Вообще-то этот как бы Билан приволок с собой какую-то рыжую вешалку, накрашенную так, что с неё штукатурка сыпалась пластами, но на меня он глаз положил с ходу. Я, конечно, виду не подала, стала изображать из себя гимназистку нецелованную, глазки вниз, ножки вместе, румянец надела — умею я этот фокус изготовлять, — хотя внизу там у меня аж заныло сладенько так. Подпили, понятно, — Димуся, смотрю, свою рыжую накачивает убойной смесью из виски с вермутом. Ясненько, думаю, — выводит он её из боя. А она дура дурой — купилась, быстренько хихикать начала и лепетать что-то несуразное. Я-то не дура, держу ситуацию под контролем — за свои сознательно прожитые двадцать лет (два года откинем на бессознательное розовое детство) многому научилась, — смотрю, прикидываю, как оно дальше пойдёт-поедет-побежит.

Славик тоже приналёг на брэнди. Лось он здоровый, однако зелёного змия на равных ещё ни один Илья Муромец не заламывал. Смотрю — опаньки, а глазки-то у него и поплыли. Криста врубила музон — плясали мы так, что натяжной потолок растягиваться начал. А нам — пох, в этих новых домах звукоизоляция хорошая. Мне б такую хату, да где бабок взять, чтоб поиграть в азартную игру под названием ипотека.

Веселуха, в общем и целом. Светка уже топлесс рассекает, и какой-то парень вокруг неё змеем вьётся — типа эротический танец в интимном полумраке. Смотрю — Славик мой на её сиськи уставился, как кот на сметану. Ну, думаю, гад, козлина, — у меня ведь не хуже! Но краем глаза вижу — Димуся с меня зенок не

сводит, а рыжая его уже Игорьку тощему чего-то про дзен-буддизм втюхивает. Дозрела, чувырла…

Оценила я расклад, и рулю себе потихонечку в ванную. Взмокла я нехило, так что с виду всё пучком — надо же девушке мордочку освежить под крантиком. Топаю, а затылком вижу: Дима за мной как приклеенный потянулся, как эта, ракета самонаводящаяся за самолётом. Я про ракеты эти знаю — был у меня один курсантик военный. Руку и сердце предлагал, сосунок, а оно мне надо из Питера в тайгу-тундру тащиться, куда его пошлют Родину защищать? Не, мне б чего попроще — какого-нибудь сироту-дипломата, чтобы свекруха не заедала, или бизнесмена не очень крутого, чтоб не грохнули вместе с ним во время медового месяца.

Занырнула я в ванную, нагнулась к струйке холодной воды и промакиваю щёки, чтоб косметику не размазать. А Дима — тут как тут, наш пострел везде поспел. Я и ахнуть не успела, как он меня заголил и свой шаттл к стыковке изготовил — поза-то у меня самая что ни на есть рабочая. То есть, вру, конечно, — всё я видела и соображала, и прикинула даже, что пяти минут нам хватит на всё про всё — они там и выпить не успеют. Пустячок, а приятно ведь, блин горелый!

Тут-то и случился облом. То ли Славка автоматом за мной побрёл, то ли учуял чего, то ли тоже харю хотел помыть. А защёлка на двери хиленькой оказалась — вылетела вместе с шурупами. И — здрасьте вам, не допускающая двойного толкования картина маслом: две голые задницы на фоне итальянской сантехники. Я хотела было заорать: "Насилуют!", чтоб, значит, алиби себе создать, но кабан мой без объявления войны дал по морде… мне. Почему-то мне, а не этому Димке, хотя мог бы ему — должен же он защищать свою даму от гнусных посягательств или нет? Ага, счаз, — рыцари давно вымерли! Вместе с динозаврами, а может, ещё и раньше. Хорошо ещё, на ногах он стоял нетвёрдо, бить ему было не очень удобно, да и я не изображала из себя макивару. Но всё-таки зацепил основательно, гад, — аж искры из глаз брызнули. Я девочка умненькая, второго отделения и трагического финала ждать не стала, ящеркой проскочила мимо разъярённого Славки — и в коридор, только слышу сзади бу-бу-бу да мать-мать-мать.

Вот так оно и вышло. Вечер — псу под хвост, какое уж тут веселье, когда под глазом бланш набухает, как у бомжихи с Лиговского. Народ, правда, ничего не заметил — оно кому из них надо, кого дерёт чужое горе? Я сначала в уголочке тёмном отсиделась, среди публики, — не будет ведь Славка меня прилюдно мордовать, да и ребята не дадут — нехорошо ж как-то.

Праздник жизни шёл своим чередом, только мне уже не в жилу. Ни Дима, ни Славик в комнату не вернулись, и меня посетила нехорошая мысль: а не порезал ли Славка Димусю? Или наоборот… Музыка орала так истошно, что в коридоре или на кухне хоть четвертуй кого без наркоза — хрен кто что услышит. Нет, думаю, криминал нам не нужен, пора уходить по-английски. Хряпнула втихаря стакан виски, чтоб нервную систему поправить, и бочком-бочком на выход с вещами. Никто и жалом не шевельнул — мальчики-девочки по парочкам рассредоточились и заняты были исключительно собой, любимыми, и своими партнёрами-партнёршами: тактильный факультатив по анатомии называется.

Прокралась я в коридор — осторожно, как Чингачгук на тропе войны, — вроде всё тихо. Потом слышу — из кухни бубнёж доносится, причём миролюбивый. В прихожей у Кристины висело большущее зеркало, и законы оптики мне очень пригодились: в зеркале видна была кухня — дверь туда стояла нараспашку. И вижу я в этом грандиозном зеркале — Криста мне говорила, сколько её папаня отвалил за эту стекляшку полированную, да я забыла, помню только, что много, — иллюстрацию к присказке "Ты меня уважаешь?". Сидят на кухне два героя-любовника, Славка мой — нет, уже не мой, надо думать, — и Димка, этот секс-символ недоделанный, перед ними початая бутыль водки и два стакана гранёных. Ё-моё, ну прям гегемоны после получки при советской власти! И вдумчиво беседуют эти два моржовых хрена на вечную тему "Все бабы — суки!", это я поняла по обрывкам фраз, доносившимся до моего тонкого слуха. Такое меня зло взяло — в былые времена мужчины за благосклонность дамы на шпагах дрались, а тут даже рожи друг другу не начистили! Хотя Диме, конечно, надо сказать большое русское мерси — удержал он Славку в ванной и остудил его малёхо, а то бы я легкими телесными повреждениями не отделалась. Но всё равно — обидно…

Однако я решила пережёвывание обид отложить до более спокойных времён, а пока собралась, как спецназовец в боевике, и одним лихим броском преодолела простреливаемое — в смысле, просматриваемое из кухни, — пространство прихожей. Схватила с вешалки свою курточку — и к дверям. Замков кристинкины предки понаставили как в хорошем банке, но мы не зря с Кристой подружки типа "мой дом — твой дом". Я у неё частенько ночевала — как и она у меня, — так что эти её запоры-засовы назубок знала, да и закрыты они были не все. В общем, через двенадцать секунд я уже стояла на лестнице и облегчённо переводила дух. По правде говоря, моё геройство прошло незамеченным — эти два

урода на кухне даже голов не повернули, когда я промелькнула мимо лёгкой тенью. Козлы — они и есть козлы…

И вот я топаю с попутным ветром и киплю благородным негодованием: такой вечер пропал! И за что, спрашивается? Ну какого хрена понесло моего — тьфу, да не моего уже, ёшкин кот! — бугая в ванную так не вовремя? Не мог ещё минут десять попускать слюни на светкин стриптиз, горилла? А если разобраться по честному, какого нах он вообще начал руки распускать? Что я ему, жена? Вместе проведённая ночь — и даже сотня ночей — это ещё не повод для знакомства, как говорят французы (сама не слышала, но верю). Между прочим, мы с ним нашу первую ночь провели втроём — да, да, втроём! — я, он и Кристинка. Мы тогда с Кристой возвращались домой с танцев в балласте — это такое выражение морское, когда пароход идёт порожняком. А знаю я это выражение потому как был у меня один морячок загранзаплыва, походила я у него в любовницах с полгодика, а потом он, козёл, к жене вернулся. И она его приняла — ну какая нормальная баба из-за такого пустяка с денежным мужем расстанется? Так вот, возвращались мы вдвоём (живём-то рядом), без прицепа в виде провожатых, — не повезло, бывает, — смотрю, чикиляет парень, и явно тоже занят поиском — глазками по сторонам так и водит и мурлыкает что-то себе под нос. Я и брякни — а нам не споёте, мол, молодой человек?

Он намёк понял правильно, мигом к нам пристроился. Пришли ко мне — я учуяла, что он на меня запал, а не на Кристу. То, сё, ближе к койке, как говорится, только подружка моя задушевная хоть и отвалила на первом этапе (якобы домой пошла), вскорости позвонила в дверь — мол, боюсь одна домой идти, там какая-то гоп-компания малолеток тусуется. Как же, напугаешь её малолетками… Короче, напросилась остаться у меня ночевать, зараза такая. А что делать? Улеглись мы с ней на моём широком диване, а Славке — мы с ним познакомились уже — я постелила на полу. Прям детский сад какой-то — можно подумать, мы все трое не знали, у кого что на уме! А потом Кристина ему и говорит — если замерзнёшь, иди к нам. Он тут же и замёрз, естественно…

Диван мой хоть и широкий, но всё ж таки не трёхспальный, так что пришлось нам размещаться в два яруса. В общем, Славик и меня оприходовал, и Кристиночку мою очень боязливую. А что? Не вижу проблемы: что мне, для лучшей подруги поделиться жалко? Мне даже понравилось это дело: волнительно и нестандартно. И Славка, самец племенной, на высоте оказался: накувыркались до отказа, всю Камасутру вспомнили. Это я всё к чему? А к тому, что я потом Славке — мы ведь с ним после того

до самого этого разнесчастного вечера целых три месяца жили да радовались — ни словечком не намекнула про его многостаночную работу в ночную смену. А он, видите ли, начал изображать Кирилла с Мефодием с примесью исламского фундаменталиста-гаремовладельца! Женщина — существо равноправное, только у мужиков мозгов не хватает понять эту простую истину.

И вообще — по-моему, природа здорово ошиблась, создав мужчин. Надо было ей — или богу? — ограничиться одними только женщинами. Может, когда надо было мамонта дубиной окучивать, мужики и нужны были, а сейчас от них толку — ноль-ноль. Работать не умеют и не хотят, деньги не зарабатывают, а гонору! Прям, муж-кормилец, надёжа и опора, приставка к компьютеру — ни гвоздя забить, ни дела решить. Вымирающий вид, я так думаю. Детей им рожать? Нет уж, ищите других дур, а я девочка умненькая. Развели бодягу — ах, ах, кризис демографический! Пускай чиновники со своими секс-обслужанками и решают эту проблему, а я на такое не подписываюсь. Женюсь на Кристине — или замуж за неё выйду, как правильно сказать? — а там, глядишь, и клонировать людей будут. Блеск — ни тебе с пузом ходить, ни рожать! А приспичит — возьмём какого-нибудь клончика заказного на воспитание, будем с ней на пару счастливых мамаш изображать. Или папаш? А, один хрен…

А глаз болит, сволочь этакая. И заплыл — китайцы за свою примут, особенно если для симметрии и второй так же подсветить. Ой, не надо, мне и одного хватает выше крыши. Как я в понедельник на работу с такой фурнитурой пойду? Босс погонит поганой метлой — чтоб, значит, клиентов не пугала. У нас ведь не бордель, а фирма с репутацией — юридические услуги, аудит, бизнес-планы, консалтинг, мерчендайзинг, брокеридж, лизинг, менеджмент по западным стандартам, помощь в развитии бизнеса, налаживание связей и контактов. Ну, и кое-какие сделки иногда помогаем через нас провернуть — из тех, что солидные люди не очень, гм, засвечивать любят. Но об этом лучше помалкивать — спокойней спать будешь. И не идти на работу нельзя — бюллетени у нас не в чести. Я ведь тоже винтик от машины по производству денежной массы из воздуха — шефу на мои ноги плевать, ему нужно, чтобы я свою работу делала, его глазками искромётными не прошибёшь. С его бабками он таких себе моделек отхватывает — где уж нам, рабочим лошадками, с ними тягаться. Ну что за жизнь такая паскудная…

На улице было по вечерней поре уже прохладно, но я хорошо подогрелась, так что не мёрзла. И кровь ещё бурлила — завёл

меня этот Билан-два своим заходом в хвост, так завёл, что хоть хватай первого встречного мужика за козырное место да волоки его в ближайший подъезд. Только хватать нечем — руки заняты. Левой рукой я прикрывала воротником куртки пострадавший глаз, а правой — передок: молния на джинсах полетела, когда я их в экстриме натягивала, как солдат по тревоге. Вот и приходится маскироваться — не будет же приличная девушка сверкать кружевными трусами на весь квартал без особой на то нужды. Хорошо хоть, идти недалеко, да луж под ногами нет.

Квартал наш не так давно привели в порядок. Нагнали гастарбайтеров чёрненьких, и те, как трудолюбивые мураши, выправили поребрики, разровняли дорожки, насыпали газоны и заасфальтировали проезды. И все парадные в нашем доме покрасили — навели марафет. Не люблю я их, чёрных, но польза от них налицо — кто бы ещё эту работу делал? Мои знакомые ребята яйца себе морозить на стройке не будут, а за такие деньги, что платят этим узбекам-таджикам, они и со стула не встанут. И вообще парни моего круга отродясь ничего тяжелее банки с пивом не поднимали — надо им этот гравий пересыпать? А эти, которые чёрные, бегают только так. И гур-гур-гур между собой по-своему, словно орки недобитые. Грязные — и как можно такого в постель к себе положить? Хотя их тузы козырные упакованы, конечно. Только эти уже на нас не смотрят — для них свой контингент девушек имеется: элитный, блин. Мне в этот калашный ряд не втиснуться — с таким же успехом можно помечтать о том, чтоб стать второй женой разведённого Ромы Абрамовича. Вот ведь жизнь гадская…

Я уже заворачивала к своему дому, когда увидела ворону. Здоровенная, она стояла прямо посередине проезда и внимательно смотрела на меня немигающим блестящим глазом. Я уставилась на неё, но ворона не улетела, хотя они обычно человеческого взгляда и вообще внимания не выносят — тут же удаляются. Но эта стояла в гордой позе, дрянь пернатая, и глазела на меня нагло и даже с каким-то превосходством. Был бы у меня камень под рукой, швырнула б не задумываясь… Тьфу, руки-то заняты, да и камня не видать. Мне стало как-то не по себе, и я решила обойти нахальную птицу. Не то чтоб суеверие какое, а так, на всякий случай. Пошла я, значит, в обход, и только из-за моей оригинальной позы "все руки в деле и головка книзу" я и наступила на этот дурацкий люк, крышка которого почему-то оказалась открытой. То есть не открытой, а чуть-чуть сдвинутой — сходу, да ещё впотьмах, да ещё с ограниченным сектором обзора, и не разглядишь.

Короче, наступила я на этот металлический блин, а он возьми

да и провернись под моими ногами. И ухнула я вниз солдатиком, не растопыривая рук, застывших на отведённых им местах, словно космонавт из шлюза в открытый космос. Испугаться не успела — крышка сделала полный оборот вокруг своей оси и аккуратно, но сильно приласкала меня по голове.

Бу-у-у-м-м-м… И опустился бархатно-чёрный занавес. Антракт называется.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДОБРОДУШНЫЙ ПОГРАНИЧНИК

…Запах — отпад (в смысле, как в шикарном цветочном павильоне, совмещённом с бутиком элитной косметики, — бывала я в таких, знаю). От этого запаха я и очухалась, и сообразила, что в канализации — или куда там эти люки подлые ведут? — ароматы должны быть несколько иные. Очнулась я, значит, и обнаружила, что лежу ниц, уткнувшись носом в душистую зелёную травку, а сверху ощутимо припекает солнышко. Вечером, насколько мне известно, солнца не бывает, значит, вокруг меня ясный светлый день. Можно, конечно, было предположить, что меня кто-то вынул из куда я грохнулась и за ненадобностью оттащил на газончик, где я и осталась чахнуть в полной бессозначке до самого утра, однако даже при самом поверхностном анализе такая гипотеза выглядела несостоятельной.

Во-первых, таких газончиков — с подросшей травкой — вокруг моего дома нет, их все только-только засеяли, а трава за одну ночь не вырастет (вряд ли я тут целую неделю играю в бесхозного жмурика). Во-вторых, извлечь меня из этого грёбаного колодца мог только мужик, а вы покажите мне современного мужика, который безвозмездно проделает такой титанический труд и пожелает при этом не только остаться неизвестным героем, но даже не воспользуется халявной возможностью употребить молоденькую девчонку по назначению — то есть для удовлетворения своих низменных потребностей. Мне такие, во всяком случае, не попадались. То есть скромность такого гипотетического спасителя была бы понятной, если б он меня трахнул, пока я была в отключке, и исчез, не оставив даже "аськи"; однако, похоже, никакому гнусному насилию я не подвергалась — нигде ничего не болело и не зудело, и вообще я лежала одетая, во всей своей экипировке, и даже моя курточка-ветровка была при мне. Значит…

Окончательно меня добил цветок, погладивший меня по щеке. Честное слово, было полное ощущение, что этот ботанический экземпляр по собственной инициативе нагнулся и ласково так ко мне прикоснулся — мол, вставай, девочка, петушок пропел давно. И я встала.

Встала — точнее, села на травку, — и восхищённо выматерилась! Ну полный гламур на плэнере! Вокруг меня

раскинулась аккуратная ровная лужайка, покрытая густой и сочной зелёной травой, которая в нашем насквозь продымленном городском воздухе вырасти ну никак не может. А здешний воздух — настолько чистый и свежий, что мне даже припомнился один старинный анекдот, где какого-то чудака за городом пришлось тащить к выхлопной трубе автобуса, пока он не задохнулся от нормальной экологии. Лужайку окаймляла стена деревьев, выглядевших очень дружелюбно и приветливо — весёленькая листва шуршит, и никаких тебе мрачных теней под этими типа дубами-клёнами не наблюдается. Ещё на моём пасторальном лугу имелись несколько кустов неизвестной мне породы, и шагах в двадцати от меня серебряной ленточкой скользил ручеёк. А над всем этим пейзажем — ослепительно синее небо без единого облачка и яркое-преяркое солнце: не жгучее, а самое то. И цветы на лугу — живые, блин, и удивительные! Нет слов, одни междометия ненормативные… Я чуть было не прослезилась от умиления, но вовремя взяла себя в руки. Бытие, как известно, определяет сознание, а моё бытие научило меня, что стоит только расслабиться, как тут же нарвёшься на подлянку: обманут, подставят или, хуже того, кинут на бабки.

Я вообще-то не дура, хоть и блондинка, причём натуральная, а не какая-нибудь там крашеная. Голова у меня варит, и соображалка работает, и потому выражение "у блондинки моск отсутствует по определению" — это не про меня. К тому же я внешностью далеко не фотомодель — хоть и не страх господний, конечно, до этого тоже очень далеко, — и поэтому приходится компенсировать кое-какие недостатки экстерьера умом и сообразительностью. Вот потому я и сообразила в шесть секунд, — причём без всякой паники-истерики, — куда это меня занесло: фэнтези я читать люблю и хорошо знаю, что к чему.

То, что такая благодать не может существовать не только в моём унылом спальном районе огромного мегаполиса, но и вообще в мире этих долбанных мегаполисов, было ясно любому кретину, хоть раз в жизни выбиравшемуся за окраины Питера. Нет у нас ни таких лесов, ни такой травы, ни таких цветов, ни такого неба — нету, и всё! Мысль о рае — хотя она и появилась — я отмела без колебаний. Я человек самокритичный и потому понимаю, что на праведницу я как-то не очень тяну, а рай организован именно для них. И потом, в раю, кажется, обитают души, не обременённые грешной плотью и не испытывающие в связи с этим никаких телесных неудобств, а я — я испытывала настоятельную потребность навестить ближайшие кустики с вполне определённой целью: выпила я вчера немало, а вот наоборот…

Вылезая из-под кустика, я обнаружила, что "молния" на моих джинсах исправна, и это тут же навело меня на достаточно логичную мысль: сама по себе она починиться не могла, значит… Значит, здесь замешана магия! Только так, умница моя, сказала я сама себе! Значит, этот мир — магический! Мне захотелось радостно захохотать, и тут вдруг я заметила, что глаз-то у меня не болит! Совсем!

Я ощупала щёку — опухоли как не бывало! Оглядевшись, я вприпрыжку поскакала к ручью и нагнулась над стеклянно-прозрачной водой — опасаться, что сзади ко мне в этот момент с недобрыми намерениями подкрадётся какой-нибудь местный половой террорист, не приходилось — во всяком случае, пока. Отражение в ручье подтвердило мои ощущения: на меня смотрело моё милое личико — чуть припухшее, правда, ну, это понятно, — без дурацкого рукотворного украшения, подаренного любимой мне этим уродом Славкой (слава богу, уже не моим). Макияж на моей симпатичной мордочке кое-где ещё сохранился, но от уродливой синюшной блямбы не осталось и следа. И голова — хотя, помнится, лючиной этой меня приложило ой-ёй-ёй как! — тоже не болела (то есть болела, но чуть-чуть, и совсем по другой причине — похмелье называется). Вот это клёво! Я угодила в параллельный сказочный мир!

Я вытащила счастливый лотерейный билет, да ещё какой — это вам не под крышкой "кока-колы" билет на рок-концерт найти! Я знала, что это когда-нибудь случится со мной — именно со мной, потому что именно Я этого заслуживаю! Я знала это, закрывая очередную книжку с принцессой и красавцем-эльфом на обложке, знала! И верила — Это произойдёт. Почему, спросите вы? А потому что мне остохренел ваш скотский мир с вашими заботами, с вашей ложью, с вашими немеряными бабками и с вашей безлюбой любовью типа "неважно-кого-где-когда-в-какую-дырку". Вот и сидите там, уроды тухлые, а я буду здесь — уж этот-то мир оценит меня по заслугам! И не ждите моего возвращения, козлы, — хрен дождётесь! Кристинку мою, правда, жаль — хорошая она девчонка. И несчастная — ну совсем как я. Мне снова захотелось заплакать — слегка, для порядку, теперь уже от жалости к себе, любимой, — но я решила не тратить времени на слезоразлитие (да и зрителей нет — всё равно никто не оценит и не утешит).

Я смыла с лица косметику — осквернять мой новый мир следами моего былого мира, мира, который мне теперь и нах не нужен, было бы откровенным и злостным кощунством. И к тому же холодная вода помогла мне заодно избавиться от тумана в голове, оставленного обильными вчерашними возлияниями. Всё,

с прошлым покончено! Ну, где тут у вас принц для ушлой и уверенной в себе молодой девушки с лёгкой стервозинкой, чётко знающей, что почём и какие нынче котировки?

Я радостно засмеялась, представив себе, как все местные элитные VIP-женихи будут складироваться у моих ног безмолвными штабелями, но строго оборвала своё неуместное и явно преждевременное веселье. Рано делить шкуру неубитого песца, а то как бы к тебе самой "неслышно ступая, под самый конец, на тоненьких ножках подкрался писец". В этих мирах фэнтезийных, как мне помнится, ещё и всяких отрицательных персонажей выше крыши понапихано — ну, там, некроманты-драконы-оборотни с вампирами да орками в придачу. И среди них даже сексуальные маньяки попадаются — инкубы называются. Или суккубы? А, один хрен, который редьки ничуть не слаще… Колдовать-то я вроде не умею… Или умею? А как проверить? Исполнить соло шаманский танец посередь этой лужайки, с воем и прочими спецэффектами? А дальше что? Стоп, сказала я себе, — думай, Алинка (меня Алиной зовут, это я забыла представиться). Вот память девичья… (хотя дурацкое состояние девственницы я успешно покинула в неполных шестнадцать лет, и давно забыла, как его звали — состояние, в смысле, а не того козла, который меня…). Так, Алиночка, не будем отвлекаться на интимные воспоминания ранней юности — есть дела поважней.

Что мы имеем на сегодняшний момент? А имеем мы следующее.

Магический мир — магический, магический, и не спорьте! — представленный уютной лужайкой в лесной окантовке, украшенной прошивкой в виде ручейка. Тепло, светло, никто не кусает. Так всё мило, что поневоле подозреваешь какой-то подвох. И посередине я — одна-одинёшенька, собранная и сосредоточенная, и готовая постелить этот мир ковриком себе под ноги. А что? Легко! Что бы я, да со своим характером, здоровым цинизмом и жизненным опытом девушки-блондинки двадцать первого столетия от рождества Христова да не заняла бы достойное место в этом дебильном средневековье, слегка ламинированном магией? Это исключено: зря я, что ли, столько фэнтези перечитала? Кстати, о фэнтези — что у нас там по инструкции следует? Была бы я парнем, мне наверняка причитался бы персональный меч-саморез, ожидавший меня здесь с нетерпением, переходящим в истерику, а вот для девушки какой артефакт по штату положен? Волшебная палочка с дистанционным управлением, ручной дракон или демон, самозабвенно — до икоты — преданный мне, любимой, или просто внезапное пробуждение сверхспособностей и

сверхвозможностей?

Я внимательно осмотрелась кругом, но ничего такого не обнаружила — ни дракона, ни палочки, ни любой другой экзотической вещицы местного производства. В карманах у меня тоже не нашлось ничего необычного — полупустая пачка сигарет, зажигалка, кошелёк, ключи от квартиры и кое-какая другая мелочь, необходимая современной девушке, всегда готовой к обычным житейским коллизиям (не буду перечислять — сами знаете). Был ещё мобильник — глухой-слепой, ясен хрен. Так, с магическим инвентарём, значит, напряг… Ладно, проверим свои способности.

Я вытянула вперёд руку, навела её на ближайший безобидный кусточек, старательно зажмурилась и громко произнесла:

— Ба-бах!

Фигушки — ни тебе грома, ни тебе молнии, ни огня. Кустик как стоял, так и остался стоять — не вспыхнул и пеплом тонким не рассыпался. Так… "Один — ноль" не в мою пользу. Ладно, попробуем по-другому. Я разбежалась, подпрыгнула и яростно замахала руками — со стороны, вероятно, очень сильно напоминая при этом пациентку дурдома, сбежавшую из-под надзора бдительных санитаров. А пох — вокруг ни души, а мне важно знать, на что я здесь способна — или не способна.

Результат был отрицательным — однозначно. Несмотря на все мои ужимки и прыжки, полететь я не полетела, только чуть ногу не вывихнула при вынужденной посадке. Провал программы "бескрылая птица" не то чтобы поверг меня в глубокое уныние, однако заставил призадуматься — более того, возникли неясные сомнения по поводу моей избранности. Да, вот такого я не ожидала: попала хрен знает куда, в магиню-богиню не превратилась, да ещё мобильник не работает! Хорошенькая перспективка, ничего не скажешь… И в довершение всего, мне хотелось есть, и даже не есть, а жрать! Завалявшийся в кармане ветровки пластик жвачки — это не еда, это онанизм для желудка. Вот интересно, если б на моём месте оказался бы кто-нибудь из авторов фэнтези, какие были бы у него — точнее, у неё, — ощущения? Вот вернусь, непременно поставлю эксперимент: загоню кого-нибудь из них в канализационный люк, и буду бить по голове крышкой этого самого люка до провала в параллельный мир или до полного просветления мозгов с выпрямлением извилин! Стоп, сказала я себе, что значит "когда я вернусь?". Чего это ты разнюнилась? Тебя ещё никто не ест и даже не насилует, так что в чём проблема? За своё счастье надо бороться — магический мир завоевать не легче, чем увести чужого парня. Но

и не труднее, я так думаю…

— Эй, — проговорила я без особой надежды, обращаясь к безмолвным деревьям, — тут есть кто-нибудь? Эй, — повторила я дрожащим голосом, потихоньку сползавшим на писк.

Тишина. Врать не буду — мне стало не по себе, да что там — мне стало страшно. Да, пока всё тихо-мирно-гламурно, но… Простая логика подсказывала, что этот мой мир — да не мой пока ещё, не гони лошадей, детка! — вряд ли ограничивается пределами этой маленькой полянки — у "новых русских" квартиры куда большей площади. Такое небо и такое солнце — это многовато для одного этого уголка живой природы, куда я угодила прямиком из своего долбанного люка. Значит, за этими деревьями наверняка есть и ещё кое-что — в том числе и элегантные эльфийские принцы, глаза проглядевшие в ожидании меня, любимой.

И я осторожненько так пошла вперёд мелкими шажками. А что делать? Под лежачий камень и этот самый не засунешь, как говорят эти козлы мужики. И честно говоря, меня волновали не столько потенциальные женихи здешнего мира, сколько ответ на вопрос: есть ли где-нибудь тут поблизости местный "макдональдс" — жрать хотелось так, что я согласна была даже на меню гоблинов или какой другой нелюди-нечисти.

У самой зелёной стены я остановилась в нерешительности, ожидая, что вот-вот из-за ветвей скользнёт липкое щупальце или косматая лапа, сгребёт несчастную меня, и… Сердце колотилось так, что аж топик дёргался. Однако ничего страшного не стряслось, я аккуратно раздвинула ветки и оказалась в зелёном полусумраке, проколотом искорками солнечного света, проникавшего сквозь густую листву. Я ступала осторожно, по-кошачьи, вслушиваясь и вглядываясь, и по-прежнему ожидая подвоха, но никакой гадости не состоялось. В чаще было тихо, даже как-то торжественно тихо, под кроссовками мягко пружинил плотный палас из короткой травы, и никакие зловещие тени не прятались за стволами клёнодубов. Или дубоклёнов? А потом я вдруг почувствовала еле уловимый запах дыма — причём приятный.

Дома, в загазованном воздухе большого города, забитого стадами автомобилей, я бы нипочём это не учуяла, а тут… Значит, кое-какие способности — пусть даже не сверх — у меня всё-таки прорезались! Это воодушевляло, а кроме того, ароматный дымок навевал мысль о мангале или о другом похожем приспособлении, предназначенном для приготовления пищи. Зуб даю, где-то неподалёку что-то пекли-жарили — ну неужели хозяева этого очага не угостят скромную симпатичную

девушку, тем более гостью из соседнего измерения?

И я пошла на запах дыма — чутко, словно собака по следу (ни разу не видела, как собаки идут по следу, но, думаю, это выглядит именно так). Кругом по-прежнему царили уют и безмятежность, а затем этот волшебный лес внезапно кончился. Я чуть не вылетела сходу на открытое пространство, но вовремя притормозила и, прячась за ветками-листьями, провела дотошную разведку местности.

Ух, ты-ы-ы-ы… Гламур продолжается, сказала я себе, — вторая серия. Передо мной раскинулась величественная панорама холмистой степи с редкими рощицами; на горизонте синели горы. Слева катилась неширокая река с деревянным мостом, от него в степь на том берегу уходила дорога — не асфальтовая, ясное дело, но наверняка проезжая: я разглядела посередине этого тракта глубокую колею. Другой конец этой местной автострады — на моём берегу — выныривал между двух невысоких прибрежных холмов, огибал по широкой дуге опушку леса, где я затаилась, и терялся за ним в неясном далеке. А у дороги — шагах в сорока от моей засады, не больше, — стоял дом.

Да, не коттедж — с евростандартом здесь туго. Дом был сложен из неошкуренных древесных стволов и сверху покрыт то ли пластами коры, то ли чешуйками какой-то чудо-юдо-рыбы. Я прикинула примерные размеры этой рыбки, и мне резко поплохело — купаться я здесь точно не буду, и не просите. Окон я не увидела — были какие-то щели, напоминавшие бойницы из фильмов про индейцев, — зато дверь, сколоченная из корявых досок, имелась. А прямо перед домом, в каменном кольце, горел огонь — от него-то и шёл аппетитный дымок с привкусом жареного мяса. И у костра, спиной ко мне, стоял — хотя правильнее было бы сказать возвышался — хозяин этой халупы: здоровенный детина в меховой безрукавке. Да-а-а, Славик мой незабвенный по сравнению с этим лесником — тинэйджер-пятиклассник. Ноги у мужика были голые и сильно волосатые — кожаные штаны закатаны до колен, — на голове всклокоченная грива чёрно-седых волос. Рядом с ним на колоде были разложены куски мяса — свежего, кровь стекала на землю, — и в этой разделочной доске торчал здоровенный топор. Я невольно сглотнула, припомнив детский триллер про мальчика-с-пальчик и про особей со своеобразными гастрономическими пристрастиями, — я бы предпочла увидеть какую-нибудь интеллигентную старушку в белом чепчике и с крынкой молока. А эта гора мускулов явно не вегетарианец, да и пустынная местность вызывала недобрые подозрения. Ой, мамочки…

Но выхода у меня не было. Пусть хоть сожрёт, но только

пусть сначала накормит! А может, и договоримся без кровопролития — он всё-таки мужик, а я девушка, и вся из себя очень даже ничего. И я решилась.

* * *

Слух у косматого верзилы — лесника, как я его окрестила, — оказался отменным. Кто бы сомневался — если уж у меня нюх-зрение обострились, что говорить про этого местного фрукта, который в этих райских кущах, надо полагать, не первый год тусуется. Я не успела сделать и пары шагов, как он живенько обернулся. И не обернулся даже, а как бы перетёк шиворот-навыворот — ну, как тот студенистый робот из "Терминатора-2", когда его Арни Шварценеггер мордой в стенку шмякнул. Запоминается, блин, — только что был затылок, а в следующую секунду — уже нос с глазами. Вот такой примерно фокус проделал и этот хрен мохноногий. А может, просто очень-очень быстро повернулся — кто его знает?

Сердечко у меня ёкнуло — если он так шустро двигается, то от него и на "феррари" не смоешься (тем более что не то что "феррари", но даже занюханного "жигулёнка" поблизости не видно). Но я шла вперёд с целеустремлённостью первопроходца — или первопроходимца? (у меня от нервов чувство юмора усиливается и даже мутирует) — назад дороги теперь уже точно нет. Однако физиономия у этого чудища лесного оказалась очень добродушной: нос картошкой, синие глаза, румянец на щеках, как у ребёнка из рекламы детского питания. Усов и бороды он не носил, а когда я подошла поближе, то увидела, что и модной небритостью его лицо не украшено. Сколько ему лет, я понять не могла, но по виду не старик и не юноша, а, как говорил легкомоторный Карлссон, "мужчина в самом расцвете сил". Это мне понравилось не очень — знаем мы таких цветущих, особенно когда они выскальзывают из-под контроля бдительных жён, — однако выражение глаз детинушки меня успокоило: в них не было ни злобы, ни оценки потенциальной добычи, ни похотливых огоньков — только искренний и добрый интерес. И за топором лесник не потянулся — хотя зачем ему топор, если он запросто сможет порвать меня на части голыми рученьками, если ему в башку вдруг такая блажь нагрянет. Дура ты, Алинка, выругала я сама себя, — чего ты трясёшься, как желе на фуршете? Так ты, девушка, далеко не уедешь, и не видать тебе этого мира у своих ног, как… как… Сравнения я придумать не успела, потому что уже подошла вплотную к этому дитю природы.

— Здравствуйте, дяденька, — преувеличенно бодро сказала я, надевая простодушную улыбочку и входя в образ нимфетки-малолетки, и только потом подумала: "А поймёт ли он меня? Вряд ли они здесь по-русски изъясняются…".

— Здравствуй, лесная гостья, — гулко пророкотал он голосом пустой железной бочки. — Ты из портала?

— Чего? — не поняла я, успев, однако, отметить, что языкового барьера между нами нет — уже плюс. — Ах, портала… "А полянка-то, блин, была непростая… Ну да, портал — это ведь что-то вроде калитки с лифтом между мирами…". Да я, собственно, так… Гуляю тут, вот… "И какого хрена я вру?! Привычка — вторая натура…".

К счастью, мой хоббит-переросток не стал уточнять детали. Он заметил мой алчный взгляд, устремлённый на костёр, и улыбнулся — широко и добродушно. В руке у него возник гранёный кинжал — я и не заметила, откуда он его вытащил, — лесник нагнулся и наколол кусок мяса, жарившегося на раскаленном плоском камне среди багряных углей ("Тефаль" об этих ребятах явно не думает). Другой рукой он взял широкую глиняную тарелку — прямо с земли, блин горелый! — положил туда мясо и подал этот бизнес-ланч мне.

— Утоли голод, лесная гостья!

Я увидела уютный чурбачок, призывно белеющий чистым светлым деревом, и не стала требовать салфетку и столовый прибор. Взяла блюдо из могучей лапы хозяина этой харчевни "Трёх гигантских пескарей" (если крыша крыта всё-таки рыбьей чешуёй) и уселась на импровизированную табуретку — нормально, как в ресторанчике типа "охотничий домик".

— Возьми, — услышала я. — Я заметил, что у тебя нет кинжала. — Лесник протянул мне короткий нож с широким лезвием — у него тут что, целый арсенал холодного оружия? — и я окончательно успокоилась — ну не будет злодей, затаивший недобрые мысли, своими руками вооружать свою жертву.

Мясо — м-м-м… В другой ситуации я предпочла бы ветчинку в вакуумной упаковке и мягкую белую булочку в полиэтилене, но здесь этот кусок с хрустящей корочкой был выше всяких похвал. И здоровенный шмат чёрного хлеба пришёлся в пандан — не кренделем же заедать первобытную пищу! Немножко непривычно было кромсать мясо без помощи вилки, но это уже несущественно — ножичек хозяйский мог поспорить остротой с "жиллетом". Я чуть не урчала, пожирая эту вкуснятину прямо с ножа, а лесник тем временем принёс мне мех. "Вино?" — подумала я и не ошиблась. А чего тут ошибаться? Это только дебилка могла подумать, что в мире фэнтези её будут угощать "пепси-колой" или

"клинским", а я, как уже неоднократно упоминалось, девочка умненькая.

Вино тоже оказалось выше всяких похвал — с привкусом земляники. Градусов в нём было немного, так что мне этот алкоголь — тьфу и не заметить. "О, заодно и похмелилась…" — мелькнуло у меня в голове. Эта мысль показалась мне идиотской — не вязалась она с этим небом, рекой, степью, лесом, да и самим этим увальнем с румянцем во всю щёку. Так не пойдёт — королева я будущая или так, собачонка приблудная? А лесник сидел напротив, по другую сторону костра, и смотрел на меня как сердобольная старушка на помоечную кошку, жадно пожирающую принесённые бабулькой корюшковые головы. И эта аналогия мне тоже не понравилась.

— Благодарю почтенного хозяина за угощенье, — проворковала я, возвращая леснику нож и пустую тарелку (мех я положила рядышком — вино мне понравилось). В магических мирах надо изъясняться на местной фене — сленг моего круга тут не катит. — Дозволено ли мне будет узнать твоё имя?

— Меня зовут Причесах, — не стал запираться он. — А как зовут мою лесную гостью?

Только тут я сообразила, что, похоже, нарушила местный этикет — уселась жрать не представившись, а хозяин терпеливо ждал, пока я не сделаю это первой или не спрошу его имени. Мне-то эти реверансы пох, у нас и в койку залезают не познакомившись — на секс это как-то не влияет, — но в чужом монастыре надо соблюдать его устав (так написано в Библии). Однако тут же я подумала, что Алина — хотя мне вообще-то моё имя нравится — это слишком просто для будущей повелительницы этого мира. И я ляпнула первое, что пришло в голову:

— Меня зовут Активиа от Данон ("О, господи, реклама — смерть моя…").

Эффект был потрясным.

— Так ты из славного клана Отданонов! — с нескрываемым уважением пробасил он, и его округлившиеся глаза сделались похожими на два небольших озерца. — Это высокая честь для скромного стража Рощи Порталов!

"Угу, — хмыкнула я про себя, — знал бы ты, непричесаханный, какая высочайшая честь тебе выпала на самом деле! Ничего, придёт время — узнаешь". Однако я только кивнула в ответ величаво-снисходительно, на секунду пожалев, что одета по разгульно-походному, а не в бархатное длинное платье, плотно забронированное килограммом-другим драгоценностей. Встречают-то по одёжке (пусть даже провожают иногда без неё).

— Все жители Полуденной стороны следят за борьбой, — продолжал витийствовать Причесах, — которую ведут отважные Отданоны против полчищ злобного чародея Вам-Кир-Дыка. И великий Шумву-шах поведёт свои войска на помощь осаждённым крепостям гордых Отданонов, как только найдёт себе новую супругу, достойную воссесть рядом с ним на яшмовом троне. А чья ты дочь, прекрасная Активиа? Не князя ли…

— Стоп, дядя, — перебила я его, уловив ключевые слова "супруга" и "трон", — давай-ка перезагрузим расклад. Я немного не в курсе ваших текущих разборок. Дело в том, — быстро поправилась я, заметив недоумение в синих глазах лесника, — что этот, как его, злостный Вам-Кир-Дык пустил в ход магию массового поражения, и я как бы того, то есть местами не очень всё помню — в смысле что, где, когда. Обрисуй мне, пожалуйста, ситуацию, славный Причесах, — конспективно, в общих чертах.

Он был прост и доверчив, этот парень с фигурой громилы и лицом ребёнка — тоже мне, страж называется… Или они здесь все такие? Повесь-ка я любому гаишнику Питера на уши лапшу, что я типа дочка крутого газпромовского туза, слегка повредившаяся умом после дорожно-транспортного происшествия, — ага, так он мне и поверит! А Причесах принял мою легенду без сомнений и колебаний, и даже документов не спросил. В общем, через полчаса я уже знала всё — ну, если и не всё, то вполне достаточно, — о мире, в котором я очутилась, о его действующих лицах и о расстановке фишек.

Мир как мир — возьмите любую книжку фэнтези, там на внутренней стороне обложки карты частенько рисуют (если у автора хватило тямы не ограничивать свой авторский мир одной отдельно взятой деревней или посёлком городского типа). Один-разъединственный материк приличных размеров — Причесах сказал, что караваны пересекают его за год пути. Сколько это в километрах — не знаю, потому что не знаю, с какой скоростью шагает караван вьючных верблюдов (или на чём тут у них грузы возят?). Вокруг континента, как водится, океан с морскими чудовищами и островами, населёнными в основном малосимпатичными личностями с криминальными наклонностями. Что за горизонтом — неизвестно, ещё ни один смельчак из дальнего плавания на край земли не возвращался (ну, это как положено). Все события жизни протекают на этом материке, аккуратно разделённом на две половины — на Полуденную сторону и, соответственно, Полуночную. Полуденной стороной правит очень добрый король Шумву-шах (интересно, если он такой добрый, то куда делась его жена?), Полуночной — нехороший колдун Вам-Кир-Дык, одержимый

манией власти над миром. Короче, классика.

Речка, на берегу которой стояло бунгало лесника, текла к южному побережью; степь тянулась до самых восточных гор (тех самых, которые синели вдали). За горами начинались плодородные и густонаселённые земли Полуденной стороны, а заодно и власть короля — в степи властвовало множество мелких владетелей раннефеодального пошиба, обожавших потыкать друг друга всякими острыми предметами. Лес, в который я угодила, тянулся стеной через весь материк, с севера на юг. Поначалу густой, он к западу редел и в итоге переходил в что-то типа прерии, а потом и в пустыню, хотя кое-где местные пампасы доходили до западных гор, по которым проходила граница Света и Тьмы (звучит-то как, блин горелый!), а за границей — Полуночная сторона. И между прочим, в горах этих западных и обитали лихие князья Отданоны (сколько их всего — в смысле, братьев-князей, — я не поняла, но уточнять не стала: я ведь заявила Причесаху, что страдаю только частичной потерей памяти).

И эти крутые ребята, чьей родственницей я оказалась нежданно-негаданно, пребывали в состоянии непрерывной вооружённой махаловки с не менее крутыми пацанами злого мага Вам-Кир-Дыка (специализацию которого я не уточнила ввиду нехватки времени). Взаимное мочилово шло уже лет сто с переменным успехом, но в последнее время братцам Отданонам приходилось туго: король Шумву-шах вплотную занялся своими матримониальными делами и нагло пренебрегал союзническим долгом, не оказывая пограничникам должной помощи.

— Скорей бы он снова женился, — посетовал Причесах, повествуя об этих печальных событиях, и тяжело вздохнул.

"Никуда не денется, влюбится и женится, — внутренне усмехнулась умная я. — Дай мне только добраться до столицы и попасть на этот ваш конкурс "Мисс Шумву-шахиня"!".

Беседа наша сделалась непринуждённой, чему немало поспособствовал мех с вином, к которому мы с лесником прикладывались по очереди в процессе общения. Я хотела даже предложить Причесаху выпить со мной на брудершафт, но передумала — а вдруг у них здесь нет такого обычая, или он имеет какое-то другое значение? Сапёр ошибается одни раз, и к претендентке на престол эта выражение применимо целиком и полностью. А потом я и думать об этом забыла, потому что лесник рассказал ещё кое-что интересное.

Оказывается, Роща Порталов, которую он сторожил, существовала не в единственном числе: в Поперечном Лесу их было несколько, и у каждой был свой страж. И в каждой такой

роще имелись порталы, то есть дырки в измерениях, через которые в мир эххов по закону случайных чисел попадают обитатели различных смежных миров (в том числе, как показал мой собственный опыт, и с Земли). Да, забыла сказать, что жители этого мира — причём все, как бы они не выглядели, — называют себя эххами (у нас ведь тоже и негры, и китайцы, и прочие считают себя людьми).

— Вот я и подумал, — признался Причесах, когда мех стал плоским, как пустая грелка, — что ты тоже из портала. Хорошо, что я ошибся, достойная Активиа.

— А что, — спросила я, осторожно сворачивая скользкую тему, — из них, из порталов этих, может вылезти кто-то не очень приятный?

— Ещё как может! — лесник даже крякнул. — Видишь? — он указал толстенной ручищей на крышу своей хижины. — Это чешуя астральной змеи, которую я прикончил в позапрошлом году. Один, — добавил он гордо, — вот этим топором.

Да-а, если мой страж спьяну не врёт, то основания для гордости у него есть. Судя по размерам чешуек, змейка была величиной с электричку. Парень он, конечно, — я поглядела на мощные мышцы Причесаха, — здоровенный, но… Хотя… Помнится, мой дед, свихнутый на трудовых подвигах строителей коммунизма, после принятия на грудь говорил, что бригада настоящих русских рабочих — каких сейчас, ясен перец, и в помине нет, — могла за ящик водки одними ломами разобрать на металлолом танк, причём за одну смену. Но это было во времена мифические, и к тому же в России, а здесь нормальный фэнтезийный мир.

— Конечно, — Причесах будто прочёл мои мысли, — я сначала обездвижил её заклятьем, а уж потом начал пластовать. Но всё равно — я управился один!

"Угу, — подумала я, — коллеги деда тоже применяли очень своеобразные магические заклинания…", а вслух сказала: — Так ты маг? Ого…

— А чему тут удивляться? — Причесах пожал могучими плечами. — Все эххи умеют колдовать, только по-разному. С высшими магами мне не тягаться, но в своём деле… Ведь и у вас, Отданонов, своя магия — разве не так?

Я почувствовала, что наша задушевная беседа принимает нежелательный оборот — не хватало ещё, чтобы он попросил меня устроить перед ним показательное магическое шоу! — и поспешила закруглить затянувшуюся дискуссию. В конце концов, мне и в самом дел пора — не сидеть же здесь, в этой глуши, когда Шумву-шаха вовсю охмуряют конкурентки!

— Спасибо тебе, почтенный Причесах, за хлеб-соль. Мне пора.

— Вкусно было? — лесник радостно улыбнулся. — Мясо свежее, сегодняшнее.

Я насторожилась, вспомнив крупночешуйчатую змею.

— Рано утром из третьего портала выползла лярва, — продолжал Причесах с азартом охотника на привале, — мелкая, хилая, но вкусная, верно? Я её сразу заметил по гнойной ауре — у тебя, Активиа, аура шёлковая, а у лярв…

Я поняла, что мне просто необходимо громко порычать на унитаз — ну, спасибо, тебе, кормилец! — и только невероятным усилием воли мне удалось смирить мой взбунтовавшийся желудок. Нельзя было терять лицо: жареные лярвы — любимое блюдо гордых дочерей клана Отданонов, кто бы сомневался. Стервы питаются лярвами — хм, а в этом что-то есть…

К счастью, Причесах не заметил моего побледневшего лица — его что-то отвлекло. Он встал, приложил ладонь козырьком ко лбу и начал всматриваться в степь. Я тоже встала со своего чурбачка, проследила его взгляд и увидела на том берегу реки облачко пыли. Пыльная тучка понемногу приближалась к мосту, и вскоре я разглядела в ней нескольких всадников.

— Кто это? — спросила я.

— Похоже, это воины властительницы Окостенеллы, — ответил страж. — Что им здесь понадобилось? Они нечасто навещают нас, стражей Рощ Порталов.

* * *

Я в лошадях разбираюсь плохо (точнее, совсем не разбираюсь), но думаю, что кони у этих заречных ребят были хорошие — всадники мчались со скоростью гоночных мотоциклов. Таща за собой густой шлейф бурой пыли, они подскакали к мосту и резво его перемахнули — до моего слуха донёсся барабанный стук копыт по деревянному настилу. Затем лихие ковбои исчезли в лощинке, ещё минута — и они выскочили из неё, направляясь прямёхонько к дому лесника. Ой, чтой-то мне это так не нравится… И, похоже, не только мне — краем глаза я заметила, как страж Рощи Порталов неуловимо быстрым движением извлёк из колоды свой устрашающего вида топор, быстро оглядел его лезвие и мягко воткнул инструмент обратно в плаху, оставив при этом ладонь на топорище. И я потихоньку спряталась за широкой спиной Причесаха, разом позабыв про своё желудочное недомогание.

Наездники осадили своих скакунов в десяти шагах от нас —

мне шибануло по ноздрям резким запахом конского пота. Их было шестеро — все крепкие мужики с холодными глазами и бесстрастными лицами тупых, но исполнительных киллеров. Вооружённых киллеров — я видела рукояти мечей, колчаны со стрелами и луки в футлярах — не помню, как эти футляры называются, — на головах у всех шестерых были конические шлемы с наносниками. Один из них был в кольчуге — надо думать, бригадир, — остальные в кожаных рубахах с нашитыми железными пластинами. Такой доспех называется куяк — про него я где-то когда-то читала и запомнила, потому что названьице больно стрёмное — кое с чем ассоциируется.

Немая сцена была непродолжительной.

— Мир твоему дому, славный Причесах, — сказал тип в кольчуге, спешился и поднял вверх открытую правую ладонь в знак мирных намерений.

— Доброй степной дороги, сотник, — спокойно ответил страж и снял руку с топора.

"Так-то лучше" — подумала я, облегчённо вздохнула и покинула надёжное убежище за спиной лесника. Но, как тут же выяснилось, расслабилась я рановато.

— Вижу, ты уже поймал ведьму, — удовлетворённо произнёс сотник, глядя на меня с нескрываемой брезгливостью. — Властительница Окостенелла послала нас за ней, заметив её появление с помощью магического зеркала. Она приказала мне доставить ведьму живой или мёртвой, так что если у тебя в доме мало еды, мы можем забрать только голову этой твари, а всё остальное оставить тебе. Вырезка и филе из неё будут не слишком хорошими, но холодец получится. — Он повторно ощупал зенками мою стройную худощавую фигурку, его бойцы мерзко расхохотались, а мне захотелось дать в рожу этому небритому солдафону в стальной будёновке и в пеньюаре из железного кружева — я тут же дала себе страшную клятву, что повешу его, как только стану королевой.

Однако Причесах оказался на высоте, невзирая на явное неравенство сил, — и почему такие парни не водятся в моем мире?

— Она не ведьма, — невозмутимо сказал он, снова кладя руку на топорище — как бы ненароком. — Её зовут Активиа Отданон — она дочь одного из горских князей.

— Э-э-э… — на квадратном лице сотника отразились обуревавшие его сомнения. Он, похоже, очень неплохо знал, кто такие Отдаоноы, и так же хорошо знал, на что способен страж Рощи Порталов — в эту секунду я уже ничуть не сомневалась в том, что Причесах действительно расчленил топором змею, с

трудом протискивающуюся в туннель метрополитена. — А… Не ведьма? Но ведь магесса Окостенелла никогда не ошибается… И почему девушка из клана Отданонов так странно одета, и… И как она здесь оказалась? До границы много дней пути через лес и пустыню!

Руки его воинов медленно потянулись к мечам — атмосфера накалялась и становилась предгрозовой. Но мой страж и глазом не моргнул.

— Ты слышал о Тупом Облаке? — спросил он насупившегося сотника.

— Слыхал, — нехотя буркнул тот. — Такое облако накрыло сторожевой форпост Форт-Эль — там, в предгорьях. Среди тамошнего гарнизона не было настоящих боевых магов, и защитники сильно пострадали — многие из них до сих пор не отличают по вкусу грубое гномье пиво от тонкого эльфийского вина.

— Ну вот, — резюмировал Причесах, — в этом-то всё и дело. Благородная Активиа попала под массированную магическую атаку — месяц назад летуны-шустрики рассказывали, что Тупые Облака висели над пограничными горами целыми стаями.

Я так и ахнула — про себя, конечно. Ну надо же — второй раз попала в масть: и с именем, и с происхождением моей якобы амнезии. Вот это везуха — не, я точно Избранная!

— Было такое дело, — хрипло подтвердил один из воинов, остальные молча кивнули. Сотник промолчал.

— Аура у этой девушки, — лесник посмотрел на меня, — ущербная. — Я хотела было возмутиться, но вовремя прикусила язык. Перспектива отправиться к этой Охренелле — или как её там? — в виде головы профессора Доуэля мне совсем не улыбалась, и во избежание такого развития сюжета я согласна была признать себя не только моральной уродкой, но даже калекой на протезе. — Хвала небу, что леди Активиа вообще осталась жива и не попала в лапы слуг Вам-Кир-Дыка. ("О, уже и "леди" назвали — приятно. Куда приятнее, чем схожее по звучанию словечко, которым так любят награждать женщин эти козлы-мужики в том мире, который я покинула — надеюсь, навсегда" — подумала я).

— Насчёт её одежды, — продолжал Причесах, — неужели ты думаешь, сотник, что ей надо было пускаться в долгий и опасный путь в изящном бальном платье? А что она прошла лес и пустыню невредимой — магическое свечение ауры у леди Активии приглушено, вот её и не заметили ни песчаники, ни древесники. Боги бывают милостивы к красивым девушкам.

Я готова была расцеловать этого истребителя лярв. Мало

того, что он назвал меня "леди" и "красивой девушкой", так он ещё (уж не знаю, вольно или невольно) выстроил для меня очень стройную легенду, которой мне теперь оставалось только придерживаться. И его доводы, похоже, убедили вожака этих конных бандюганов — или хотя бы основательно уменьшили его нездоровое желание ампутировать мне голову. И верно, в приклеенном ко мне взгляде сотника появилось некоторое уважение. Но я всё равно его, гада, повешу, когда стану королевой…

Наступила минута молчания, прерываемая только всхрапыванием переступавших с ноги на ногу лошадей и позвякиванием сбруи. Сотник напряжённо обдумывал ситуацию — видно было, как у него под шлемом мысли с натугой протискиваются по извилинам. Думай, думай, дуболом хренов…

— Но, — выдавил он наконец (я злорадно отметила, что гонору у головореза здорово поубавилось), — у меня приказ… Властительница Окостенелла не прощает неповиновения! Она поразит меня мужским бессилием, — в голосе сотника прорезались жалобные нотки, — а я только что привёз из набега юную пленницу и ещё не успел толком ею насладиться! Да мне лучше принять смерть от твоего топора, чем…

— Ну, так и выполняй приказ твоей повелительницы, — успокоил несчастного страж Рощи Порталов ("Что-о-о?! — мысленно завопила я. — Ах ты, предатель…"). — Тебе приказано привезти эту девушку, ошибочно, — Причесах выделил это слово, — принятую за ведьму, так? И привезти её мертвой или, — лесник сделал маленькую паузу, — живой. Вот ты и доставишь её в Ликатес — живой, целой и невредимой, со всем почтением, — он пристально посмотрел прямо в глаза сотнику, — которого достойна благородная леди из клана Отданонов. Это тебя устраивает?

Стушевавшийся было, но уже воспрянувший духом любитель юных наложниц молча кивнул, шумно выдохнул, снял свой железный колпак и вытер вспотевший от тяжких дум лоб тыльной стороной ладони. Его воины расслабились, а Причесах повернулся ко мне.

— Не бойся, — ласково сказал он и улыбнулся, — они не причинят тебя никакого вреда. Отданонов уважают и побаиваются, и этот славный воин скорее согласится на неделю-другую лишить себя любовных радостей, чем позволить пылинке упасть на светлые волосы прекрасной дочери этого клана. Езжай с ними — ведь ты, — и лесник снова усмехнулся, на сей раз хитро, — хочешь попасть в столицу, правда?

"Он что, — ужаснулась я, — прочитал мои мысли? Тогда он

там такого начитался…".

— Я не умею читать мысли, — Причесах покачал головой, хотя своим ответом на мой мысленный вопрос он лишь укрепил мои подозрения. — Я просто видел, как заблестели твои глаза, когда я рассказывал тебе о том, что Шумву-шах ищет себе жену. Да помогут тебе боги, Активиа ("Ага, счаз, так они и разбежались!"), — ты будешь достойной королевой! И твои войска сметут твердыни Вам-Кир-Дыка, и на нашей земле воцарится мир!

— Угу, — пробормотала я, — поиграть в Жанну д'Арк — это мечта моего детства…

— Что? — не понял простодушный увалень.

— Так, ничего, проехали. Значит, эти мрачные ребята с очень длинными ножиками передумали убивать меня с особой жестокостью?

— Они тебя и пальцем не тронут, — уверенно произнёс Причесах. — Наоборот, защитят, если в степи по дороге в Ликатес на тебя кто-нибудь попробует напасть.

Я не стала уточнять, что такое Ликатес — понятно, что это какой-то населённый пункт или типа замок, в котором обитает некая особа с итальянским именем, способная превращать мужиков в импотентов (честно говоря, за это я даже почувствовала к ней заочную симпатию, несмотря на отданный ею приказ насчёт меня, любимой). Меньше болтать — больше слушать, вон я уже сколько узнала, чётко следуя этому золотому принципу. Пусть мужчины считают нас, блондинок (и женщин вообще), пустозвонками — стоит ли их в этом разубеждать?

— Так что ты можешь быть спокойна, — закончил охотник на астральных змей. — А на всякий случай, — он вытащил что-то из-под своей меховой жилетки, — надень вот это. Через этот амулет я буду знать, что с тобой, где ты, и не нужна ли тебе помощь. Возьми!

На лопатообразной ладони Причесаха лежал миленький кулончик в виде бабочки, прицепленной к тонкой золотой цепочке. Клёво! И бабочка — да она живая, блин горелый! Ну точно — вон, крылышки подрагивают! Обалдеть… Ну, вот и первый артефактик налицо!

Я наклонила голову в режиме пай-девочки, и страж Рощи Порталов осторожно надел амулет мне на шею. При этом его руки как-то нежно чуть коснулись моих волос, и мне стало приятно. Хороший он парень, этот Причесах, и смелый, и не старик вовсе, но… не король. Это только дуры могут тиражировать кретинскую присказку про рай в шалаше с милым под боком, а я девочка умная. Шалаш (и желательно не один) должен быть комфортабельным, с бассейном, сауной и прочими

гламурными наворотами, а милый — упакован до отказа: так, чтобы кредитки сыпались из всех карманов. Вот тогда и будет рай, а не сопли в сиропе.

Сотник тем временем что-то буркнул, один из воинов снял с себя плащ и соорудил на спине своего жеребца — или кобылы? — перед седлом, нечто вроде подушки. Так, это, похоже, для меня…

— Иди, — негромко сказал Причесах. — Удачи, Активиа!

И я пошла. Не скажу, что эта здоровенная зверюга, именуемая конём, вызвала во мне очень тёплое чувство: я лошадей только в кино видела, ну, ещё на улицах иногда — издали. А вот вблизи… Коняга косил на меня большим тёмным глазом и фыркал, оскаливая крупные зубы, — ему бы зубную пасту рекламировать, а не девушек из цивилизованных миров возить. Как хватит за коленку — инвалидность обеспечена. Но я шла — долгая дорога к славе и власти начинается с первого шага. Хотя нет, это уже второй, нет, третий шаг: первый шаг я сделала, покидая полянку с порталом, а второй — выйдя из чащи к дому лесника. А сколько ещё шагов впереди — знают, наверно, только местные боги… Всё в шоколаде, Алинка, успокоила я себя — нормальные стервы плевали на нервы! Твой любой каприз будет главный приз!

Посадка на коня прошла успешно — более того, я даже потешила самолюбие. Сотник опустился передо мной на одно колено — дочь Отданонов не кикимора болотная! — и сложил руки наподобие ступеньки. Я встала на эту приступочку с чувством глубокого аморального удовлетворения — это тебе за холодец, гад мохнорылый, а потом я тебя всё равно повешу! — всадник подал мне руку, сотник чуть приподнялся, и я вякнуть не успела, как оказалась в импровизированном седле — боком, как и положено благородной даме.

Да, в "лексусе" сидеть удобнее — а ведь мы ещё не поехали… Однако воин умело, уверенно и аккуратно, без пошлых прихватов, придерживал меня, и я успокоилась — не всё так сумрачно вблизи.

— …а-а-ар-ш-ш-ш! — зычно выкрикнул вскочивший в седло сотник, и мы рванули. Я вцепилась в конскую гриву, шепча свои излюбленные матерные идиомы, но конь шёл ровно, и я быстро сообразила, что свалиться бедной мне не грозит — крепкая рука воина была куда надёжнее ремня безопасности. В лицо ударил ветер — мой будущий мир летел мне навстречу.

* * *

Активиа-Алина не оглядывалась назад, привыкая к скачке и

всецело поглощённая мыслями о своём великом будущем. А страж Рощи смотрел вслед удаляющейся кавалькаде, пока она не скрылась на том берегу реки в облаке пыли. Если бы Алина увидела Причесаха через десять минут после того, как они расстались, она бы очень удивилась. Во-первых, он разительно изменился: исчезли глыбоподобные мускулы, исчезла лохматая шевелюра. Перед домом стоял средних лет человек в тёмной одежде: человек, каких множество во всех Мирах, населённых разумными. А во-вторых — взгляд, которым назвавшийся Причесахом провожал авантюристку, мчавшуюся навстречу своей судьбе. В этом взгляде была мудрость, ирония и грусть — лёгкая, почти незаметная.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДОРОГА ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Солнце стояло высоко и палило нещадно, но встречный ветерок, рождённый нашей лихой скачкой, играл роль кондиционера. Я пообвыклась, сидеть было мягко, коняга бежала ровной рысью, сюжет развивался нормально — чего ещё надо? Сотник скакал справа, время от времени контролируя ситуацию — то есть посматривая на меня заботливо и с оттенком уважения. Это мне понравилось — похоже, мой мир уже начал оценивать меня по заслугам. И неважно, что на самом деле я имею к Отданонам такое же отношение, как глухонемой от рождения к "Фабрике звёзд", — важно, что эти лохи средневековые верят в моё благородное происхождение. Четверо воинов образовали квадрат, центром которого была я, любимая, — типа выстроились почётным караулом. Или… просто караулом? Нет, всё-таки почётным — во всяком случае, хотелось в это верить. Я ещё не знала, что очень скоро этот эскорт окажется для меня не роскошью, а средством выживания.

Дорога перевалила через пологий длинный холм, и впереди показалась кудрявая рощица.

— Там мы сделаем привал, леди Активиа, — почтительно сообщил сотник.

Я снисходительно кивнула. Не сомневаюсь, что мои секьюрити без проблем смогли бы скакать целый день, и что мы остановимся только ради меня, и понимание этого факта пролило ещё одну ложечку бальзама на мою ранимую душу — уважают, значит! Погодите, то ли ещё будет, когда я… Но что именно будет тогда, я додумать не успела.

Справа от дороги, чуть впереди, степь как будто взорвалась. Комья вывороченной сухой земли и выдранная рыжая трава полетели во все стороны, и из тучи пыли выскочило нечто. Что конкретно, я разглядеть не успела — какое-то переплетение игл, шипов, клешней и суставчатых ног, — потому что вся эта конструкция с неимоверной быстротой устремилась ко мне. Правый передний охранник вылетел из седла — как ветром сдуло! — сотник яростно заорал и выхватил меч, а водитель моей кобылы мгновенно сделал полицейский разворот. Возмутиться по поводу того, что он, придурок, подставляет мою спину этой взбесившейся сенокосилке, я тоже не успела — отпустив мою талию, воин левой рукой подхватил висевший у седла круглый

щит и вскинул его навстречу атакующей бестии, прикрывая беззащитную меня, а правой вытащил меч, умудрившись при этом не поцарапать мне бедро. Потом что-то ударило меня в спину, и я полетела с коня лицом вперёд — прямо в пыльную степную траву.

К счастью, я инстинктивно выбросила вперёд руки, да и толчок был несильный — я упала скорее от неожиданности. Короче, отделалась лёгким испугом и царапиной на щеке — этот ковыль или как его там оказался растением жёстким. И пока я поднималась, материлась и отплёвывалась, всё уже кончилось — точнее, я увидела самый финал драки.

Сотник и трое воинов бойко шинковали мечами помесь громадного — метра этак в два ростом — паука с богомолом. Многочисленные конечности этой мечты пьяного энтомолога ломались под ударами клинков с сухим треском, словно валежник под топором, — была у нас как-то корпоративная вечеринка на природе: мужчины собирали сучья для костра, пока дамы сервировали стол… Вошь-мутант уже подыхала, беспорядочно дёргая конечностями, а когда сотник, смачно хакнув, разрубил пополам башку с тупыми фасеточными глазами, лапы твари подогнулись, и она ткнулась мордой в землю.

— Вы целы, леди Активиа? — встревожено спросил сотник, с усилием выдирая меч из конвульсивно сомкнувшихся челюстей экзотического насекомого. Лезвие высвободилось, издав при этом звук гигантской тарелки, по которой трудолюбиво проводят гигантским ножом.

Я молча дёрнула головой, отпихнув носком кроссовки упавший возле меня кусок хитина с торчащими из него короткими толстыми волосами, — язык почему-то отказывался отлепиться от нёба. Я огляделась, стараясь не очень рассматривать то, что осталось от этой агрессивной гниды-акселератки, — зрелище было не слишком эстетичным.

Трое бойцов деловито дорубали шевелящиеся обломки твари и старательно заливали их густой тёмной жижей из объёмистых оплетённых фляг. Прихрамывая, к ним подошёл четвёртый воин — тот, которого выбили из седла, — ведя в поводу всхрапывающего коня; на атласном боку лошади алел длинный — от основания шеи до хвоста — разрез, из которого сочились частые красные струйки. Мой телохранитель — бледный, как свежепобеленный потолок, — с трудом спешился. Я удивилась, почему он не бросил щит — неудобно же слезать с коня с этим подносом, — а когда поняла, в чём дело, меня чисто конкретно затошнило.

Воин не мог бросить щит — его левая рука была пришита к нему длинным костяным шипом, насквозь пробившим и щит, и

руку. Торчащий из рукава острый конец шипа был красным, словно его окунули в краску, — как раз в тот момент, когда я увидела весь этот сюр, с него сорвалась увесистая жирная капля. "А ведь эта каркалыга летела мне в спину, и если бы…" — внезапно поняла я, и тут же почувствовала, что этот мой новый мир нравится мне гораздо меньше, чем пять минут назад. У меня богатое воображение — я живо представила себя бабочкой на булавке. Бр-р-р-р… Да, одно дело читать про всё это, забравшись с ногами на диван и потягивая джин-тоник, и совсем другое — принимать непосредственное участие в подобном перформансе. "Может, ну его нах, эти миры с их грубым реализмом?" — мелькнуло у меня в голове, однако я сурово затоптала эту трусливую мыслишку. Я цела-невредима, сказала я себе, и охранник защищал меня самоотверженно — это ли не свидетельство того, что я Избранная? А раз так, нет оснований для пессимизма — вперёд и с песнями!

— Вы целы, леди Активиа? — повторил сотник, подходя ко мне и не обращая никакого внимания на покалеченного подчинённого. Заметив царапину на моей несколько запылённой физиономии, он торопливо вложил меч в ножны и поднёс ладонь к моей пострадавшей щеке.

Повеяло теплом — ощущение было таким, словно по коже провели большой и мягкой кисточкой. Саднящее жжение исчезло.

— Не беспокойтесь, леди, ваша несравненная красота нисколько не пострадала — уже завтра от вашей раны не останется и следа, — сказал он, закончив процедуру.

Хм, поверим на слово… Магия, блин горелый: они же тут все, как сказал Причесах, колдуют, кто во что горазд… Пожалуй, не буду я его вешать — лучше сделаю своим личным визажистом-косметологом, а за холодец — лишу сексуальных утех сроком… ну, скажем, на год: за базар надо отвечать! Нет, всё-таки этот мир не так уж плох, и станет ещё лучше, когда я сделаюсь его повелительницей!

А сотник тем временем подошёл к искрошенным останкам наехавшей на нас твари — они здорово напоминали крабовый салат, обильно политый чёрным майонезом, — и щёлкнул пальцами. Вспыхнуло яркое пламя, и я увидела, что воины, приготовлявшие этот салат, с ног до головы забрызганы какой-то липкой беловатой слизью — кровью чудовища (или что там у него было вместо крови?). Фу, гадость какая — бя-я-я-я…

И только запалив очистительно-погребальный костёр, сотник-целитель-пиротехник занялся раненым воином. Хитиновый шип вышел легко, хотя он был шероховатый и, надо думать, моему храброму телохранителю пришлось совсем несладко — я видела,

как по его бледному лицу катились капли пота. Но воин не проронил ни звука — вот это я понимаю, мужик, не то что некоторые типы из моего былого мира. Сотник помог раненому снять щит и разрезал рукав, обнажая сквозную рану жуткого вида. Смотреть на окровавленное мясо и белевшую в ране сломанную кость мне было как-то не очень в кайф, и я переключилась на инструмент, оставивший эту рану. Лекарь-командир небрежно отбросил сломанный шип в сторону — похоже, местным парням все эти смертоубийственные приспособы давно уже не в диковинку.

Хитиновое остриё толщиной в три пальца имело в длину около полуметра и обладало костяной твёрдостью — эта хрень играючи сломала бы мне позвоночник. Внутри — примерно до половины — шип был полым, а конец — сплошным, как бы литым. Да, блин, инструментик — тяжёлый… А если ещё учесть силищу, с которой был нанесён удар… Окружающий мир снова несколько потускнел в моих глазах, и мне стоило некоторых усилий взять себя в руки. Я хотела было оставить шип себе на память — типа как трофей, повесить на стенку, — однако, поразмыслив, решила этого не делать: девушку из клана Отданонов такими игрушками не удивишь, да и стенки для этого украшения у меня пока что нет.

— Леди Активиа, — услышала я, — нам надо двигаться дальше.

Оказывается, сотник уже завершил операцию — рука воина была искусно перевязана и даже зафиксирована на груди раненого. От костра тянуло смрадным запахом жженой кости — да, от источника такого благовония лучше держаться подальше.

— Поехали, рыцарь, — милостиво согласилась я, бросая шип на землю.

— Я не рыцарь, я всего лишь начальник сотни наёмников, — смущённо пробормотал сотник, однако было видно, что ему приятно такое обращение. Мужикам надо периодически льстить, и тогда умная женщина всегда добьётся от них всего, что ей нужно. Главное в этом деле — не переборщить: мужики быстро привыкают к лести и принимают её как обыденную повседневность — эффективность применения резко снижается. А вот в точно рассчитанных медикаментозных дозах — самое то. Вот и сейчас — тупоголовый сотник сомлел и пустился в объяснения, хотя я их и не просила.

— Это был песчаный попрыгун — зверь редкий и очень опасный. Он умеет целиком зарываться в песок или в землю, да ещё маскируется при помощи отводящей глаза магии. Простому эхху спрятавшегося попрыгуна и не разглядеть, — виновато

пояснил он, — поэтому-то мы не заметили его, пока он не бросился на нас. И вот ещё что, — сотник внимательно посмотрел на меня, — песчаные попрыгуны почти никогда не пересекают реку — они водятся там, в пустыне и предгорьях. За всю свою жизнь я впервые встречаю песчаника здесь, и я думаю ("О, ты ещё и думать умеешь? Ну-ну…"), что этот попрыгун шёл по вашему следу, леди Активиа. Песчаники очень умны — он не стал бы нападать на шестерых вооружённых воинов, даже если был бы очень голоден. Он хотел убить вас, леди, — именно вас! Наверно, это слуга Вам-Кир-Дыка! — торжественно подытожил начальник сотни наёмников.

— М-м-м… — пробормотала я, изображая глубокое раздумье. — Я что-то припоминаю… Ну да, следил за мной кто-то, шуршал листвой, кряхтел и плотоядно чмокал. А было это, — я вспомнила географические описания лесника, — как раз на границе пустыни и Поперечного Леса. Наверно, этот гад крался за мной от самых предгорий. Я бы и сама его замочила, да вот беда — моя магия, как бы это сказать, немного протухла после того, как наш замок накрыло Тупое Облако.

— Не расстраивайтесь, леди, — сотник поспешил меня утешить. — Властительница Окостенелла — могущественная магесса, она вам поможет обрести все ваши прежние умения.

"Хотелось бы верить, — подумала я, — только это — вряд ли…"

— А пока мы будем вас охранять: один раненый воин и один раненый конь — это не цена за спасение жизни дочери Отданонов. Правда, нам придётся остаться там, — он кивнул в сторону зелёной рощи, — на ночлег: раньше завтрашнего утра раны не заживут, а если на вас идёт охота, то шесть мечей всяко лучше пяти. Я отправил туда двоих воинов — на разведку: если по вашему следу шёл песчаный попрыгун, то в этой безобидной роще может прятаться и древесный ползун-душитель. Вон, они уже возвращаются.

Да, этот сотник вояка опытный — всё успевает. Пожалуй, не буду его вешать. Хотя… Он мне ещё заплатит за холодец, дебил армейский, — на всю оставшуюся жизнь запомнит!

— В роще никого нет, — доложил один из вернувшихся воинов.

— И не было, — добавил второй, — по крайней мере, со вчерашнего дня.

— Поехали, — коротко распорядился сотник.

На сей раз мы двигались куда медленнее, и не только потому, что мои охранники буквально обнюхивали каждый подозрительный придорожный бугорок, — раненый воин еле

держался в седле, а другой шёл пешком, оберегая своего порезанного коня. В охранении осталось только трое бойцов: они ехали впереди тесным клином, положив обнажённые мечи на конские гривы. А за ними следовали мы — сотник собственноручно вёз любимую меня, ведя светскую беседу и не забывая одновременно шарить глазами по сторонам.

Беседа получилась содержательной. В частности, я узнала, что Окостенелла — одна из наиболее значимых удельных правителей, что с ней считается сам Шумву-шах, и что до её резиденции осталось примерно полдня конного пути — доехали бы сегодня к вечеру, если бы не визит невежливости редкого насекомого. Узнала я и о том, что сотник со своими воинами гонялся за шайкой степного разбойника Дастар-хана, но рано утром получил от Окостеннелы посланный с волшебным ветром приказ насчёт ведьмы — то есть насчёт меня, — бросил все дела и помчался выполнять полученное распоряжение. А потом сотник заявил следующее:

— Я восхищён вашим мужеством, леди Активиа, — я знавал мужчин, срывавшихся на поросячий визг при виде тени песчаного попрыгуна. А вы… Я знаю, что стражи Порталов не лгут, но у меня, — он запнулся, — были… некоторые сомнения в том, что вы та, за кого вы себя выдаёте. Но теперь, когда я увидел, как вы ведёте себя в минуту крайней опасности… Простите меня за то, что в вас усомнился, леди Отданон!

"Во, блин, — подумала я, — не знаешь, где найдёшь, где потеряешь!". Да если бы я не оцепенела от феерической быстроты и бредовой нереальности всего происходящего на моих глазах, то завизжала бы так, что кони попадали, и сам этот попрыгунчик из песочницы мигом откинул клешни, не доводя дело до поножовщины. Тоже мне, нашёл героиню-комсомолку! Но сотнику я, понятное дело, ничего такого не сказала — зачем разрушать новорождённую легенду об отважной Отданонке? Если этот мир даёт мне фору, её надо брать!

— Ладно, чего уж там, прощаю — дело прошлое, — великодушно уронила умная я, и сотник тут же расцвёл, как дикая орхидея.

А я вдруг вспомнила, что до сих пор не знаю, как его зовут: они же тут сами, видите ли, не представляются — вежливые типа. А, какая разница — мне с ним детей не крестить и даже, надо полагать, в одной койке не лежать. Хотя насчёт последнего — это ещё неизвестно. Ночь впереди, а парень он лихой — вон как своей железякой ловко орудовал, только брызги летели. Да и вообще он ничего, хоть и не в моём вкусе, если честно.

Однако я решила отложить ритуал знакомства на потом —

мы уже подъезжали к роще.

* * *

Снаружи этот лесок выглядел малогабаритным, словно квартира-"хрущовка", однако внутри оказался просторным и где-то как-то даже комфортабельным. В глубь рощи вела широкая утоптанная тропа — правда, пришлось спешиться: ветки нависали слишком низко. Деревья стояли сплошной стеной, а их переплетённые кроны смыкались вверху шатром — красиво, блин. Тропка вскоре вывела нас на небольшую полянку, чем-то похожую на ту, на которой я очухалась сегодня поутру, только размером поменьше, да не было видно неба над головой — его заслоняла крыша из листьев. А так — всё по местному фэнтастандарту: миленькая травка под ковролин, по периметру очень натуральные могучие древесные стволы; у корней одного из них весело булькал чистенький родничок. Такой вот мотель придорожный для усталых путников-тараканобоев, типа "приют убого чухонца". Зной и пыльный ветер остались там, снаружи, а здесь всё было клёво. Нет, в общем и целом этот мир совсем даже неплох.

Я уселась на траву, привалившись спиной к шершавому дереву, скинула кроссовки и носки и с наслаждением пошевелила босыми пальцами — просто кайф, удовольствие, равное половому. А мои охраннички не расслаблялись и времени зря не теряли — затрещал костерок, возле которого появилась снедь: немудрёная, но, судя по всему, вкусная и экологически чистая. И что мне понравилось — та троица, которая была по уши извозюкана в содержимом потрохов безвременно почившего попрыгуна, быстренько помылась-почистилась и привела себя в божеский вид. И я так поняла, это им сотник приказал — заметил, глазастый, как я морщила нос, глядя на этих его ударников разделочного труда (и особенно принюхиваясь к ним). Хм, может, и не стоит его вешать? Ладно, посмотрим на его дальнейшее поведение.

Покамест он вёл себя нормально. Зыркнул мельком, отметил, что усталая я отдыхаю безмятежно, — и занялся своими прямыми обязанностями полевого командира на привале. Одного воина поставил готовкой заниматься — назначил дежурным по кухне, — троих снарядил в лес. Двое из них вскорости вернулись, волоча подбитую стрелой крупную птицу (третий, я так думаю, остался в карауле на тропе — чтоб никакая очередная пакость к нам без спросу не заявилась). Птичку тут же резво ощипали, распотрошили и подготовили к жарёхе. Раненого бойца командир

тоже пристроил к делу — следить за костром, а заодно и за общей обстановкой на полянке, — сам же занялся врачеванием пораненной лошадки. Я видела, как под его пальцами затягивался кровоточащий разрез на лошадином боку — филиппинские хилеры отдыхают. Коняга вздрагивал, всхрапывал, переступал с ноги на ногу и вскидывал голову, но на людей не кидался — сотник ему что-то нашёптывал на ухо, не забывая при этом зорко смотреть по сторонам и держать руку на пульсе событий. Не, свои погоны — или что у них тут офицеры носят? — он заслужил честно.

Я тоже смотрела по сторонам, но, в отличие от командира, лениво-праздно — я здесь гостья или кто, да к тому же, как выяснилось, девушка из хорошей местной семьи! Что мне, корнеплоды прикажете чистить? Ещё чего не хватало — вон их сколько, мужиков-бугаёв, вот пусть они и работают. Мужики вообще созданы (раз уж это недоразумение существует по чьёму-то недомыслию) исключительно для обслуживания нас, женщин, и удовлетворения наших всевозрастающих потребностей. Да они вообще должны нам пятки лизать хотя бы за то, что мы их к телу допускаем! У насекомых — у термитов с муравьями — мудро устроено: у них есть царица, на которую пашет от зари до зари весь муравейник. Правда, царица эта рожает конвейерным способом, но люди (то есть мы, женщины) могут и должны внести коррективы в эту примитивную схему. Рожать — это для тупых подсобниц, а утончённым натурам вроде меня такое занятие не к лицу — мы созданы править. Тут главное подобрать себе толковых советников по всем вопросам, да не забывать их периодически отправлять на эшафот, чтобы не успевали заборзеть сверх меры — вот и весь секрет мудрой правительницы. Когда я стану Шумву-шахиней, я весь этот мир перекрою под себя, доберусь и до Вам-Кир-Дыка, и никакая магия ему не поможет!

Наслаждаясь мыслями о своём грядущем величии, я решила закурить. Вообще-то я не курю оголтело, скорее балуюсь — так, в компании, или чтобы впечатление произвести, — ну, это когда загадочно-томный взгляд из-под полуопущенных ресниц сквозь сизую стройку сигаретного дыма, обвивающего изящные пальцы с красивым маникюром (на мужиков такой финт действует безотказно). Я вытащила из кармана пачку сигарет и матюгнулась — она была вся смята и сплющена: это, наверно, когда я навернулась с лошади. Результаты вскрытия подтвердили мои худшие опасения — целой осталась только одна сигаретина. Ладно, могло быть хуже — хорошо ещё, зажигалку не потеряла.

Зажигалка, слава богу, работала (в последний момент мне подумалось, что в мире магии она может и отказать). Я со вкусом

затянулась и поймала исполненный благоговения взгляд сотника. Я насторожилась, но, как оказалось, зря: родившийся в моей руке огонёк его не удивил — понятное дело, магия! — а вот когда я выдохнула дым…

— Я слышал, леди, — почтительно произнёс вояка, — что князья Отданоны в прошлом роднились с драконами, но, признаться, не верил. А теперь — верю.

— Да, было дело, — неопределённо подтвердила осторожная я. — Одна моя прабабушка по материнской линии (имени я решила не называть), как гласят семейные предания, имела любовника-дракона — отсюда оно и пошло. Я и огонь раньше умела выдыхать, но после того, как Тупое Облако… — Тут я спохватилась и решила не сильно завираться: чувство меры надо соблюдать!

Однако сотник не настаивал на подробностях. Вместо этого он поклонился с грацией дрессированного медведя и сказал:

— Прошу вас, леди Активиа, — обед готов.

Я церемонно кивнула в ответ — привыкай, привыкай, Алиночка, то ли ещё будет! Приглашение пришлось как нельзя кстати: после экзотического завтрака у дома Причесаха прошло часов пять, не меньше, и аппетит у меня разыгрался. Неудивительно — на свежем-то воздухе, да ещё после скачки со смертельным аттракционом "шило в спину"… Жаркое из птицы источало дразнящий запах, и я не колебалась ни секунды — если уж мой желудок принял и переварил шашлык из лярвы, то уж обыкновенная здешняя пернатая дичь пойдёт по любому. Вряд ли охотнички подстрелили что-нибудь реально ядовитое — они ведь ребята местные, разбираются, что можно есть, а что нет.

Я села у костра на чей-то заботливо расстеленный плащ и взяла поданный сотником нож — к местному столовому этикету я уже привыкла. Трапеза протекала в торжественном молчании: воины не смели и пасть раскрыть в присутствии благородной меня, а сотник без лишних слов исполнял обязанности моего личного гарсона. Вот такой расклад мне нравится!

После банкета, отяжелев от еды и выпитого вина (не в пример более крепкого, чем то, которым меня потчевал страж Рощи Порталов), я неспешно вернулась на своё прежнее место под деревом и откровенно прилегла — земля была тёплой, и трава мягкой, — подложив под голову свернутую куртку. Чутьё мне подсказывало, что такая спартанская простота только поднимет мой рейтинг в глазах воинов-наёмников. Хорошо… Лицо гладил тёплый ветерок — лёгкий, почти незаметный, — сквозь густую листву проскакивали искорки солнечного света. Я была сыта, находилась под надёжной охраной, и будущее виделось мне

исключительно в радужных тонах. У костра негромко — чтобы не беспокоить важную меня — переговаривались воины, фыркали лошади, пасущиеся у самых деревьев, и этот монотонный шум убаюкивал. Пока всё было путём — я уверенно набирала очки и шла к намеченной цели. Меня немного беспокоила встреча с магессой Окостенеллой — как-то оно там выйдет? — однако я сочла, что все проблемы надо решать по мере их поступления. С этой оптимистической мыслью я и задремала.

Проснулась я, когда уже заметно стемнело и стало прохладнее — это меня и разбудило, несмотря на то, что кто-то (наверное, сотник) укрыл меня плащом. Значит, дело к вечеру, и я продрыхла часа три. Ничего, послеобеденный сон полезен для здоровья — это доказано.

Сотник сидел у костра и смотрел в огонь — на его лице танцевали красные блики. Но он тут же заметил, что я проснулась, и повернул голову — мол, чего пожелает леди Активиа? И это мне понравилось — хорошо, когда кто-то готов выполнять твои желания (а ещё лучше, когда кто-то работает за тебя и на тебя). Я потянулась, встала, собственноручно подтащила к костру укрывавший меня плащ, уселась на него рядышком с начальником сотни наёмников и протянула руки к огню.

— Леди Активиа замерзла? — участливо спросил сотник. — Хотите горячего травяного настоя?

— Разве это холод? — небрежно бросила я. — Вот у нас в горах… Но от чая не откажусь.

"Да, это не "Липтон", — подумала я, глотая из кружки тёмный обжигающий напиток, — в смысле, гораздо лучше. Блин, такой чай в моём мире завоевал бы все мыслимые бренды! Здорово всё-таки, что я сюда попала — вот что значит быть Избранной!". И тут я заметила под деревьями шалаш — его не было, когда я засыпала.

— Это для вас, — пояснил сотник, перехватив мой взгляд. — Не пристало благородной даме из рода Отданонов ночевать на земле среди простых воинов. Конечно, вам больше подошёл бы шатёр, но никто из нас не смог его наколдовать, — добавил он извиняющимся тоном, — так, чтобы это было вас достойно. Мы ведь воины — у нас свой профиль магии.

Я не совсем поняла это его разъяснение, однако встала и пошла посмотреть, что же они там для меня соорудили. А ничего получилось у ребят — этакий терем-теремок в лесном стиле. Несколько тонких стволов — или толстых веток? — в качестве каркаса и охапки веток потоньше в роли стен и крыши. Строение аккуратное и ладненькое, внутри здоровенная куча травы, поверх

которой постелены два плаща — типа ложе. Хм, и широкое ложе, однако… Я посмотрела на сотника, но его каменная физиономия не выражала ничего, кроме глубокого почтения. Ну-ну…

— А кстати, — вкрадчиво начала хитроумная я, — мне до сих пор неизвестно твоё имя, отважный воитель. Как тебя зовут?

— Меня зовут Верт О'Прах, — с готовностью признался сотник.

"Ого! — мысленно ахнула я. — Понятно теперь твоё очень нервное беспокойство по поводу возможной кары за неисполнение приказа и твоё пристрастие к юным наложницам — с таким-то имечком нельзя пропускать ни одной юбки! Удивительно, как это я до сих пор не стала объектом твоего повышенного внимания — ты, братец мой, ведёшь себя как монах, а не как поручик-повеса. Или ты решил наверстать упущенное ночью, и этот как бы шалашик — твоя хитрая уловка, ширмочка для уединения, так сказать? Что ж, поглядим, поглядим, как оно дальше пойдёт-поедет-побежит… Хотя — с чего это я взяла, что твоё имя значит в этом мире то же, что и в моём?".

Но закончить мысленное сопоставление лексических нюансов мне не удалось. В роще вдруг резко потемнело, со стороны тропинки донёсся истошный вопль часового, отдыхавшие воины мигом вскочили на ноги и схватились за мечи. А потом крыша нашего зелёного отеля раздалась и лопнула под чьим-то огромным и тяжёлым телом, толстенные ветви хрустнули, вниз посыпались листья, сучья и прочий древесный сор. В громадной прорехе показалось звёздное небо, но тут же на фоне этого планетария возникла уродливая драконья голова с горящими глазами и очень впечатляющими оскаленными зубами. "Накаркала, — отрешенно подумала я, — вот вам и вторая серия ужастика: "Парк Юрского периода" называется. Только дракона мне и не хватало для полноты счастья…"

Однако сотник не растерялся. Он бесцеремонно сгрёб заторможенную меня и двумя прыжками оттащил к самым деревьям. Кони заполошно заржали, воины кинулись в разные стороны, очищая посадочную площадку для этого "боинга", — а что делать, я бы посмотрела на вас в такой ситуации! — а сотник уже проталкивал меня через сплетённые ветви деревьев.

— Прячьтесь за стволы, там он вас не достанет! — заорал он, забыв куртуазное "леди". — Скорее!

Плюньте в рожу сочинителям сказок про то, как рыцари мочат драконов в честном поединке! Такую тварь только зенитной ракетой сбивать — этот дракон даже с не полностью развёрнутыми крыльями занял всю нашу полянку. Прижавшиеся к деревьям кони голосили изо всех своих лошадиных сил, воины

попрятались — и я их не обвиняю, честное слово! И вы бы не стали обвинять, если б только увидели этого Змея Горыныча. Приделайте к автобусу крылышки соответствующих габаритов и привесьте сзади трейлер-прицеп для хвоста — получите примерное представление об этом летучем порождении белой горячки.

Зверюга могла на раз зачифанить всех наших лошадок — бежать-то им было некуда, — однако тварь, похоже, имела другие намерения. И я, кажется, догадалась, какие именно. Ой, мамочки-и-и…

Дракон поводил башкой из стороны в сторону, круша кроны деревьев, и уставился своими немигающими глазищами прямо на помертвевшую меня. Учуял, гад, — я видела, как у него хищно раздувались ноздри. Сотник остервенело рубил заросли, расчищая проход в глубь леса, подальше от этого зубастого кошмара, а я стояла ни жива ни мертва, влипнув спиной в корявое толстое дерево и чувствуя, что вот-вот джинсы мои станут мокрыми самым постыдным образом. Блин, так вот что чувствовала привязанная к скале Андромеда…

А дракон изогнул шею и всунул морду между двух стволов — меня обожгло горячим смрадным дыханием. Я могла бы при желании дотянуться до его бугристой рожи, вот только такого желания у меня почему-то не возникало. О'Прах дернул меня за руку, оттаскивая на расчищенный пятачок за деревом, и вовремя — крылатый ужас шлёпнул языком прямо туда, где я только что стояла. Язык у него был длинный и липкий — к нему так и цеплялись листья и кусочки коры, — и я содрогнулась, представив себе прикосновение этой живой ленты. Мы выиграли пару шагов, но дракон не унимался — он вдвигался в чащу с мощью бульдозера, сокрушающего зелёные насаждения под стройплощадку для нового торгового комплекса. На наше счастье, деревья здесь росли густо и были они очень основательные, толщиной чуть ли не с колонну Исаакиевского собора, так что даже у этого матёрого птеродактиля не хватало сил вывернуть их с корнем или сломать. Но с другой стороны, просветы между ними были густо заплетены типа лианами и прочей висячей гадостью — не прошмыгнёшь. Верт прорубал просеку, но делал он это куда медленнее, чем дракон продвигался вперёд. Мы проигрывали.

Сотник понял это раньше меня. Он обернулся, смерил глазом расстояние между мной и оскаленной драконьей пастью и отважно кинулся на врага. Я закрыла глаза.

Раздался хряск, и я поспешно открыла их снова. Верт врезал мечом по верхней губе дракона и, похоже, тому это не сильно

понравилось. Дракон не плюнул огнём, хотя искры из его ноздрей посыпались, ярко осветив поле боя. Наверно, он не хотел вызвать лесной пожар, но, скорее всего, причина была в другом: несчастная я нужна была ящеру в неподжаренном виде — может быть, дракон предпочитал девушек варёных, солёных или просто натурально-свежих. Не попытался он и заглотить отчаянного смельчака — тесновато было для полного распахивания пасти, а сотник наверняка не преминул бы ткнуть мечом в десну или в нёбо чудовища — нужна ему такая зубочистка? Дракон не стал выпендриваться: он просто мотнул головой, и начальник сотни наёмников улетел в заросли и где-то там рухнул.

И вот тут мне стало страшно, как никогда в жизни. Какое, нах, фэнтези? Эта скотина сожрёт меня и даже не поморщится — меня, такую умную, красивую, любимую и вообще единственную и неповторимую! Избранную! Говорила мне мама, смотри под ноги, когда гуляешь по улице, так ведь нет, мы сами с усами… А дракон смотрел на меня, и я отчётливо видела в его глазах ехидную издёвку.

* * *

Мне бы броситься бежать, однако ноги не слушались. Я судорожно прижала руки к груди и вдруг ощутила, что амулет-бабочка — подарок Причесаха — ожил. Бабочка энергично шевелила крылышками, словно силясь взлететь и защитить меня от чудовища. И я поверила, что эта крошка действительно сможет это сделать, и стиснула дрожащими пальцами цепочку оберега с отчаянием утопающего, хватающегося за соломинку.

Из-под моих пальцев вырвался тонкий — не толще вязальной спицы — зелёный луч и уперся в драконий глаз. Нет, зверюга не сдохла в страшных мучениях, не взревела от боли и не кинулась прочь — она замерла на месте, и в её взгляде проступило удивление. Дракон чуть наклонил голову набок, словно прислушиваясь к невидимому собеседнику, пожевал губами, зашипел — не зарычал, а именно зашипел как змея, только громко, — и… подался назад. Я не поверила своим глазам — крылатая бестия отступала! Громадные кривые когти двух мощных лап, которыми чудовище вцепилось в деревья, втискивая себя между ними, соскользнули, срывая целые пласты коры и оставляя на покалеченных стволах глубокие белые борозды, и комодоподобная башка с ковшеобразной пастью исчезла. Уцелевшие ветки затрепетали под порывом ветра — дракон подпрыгнул, взмахнул крыльями и взлетел вертикальным

стартом. Звёздное небо, ясно видимое через оставленный драконом пролом, на миг задернула тёмная тень, затем она исчезла, и наступила тишина — такая, что слышно было, как падают на землю сорванные листья.

Я как стояла, так и села на задницу — ноги потрясённую меня уже не держали. Руки тряслись мелкой дрожью, во рту была тошнотная горечь, словно с дикого бодуна, и прошло минут пять, прежде чем я начала хоть что-то соображать. Да, такой стрессик явно не для слабонервных — захлебнуться можно от избытка адреналина, реально.

Придя в себя, я первым делом прислушалась — кругом было тихо. И мой амулет уснул: бабочка замерла и снова стала просто изящным украшением. Магия, блин горелый…

Цепляясь за дерево, я кое-как встала и позвала севшим голосом:

— Верт, эй… Ты где?

Молчание. Меня легонько стукнула по макушке обломанная ветка, застрявшая где-то наверху и только теперь решившая упасть. Я вздрогнула от ушей до пяток и снова окликнула своего доблестного защитника — уже громче:

— Эгей, сотник! Ты живой?

Темнота зашевелилась и постепенно приняла очертания человеческой фигуры. Мой рыцарь выглядел неважно — это было видно даже при слабом свете звёзд. Сотник хрипло дышал, кожа на его лице была содрана — драконья шкура сработала не хуже напильника, — но славный воин, опираясь на меч (не выпустил оружия из рук!), первым делом спросил:

— Вы целы, леди Активиа?

— Угу, — я кивнула. Есть всё-таки в этом мире настоящие мужчины…

— А где дракон? — уточнил сотник, продравшись ко мне сквозь заросли.

— Я его прогнала, — невозмутимо ответила я.

— Вы?!

— Я, — подтвердила скромная я, — своей личной магией. Но если бы не ты, я не успела бы сплести заклятье. Так что спасибо тебе и твоему мечу, Верт, — ты меня конкретно спас.

Сотник растаял, и я поняла, что если я его сейчас только попрошу, он тут же умрёт за меня на месте, причём не задавая лишних вопросов. Легко всё-таки эти мужики ведутся на самую нехитрую фишку — уж очень у них мозги прямолинейно скроены. Вымирающий вид, что с них возьмёшь…

Я вот, например, прекрасно понимала, что присутствую при рождении новой легенды об отважной амазонке из рода

Отданонов (надо будет при случае стребовать с горных князей соответствующее вознаграждение за рекламу их клана), на глазах очевидцев голыми руками положившей страшное огнедышащее чудище (это вам не паучка песочного мечами почикать, да ещё вчетвером). Историю пишут не победители, а уцелевшие (классное выражение, я его вычитала в одной книжке про рыцарей).

Но сейчас нам было не до баллад о героях-драконоборцах. Крадучись и поминутно озираясь, мы с Вертом выбрались на поляну, готовые при малейшем подозрительном шорохе броситься обратно в спасительную чащу. Лиственную крышу нашего приюта дракон сломал, взошла луна, и поэтому мы смогли в деталях рассмотреть окружающий нас пейзаж. Полянка была перепахана когтями чудовища и засыпана сломанными сучьями, мой гламурный шалаш превратился в бесформенную кучу веток и листьев. Впрочем, последнее обстоятельство меня не очень расстроило: в такой ситуации думать о сексе может только предельно озабоченная особь или полная кретинка, а я, как вы уже наверняка поняли, рыбка гораздо более ценной породы и куда более глубокого заплыва.

Из кустов по одному вылезли воины — никто из них не пострадал, и даже лошади не получили ни единой царапины. Так, понятненько, — значит, эта крылатая зараза прилетала только за мной. С одной стороны приятно, что мне оказывается такое внимание, но с другой — я бы предпочла, чтобы это внимание оказывал какой-нибудь другой, чуть более приятный в общении персонаж. Бойцы выглядели смущёнными и старательно прятали глаза, однако сотник не стал учинять им разнос — дураку понятно, что ребята не могли справиться с этим крупнокалиберным зубастым огнемётом, только погибли бы зря. И осторожную меня не покидала нехорошая мысль: а если дракон вернётся, чтобы продолжить выполнение своей личной продовольственной программы? Одно дело беззастенчиво вешать Верту лапшу на уши насчёт моей персональной магии, и совсем другое — применить эту магию в случае острой необходимости. Бабочка-то, похоже, действовала по собственному усмотрению, и нет никакой гарантии, что в следующий раз она точно так же откликнется на мой истошный крик о помощи. Знать бы ещё, почему дракон прервал увлекательную игру "кто не спрятался, я не виноват" на самом интересном месте… Ладно, Алиночка, сказала я себе, не грузи мозги — вредно для здоровья. Ты жива-здорова-невредима, а будут бить — тогда и будем ныть.

Однако ночь прошла спокойно — нас больше не потревожила никакая злая нечисть: ни мелкая, ни средних размеров. Спали,

конечно, вполглаза, собравшись кружком у костра, из осторожности прикрытого щитами и горевшего вполнакала. Воины не выпускали из рук рукоятей мечей, а сотник вообще не сомкнул глаз — просидел всю ночь, перебирая стрелы в колчанах, поглаживая их наконечники и что-то при этом шепча. "Отпугивающая магия, — объяснил он, когда любознательная я поинтересовалась смыслом этого ритуала. — Дракона простыми стрелами не возьмёшь, и даже эти не пробьют его чешую, но можно попробовать напугать. Эта магия действует даже на призраков — правда, недолго: быстро выдыхается".

Я не стала расспрашивать его о других особенностях местного психотропного оружия — спать хотелось дико. Сначала я кемарила, используя широкую спину сотника в качестве диванной спинки, но это оказалось некомфортно — кольчуга у Верта была жёсткой и к тому же холодной. Тогда я плюнула на этикет и на достоинство высокородной дамы — будь ты проще, сядь ты на пол! — свернулась у костра калачиком на расстеленных плащах и по-простому задрыхла без задних ног.

Сотник рано скомандовал подъём — я даже испытала некоторое раздражение: вставать в выходной ни свет ни заря как-то западло. Но потом я вспомнила, где нахожусь, живенько вскочила, умылась и почистила пёрышки, всем своим видом выражая полную готовность следовать дальнейшим указаниям отца-командира. Позавтракали по сокращённой программе — то есть без вина и свежей дичи — и с первыми лучами солнца тронулись в путь.

Верт вёз драгоценную меня самолично, не доверяя никому. Воины окружили нас кольцом — все пятеро. На боку у раненой лошади остался только длинный рубец, и даже покалеченный воин не выглядел инвалидом и сноровисто правил конём. Да, магия — великая вещь! Кристинка в прошлом году сломала руку в гололёд, так месяц ходила в гипсе, а этот парень едет верхом, как ни в чём не бывало, хотя после его травмы и суток не прошло.

Как только мы выехали из рощи на широкий степной простор, я тут же почувствовала, что О'Прах напряжён, словно перетянутая струна, а потом заметила, что его воины с опаской поглядывают в небо. Ну да, конечно, — если дракон атакует нас на открытом пространстве, нам однозначно писец: не убежишь и не спрячешься. Оставалось надеяться только на пруху-везуху да на магию, которой предусмотрительный сотник зарядил наконечники стрел.

— Говорят, — не очень уверенно сказал Верт, словно услышав мои мысли, — драконы не охотятся днём. Но если этот дракон искал вас, леди, тогда… Нам надо как можно скорее укрыться за

стенами Ликатеса, там не страшен никакой дракон. Два года назад один из них попробовал сунуть туда нос и пожалел об этом — если успел. Властительница Окостенелла сразила его молнией, и голова дракона теперь украшает центральную площадь города.

Я не стала возражать, хотя многое в этой истории было мне непонятно. Какого хрена эта перекачанная анаболиками помесь ящерицы с летучей мышью проявила к избранной мне такой нездоровый интерес? Что у них тут, дефицит девчонок нужной для рациона драконов калорийности? А может, он, паря в поднебесье, засёк — драконы вроде владеют телепатией — нашу с Вертом непринуждённую беседу о моей якобы прабабушке и о родстве Отданонов и драконов и решил на месте уточнить кое-какие детали и заодно попробовать меня на вкус? И почему он не довёл дело до конца (я не то чтобы в претензии, но хотелось бы знать)? Что его остановило? Испугался? Это вряд ли… А вдруг — вдруг он получил какие-то инструкции относительно непростой меня? Ведь он явно к чему-то прислушивался (я вспомнила позу дракона) после того, как лучик из амулета попал ему в глаз! И мне впервые подумалось, что этот мой новый мир совсем не так прост, как кажется на первый взгляд.

И всё-таки мне почему-то было спокойно. Более того, мне было приятно оттого, что сильная рука сотника бережно придерживала меня за талию. Тупой ведь солдафон, ничего не умеет, кроме как мечом махать (ну, ещё раны заживляет — по второй специальности), и рожа у него — отвернувшись не наглядишься (особенно после того, как её дракоша типа наждаком подрихтовал), но вот млею я от его руки, и всё тут (чего врать самой себе, верно?). Древние инстинкты, я так думаю: уважение к мужчине — для женщины это ступенька к любви. Меня ещё никто и никогда так самоотверженно не защищал, причём без всякой задней мысли! А ведь если разобраться, шкурой своей рисковать — нах оно ему было нужно? Он ведь какой приказ получил — привезти ведьму живой или мёртвой. Вот и привёз бы мёртвой (или даже частично, в разобранном виде и в неполном комплекте) и со спокойной совестью пошёл бы трахать свою юную наложницу. Ан нет, не стал наш бравый сотник искать лёгких путей… Конечно, Причесах ему строго наказывал обращаться со мной трепетно, но я так думаю, что страж Рощи Порталов О'Праху не начальник, и вообще никто и звать никак. В конце концов, всё можно списать на форс-мажорные обстоятельства (особенно если эти обстоятельства принимают вид гигантского дракона). Жаль, что эта тварь огнеплюйная обломила нам наш вечерний пикник на обочине и не позволила мне выразить в интимной форме благодарность

моему спасителю…

Увлёкшись этими мыслями, я слегка откинула голову, угнездив её на плече сотника, и даже тихонько провела пальцами по старому шраму на тыльной стороне его левой ладони. И услышала:

— Вам неудобно сидеть, леди Активиа?

Тьфу ты, зараза, — да он смотрит на меня как на ценный груз без маркировки, а не на как девушку! Нет, я его всё-таки повешу, когда стану королевой!

— Всё путём, — сердито буркнула гордая я, принимая прежнюю строгую позу. — Долго нам ещё шкандыбать по этим ярам да буеракам?

— После полудня будем в Ликатесе, — ответил сотник, немного подумал и добавил: — Если нас ничего не задержит. Раненый конь пока ещё не может скакать с прежней резвостью, но до заката мы всё равно доберёмся до города, можете быть уверены.

— Ну-ну, — сухо подытожила я, демонстративно глядя в сторону, и прекратила беседу.

Местность понемногу оживала и утрачивала монотонное однообразие. Попадались возделанные участки, промелькнуло несколько домов. Как выглядели эти загородные виллы, не могу сказать: все эти типа хутора были обнесены высоким частоколом, из-за которого торчали одни крыши, — похоже, местные поселенцы жили здесь неспокойно, как покорители Дикого Запада среди кровожадных команчей. Небо оставалась мирно-пустынным — коршуны там разные не в счёт, — и воины моего эскорта приободрились. В полдень сделали короткий привал на перекус-передых и двинулись дальше. И когда мы перевалили очередной холм, я увидела впереди развилку — к основной дороге примыкали две других, поменьше, — а возле неё замок: точно такой, какими их рисуют в иллюстрациях к фэнтези.

Сначала я подумала, что это и есть обещанный после полудня Ликатес, однако тут же поняла, что на город оно явно не тянет. К тому же замок больше напоминал заброшенные руины — приглядевшись, я заметила проломы в стенах, густо заросшие степной травой. И — ни души.

— Крепость барона Занозиллы, — пояснил Верт. Я не ответила, ограничившись кивком — мол, не дура, въезжаю, — но сотнику хватило и этого знака моего внимания: он продолжил лекцию по краеведению.

— Барон отказался признать власть Ликатеса, и мы взяли его замок штурмом. Это было двенадцать лет назад — я тогда был ещё десятником. Защитники сражались упорно, но не смогли

устояли перед магией Окостенеллы. Раздражённая их сопротивлением, магесса сначала хотела срыть замок до основания, но потом решила оставить его как напоминание всем непокорным. Вот с тех пор…

— Значит, — перебила его злопамятная я, — ты резался на этих стенах, да? И сколько же юных пленниц ты здесь взял? Наверно, ты имел их прямо среди трупов и умирающих?

— Ни одной, — честно признался Верт, не заметив или не поняв моего тонкого юмора. — Властительница Окостенелла приказала не брать пленных, и мы выполнили её приказ.

"Садистка какая-то, — подумала я. — Прям Железная Леди Скандализа фэнтезийного разлива… Ну и нравы у вас, ребята, — сплошной беспредел! Средневековье дикое… Могли бы устроить что-нибудь типа демократических выборов, или выкупить недвижимость, или слить капиталы, или организовать компанию по дискредитации в прессе с использованием компромата и чёрных пиар-технологий. Подослали бы, наконец, киллера, и решили вопрос цивилизованно — так ведь нет! Разрушили чужую собственность и поголовно замордовали до смерти всех её владельцев — дикари, да и только! Неудивительно, что у вас тут до сих пор плотоядные драконы водятся, и злой волшебник Вам-Кир-Дык бесчинствует…".

Тем не менее, я сделала для себя соответствующие выводы из этой информации к размышлению. В этом мире властительница должна быть жестокой, тогда её будут любить и бояться, и будут ревностно исполнять все её повеления. Жесть! Значит, я такой и буду. И особых психологических сложностей для меня здесь как-то не предвидится — разве в моём мире дело обстоит иначе? Да ни хрена, всё то же самое, только упаковка красивее — законы, юристы, права человека (прав тот, у кого больше прав) и прочая хрень для рядового пипла. Кто смел, тот и съел, где сгрёб, там и… отымел. Победителей не судят, а если и судят, то признают невиновными.

Задумавшись на философские темы, я не заметила, как задремала. Ехали мы с самого, утра, лошадка бежала мерной рысью, опасность свалиться мне не угрожала — сотник бдел, — драконов не видно, приключений никаких, особых достопримечательностей не наблюдается — что ещё прикажете делать усталой девушке из параллельного мира, которую за одни сутки трижды хотели укокошить? Нервы-то, блин, не синтетические… А проснулась я оттого, что начальник сотни наёмников по имени Верт О'Прах негромко произнёс у меня над ухом:

— Мы почти приехали, леди Активиа. Вот он, наш Ликатес!

Я протёрла глаза и увидела прямо по курсу синюю ленту реки, окаймлённую зеленью, а за рекой каменные стены и высокие башни, залитые багровым светом заходящего солнца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. УХМЫЛКА ФОРТУНЫ

Я с наслаждением потянулась. Спать на мягкой постели под балдахином — это вам не ночёвка на земле у костра под открытым небом в нервной обстановке. В отличие от первой, моя вторая ночь в этом моём новом мире прошла спокойно (даже чересчур). Я выспалась, чувствовала себя превосходно и была готова к любым неожиданностям, подстерегавшим несравненную меня на пути к заветной цели. В дверь осторожно поскреблись.

— Да-а… — лениво-сонно отозвалась сообразительная я, для антуража выставив из-под одеяла голую ногу почти до бедра и закидывая руку за голову — так, чтобы создать элемент необходимой и достаточной эротичности (это когда грудь на грани прямой видимости). Если это хозяин припёрся с утра пораньше, можно будет изобразить смущение (или наоборот — в зависимости от того, как он себя поведёт).

Но в дверях нарисовалась служанка — тётка-ватрушка лет сорока пяти, приставленная ко мне со вчерашнего вечера. Надо сказать, свои обязанности она выполняла добросовестно: не успела я заселиться в гостевую комнату, как эта типа горничная организовала мне мытьё прямо в номере. Поначалу появление здоровенной деревянной лохани с горячей водой не вызвало у меня особого восторга, однако это местное джакузи оказалось вполне на уровне — мне даже понравилось. И вода была какая-то особая, и сам процесс — служанка не просто мыла меня, она ещё и подколдовывала (это я уже потом догадалась).

— Ваш наряд, леди, — прокурлыкала ватрушка, протискиваясь в дверь.

Ну да, конечно, — вчера мне пришлось переоблачиться в местное от кутюр: в рубашку из тонкого полотна и в архаичного покроя платье, напоминавшее ту же рубашку, только чуть подлиннее, и сшитое из более грубой ткани. Я не стала возражать — надо же мне привыкать к местным модам, — однако строго потребовала, чтобы всю мою одёжку утром мне вернули. И служанка в точности исполнила приказ леди Активии Отданон и даже перевыполнила: всё, включая джинсы (ветровку я сдавать не стала), было выстирано, высушено и благоухало (патентованные стиральные порошки отдыхают). У них тут что, магию используют и для мелких бытовых нужд типа стирки? Прикольно…

— Мой господин ждёт вас к завтраку, — доложила

исполнительная тётка и удалилась. Я вздохнула и начала одеваться: шутки в сторону — мне предстоит явиться пред светлые очи властительницы Окостенеллы.

Приведя себя в порядок (благо удобства были в номере — не ожидала я такого от этого средневекового мира) и одевшись, я машинально включила мобильник. Вечером я всегда его выключаю — автоматически, — чтоб никакой ошибшийся номером придурок не потревожил среди ночи в самый неподходящий момент. К моему удивлению, мобильник вякнул — мне пришло сообщение (причём на кириллице). "Я тебя найду" — гласило оно. О как… Эххи за прошедшую ночь не только обзавелись собственным провайдером, но и внедрили игру "Пошли SMS на номер такой-то и получи приз"? Это круто. Хм, а сети-то нет… Занятно… И что бы это значило? Не найдя ответа, я убрала мобильник: проблемы будем решать по мере их поступления, а сейчас мне надо идти.

Вчера вечером, как только мы въехали в главную проходную Ликатеса, к нам подгрёб начальник караула и со словами "Властительница Окостенелла" протянул О'Праху кристалл размером с куриное яйцо, светившийся красным. Верт почтительно взял яйцо, положил на ладонь и прикрыл глаза — догадливая я поняла, что это что-то вроде местной сотовой связи. Сотник побалдел так с минуту, а потом вернул кристалл вахтёру и сказал насторожившейся мне:

— Властительница не сможет принять вас немедленно, леди Активиа. Отряды Вам-Кир-Дыка перешли границу, и все лучшие маги Полуденной стороны сейчас совещаются и решают, что делать. Окостенелла ждёт нас завтра утром, а пока я приглашаю вас к себе — вы можете провести ночь в моём доме. Я понимаю, что жилище простого сотника не слишком подходит благородной девушке из клана Отданонов, но не ночевать же вам в гостинице, тем более что на вас идёт охота — вспомните песчаного попрыгуна и этого ужасного дракона.

Чтой-то мне это напоминает, так-так… Это мы ещё в школе проходили: мальчик приглашает девочку к себе посмотреть клёвые дивидишки, а потом начинается типа да куда ты поедешь, метро закрыто, и мосты разведены, и вообще утро вечера мудренее. В принципе я была не против, хотя ещё злилась на сотника за его чурбанское отношение к любимой мне. Женщина вообще вправе менять свои намерения в зависимости от множества причин: от настроения, положения звёзд, погоды и цен на косметику. К тому же, может, ему на службе (да ещё на глазах солдат) нельзя шуры-муры крутить? Может, у эххов это как-то не принято? Но на всякий случай я решила прощупать почву и

скромно поинтересовалась:

— А что скажет твоя супруга?

— У меня нет жены, — ответил О'Прах, и по его пошкрябанному лицу пробежала еле заметная тень грусти. — Девушка, которую я когда-то любил, вышла замуж за другого, и с тех пор…

Ох, и ни хрена себе! Прям сюжет для мыльной оперы: ветреная Мальвина уходит от романтика ратной службы Пьеро к по уши деревянному прагматику Буратино, решившему заняться бизнесом путём вложения — в прямом смысле слова — некоторой суммы денег в земельный участок в расчёте на десять тысяч процентов прибыли. И Пьеро остаётся с носом, потому что у Буратино длиннее… нос (нос, а не то, что вы подумали!). Утрите слёзы, можно смеяться (для непонятливых — смех за кадром).

Я не стала бередить сердечные раны сурового воителя и тактично воздержалась от выяснения подробностей этой стародавней и трагической love-story, хотя это и стоило мне некоторых усилий — честно говоря, очень хотелось узнать, как там у них всё было: кто, что, как, и почему Верт не пришил соперника (или всё-таки пришил?). Но от другого вопроса я удержаться не могла (и не хотела).

— А как будет реагировать на моё появление твоя юная наложница, по которой ты так скучаешь?

— А она-то здесь при чём? — искренне удивился он. — Это мой дом, я в нём хозяин, и я решаю, кто будет моим гостем. Я могу пригласить к себе хоть тролля, хоть призрака, и не буду спрашивать никого из моих слуг!

Я только вздохнула. Нет, извилины у Верта явно трёхлинейные, как винтовка, — моих тонких намёков он, похоже, в упор не понимает: я-то ведь не призрак, а молодая и, как мне кажется, чувственная девушка во плоти. У меня даже появилось подозрение, что я ошибаюсь насчёт его истинных намерений относительно сногсшибательной меня, однако я прогнала эту унизительную для меня мысль: весь мой жизненный опыт свидетельствовал о том, что все мужики одинаковы и думают только об одном, глядя на женщину.

Короче, сотник отправил своих бойцов в казарму, приказав им доложить ситуацию начальству, а мы направились к нему на квартиру. Ехали мы недолго, и я не очень смотрела по сторонам: во-первых, темнело, во-вторых, я устала, в-третьих (хотя это скорее во-первых) я мысленно прокручивала в голове всевозможные варианты нашего с Вертом предстоящего ужина при свечах, особенно его финальной части.

Встретили нас с почтением. Дюжий слуга принял запаленного

коня, а меня поручили заботам вышеупомянутой ватрушки. Дом у сотника оказался хоть и одноэтажным, однако просторным, и гостевая комната мне понравилась — особенно ложе. И в местном прикиде я выглядела эффектно — я смогла в этом убедиться, глянув в зеркало, — так что после омовения и причесона я проследовала к столу во всеоружии.

Ужин тоже был классным, хотя настроение мне подпортило то, что роль официантки исполняла темноволосая девчонка лет семнадцати, в которой я безошибочным женским чутьём определила ту самую пресловутую юную наложницу. Ошибиться было трудно: она сладко улыбалась Верту, наливая ему вина, и вертела задницей, а он смотрел на неё так, что я не сомневалась — если бы не присутствие высокородной меня, сотник трахнул бы её прямо на столе. Настроение у меня заметно испортилось, хотя О'Прах был галантен, насколько вообще может быть галантен армеец, и охотно отвечал на все мои вопросы. Впрочем, его ответы в моей голове не задержались — я задавала вопросы так, чтобы разговор поддержать.

Банкет затягивался, за окнами давно стемнело, сотник уже начал прихватывать свою соплюшку за разные места — правда, не слишком откровенно, — и тогда я поняла, что нужно брать инициативу в свои руки. И взяла — допив бокал (в мозгах у меня уже шумело), я кротко произнесла:

— Благодарю тебя, почтенный хозяин. Время уже позднее — не проводишь ли ты меня в мои покои?

Верт с готовностью вскочил, а я со злорадством отметила, что его потаскушка грустно потупилась. Перед дверью гостевой комнаты я покачнулась и очень естественно ухватилась за сотника. Он поддержал меня за талию, но не более того — даже нормального объятия не получилось, не говоря уже о поцелуе. Я закинула голову и с рассеянной улыбкой прикрыла глаза, однако и это не подействовало — то есть подействовало, но не так, как я хотела.

— Вам нехорошо? — участливо спросило это ходячее полено.

— Теперь уже лучше, — прошептала я, ненавязчиво приникая к нему.

Тщетно. Похоже, О'Прах решил не выходить за рамки эххийской вежливости, и я вынуждена была от него отцепиться — уж больно по-дурацки это выглядело. Сотник тут же отпустил мою талию.

— Надеюсь, вас никто сегодня не потревожит.

— Смотря кто, — загадочно молвила я, глядя ему в глаза, но он меня опять не понял.

— Не беспокойтесь, я рядом, и если что…

— Рядом — это как? — невинно осведомилась я. — По какую сторону двери?

Блин, да такой вопрос равносилен тому, как если бы я откровенно задрала перед ним подол, однако этот тип, явно по ошибке носящий своё знаковое имя, снова меня не понял — или не захотел понять.

Сотник улыбнулся, взял мою руку и осторожно поцеловал мне кончики пальцев. Я разулыбалась в ответ, как последняя дебилка, а он поклонился и со словами "Я буду вас охранять, леди Активиа" тихо слинял, оставив меня в полном недоумении. Нет, я понимаю, уважение к девушке из знатного рода и всё такое, но если эта девушка сама чуть из платья не выпрыгивает, то не оказать ей должного внимания — это просто западло! Взгляд сотника и его улыбка показались мне многообещающими, и я подумала, что он придёт позже, наведя порядок в доме и позагоняв всех слуг по камерам, чтобы потом не чесали зря языками и не трепали доброе имя Отданонов. Ведь как должен действовать на его месте любой мужчина — да трахнуть меня, и всё! Что же касается его юной наложницы, так ведь и жена не стена, подвинуть можно, а она простая пленница. В конце концов, наложница лежит, из дома не убежит, а очаровательная я завтра исчезну из жизни начальника сотни наёмников и, скорее всего, навсегда. Так какие тут могут быть ещё варианты?

С этими греющими душу (и тело) мыслями я зашла в комнату, разделась и улеглась в постель. На двери была щеколда, но запирать её я не стала: если некий повеса заберётся ко мне ночью с похотливыми намерениями, я дам ему должный отпор — до самого утра.

Время шло, однако дверь так и не скрипнула — сотник явно не спешил выполнить своё обещание охранять драгоценную меня. Появилась даже идиотская мысль пойти его поискать, но я её с возмущением отвергла: что я себя, совсем не уважаю? Может, мне ещё прикажете организовать секс-трио типа "Слава, Криста и Алина", только в другом составе: бравый воин Верт О'Прах, его рабыня и дочь горского князя? Ага, счаз, спешу и падаю!

А потом усталость и выпитое вино дали себя знать, и я уснула, окончательно решив: начальник сотни наёмников из Ликатеса будет повешен на следующий день после того, как избранная я стану королевой. Окостенелла, думаю, возражать не будет, когда узнает причину моего гнева — она хоть и магесса, но всё-таки женщина.

Но если не заморачиваться на этом досадном обломе, на остальное грех жаловаться. Ночь прошла спокойно, и утром обиженную меня разбудил ласковый и тёплый солнечный луч,

влетевший в широкое окно. Когда я услышала дверной поскрёб, то сначала подумала, что Верт всё-таки решил исправить свою роковую ошибку, однако это оказалась служанка-ватрушка, притащившая мне моё бельишко. Ладно, будем надеяться, что это расстройство останется для меня самым большим — хотя бы на сегодняшний день.

* * *

За завтраком я вела себя сдержанно, хотя при виде блаженного выражения морды лица обслуживавшей нас сотниковой девицы, которая двигалась, как сонная муха, мне так и хотелось запустить в неё чем-нибудь тяжёлым. Самого же Верт О'Праха я убивала ледяным презрением, предельно ясно давая ему понять, что в память о несравненной мне, не только соизволившей переступить порог его халупы, но и переночевавшей в ней, он обязан повесить на воротах мемориальную доску и с придыханием рассказывать о моём визите своим детям и внукам (если какая-нибудь идиотка согласится выйти замуж за такого кретина и рожать ему этих детей).

Покончив с едой, я вопросительно уставилась на Верта. Меня интересовало, на каком виде транспорта мы будем добираться до офиса Окостенеллы, но задавать ему этот вопрос я сочла ниже своего достоинства — пускай сам доложит, козёл политкорректный.

— Вы готовы, леди Активиа? — вежливо осведомился этот двуличный тип.

Я скорчила высокомерно-пренебрежительную гримасу, которую можно было понять как "Да ясен хрен готова, чего спрашиваешь, придурок?", так и "А пошёл ты на…". Сотник истолковал мою мимику правильно, засуетился, выскочил в соседнюю комнату и через пять минут вернулся — уже в прикиде, нацепив на себя своё железо и подпоясавшись мечом. Пока его не было, его наложница исчезла лёгкой тенью — я и глазом моргнуть не успела. Судя по всему, она боялась оставаться наедине с величественно-суровой мной — и правильно делала, между прочим. О'Прах почтительно подал мне руку, и мы вышли во двор.

Опа-на! Клёво! Я думала, мы снова поедем верхом — в смысле, Верт меня повезёт, — не допуская и мысли о пешей прогулке (я Отданонка или кто?), однако на улице меня ждал приятный сюрприз. Перед домом я увидела типа носилки с

кабинкой — паланкин называется — и при них четверых крепких мужиков, обнажённых до пояса (сверху, не подумайте ничего такого). Дизайн этой тачки мне понравился: лёгкая крыша, бортики, мягкое сидение из как бы бархата. Кабинка с трёх сторон была открытой — панорамный обзор, блин горелый! — а сзади, за спинкой кресла, имелась стенка, снаружи украшенная изображением кошачьей головы. Кошка была как живая — мне даже показалось, что её прищуренные глаза смотрят на меня не слишком ласково. Мдя, подумала я, не к подружке на вечерушку поедем… Хотя с другой стороны, если за мной прислали персональный паланкин, нет оснований впадать в отчаянье — во всяком случае, пока.

Один из носильщиков с лёгким полупоклоном распахнул передо мной бортик, я села с независимым видом — подумаешь, невидаль! — и ребята дружно подняли паланкин. Сотник вскочил на коня, махнул рукой, и мы тронулись в путь по улицам славного города Ликатеса.

Город мне понравился — вчера, как я уже говорила, мне было как-то не до обозрения его достопримечательностей, зато теперь я вовсю глазела по сторонам, стараясь при этом соблюдать достоинство княжны и не слишком рьяно вертеть головой. Мостовые, аккуратно выложенные камнем; добродушные дома с остроконечными крышами и клетчатыми окнами; уютные дворики с цветочками — я видела их сквозь калитки из ажурного литья и через невысокие ограды. Улицы ровные и широкие — не Невский проспект, конечно, но две телеги разъедутся запросто. В общем, похоже на старую Ригу, только повеселее и погламурнее — как в глянцевом рекламном буклете какой-нибудь крутой туристической фирмы. Пасторальное средневековье называется.

Говорят, в средневековых городах грязи было по ноздри: жители гадили прямо из окон на головы прохожих, воняло, как на помойке, а люди — что простолюдины, что знать, — не мылись вообще. Хотя откуда это известно? Свидетели-то все давно перемёрли (оттого, наверно, что не мылись). Вообще история — дело тёмное. Помню, ещё в школе один парень пристал к учителю: мол, почему про Великую Отечественную войну мой дед говорит одно, Интернет — другое, а в учебнике написано третье? Педагог вздохнул и сказал типа того, что истории нет, а есть мнения историков. А мнения эти — функция многих переменных, самая главная из которых — конъюнктура текущего момента. Мне-то самой все эти дела давно усопших как-то глубоко по фигу — что Троянская война, что Вторая Мировая, давно было и неправда, — но мне тогда нравился этот упрямый черноволосый мальчишка и я развесила уши и запомнила всю эту муру про

историю.

Короче, не знаю, как там было у нас в средние века, но на улицах Ликатеса было чисто. И люди тоже были чистые и опрятные, и помойкой даже не пахло. Понятное дело, если у них тут штаны стирают с помощью магии, то им реально по барабану, подведёт ли их когда-нибудь "Рексона" или нет. А того перца, который пугает "Иду на вы со своим клёвым порошком!", эххи точно замочат, как только он спросит: "Вы ещё замачиваете?".

Хотя, может, и не замочат — попадавшиеся нам навстречу прохожие отнюдь не выглядели мрачными и озлобленными типами, так и вынюхивающими, где бы что спереть и кого бы кинуть на бабки. Люди были озабоченными, спешили по своим делам — интересно, чем они здесь занимаются: в мире, где магия — обычное дело? — однако я ни разу не увидела ни ссор, ни склок, не говоря уже о потасовках или других каких разборках, и не поймала ни одного косого или завистливого взгляда. Замечая кошку на моём паланкине (я так поняла, что это типа герб самой Окостенеллы или её рода), они не падали на колени, но смотрели мне вслед с уважением, и я снова почувствовала себя будущей повелительницей этого мира.

Не, монархия — это именно то, что нужно для успешного управления государством (при условии, что королями-королевами будут самые достойные — вроде меня). Взять хотя бы этих ликатесцев: ими правит, как я поняла, жестокая и злобная тиранка и неисправимая нарушительница прав человека (чего стоит одна её кровавая расправа с бароном Занозиллой и его подданными, не говоря уже о приказе, который магесса отдала относительно любимой меня), а они выглядят поголовно сытыми, счастливыми и жизнерадостными! Покажите мне где-нибудь как бы демократию, при которой такое возможно — я не видела.

По мере того, как мы приближались к центру города, дома становились солиднее — всё чаще попадались двух- и даже трёхэтажные, — а походка встречных горожан — степеннее. Я высматривала что-нибудь типа магазина или хотя бы лавочки — интересно же, чем они тут торгуют! — однако пока не видела ничего похожего. Это меня несколько удивило — что это за город без супермаркетов? Хотела было спросить Верта, но вспомнила, что я на него сердита и смирила своё женское любопытство. В конце концов, узнаем — отложенное удовольствие не есть потерянное удовольствие, как сказал самоубийца, откладывая револьвер.

Улица, по которой несли любознательную меня, окончилась обширной площадью, в которой я безошибочно опознала рыночную: здесь сновало множество народу и видны были

прилавки с разложенным на них разнообразным товаром — прям глаза разбежались. Чего тут только не было — весь ассортимент, от еды-питья до одежды-обуви и оружия. Я поняла, что если немедленно не остановлюсь и не пробегусь по этим торговым рядам, то весь день будет испорчен окончательно и бесповоротно. Я уже открыла рот, чтобы потребовать привала для шопинга, и только присущая мне рассудительность заставила меня захлопнуть его, не издав ни звука. Окостенелла подождёт, это полбеды (больше ждала, и к тому же она не соизволила принять меня вчера, в результате чего я ночевала у сотника и получила душевную травму) — проблема в том, что у меня нет денег. Нет, в кошельке у меня завалялась пара тысяч рублей, но я не уверена, что рубли здесь в ходу (как, впрочем, и евры с долларами), и даже обменять их на местные тугрики вряд ли получится. Девушка из клана Отданонов на рынке без денег — это позор, а для девушки-блондинки Алины из Санкт-Петербурга глазеть на всё это изобилие и не иметь возможности купить хоть какую-нибудь мульку — стресс на уровне летального. Я могла бы, конечно, под благовидным предлогом попросить как бы взаймы у Верта, но мне не позволило моё оскорблённое самолюбие, а сам этот гад до такого простого и естественного решения не дотумкал — где уж ему, убогому! Он в простейшей-то ситуации оказался пень пнём, а эти тонкие нюансы обращения с женщинами для него вообще высший пилотаж.

Настроение моё заметно снизилось, но тут сотник (он ехал чуть впереди) придержал коня, повернулся ко мне и сказал, показывая вперёд:

— Дворец властительницы Окостенеллы, леди Активиа! Нас уже ждут.

Дома за площадью расступились, и я увидела нечто среднее между малогабаритным кремлём, бизнес-центром и дворцом оригинальной планировки — белые стены, балкончики, шпили, наружные галереи, высокие стрельчатые окна с тонированными стёклами. На первый взгляд, ничего воинственного, если не считать рва с водой, окружавшего этот домик-пряник, подъёмного моста на цепях (сейчас он был опущен), кованых ворот (тяжёлых на вид) и двух привратных башен с узкими бойницами. Хм, народная любовь любовью, но доты-пулемёты не помешают — даже могущественной магессе.

У ворот стояло несколько воинов в латах, шлемах, со щитами и копьями, и когда мы подъехали (то есть подъехал сотник, а благородную меня поднесли в моём паланкине), один из них — у него на шлеме был роскошный плюмаж из перьев а ля Киркоров — поднял руку, и створки ворот медленно и бесшумно

распахнулись.

Пройдя арку ворот — цокот копыт коня Верта отскочил в ней от стен и свода звонким эхом, — мы оказались в просторном внутреннем дворе. Дворец был выстроен квадратом, и внутри его сомкнувшихся крыльев и получился двор (типа как в нашем Эрмитаже — видели, наверно). Я была там месяц назад — сопровождала группу наших зарубежных партнёров в порядке гостеприимства. Прыгала перед их старшим, как канарейка на жёрдочке, — думала, оценит в конвертируемой валюте. Хрена — добилась только того, что он начал ненавязчиво приглашать меня к себе в номер, но у меня хватило ума не клюнуть на это разводилово: мой шеф такого не одобряет — вы, мол, не проститутки, а менеджеры серьёзной фирмы. Ага, а то я не знаю, зачем он иногда прямо в рабочее время вызывает кое-кого из новеньких девчонок к себе в кабинет — "для личного инструктажа", как он это называет, козлина.

Во дворе О'Прах спешился и передал коня воинам внутренней стражи, а мои бурлаки бережно поставили паланкин на мраморные плиты, выстилавшие двор. Я сосредоточилась, и мы с Вертом вальяжной походкой двинулись к парадному подъезду. Куда идти, догадливая я вычислила с лёту и без подсказки сотника: полуовальная дверь с барельефом в виде всё той же кошачьей головы, возле которой замерли два бронированных воина, автоматом бросилась в глаза.

Я храбрилась — типа, видали мы всяких магесс, — но сердце ёкало, и когда мы вошли в как бы холл, появилось ощущение, что эта чёртова кошка на дверях заглотила бедную меня, словно пойманную мышь. Но интерьер был миленький — никаких тебе оскаленных черепов и прочих устрашающих атрибутов на стенах; отделочка (пластик, не пластик, хрен поймёшь) под дерево, тёплое на вид и слегка светящееся изнутри мягким таким светом. Наверх, на второй этаж, вела широкая лестница — мы поднялись и оказались перед очередной дверью, на этот раз обычной прямоугольной формы.

— Начальник сотни наёмников Верт О'Прах и девушка из клана Отданон, — доложил сотник непонятно кому (у дверей никого не было), и дверные створки тут же открылись. Ну да, магия, — всё время забываю, где я нахожусь…

За дверями оказался большой зал со сводчатым потолком. Окна были задёрнуты тяжёлыми занавесями, но по периметру зала горело множество светильников — не факелов и не ламп, а каких-то чаш, источавших ровное свечение, — поэтому всё было видно: и мозаика на стенах, и пышный ковёр на полу. А первое, что я увидела, как только мы вошли, — кресло с высокой

спинкой. Оно стояло напротив двери, у противоположной стены, и на нём сидела женщина в роскошном длинном платье — надо быть полной дурой, чтобы не догадаться, кто она такая. Больше в зале никого не было — ни разных там придворных, ни даже охраны.

Верт торопливо поклонился, и даже гордая я поневоле дёрнула головой, изобразив что-то похожее на вежливый поклон.

— Подойдите, — услышала я и подумала: "Ни тебе здрасьте, ни тебе привет! Вежливая дамочка, ничего не скажешь…".

Мы послушно приблизились. Сотник замер истуканом, преданно поедая глазами свою повелительницу, и я тоже во все глаза разглядывала Окостенеллу — не так почтительно, как Верт, но очень внимательно. Как говорит мой шеф, по внешности клиента можно точно определить, чего от него ждать, сколько он сможет заплатить, и самое главное — серьёзный он заказчик или так, фуфлогон беспонтовый.

— Рассказывай, — ледяным тоном рефрижератора приказала властительница О'Праху, и тот начал излагать историю наших приключений: как он получил приказ, как поскакал, не щадя коней, к Поперечному Лесу, как нашёл меня у дома стража Рощи Порталов Причесаха, и как выяснилось, что я не совсем даже ведьма, а совсем даже не ведьма.

Окостенелла слушала молча, не перебивая, хотя кое о чём наверняка уже знала — как я поняла, магическая связь тут у них работает нормально. На меня она бросила всего один короткий взгляд, а потом смотрела куда-то мимо — типа не вижу объекта, достойного внимания. Но мне хватило и одного её взгляда, чтобы понять: это вам не Причесах и не Верт О'Прах — эту даму на кривой козе не объедешь. Видела я крутых бизнес-леди, которым человека раздавить — что комара прихлопнуть, они примерно так же глядят на суетящуюся вокруг мелкую шушеру, не относящуюся к тусовочной элите. И зачастую тому, кто попал под такой взгляд, лучше самому быстренько покончить с собой (если он не мазохист и не горит желанием помучиться перед смертью). И поэтому я стояла тихо, как мышка, стараясь дышать не очень громко, и пользуясь тем, что Окостенелла внимательно слушает рассказ сотника, продолжала исподтишка изучать её внешность — ведь от магессы, судя по всему, зависело моё будущее.

Выглядела она, конечно, эффектно — сколько ей лет, определить было невозможно. Точёное лицо с тонкими чертами; огромные серые — равнодушные и убийственно холодные — глаза в обрамлении густых ресниц; кожа лица чистая, чуть смуглая — я поначалу пыталась гадать, какой косметикой она пользуется, пока не сообразила, что кремы, маски и лифтинги

магессе и на фиг не сдались — на то она и магесса; пышные чёрные волосы, свободно падавшие на плечи — если бы она с такими волосами взялась рекламировать у нас какой-нибудь питательный шампунь, то стала бы миллионершей без всяких усилий. "Красивая баба…" — неприязненно подумала я, но тут вдруг заметила, что зрачки у Окостенеллы узкие и вертикальные, как у кошки, и мне стало как-то неуютно. Вот ведь нелюдь эххийская…

Одета она была в платье местного покроя — то есть типа рубашки, только не прямое, а схваченное под грудью и декольтированное до зыбкой грани "сиськи наружу", — розового цвета, густо разбавленного кровью. Платье доходило до пола, из-под его края торчал носок туфельки — такого же цвета, что и платье, в тон. Из какой ткани оно сшито, я понять не могла — тафта не тафта, атлас не атлас, шёлк не шёлк: ткань эта одновременно казалась и бархатно-тяжёлой, и воздушно-лёгкой. Местные Юдашкины и Дольче-Габаны не зря ели хлеб: наряд магессы иллюстрировал известное выражение "простота дорого стоит". И ювелиры тоже: стройную шею Окостенеллы украшало ожерелье из какого-то сплава драгметаллов, уши — серьги из того же гарнитура, на голове была надета маленькая сверкающая диадема. Руки властительницы с аккуратными острыми ногтями — они мне почему-то показались похожими на кошачьи когти — покоились на подлокотниках кресла; на безымянном пальце правой я заметила перстень с сердоликом, на том же пальце левой — изящное тонкое кольцо. И всё — Окостенелла явно не следовала примеру идиоток, считающих, что золотом надо увешаться от ноздрей до лодыжек. И при этом от всего облика властительницы веяло безжалостной силой, способной стереть в порошок любого, кто окажется на её пути.

Тем временем сотник закончил повествовать об убиении напавшего на нас песчаного попрыгуна и перешёл к описанию визита дракона.

— И леди Активиа обратила его в бегство! — вдохновенно изрёк он, а я заметила, что лицо магессы еле заметно дрогнуло. "Ага, — подумала наблюдательная я, — значит, и ты кое-кого здесь боишься!", и немного приободрилась.

— Хорошо, — бесстрастно произнесла Окостенелла, когда О'Прах закончил и перевёл дух. — Я тобой довольна (хотя по её тону в упор нельзя было понять, довольна она или нет). Позволяю тебе отдохнуть да завтрашнего восхода солнца. Я дала бы тебе и три дня, но время тревожное: войска Вам-Кир-Дыка вторглись на Полуденную сторону. Но об этом мы с тобой поговорим завтра, а пока иди.

Сотник поклонился властительнице, потом мне и строевым шагом пошёл к дверям. Магесса проводила его глазами, а когда двери за спиной Верта закрылись, перевела на меня свой прищуренный взгляд лазера. "Хоть бы сесть предложила, что ли…" — мелькнуло у меня в голове. Эххийка усмехнулась, откуда-то сбоку вынырнуло кресло и собачонкой бросилось ко мне. Я реально прибалдела, и тут…

— Никакая ты не Активиа Отданон, — услышала я холодный голос Окостенеллы, — и к знаменитому клану горных князей не имеешь никакого отношения. Ты самая обыкновенная попаданка из параллельного мира: из, — магесса на секунду замолчала, словно сверяясь со справочником, — мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды. Вы называете эту планету Землёй, верно?

* * *

Вот тут я прибалдела уже по-настоящему. Стояла, хлопая глазами, пока подбежавшее кресло не стукнуло меня сзади под коленки, и я не плюхнулась в него дура дурой.

— Настоящая Активиа Отданон, — спокойно продолжала властительница Ликатеса, — единственная дочь князя Эрм-и-г'Урта Отданона, погибла вместе со своим отцом месяц назад, когда "чёрные кобольды" Вам-Кир-Дыка захватили замок Урт и разрушили его, перебив всех защитников. Соседи не смогли помочь осаждённым — Тупые Облака перекрыли горные тропы и перевалы, — а когда стрелки Шумву-шаха пробились к замку, они увидели там только мёртвые руины. Дружины братьев Эрма ринулись в погоню, настигли вамкирдыкцев в ущелье Теней, у озера Забб, и уничтожили, но… Пленных спасти не удалось — враги умертвили их, когда поняли, что им не вырваться из окружения. Тел князя и его дочери не нашли — магический просмотр прошлого показал, что они сгорели на стенах Урта, отбивая штурм. Правда, об этом мало кто знает — просмотром занимались лучшие маги Полуденной стороны, не слишком склонные к болтливости. Что скажешь? — закончила Окостенелла в режиме Горбатого из "Места встречи изменить нельзя".

— Бабу не обманешь, — пробормотала ошарашенная я, припомнив всю реплику, — она сердцем чует…

— Что? — удивилась магесса.

— А… Это я так, к слову, — промямлила я, совершенно не представляя, что ещё можно сказать. Вот это облом так облом…

— Но и без этого, — Окостенелла улыбнулась ласковой улыбкой профессионального инквизитора, — любому мало-

мальски сведущему магу ясно, что ты не эххийка — это видно с первого взгляда. Попаданцы — обычное явление, они появляются в нашем мире достаточно часто, и мы к ним привыкли. Миров множество, они соприкасаются, и их обитатели иногда перескакивают из одного мира в другой — при определённом стечении обстоятельств. Однако всё дело в том, что в последнее время пришельцы из твоего мира стали, как бы это сказать, не самыми желанными гостями в нашем мире.

— Почему? — тупо спросила я.

— А ты сама не догадываешься? — магесса снова усмехнулась. — Не вписываетесь вы в наш мир, а хлопот с вами… Вот мы и решили ужесточить наши иммиграционные законы — у вас ведь тоже распространена такая практика. Хотели даже поставить железный занавес.

— К-как?

— Железный занавес, — невозмутимо пояснила властительница, — стену из металла, материализованную на стыках измерений в точках наибольшей вероятности спонтанных взаимопроникновений.

"Тащусь я от вашей математики, как удав по стекловате" — подумала я.

— В случае несанкционированного перехода, контакта с занавесом — особенно если удариться в него головой — достаточно для разрушения головного мозга и для прекращения жизнедеятельности биологического организма. Просто и эффективно. К сожалению, это предложение не встретило поддержки у магов Гильдии стражей Порталов — они сказали, что нельзя стричь под одну гребёнку всех попаданцев из разных миров. Поэтому теперь стражи занимаются селекцией: кого пропустить, кого завернуть.

— Завернуть — это как?

— Отправить обратно. Как правило, двойной переход из мира в мир — оттуда и туда — за короткий промежуток времени оказывается смертельным сам по себе. Но милосердные стражи Порталов обычно дарят попаданцам-нелегалам из твоего мира лёгкую смерть, потом запихивают труп в Портал и отправляют его назад — в точку, где произошёл первичный переход: например, при падении с моста, прыжке на рельсы, выпадении из окна и так далее. Всё выглядит очень естественно. За последние полгода к нам попало около десятка ведьм и пара ведьмаков — так мы вас теперь называем, — мы их вернули, и все они стали в вашем мире жертвами несчастных случаев.

Я представила себе строчку из криминальной хроники: "В канализационном люке найдено тело молодой девушки. Смерть

наступила в результате черепно-мозговой травмы, полученной от удара по голове тяжёлым тупым предметом. Начато расследование, личность девушки устанавливается", и мне захотелось тихо заскулить.

— А как же… я?

— А тебе повезло. Причесах у нас добряк — гуманист, по-вашему. Он сразу понял, кто ты такая, но пожалел — ты была голодна. И он решил тебя накормить, а потом угостить ядом и выполнить свои служебные обязанности. Но тут произошла Великая Случайность — ты назвалась именем реальной обитательницы нашего мира, о существовании которой ты никак не могла знать. И Причесах с лёгким сердцем предоставил мне решить твою судьбу — случай вышел неординарный.

— А Верт, он… тоже?

— Что "тоже"?

— Ну, это, знал, что я не эта, которая Отданон?

— Нет. Сотник был уверен, что ты горская княжна. Он простой эхх, маг-воин низкого уровня, и не владеет магическими тонкостями. Для него ты была и осталась леди Активией.

Не знаю почему, но мне было приятно это услышать. Неважно, что со мною будет дальше, но хоть для одного обитателя этого мира я так и останусь благородной леди.

— Что вы, — я сглотнула, — хотите со мной сделать?

— Что сделать? — переспросила магесса, глядя на несчастную меня с любопытством естествоиспытателя. — Мы уважаем вселенскую Случайность — проявление Закономерности, великого закона Мироздания. Сначала я хотела адаптировать тебя под эххийку и подарить тому же Верт О'Праху или наградить тобой какого-нибудь другого отличившегося воина. Ты ведь хотела попасть в волшебный мир, верно? Вот и живи да радуйся. Но потом выявились некоторые дополнительные обстоятельства, и я изменила своё первоначальное намерение. Напавший на вас песчаник действительно был послан Вам-Кир-Дыком — сотник не ошибся. Вам-Кир-Дык сильный маг, но он не сумел с Полуночной стороны разглядеть, кто ты есть на самом деле, и принял тебя за чудом выжившую дочь князя Эрма. Это нужно использовать — ты можешь быть нам полезной.

— А дракон? — торопливо добавила я, завидев слабый лучик надежды.

— Дракон… — Окостенелла поморщилась. — О драконе потом. Ты останешься здесь, в Ликатесе, и я подумаю, как…

— Но я хочу в столицу! — почти завопила я. — Я влюблена в Шумву-шаха, и хочу быть его женой!

— Влюблена? — брови властительницы изумлённо поползли

вверх. — И где же ты его видела, — язвительно спросила она, — так, чтобы успеть влюбиться, позвольте спросить?

— В Интернете, — выпалила я, — на сайте знакомств! Love Planet, кажется.

Я врала напропалую, чувствуя, что меня может спасти только неожиданный ход или обыкновенное чудо.

К моему величайшему удивлению, Окостенелла задумалась.

— Я слышала, — сказала она после паузы, — что некоторые любопытные молодые эххи-маги проникают в ваше виртуальное пространство*, но не думала, что они уже знакомятся с вами таким оригинальным способом. Шумву-шах серьёзный мужчина — он не занимается такими глупостями. Скорее всего, это кто-то из молодёжи создал его изображение в вашей Сети, а может, и отвечал за нашего короля на письма поклонниц. Надо будет выяснить…

---

* Об этом — в рассказе "Помощник".

— Так говоришь, женой? — магесса снова посмотрела на меня, и я увидела в её глазах странный огонёк. — А это идея… Аура у тебя что надо, и вообще ты существо… своеобразное — я покопалась в твоём сознании… Хм…

Окостенелла опять задумалась, а я сидела ни жива, ни мертва, не зная, кого молить о помощи — про бабочку-амулет я и думать забыла. Властительница задумчиво почесала висок, и зоркая я, несмотря на отчаянность моего положения, заметила форму уха магессы, на миг появившегося при этом движении из-под её густых волос. Ухо было остроконечным! Блин, да она эльфийка! Любому любителю фэнтези известно, что у эльфов острые уши, у хоббитов — волосатые ноги, у гоблинов — зелёная кожа, а гномы по жизни пивные алкоголики. Ну да, Причесах говорил, что эххи бывают самой разной породы — даже дракон, который навестил нас на привале, он ведь тоже эхх. Только вот вряд ли мне поможет то, что властительница Ликатеса является дальней родственницей Галадриэль — Перворождённые, как я помню, людей не слишком жалуют. А может, Окостенелла просто кошка в человечьем обличии? Не зря у неё кругом кошачьи головы нарисованы — неспроста. Хотя и это не в жилу: у меня хоть и есть в натуре кое-что кошачье, но его не так много, чтобы кошки признали меня за свою.

— Хорошо, — сказала наконец Окостенелла (я затаила дыхание). — Ты отправишься в столицу. Я даже дам тебе провожатого — если ты поедешь одна, первый же летун-шустрик оторвёт тебе голову и отнесёт её на прокорм своим птенцам.

Кроме того, я тебя адаптирую — чуть-чуть: так, чтобы ты смогла существовать в нашем мире без ненужных проблем. У нас мало времени — скоро может начаться война, — так что не будем зря его тратить.

Я не поняла насчёт проблем, но словечко "адаптировать" вызвало у меня смутные и нехорошие подозрения — я припомнила переделки людей в киборгов и всякие прочие ужасы из фантастических триллеров. Я рванулась, но неведомая сила вдавила меня в кресло, и я потеряла сознание.

Когда я очнулась (сколько времени прошло — не знаю), я услышала негромкий голос Окостенеллы — магесса с кем-то беседовала. Прислушавшись, я решила из осторожности не открывать глаза: речь шла обо мне, любимой.

— У этой девушки тело и память жительницы одного параллельного мира, внесённого нами в список несовершенных. Она попаданка, но вместе с тем высока вероятность того, что на неё при переходе — в Междумирье — наложился зеркально-инкарнационный дубль дочери одного из князей Отданонов, Активии, погибшей в Западных горах месяц назад. Она рвётся в столицу — хочет стать женой Шумву-шаха. Говорит, что видела его и влюбилась. Я наделила её кое-какими первичными умениями эххийки, но ей одной туда не добраться — тем более сейчас, когда по всей Полуденной стороне шныряют лазутчики Вам-Кир-Дыка, — поэтому ты будешь её сопровождать. Учти, Чёрный знает о появлении Активии-дубль и хочет её смерти — он уже подсылал к ней убийцу. Так что будь настороже! И запомни: она должна попасть в столицу и встретиться с королём — непременно.

— Не беспокойтесь, моя госпожа, — ответил мягкий мужской баритон, — ваша воля будет исполнена, даже если мне придётся умереть, выполняя её!

— Не надо крайностей, Хрум, — я тебе верю. Подожди, кажется, она пришла в себя.

"Заметила, — с досадой подумала я. — Трудно было не заметить, как у меня невольно затрепетали ресницы от любопытства — очень уж мне захотелось взглянуть на обладателя такого эротичного голоса". Продолжать играть в бессознанку было глупо, и я открыла глаза.

Властительница Окостенелла сидела в той же позе, а рядом с ней стоял парень лет этак тридцати. Вот это па-а-арень…

Высокий, стройный, с аристократическим лицом и слегка вьющимися тёмно-русыми волосами. Глаза серые, но не ледяные, как у магессы, а с тёплым живым огоньком. Короткая борода и густые усы, не скрывавшие чувственные губы. Одет он был в

ослепительно белую рубашку с широким воротником, оттенявшую смуглую кожу мускулистой шеи, и в длинную безрукавку из превосходной тонкой замши; облегающие тёмные брюки заправлены в мягкие сапоги. Картинный красавец, но не жеманный слабак — под рубашкой проступали сильные мышцы. Умереть и не встать — ярл-викинг или старорусский витязь, гроза змеев горынычей! Да что там викинг — Волкодав, мечта любой женщины! И это средневековое чудо будет меня сопровождать? Кажется, чёрная полоса заканчивается — фортуна сменила гнев на милость… Но тут я вспомнила, что властительница умеет читать мысли, и поспешила загнать игривость поглубже — такой шпионаж нам сейчас совсем не нужен.

— Как ты себя чувствуешь, Активиа? — чуть ли не с материнской заботой спросила Окостенелла.

"Ага, я всё-таки Активиа, — отметила я. — Отрадно — значит, заседание продолжается" и пробормотала голосом беззащитной слабой женщины:

— Спасибо, уже лучше…

— Познакомься, это твой паладин, — мурлыкнула магесса. — Он будет тебя охранять и сопровождать на пути в столицу.

— Маркиз Хрум де Ликатес, — представился "Волкодав", обворожительно улыбнулся, и я почувствовала, что теряю голову: я не я буду, если не похрумкаю этот деликатес, то есть не попробую на вкус!

— Рыцарь моего ближнего круга, — добавила Окостенелла (мне почему-то ни к месту припомнился пошлый анекдот о членах моего кружка), — боевой маг и адепт магии Меча. С ним ты можешь ничего и никого не бояться.

"Разве что его самого" — подумала я, но построжевший голос магессы вернул меня к суровой действительности.

— Пообедаете, передохнёте — и в добрый путь! Нельзя терять времени — Вам-Кир-Дык не дремлет. Позаботься о лошади для леди, рыцарь, — конюшни в твоём распоряжении, — и обо всём прочем, что может вам понадобиться в дороге.

Я (уже снова вошедшая в роль дочери знатного рода) хотела было возразить — мол, чего пороть горячку, надо бы небольшую вечеринку организовать, расслабиться, а уж утром, по холодку, на свежую голову, — но поймала взгляд Окостенеллы и тут же поняла, что чем скорее я окажусь как можно дальше от этой милейшей непредсказуемой дамы с кошачьими манерами и неограниченными возможностями, тем будет лучше для меня самой. И поэтому я скромно потупила глазки, встала, подошла к маркизу де Ликатесу и толкнула краткую, но проникновенную речь:

— Доверяю вам свою жизнь и честь, рыцарь! Я готова немедля пуститься в путь — как только вы скажете.

— Мой меч к вашим услугам, высокородная леди Активиа Отданон!

Хрум опустился передо мной на одно колено, взял мою правую руку, поднёс к губам и почтительно поцеловал кончики пальцев (я уже поняла, что здесь у них так принято — типа знак уважения к даме). Властительница лучезарно ухмыльнулась (зрачки у неё при этом превратились в узкие щёлочки), я очень естественно покраснела, и на этом торжественная часть нашего знакомства завершилась.

— Идите, — небрежно бросила магесса, — и поторопитесь!

И мы (Хрум элегантно поддерживал довольную меня под локоток) пошли на выход — навстречу тому неизвестному, что ждало меня впереди.

* * *

А повелительница Ликатеса, оставшись одна, какое-то время сидела неподвижно, о чём-то размышляя, потом встала со своего кресла, крадущейся походкой подошла к стене и провела по ней ладонью. В стене образовался овал, заполненный светящейся дымкой.

— Отзовись, страж, — властно произнесла магесса. — Это я, Окостенелла.

Зыбкая пелена дрогнула, и сквозь неё проступило лицо Причесаха.

— Я посмотрела твою попаданку и решила — пусть живёт. Она, конечно, никакая не Избранная, но я отправила её в столицу, к королю. Если Великая Случайность явила этой девчонке свою благосклонность, не мне оспаривать веление всемогущего Рока — кто я такая? И за ней охотится Вам-Кир-Дык — это нам на руку.

— Спасибо, — ответил страж Рощи Порталов, — я рад. Мне было жаль её убивать — в ней есть кое-что хорошее, поверь. И я надеюсь, что она…

— Это уже неважно, — высокомерно перебила его Окостенелла и прервала связь.

Она ещё постояла немного перед потухшим магическим зеркалом и сказала сама себе:

— Даже Великая Случайность не заставила бы меня послать эту ведьму в столицу, если бы это не совпадало с моими собственными интересами…

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВЕРНЫЙ ПАЛАДИН

Я покинула Ликатес с лёгким сердцем. Самое трудное — таможенный досмотр и фэйс-контрол у местных властей в лице магессы Окостенеллы — я прошла, легализовалась, дальше будет легче. Охмурить старичка-короля (я почему-то была уверена, что Шумву-шах далеко не юноша) — плёвое дело (старички, как правило, падки на молоденьких девушек), тем более что есть на ком потренироваться (я скосила глаза на едущего рядом со мной де Ликатеса) и отработать методику обращения с местными мужиками. С Вертом, правда, вышел прокол, но будем считать это досадной случайностью (хотя соответствующие выводы сделаем). А сам этот недотёпа-сотник — всё, забыли, как зовут. Помог любимой мне — и ладно, сытной ему еды и траха регулярного, прости-прощай-любить-не-обещай, разошлись навек наши стёжки-дорожки. Я также надеялась никогда больше не увидеться и с правительницей Ликатеса, но что-то мне подсказывало: с этой кошкоглазой ледяной леди мы ещё встретимся.

Проворачивая в голове перипетии моего недолгого пребывания в этом мире, я пришла к выводу, что враньё здесь даёт самые неожиданные результаты (причём положительные). Не ляпни я наугад название кисломолочного продукта в качестве собственного имени — и мой хладный труп давно уже валялся бы в канализационном люке (там, на Земле), не замеси я откровеннейшую туфту насчёт моего Интернет-знакомства с местным эльфийским королём (если Окостенелла эльфийка, то почему бы Шумву-шаху не быть эльфом?) — хрен бы я ехала сейчас к нему в его стольный град (стала бы вместо этого наложницей какого-нибудь тупого солдафона из ликатесской наёмной гвардии или приманкой для Вам-Кир-Дыка, и все дела). Честность — прекрасная вещь, особенно когда все вокруг честные, а ты один среди них жулик (не помню, кто сказал — кажется, какой-то классик, — но я с ним согласна). Можно, конечно, и впросак попасть, но это уже неизбежный риск (а что делать?).

Выехали мы вскоре после полудня (рано у них тут день начинается — с восходом солнца, это у нас в уважающих себя фирмах раньше десяти днём с огнём никого не сыщешь). Хрум спроворил сборы на удивление быстро — не успела я чуток передохнуть после обеда, как он уже предстал передо мной, как лист перед травой, и доложил, что всё готово, можно

отправляться в путь. И на этот раз я передвигалась самостоятельно, на своей собственной лошади, и сидела нормально, врастопырку, как и положено всаднику (не зря джинсы когда-то носили ковбои — самое то для верховой езды). Честно говоря, сначала я была ошарашена, когда маркиз подвёл ко мне под уздцы моего коня, но всё оказалось проще, чем я думала. Седло было удобным, подобранным специально для меня, коняга послушным, и управление этим четвероногим транспортным средством я освоила без особых проблем (уже потом я сообразила, что в "адаптацию под эххийку", которую проделала надо мной Окостенелла, скорее всего входили и "первичные умения" наездницы).

По дороге мы с де Ликатесом почти не разговаривали, потому что неслись чуть ли не сломя голову: Хрум сказал, что нам надо засветло добраться до гостиницы у подножья гор — других удобных мест для ночлега на трассе не имелось, а ночевать под открытым небом в степи (учитывая напряжённую обстановку) было бы опрометчиво. Я не настаивала на беседе, сосредоточившись на сохранении равновесия на спине лошади, перемещающейся с большой скоростью, — первичные умения умениями, однако требовались ещё и практические навыки. И мне не хотелось, чтобы мой спутник счёл меня болтливой дурой (первое впечатление — это дело такое, его потом трудно изменить).

Мы успели (хотя уже стемнело) добраться до ближайшей цели нашего путешествия — маленькой гостиницы, совмещённой с чем-то типа придорожного трактира. Заслышав стук копыт, к нам навстречу вышел босой мужик в полотняной рубахе. Он смотрел на нас лениво, но разглядев герб на щите маркиза — меч, перевитый окровавленной змеёй, — резво кинулся в дом и вернулся уже в сопровождении администратора этого отеля (или хозяина, хрен их тут поймёшь). Хозяин являл собой воплощённую вежливость, из чего я сделала вывод, что де Ликатес занимает высокое положение в местной иерархии. Подтверждением этому я сочла и то, что Хрум ни копейки не заплатил за вполне приличный ужин на двоих (естественно, со спиртным) и за номер, то есть за комнату, как они это здесь называют. Наверно, подумала я, боевые маги пользуются тут неограниченным кредитом — особенно при исполнении.

Номер наш оказался двухкоечным. Хрум, первым делом тщательно осмотрев дверной засов, ставни и стены, подошёл ко мне и заявил:

— Прошу меня простить, леди, что я вынужден ночевать с вами в одной комнате, но я чувствую запах угрожающей вам

опасности, и должен быть рядом. Ни о чём не беспокойтесь — я здесь.

При этом он смотрел мне в глаза, и я тотчас поняла, что в его словах не было никакого двойного смысла. Сами, наверное, знаете, как это бывает, когда мужчина плетёт женщине о необходимости защитить её от всех мыслимых бед и при этом доказывает, что лучше всего он сможет это сделать, если будет ночевать с ней не только в одной комнате, но и в одной постели — такой клей сразу видно. А Хрум — нет, он сказал именно то, что хотел сказать. Они что тут, все такие непроходимо честные или есть исключения?

Мой защитник, не раздеваясь (снял только пластинчатый панцирь и скинул сапоги), улёгся на свою кровать, положил рядом обнажённый меч и затих — то ли задремал, то ли не хотел мне мешать и делал вид, что дремлет. Я подумала и тоже не стала раздеваться — дорога впереди длинная (я уже это узнала), так что не будем форсировать события. Денёк у меня был очень насыщенный, впечатлений выше крыши, стресса тоже — короче, не до сладкого. К тому же я хорошо помнила, какие гости имеют здесь обыкновение заваливаться среди ночи без приглашения — что я (благородная леди Активиа Отданон, если вы забыли), без штанов буду бегать по коридорам этого деревянного "Хилтона", случись какая тревога? Поэтому я во всей своей экипировке рухнула на койку и уснула — мгновенно, как провалилась.

Ночь прошла спокойно, а утром мы с Хрумом позавтракали (без особой спешки, но и не рассиживаясь) и направились по торной дороге к горам — они были уже совсем рядом, это я в темноте вчера не разглядела.

Не знаю, как выглядят Западные горы, откуда я как бы родом, — судя по отрывочным сведениям, которые я почерпнула из разговоров с местными жителями (начиная с Причесаха и кончая Окостенеллой), это что-то мрачное, со скалами, ущельями и пропастями, — но эти горы, Восточные, смотрелись уютненько — типа как здоровенные холмы, поросшие лесом. Дорога петляла между ними, поднимаясь по склонам и снова ныряя в лощины там, где эти склоны становились слишком крутыми. В общем, чтобы ходить по таким как бы горам, не надо быть альпинистом.

Погода была чудесной, пейзаж мирным, и я начала потихоньку проверять Хрума на всхожесть, осторожно так вызывая его на откровенность. Моя задача облегчалась тем, что он знал о моей двойной сущности — попаданка и Отданонка в одном флаконе, — и я не боялась задавать вопросы, которые у того же сотника вызвали бы недоумение: как это так, девушка из знаменитого на всю нашу Эххляндию клана — и не знает самых

простых вещей?

Маркиз оказался прекрасным собеседником: умным, ироничным, с чувством юмора. Как и положено потенциальной невесте, я выспрашивала его о Шумву-шахе и о столичной жизни, попутно уточняя кое-какие детали и собирая сведения о стране эххов — Эххленде — вообще, что тут у них и как. По косвенным намёкам (спрашивать в лоб было неразумно — это не вписывалось в легенду о том, что я с королём якобы знакома, пусть даже заочно) я поняла, что Шумву-шаху то ли двести, то ли триста лет. Это меня несколько огорчило, однако я подумала, что если уж он ищет себе жену, а не деловую партнершу, значит, она ему нужна не только для украшения интерьера, но и для некоторых других личных потребностей, и успокоилась. Здесь же фэнтезийный мир, а маги, как известно, живут очень долго и при этом отнюдь не теряют своих ценных мужских способностей. Узнала я и о том, что Окостенелла и Шумву-шах друг друга на дух не переносят — лет сто назад (отсюда, кстати, следовало, что и правительница Ликатеса тоже далеко не юная девица — впрочем, кто бы сомневался) между ними случилась типа ссора, причём серьёзная. Это меня насторожило: если магесса не только не испытывает симпатии к правителю Полуденной стороны, а совсем даже наоборот, с какого это перепугу она взялась поставлять ему невест? Что-то тут не так…

Но в основном мои мысли крутились вокруг де Ликатеса — уж больно он был хорош, подлец! На вороном коне, в алом плаще, в шлеме, из-под которого выбиваются русые кудри, в доспехах, с мужественным лицом — картинка, а не мужчинка! А когда улыбается — вообще отпад! Конь Хрума повиновался лёгкому движению его руки — я представила, как эта рука может обнимать, и поняла вороную лошадку: повиноваться такой руке — одно удовольствие. Я уже перешла с маркизом на "ты" — не люблю я эти цирлихи-манирлихи, — хотя он, блюдя политес, продолжал обращаться ко мне на "вы". Мы перебрасывались шуточками — зачастую двусмысленными, — и наш диалог всё больше походил на воркотню влюблённой парочки, когда мой паладин вдруг подобрался, напрягся и стал похож на хищного зверя, почуявшего дичь или заслышавшего шаги охотников.

Я заткнулась на полуслове и заозиралась по сторонам — всё тихо, ни рёва звериного, ни шипа змеиного, ни лист не дрожит, ни мышь не бежит. И в небе пустынно — ни драконов, ни других каких пакостных летучих тварей не наблюдается. И всё-таки…

— Мне непонятно, — медленно произнёс рыцарь, пристально глядя вперёд, туда, где дорога заворачивала за крутой лесистый бок горы, — почему нам до сих пор никто не проехал навстречу?

Обычно здесь то и дело попадаются одинокие путники и целые обозы, а сейчас… Держитесь на полшага позади меня, леди! — приказал он резким металлическим голосом (куда только делся его нежный бархат!), опустил на лицо кованую полумаску с прорезями для глаз и тронул коня. Я ощутила, что воздух вокруг нас сгустился — мне даже показалось, что я плыву под водой, — и догадалась: де Ликатес пустил в ход какую-то защитную магию.

Лошадям как будто передалась наша тревога — они шли осторожно, словно ступали по тонкому льду. За поворотом тоже не было ничего особенного — тот же молчаливый лес на склонах и россыпь громадных мшистых валунов по обочинам, — и тут Хрум резко выбросил вперёд правую руку.

Над одной из каменных глыб — она походила на дремлющее замшелое чудовище — взвился огненный смерч, изогнулся и пошёл скакать с одного валуна на другой, оставляя на их спинах чёрные выжженные проплешины — мох сгорал мгновенно. Послышалось хриплое рычание, на дорогу вывалилась объятая пламенем фигура, похожая на человеческую — у неё были руки и ноги, а в воздухе противно заныли стрелы.

Одна из них тюкнула меня в грудь — не сильно, но ощутимо, — вторая щёлкнула по луке седла. Я видела полёт этих стрел, видела их острые наконечники и слышала, как они шуршат опереньем, раздвигая неподатливый воздух. Я суматошно замахала руками, словно отгоняя назойливых комаров, и уже потом сообразила, что если бы не поставленная Хрумом защита, в которой стрелы вязли, как мухи в сиропе, я мигом превратилась бы в красивую, но очень мёртвую подушечку для иголок.

Нападающие тоже это поняли. Они дружно кинулись в рукопашную, и ошалевшая я поимела сомнительное удовольствие разглядеть их в профиль и анфас.

Больше всего они напоминали обезьян — крупных, приземистых, длинноруких и сильно волосатых, — но обезьян продвинутых: на головах у них были клёпаные шлемы, а в лапах — топоры и мечи с зазубренными лезвиями. Глазки у этих миляг были маленькими и красными, зато клыкам позавидовал бы любой ротвейлер-медалист. Одежда на них была серая и безвкусная, хотя про фасон ничего не могу сказать — ситуация как-то не располагала к вдумчивому изучению покроя и стиля, принятого среди этих четверолапых. Их было много (сколько всего — не знаю); они выскакивали из всех кустов, и я почувствовала, что сердце у меня камнем ухнуло куда-то в район печёнки, а потом и ниже, целенаправленно устремляясь к пяткам.

Если бы я была одна (или даже в сопровождении сотника с его воинами), на этом мои приключения в гостеприимном мире

эххов и закончились бы. Но со мной был маркиз Хрум де Ликатес, боевой маг и адепт магии Меча, который быстро и убедительно доказал, что все эти его громкие титулы — не пустой звук. Рыцарь вместе с конём как-то вдруг размазался, и на фоне головокружительной стремительности его движений движения атакующих казались кадрами замедленной съемки какого-то дурацкого видеоклипа.

Это был настоящий танец смерти. Вокруг меня носился призрачный живой вихрь, торнадо по имени Хрум, и когда этот вихрь как бы мимоходом касался очередной лохматой обезьяны, его мимолётное скользящее прикосновение было для неё смертельным. Хрустели кости, летели отрубленные руки и головы, в ушах звенело от истошных воплей, стонов и лязга оружия. Мне в лицо плеснуло тёплым, я машинально вытерлась и увидела на пальцах кровь — настоящую, а не какой-нибудь кетчуп или киношную краску. Моя лошадь заржала и встала на дыбы — стрела уколола ей шею, — я еле удержалась, вцепившись обеими руками в конскую гриву. Под копыта моего коня навзничь рухнул один из нападавших — удар меча распорол его от горла до пупа. Обезьяна напоминала раскрытый чемодан, набитый чем-то сизым, мокрым, пульсирующим — меня реально затошнило. Хватит, хорош, уберите нах эту резню бензопилой по-эххийски, дайте лёгкую эротику!

И тут всё кончилось. Хрум проявился, соткался из воздуха, обрёл плоть и превратился из призрака-убийцы в живого парня. Я хотела броситься к нему, но моя лошадь не шла, кося глазом на то, что лежало под её копытами, а слезть я не решалась — мне казалось, что я тут же вляпаюсь в лужу крови или в разбросанный кругом розоватый студень, выбитый мечом де Ликатеса из черепов опрометчиво напавших на нас обезьян.

По склону горы, прихрамывая, карабкался уцелевший враг, надеясь спрятаться за деревьями. Рыцарь взмахнул рукой, в воздухе мелькнуло синеватое лезвие, и последняя обезьяна покатилась вниз, дёрнулась пару раз и затихла. А де Ликатес слез с коня и начал не спеша обходить поверженные тела, в беспорядке валявшиеся на дороге и по обочинам, — их было десятка полтора. Хрум подходил к очередному телу, осматривал его и шёл дальше, к следующему, — я следила за ним со странной смесью гадливости и восхищения. Возле одного из сражённых противников он задержался — тускло сверкнул окровавленный меч, обезьяна засучила ногами, взбивая пыль. Я отвернулась. Какая гадость эта ваша заливная рыба…

* * *

Дальше мы ехали молча. Говорить как-то не хотелось — мне даже не верилось, что всего десять минут назад я шутила с этим парнем, забрызганным сейчас кровью с головы до ног, и строила ему глазки. Нет, я понимаю, злые враги — типа закон жанра, — и всё-таки… Уж очень отвратно смотрится изуродованный труп разумного существа — пусть не человека, но очень на него похожего. Это в кино умирают красиво и понарошку, а здесь, оказывается, всё взаправду и всерьёз…

Так, в молчании, мы обогнули гору. Дорога уходила вниз, в очередную лощину; Хрум натянул поводья и сказал, указывая на появившийся впереди столб чёрного дыма:

— Там постоялый двор — вернее всего, уже был. Кажется, я знаю, почему нам никто не попался навстречу.

Мне очень не хотелось ехать к этому дыму — я догадывалась, что я там увижу. Но другой дороги не было, и мы двинулись вперёд. За каждым деревом мне мерещились враги, молчание сделалось невыносимым, и я не выдержала.

— Кто они такие, эти косматые обезьяны?

— Серые гоблины, — отозвался рыцарь, — воины Вам-Кир-Дыка. Они охотились за вами, леди Активиа, — я почувствовал их присутствие ещё в гостинице, где мы ночевали. Они натасканы на выполнение особых заданий, владеют кое-какой магией, хитры, беспощадны, опасны. К счастью, их было немного, и они не ожидали встретить боевого мага, — он криво усмехнулся, — иначе исход нашей встречи мог быть совсем другим. Серые гоблины — умелые бойцы, диверсанты-коммандос, говоря языком вашего мира.

— Чего-чего-чего? А откуда тебе известны понятия моего мира?

— Я там бывал, — ответил де Ликатес — просто, словно речь шла о поездке в соседнюю деревню.

— А поподробнее можно?

Я заинтересовалась не на шутку. Это что получается, попасть из мира в мир можно не только случайно, но и по собственному желанию? Значит, если этот мир станет мне поперёк горла, я смогу отсюда слинять? Вопрос был не праздным — перед моими глазами ещё стояли изрубленные тела серых гоблинов, в ушах ещё звучали их предсмертные хрипы, а после слов Хрума я поняла, что могло быть и наоборот — одни клыки у этих мартышек чего стоят.

— Можно, но, — маркиз привстал на стременах, высматривая что-то в лесной чаще, — попозже, ладно? Я вам расскажу, леди,

но не сейчас — не время.

Я не стала проводить немедленное дознание и послушно умолкла — мужчины любят послушных женщин и при этом не задаются вопросом, не напускная ли это покорность. Но для себя я твёрдо решила, что вытяну из моего паладина всё — с живого с него не слезу, пока он не удовлетворит моё здоровое любопытство! Тем временем дымный столб становился всё ближе — я уже чувствовала запах гари, — и минут через пятнадцать мы увидели постоялый двор, вернее то, что от него осталось: дымящиеся развалины.

Предчувствия меня не обманули: здесь была резня — следы жестокого побоища видны были на каждом шагу. В траве лежали иссеченные трупы — много, и не только мужчины, но и женщины, и даже дети. Последние, наверно, спасались бегством, но далеко им уйти не удалось. На некоторых телах я заметила рваные раны — гоблины грызли несчастных зубами, убивая и попутно закусывая. Надсадно жужжали жирные зелёные мухи, а из-под обугленных стропил сожжённого дома, похожего на чёрный скелет громадного зверя, тянуло удушливой вонью горелого мяса. Примерно так же воняет подгоревшее барбекю, вот только здесь была совсем другая жарёха. Блин, во всех мирах одно и то же…

— Гоблины напали внезапно, — голос Хрума звучал монотонно, словно рыцарь читал по бумаге, — под утро, когда все крепко спали. Подожгли дом и рубили тех, кто выскакивал из огня. Раненых потом тоже бросили в огонь.

Я только сглотнула.

— Среди тех, кто здесь ночевал, не было ни воинов, ни сильных магов, — рыцарь говорил, полуприкрыв глаза, и я поняла, что он просматривает минувшее, — только крестьяне и ремесленники. Было ещё несколько охотников, и они сопротивлялись — вон, видите? — он показал на волосатый труп с расколотой головой, валявшийся у самых руин; рядом лежал второй такой же.

— А зачем серым это было надо? — хрипло спросила я. — Ведь они же, как ты говоришь, искали меня.

— Гоблины хотели напасть на нас на пустынной дороге, чтобы им никто не помешал, — а вдруг среди проходящих путников случайно оказался бы кто-то магически сильный? Они перебили всех, кого застали здесь, и зажгли постоялый двор. Расчёт безошибочный — дым виден издалека, и мирные путешественники не решились покинуть крепость. А нападавшие поспешили нам навстречу — у каменной россыпи лучшее место для засады. Гоблины так торопились, что даже не подобрали своих убитых.

— О какой крепости ты говоришь?

— Там, на перевале, — маркиз махнул рукой, — есть небольшой форт. Он расположен как раз на середине пути через горы. Не то что бы крепость в полном смысле слова — места здесь обычно мирные, — но там можно отсидеться и переждать опасность под защитой стен и местного гарнизона. Вот путники, увидевшие дым, так и поступили — поэтому-то нам с вами никто и не встретился.

До моего слуха донёсся стук копыт. Сюда кто-то направлялся, причём не один — стук был множественным. "Господи, опять снова-здорово, — подумала я, — сколько можно!", но Хрум оставался спокойным.

Из-за поворота дороги показалась толпа вооружённых всадников — я разглядела мечи, копья, щиты и доспехи. Их было человек пятьдесят, и мне стало неуютно.

— Это не враги, — успокоил меня де Ликатес, почувствовавший моё напряжение, — это солдаты короля.

Похоже, мой рыцарь был в Эххленде достаточно известной личностью — его узнали. Плечистый воин, скакавший впереди этой живописной конной группы, поднял забрало.

— Мы успели, — пробасил он. — Хвала небу, что вы не встретили серых, маркиз!

— Вообще-то вы опоздали, капитан, — иронично ответил Хрум, — здесь уже некого спасать. А с воинами Вам-Кир-Дыка мы встретились. Вы тоже сможете с ними встретиться, если не поленитесь проскакать ещё минут двадцать, — они отдыхают в непринуждённых позах возле Зелёных Камней.

— Нас задержали, — сконфуженно пробормотал капитан. — Гоблины напали на нас на полдороге. Я потерял одиннадцать солдат и три часа времени, пока не покончил с ними.

— Значит, они разделились, — задумчиво произнёс де Ликатес. — Половина ловила нас, остальные держали тыл, чтобы никто не пришёл нам на помощь. Вам-Кир-Дык всерьёз вами заинтересовался, леди Активиа.

"Лучше бы мной интересовался кто-нибудь другой" — подумала я, но промолчала.

Солдаты короля во главе с капитаном, оставив у развалин постоялого двора с десяток воинов, поскакали к месту нашей деловой встречи с вамкирдыковцами, а мы с маркизом направились в противоположную сторону.

— Послушай, Хрум, — сказала я, когда пепелище скрылось из глаз, — как ты думаешь, в лесу ещё прячется кто-нибудь? В смысле, из серых гоблинов?

— Нет, — рыцарь покачал головой. — Во-первых, я бы

почувствовал, во-вторых, такие диверсионные отряды невелики — в них не бывает больше тридцати бойцов. Здесь всё-таки Полуденная сторона: большой отряд тёмных эххов быстро заметит кто-нибудь из магов, и…

— Понятно, — кивнула сообразительная я. — Арифметика — наука точная.

Над дорогой в планирующем полёте прошли две здоровенные птицы. Они пролетели прямо над нами; я разглядела кривые клювы, широкие крылья и поджатые когти, но больше всего меня поразило осмысленное выражение круглых немигающих глаз этих птичек — они явно к нам присматривались (и вряд ли с добрыми намерениями). Очевидно, мы (особенно боевой маг) были оценены пернатыми по достоинству — эти типа кондоры взмыли вверх, как сверхзвуковые истребители, и шустро (иначе не скажешь) исчезли в голубом небе.

— Летуны-шустрики, — пояснил Хрум, — опасные создания, хотя и разумные — даже говорить умеют.

Как же, как же, помню — Окстенелла говорила. Кажется, они обожают приносить своим птенчикам вместо червячков головы одиноких молодых симпатичных девушек. Нет, я в упор не понимаю, какого хрена столько мальчиков и особенно девочек писают кипятком от желания попасть в средневековый мир фэнтези. Да в этом мире цивилизованный человек не проживёт и часу — сожрут, и спасибо не скажут! Я тут без году неделя, а сколько уже всего навидалась — и песчаник, и дракон, и эти макаки зубастые. Но со мной носятся, как с писаной торбой, охраняют, опекают, кормят-поют, спать укладывают, а если бы я была предоставлена самой себе? Блин, подумать страшно…

— С тобой мне нечего бояться, мой славный рыцарь, — пропела я, одарив Хрума самой убойной для мужиков улыбкой из моего арсенала. — Даже если появится страшный дракон, он не осмелится приблизиться к нам на длину твоего меча!

— Дракон? Дракон — это серьёзно. Они владеют могучей магией и устойчивы к чужой магии, но ради вас, очаровательная леди Активиа, — де Ликатес улыбнулся своей потрясной белозубой улыбкой, — я готов сразиться и с драконом!

Так, подумала я, кажется, контакт налаживается…

* * *

В крепости мы не задержались — устроили что-то типа позднего обеда или раннего ужина в местной харчевне (поесть давно было пора, только вот ни у Зелёных Камней, ни на

развалинах постоялого двора у меня совсем не было аппетита) и поехали дальше. Комендант форта, грузный седоусый мужик, советовал нам остаться на ночлег, но Хрум отрицательно покачал головой.

— У нас мало времени — мы спешим. Заночуем у водопада — там хорошее место, и я доверяю своему мечу больше, чем крепостным стенам и пикам ваших солдат. К тому же, если мы останемся здесь, нам всё равно придётся следующую ночь ночевать под открытым небом, а от водопада мы за день доберёмся до ближайшего селения по ту сторону гор.

Комендант не настаивал — магу виднее, и хитроумная я тоже не стала возражать. Я уже поняла, что де Ликатес сможет меня защитить где угодно и от кого угодно, но главное — я видела, что в крепости мне не удастся остаться с Хрумом наедине: так, чтобы нам никто не мешал. Народу здесь собралось — как на Дворцовой площади во время рок-концерта, и то и дело с востока прибывали всё новые и новые странствующие-путешествующие. И уезжать они не торопились: ждали возвращения капитана и его отряда с известием, что дальнейший путь на запад безопасен.

Настроение у меня заметно улучшилось. Страсти-мордасти позади, кругом природа, погода, и самое главное — маркиз, похоже, ко мне неравнодушен. Из нашей с ним утренней беседы я поняла, что здесь у них сильны кастовые предрассудки: если, например, простой эхх возжелает даму-аристократку, то для него это может плохо кончиться. Причём строгий суд в любом случае будет на стороне упомянутой дамы, даже если она откровенно и нагло требовала любви упомянутого рядового гражданина, а потом вдруг по какой-то причине (например, оставшись недовольной его ласками) решила обвинить бедолагу в сексуальных домогательствах (что-то это мне напоминает…). Узнав об этом, я поняла, что сотник Верт был далеко не дурак (на самом деле надо быть полным дебилом, чтобы не понять моих более чем прозрачных намёков!), просто он проявил разумную осторожность. Однако с Хрумом подобной проблемы возникнуть не должно: девушка из клана Отданонов и рыцарь ближнего круга властительницы Окостенеллы — одного поля ягоды.

Мы ехали рядышком, бок о бок, в мирной обстановке, и я сочла, что самое время вернуться к отложенной теме о путешествиях эххов в другие миры. Хрум отнекиваться не стал, и я узнал много интересного. Оказалось, эххи выполняют в параллельных мирах что-то вроде миссии: материализуют фантазии и легенды обитателей этих миров. Получилось, что все эти гномы, орки, упыри и весь остальной джентльменский набор многоликой нежити-нелюди имеет под собой реальную основу.

Прикольно, блин горелый!

— Развитие разумных существ невозможно без полёта фантазии, — объяснял маркиз, — и хорошо, когда эта фантазия становится небеспочвенной. В иных мирах мы, эххи, выглядим именно так, какими нас хотят видеть жители этих миров: дракон — значит, дракон, эльф — пусть будет эльф, русалка-ундина — будет вам водяная дева. Можем обернуться и птицей, и кем-нибудь ещё — всё зависит от конкретной ситуации. Эххи — это живая сказка, без которой дети никогда не станут взрослыми.

— А эти, которые с Полуночной стороны, они тоже к нам шастают?

— Конечно — ведь в мифах и преданиях обязательно есть место и добру, и злу, иначе нельзя — природа разумного существа двойственна. Но в чужие миры ходят только сильные маги, простым эххам там делать нечего. Говорят, в давние времена в вашем мире эххи даже играли роли языческих богов.

— О как! — восхитилась я. — Карали и миловали, да?

— Иногда, но в основном, — Хрум хитро улыбнулся, — делали детей вашим женщинам. Хорошие получались детки.

— Секс-туризм, значит… Понятненько… А ты?

— Что я?

— Кем ты был на Земле во время своего делового визита? Лешим, призраком или, может, вампиром?

— Я не мог быть злыднем — я ведь светлый. Черти и прочая нечисть — это прерогатива тёмных эххов. Я был в вашем мире домовым.

— Домовым?

— Домовым — маленьким и мохнатым. Я жил в доме у одной отчаявшейся одинокой женщины, и помог ей пережить тёмную полосу в её жизни.

— Угу, — я хмыкнула, — и допомогался до того, что у бедняжки получилось хорошее дитё, верно?

— Не знаю, — ответил де Ликатес (как мне показалось, с лёгкой грустинкой в голосе), — может быть. Я пробыл там недолго — всего два месяца, по счёту вашей планеты. Это было давно…

— Ну и как, клёво было?

— Что? — не понял Хрум.

— Женщина, в смысле. Понравилось?

— Да, — честно признался рыцарь, — она была хороша. До сих пор её помню…

"А я ещё лучше!" — чуть не брякнула я, но вовремя прикусила язык: нельзя перегибать палку. И аккуратно сменила ракурс обсуждаемой темы.

— А как вы попадаете в другие миры? Через порталы?

— По-разному. Умелые маги могут совершить переход в любой параллельный мир из любой точки нашего мира.

— И этому можно научиться? — вкрадчиво осведомилась я.

— Можно, только нужен магический талант — у вас ведь, например, человек без голоса и слуха не сможет стать знаменитым певцом.

"У нас-то как раз сможет…" — подумала я, но Хрума разубеждать не стала.

Вот так, задушевно беседуя, мы добрались до уютной лощинки у подножия очередной горы-холма (сколько уже было этих холмогор — я со счёту сбилась). Де Ликатес был прав — классное местечко! Холмогора оказалась безлесной, только трава, редкие кустики да мелкие камушки, и с другой стороны шагов на пятьсот тянулась открытая местность — никакой гад не подкрадётся незамеченным. А у самого подножия горы обнаружилось небольшое озеро размером с нормальное джакузи, в которое сверху изливался поток воды — не водопад Виктория, а гламурненький такой водопадик, клёвая фишка в навороченном интерьере. Я балдею с этого эххийского дизайна…

— Это Водопад Слёз, — сказал рыцарь, спешившись и помогая мне слезть с коня. — Согласно легенде, в давние времена одна бедная девушка, страдая от неразделённой любви, пришла сюда, на вершину этой горы, и плакала там, пока не изошла слезами и не умерла. И слёзы её превратились в этот водопад. Есть поверье, что если девушка хочет быть счастлива в любви, ей надо на закате выкупаться в этом водопаде и загадать заветное желание — оно обязательно исполнится.

Я посмотрела на красный шар солнца, катящийся к спинам медленно темнеющих гор, и усмехнулась. Выкупаться, говоришь? На закате? Ну-ну — это мы запросто…

Но первым делом к водопаду направился сам де Ликатес — смыть с себя кровь серых гоблинов. Я не стала возмущаться, почему это он не пропустил даму — до заката оставалось ещё с полчаса, не меньше. Пока Хрум мылся, я распаковала свой багаж — захватила я кое-что из Ликатеса, женщина я или нет? — расстелила на траве широкое толстое одеяло, кинула поверх него другое, потоньше, положила в головах похудевший вьюк и извлекла из него большой кусок мягкой ткани, который вполне мог сойти за нормальное махровое полотенце. Пока я благоустраивала быт, маркиз завершил своё омовение и занялся разведением костра, приготовлением ужина и сервировкой стола. Женщина отвечает за красоту и уют в доме — все остальные житейские заботы предоставим мужчинам.

Солнце садилось — я следила за ним краем глаза. Когда у меня осталось, по грубым прикидкам, минут семь, я, заглотив пару добрых глотков вина (на всякий случай — вдруг вода окажется очень холодной?) и загрызя их куском сыра, прихватила своё типа полотенце и пошла к памятнику слезопролитию со смертельным исходом, по ходу обдумывая последние детали запланированного шоу одной актёрки. Сыр я дожевывала тоже на ходу — сыр был вкусный.

У водопада я быстренько осмотрелась — так, неглубоко, дно ровное, вода прозрачная, чистая, — украдкой оглянулась — так, Хрум возится у костра, сидя ко мне спиной, — проворно разделась догола и решительно плюхнулась в естественный мини-бассейн, в определённое время суток исполняющий заветные желания любвеобильных девушек.

У-у-ух-х-х… Вода в струе была хоть и холодной, однако не ледяной, а в чаше и вовсе тёпленькой (прогрелась за день). Дно — как шершавый кафель, поскользнуться и некрасиво шлёпнуться в самый ответственный момент мне не грозило. Я окунулась с головой, вынырнула и встала под водопад. Немного поплескавшись, я вышла из-под звонкой струи и, стоя к лесу задом, ко мне передом, то есть спиной к костру, рассчитанным движением подняла руки, перебирая мокрые волосы. Натюрморт получился — я вас уверяю. Прикиньте, стройная обнажённая женская фигурка на фоне водопада в лучах заходящего солнца — нервных просим удалиться. Уровень в озерце доходил мне до на ладонь ниже талии — самое то для пытливого взора; крупные капли воды изящно расположились по всему моему телу, сверкая рубиновыми искорками. Короче, рекламная девушка, — видели, наверно, голых красоток под водопадами с флаконами питательного шампуня, — только круче. Желание я не загадывала — я его давно уже загадала, ещё в Ликатесе, во дворце Окостенеллы.

И зритель меня оценил — я спиной почувствовала напряжённый взгляд де Ликатеса. Я чуть повернула голову — рыцарь сидел у костра неестественно прямо и не сводил с меня глаз. Потом он встал и нетвёрдыми шагами пошёл к водопаду — то есть ко мне, — и взгляд у него при этом был как у кота, которому хозяйка уже месяц не даёт его любимый "Вискас". Я не спеша приблизилась к краю моего бассейна и прикрыла руками грудь — не то чтобы совсем, а так, для создания нужного имиджа.

— Дайте мне полотенце, мой верный паладин, — промурлыкала я, — и помогите.

Хрум заторможено протянул мне мою тряпицу и подал руку. Я частично закуталась в ткань, выбралась из воды и приникла к

маркизу русалкой, ущучившей одинокого путника. И мы с ним поцеловались — так, что у меня закружилась голова. Меня немного сбило с нужного настроя холодное железо панциря, неприятно коснувшееся моего разгорячённого тела, — я зашарила руками по плечам и бокам маркиза в поисках застёжек.

— Сними… — прошептала я. — Или ты собираешься заниматься со мной любовью в доспехах?

"Сейчас, — подумала я, — он возьмёт меня на руки, отнесёт к костру, опустит на заботливо приготовленное предусмотрительной мной ложе, скинет свой средневековый металлолом, и…".

* * *

Руки рыцаря внезапно отвердели, и он мягко, но непреклонно отодвинул меня на безопасное расстояние.

— Ты чего? — изумилась я, подхватывая сползающее полотенце.

— Не искушайте меня, леди Активиа, — глухо проговорил де Ликатес, отводя взгляд, — не надо.

— Это ещё почему?

— Не надо, — повторил Хрум, — я могу не устоять. И я никогда себе не прощу, если…

— Ах, так! — зашипела я рассерженной кошкой. — А ну отвернись!

Рыцарь послушно повернулся ко мне спиной, я, матерясь сквозь зубы, натянула на себя свою одёжку (чуть не порвав при этом маечку) и скомандовала:

— Пошли к костру — я замёрзла (меня и в самом деле трясло — правда, не от холода, а по другой причине).

Вернувшись к огню, мы расположились напротив друг друга, по разные стороны костра, взаимно избегая слишком близкого соседства. Хрум сел прямо на землю, а я уселась на ложе несостоявшейся любви, глотнула вина прямо из фляги, замотала мокрую голову полотенцем, уже нимало не заботясь о том, как я выгляжу со стороны, и приступила к выяснению отношений.

— Хрум, ты мужчина или нет?

— Мужчина, — вынужден был признаться он.

— Так, значит, ты мужчина. Пойдём дальше. Судя по твоим рассказам, ты далеко не импотент и тесного общения с прекрасным полом не чураешься. Так в чём проблема? Только не надо песен о любви до гроба — я не верю, что во всей Вселенной есть хотя бы один мир, в котором мужчина и женщина залезают в

одну койку исключительно по большой и чистой любви! Да ты сам — что, всех женщин, которых ты перетрахал за свою жизнь, ты любил без памяти?

Де Ликатес промолчал.

— Так, молчание — знак согласия. Значит, я права. Так какого хрена ты шарахнулся от меня, как от спидоносицы? Я что, кривонога-кособока и тебя тошнит от одного моего вида? Не надо ля-ля — я же видела, как ты на меня таращился!

— Вы прекрасны, леди, и я даже, — он запнулся, — хочу вас.

— Так, уже теплее. Вину облегчает только чистосердечное признание, колись дальше.

— Вы хотите стать женой короля…

— Ну и что? — искренне поразилась я. — Если тебя так заботит моя девственность, то не заморачивайся: о ней уже позаботились, давно и не здесь. Все мы, бабы, стервы, закон у нас такой: кто у нас не первый, тот у нас второй.

— Не в этом дело. Я служу Ликатесу, но Шумву-шах — верховный правитель Эххленда, а вы — его невеста. Посягнуть на вас — значит нарушить кодекс рыцарской чести.

— Скажите пожалуйста… — протянула я. — А кто об этом узнает? Видеокамер здесь нет, и свидетелей тоже не видно. Или у вас тут тоталитарный режим, и вся страна перекрыта системой магического слежения?

— Об этом будет знать моя совесть, — твёрдо сказал маркиз. — Вы доверили мне вашу жизнь и честь…

— Было дело, припоминаю, до склероза мне ещё далеко.

— …и было бы подлостью с моей стороны воспользоваться вашей ко мне симпатией и вашим расположением. Возможно, для землянки всё это покажется смешным, но дочь князя Эрма Отданона меня бы поняла.

— Дочь горского князя и землянка хотят, чтобы ты как следует трахнул их обеих, а не читал им морали! Я понятно излагаю?

— Нет, — Хрум покачал головой, — я не могу изменять своим принципам даже с самой красивой женщиной. И кроме того, у меня есть дама сердца.

— Дама сердца, значит. Ну-ну… Жена, любовница, подружка-потаскушка?

— Дама сердца, — упрямо повторил рыцарь. — Я предлагал ей выйти за меня замуж, но она, — он опустил голову, — отказалась. Мне удалось только испросить её согласия стать моей дамой сердца, чтобы я, умирая, имел бы право прошептать её имя.

"Вот это я попала… — обречённо подумала я. — Как всё

запущено… Сначала один придурок читает мне грустную повесть о первой любви, потом другой излагает краткое содержание романа о прекрасной даме! Нет, у них тут точно эпидемия вывиха мозгов!".

— И кто же она, жестокая? — сухо спросила я (мне и в самом деле было интересно — что же это за баба такая, которая пренебрегла таким мужиком?).

— Властительница Окостенелла.

Ого! Да-а-а, в это я верю — эта ледяная дамочка способна на всё. Вот уж стерва так стерва, Стерва с большой буквы. Мне до неё — как до Луны на дельтаплане. Правда, ей хрен знает сколько лет, но с другой стороны, сам де Ликатес запросто может быть раз в десять меня старше, да никому и в голову не придёт назвать магессу старухой — стоит только на неё взглянуть.

— А как же та женщина из моего мира, которой ты помогал в её трудной жизни? — язвительно осведомилась я.

— Это было до того, как я полюбил правительницу Ликатеса, — пояснил Хрум.

— А после того ты повесил себе на штаны большой амбарный замок, и с тех пор — ни-ни? Блюдёшь целомудрие, и ни служанки, ни пленницы для тебя больше не существуют? Извини, не верю.

— Почему же не существуют? — Видно было, что маркизу не очень хочется отвечать, но его дурацкая честность взяла верх. — Я мужчина, я люблю женщин и ценю даримое ими наслаждение, но это же совсем другое.

— Не вижу логики, — отрезала я. — Значит, рабыню-наложницу ты трахать можешь, а благородную меня — нет?

— Неужели вас, — Хрум посмотрел на меня, и я увидела в его взгляде неподдельное удивление, — прельщает роль постельной игрушки, имя которой мужчина забывает раньше, чем взойдёт солнце? Извините, не верю.

Я не нашла, что возразить. Продолжать дискуссию не имело смысла — Хрум упёрся рогом в свои идиотские принципы, как баран в новые ворота. Его не переубедить — так стоит ли унижаться? Я демонстративно завернулась в одеяло, легла и повернулась к рыцарю спиной. От костра веяло теплом, хотя я предпочла бы тепло сильного мужского тела — уже почти неделю я без сладкого, это для меня многовато. Однако ближайшее ко мне сильное мужское тело сидело смирно и не делало ни малейших попыток меня согреть. Ну что за жизнь гадская…

— Леди Активиа, — услышала я голос де Ликатеса, — я приготовил мясо. Поешьте, леди.

— Спасибо, не хочу, — буркнула я, не поворачиваясь. —

Лопай сам, праведник.

В моей голове роились невесёлые мысли. Я вдруг подумала, что этим магам-эххам, которые живут на свете уже не первую сотню лет, я кажусь ребёнком, плаксиво клянчащим у взрослых вкусную конфетку. Они возятся со мной, как и положено взрослым, но всерьёз не воспринимают. И я впервые усомнилась в том, что я Избранная, и что я действительно смогу стать повелительницей этого непонятного для меня мира.

С этими грустными мыслями я и уснула.

* * *

Проснулась я от ощущения направленного на меня пристального чужого взгляда. Кругом была темень кромешная, хотя небо было усыпано множеством звёзд — ярких, словно новогодние игрушки. Я подняла голову — костёр чуть тлел, и я разглядела Хрума: рыцарь лежал возле него на земле и спал, не выпуская, однако, рукояти меча. Я не сомневалась: если нам — то есть мне — будет хоть что-то угрожать, де Ликатес тут же проснётся и вскочит на ноги, готовый к драке с любым врагом — боевой маг есть боевой маг. Но кто же тогда на меня так пристально смотрит?

Я села на своём одеяле и осмотрелась повнимательней. Глаза уже привыкли к ночной темноте, но ничего такого необычного я не увидела. Еле слышно потрескивали угли костра, журчал Водопад Слёз, где-то далеко заунывно прокаркала какая-то птица (или зверь?). И всё — тишина, как на кладбище. "Померещилось?" — подумала я, и тут почувствовала, как ожила на моей груди бабочка-амулет, подарок Причесаха. Она шевелила крылышками, словно о чём-то хотела предупредить, и я поняла: нет, чужой недобрый взгляд мне не померещился — отнюдь.

Приглядевшись, я вдруг заметила всего в нескольких шагах от меня пятно тьмы — более густой, чем окружавшая его ночная тьма, чуть-чуть осветлённая мерцанием звёзд. И я тут же поняла, что это пятно — не "что", а "кто": оно живое и… враждебное!

Пятно шевельнулось, сползлось в сгусток, приподнялось над травой — я видела, как выпрямлялись примятые стебли, — и превратилось в мохнатый — из него во все стороны проросли короткие то ли иголки, то ли шерстинки — шар размером с футбольный мяч. Потом я увидела, как у шара открылись два глаза — сверкнули белки, — и распахнулся щелевидный лягушачий рот. Я хотела заорать, разбудить рыцаря, но у меня перехватило горло — вместо крика получился сдавленный писк.

— Не надо шуметь, — услышала я. Голос у этого Чебурашки-мутанта был шуршащим и противным. — Тебе ничего не угрожает, Алина, — я пришёл с тобой поговорить.

Алина? Интересно… Кому это здесь стало известно моё настоящее имя?

— Кто ты? — спросила я, понемногу приходя в себя.

— Чёрный глюк, — прошелестело шарообразное существо.

Так, вот уже и глюки пошли, хотя я вроде никакой травы не курила — не уважаю я это дело.

— Я посланец Вам-Кир-Дыка, — заявил шар (как мне показалось, с гордостью). — Мой повелитель тобой заинтересовался.

— Польщена, — коротко бросила я (я уже говорила, что у меня от страха прорезается своеобразное чувство юмора). — И чего ему от меня надо, этому твоему Дыку?

Шарик задёргался — похоже, фамильярное сокращение имени владыки Полуночной стороны до уменьшительно-ласкательного ему не понравилась. Но я уже поняла, что мне и вправду ничего не угрожает — хотел бы этот глобус лохматый меня пришить, так давно бы уже это сделал, и даже будить бы не стал, — и слегка обнаглела: так, для порядку.

Чёрный глюк взял себя в руки (которых у него вообще-то не было), перестал нервно пульсировать и начал излагать суть дела.

— Прежде всего, — прошипел он с потугами на вежливость, — извини, что мы пытались тебя убить. Владыка думал, что ты дочь одного из его заклятых врагов, и был раздражён тем, что тебе удалось выжить.

— Ну да, понимаю, ошибочка вышла, с кем не бывает, — пробормотала я себе под нос, но глюк никак не отреагировал на мою иронию.

— Однако потом он послал меня, — шар заметно раздулся: видимо, от осознания своей собственной значимости, — я просканировал твою память и сознание, доложил Владыке, и он изменил своё решение. И теперь Чёрный Владыка Полуночной стороны Эххленда, маг Вам-Кир-Дык предлагает тебе, Алина из мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды, стать его женой.

Я конкретно припухла — такого я ну никак не ожидала — и тупо молчала, переваривая услышанное.

— Посуди сама, — продолжал между тем глюк, — какой у тебя есть выбор? Ты хочешь стать женой Шумву-шаха, но хочет ли этого он сам? Король о тебе знать не знает, ведать не ведает, и где гарантия, что ты настолько его очаруешь, что он тут же поведёт тебя под венец? Покамест, — лягушачий рот глюка скривился в гаденькой усмешке, — ты как будто не можешь

похвастаться особым успехом у здешних мужчин.

— Будешь не по делу трындеть, — предупредила я, — разбужу де Ликатеса, и он сделает из тебя шар для боулинга: будешь всю оставшуюся жизнь биться лбом в кегли.

Глюк поубавил спеси, однако упорно гнул свою линию.

— А мой повелитель сам предлагает тебе руку и сердце — разница есть? Тебе остаётся только сказать "да"! И не всё ли тебе равно, какой ты станешь королевой — светлой или тёмной? Власть — она власть и есть, что на Полуденной стороне, что на Полуночной, что у вас на Земле. Тёмным ещё и проще — не надо пыжиться, изображая из себя справедливого правителя, тёмный может быть несправедливым по определению.

— Значит, Вам-Кир-Дык предлагает мне стать его женой?

— Одной из жён, — уточнил глюк. — Согласись, это разумный подход: Чёрный Владыка слишком мало тебя знает — должен же он к тебе присмотреться. А дальше — дальше всё зависит от тебя: ты можешь стать и любимой женой, и вообще единственной. Методика проста: сживёшь со свету всех остальных жён, и всё. Думаю, у тебя получится — у тебя есть нужные задатки.

Комплимент был сомнительным, но само предложение выглядело заманчивым. И в самом деле, где гарантия, что в столице я добьюсь успеха? Это ещё вилкой по водке писано, а тут — пожалуйста, согласие жениха уже имеется. Заманчиво, блин… Но Вам-Кир-Дык — он же тёмный, значит, должен быть какой-то подвох — не влюбился же он в меня, в самом-то деле! И ведь в жёны зовёт, не в наложницы — что ему, своих чернушных баб мало? А может, я всё-таки Избранная, и Чёрный разглядел во мне то, что не увидели ни Причесах, ни Окостенелла? Хотелось бы верить, но как-то уже не очень верится… Хотя — почему бы и нет?

— Цена вопроса? — спросила я напрямик. — Что я должна сделать?

Глюк явно не ожидал от меня такой сообразительности, но с ответом тянуть не стал.

— Убей рыцаря — его, маркиза де Ликатеса.

— Ты что, совсем охренел? — только и смогла сказать обалдевшая я. — Крыша съехала?

— Убей его, — повторил шар. — Это будет доказательством твоего перехода на тёмную сторону бытия. Сейчас ты серенькая — ни то, ни сё, а любое разумное существо рано или поздно делает свой выбор. Твоё время выбора пришло. Убьёшь Хрума — и станешь Царицей Тьмы, откажешься — пеняй на себя. Мы не будем тебя преследовать — мы предоставим тебя твоей судьбе. А

судьба эта, поверь, будет незавидной — ты не достигнешь высот, о которых так мечтаешь: просто не сможешь этого сделать.

Я подавленно молчала, а глюк превратился в чёрную кляксу и подполз к краю одеяла, на котором я сидела.

— Убей… — пробулькала клякса. Из её середины вылезли два немигающих глаза на тонких стебельках и уставились на меня — этот взгляд гипнотизировал.

— Убей… — Возле моей руки на одеяло упал откуда-то из пустоты кинжал с узким воронёным лезвием.

— Обманете, — прохрипела я. — Знаю я, чем кончаются договоры с Тьмой!

— Нет, не обманем. Эххи — и светлые, и тёмные, — всегда держат слово, и выполняют свои обещания. Мы не люди — мы не унижаемся до примитивной лжи, и у тёмных эххов тоже есть свои понятия о чести. Убей…

— Но я не хочу… Не могу…

— Сможешь, если захочешь. Власть — вот она, в этом клинке, протяни руку — и возьми. А в качестве свадебного подарка Владыка предлагает тебе следующее: он пошлёт в твой мир — в твой бывший мир — своих магов-убийц.

— З-зачем?

— Зачем? Вспомни, сколько людей нанесли тебе обиды — все они умрут. Все — начиная с директора фирмы, где ты работала, и кончая парнем по имени Слава, который ударил тебя по лицу. Умрёт и тот человек — помнишь его? — который семь лет назад попользовался глупой девчонкой, влюблённой в него по уши, и пропал спустя неделю после того, как она стала женщиной. Помнишь, как ты плакала? И не потому, что стала женщиной впопыхах, а потому, что тебе обманули. А эххи — эххи не обманывают, мы выше и совершеннее людей.

Я почувствовала, как у меня в глазах закипают злые слёзы. Вы все сдохнете, гады…

— Убей… — шуршал глюк. — Кто он тебе, этот рыцарь? Он даже пренебрёг тобой как женщиной — он тебя оскорбил! Зачем он с тобой заигрывал, зачем ответил на твой поцелуй? Играл? Тешил своё самолюбие, а потом наслаждался собственным благородством! Чем Хрум лучше того человека, который семь лет назад…

— Заткнись! — злобно прошипела я, схватила кинжал и пошла к спящему рыцарю.

Он лежал на спине, и свет догоравших углей окрасил багровым цветом его красивое мужественное лицо. Маркиз спал — спал крепко и безмятежно. Может, этот глюк навёл на него какой-то морок, но скорее всего, де Ликатес, даже во сне

ощущавший приближение врага, не считал врагом меня, земную девчонку по имени Алина, которую он одновременно принимал за Активию Отданон, дочь славного горского князя Эрма Отданона.

Он был красив, этот боевой маг, — неудивительно, что его любили женщины самых разных миров, — красив и беззащитен, как бывает беззащитен любой спящий человек, не владеющий никакой магией. Шея Хрума была открыта — я видела, как пульсирует на ней тонкая голубая жилка. Я присела на колени и занесла кинжал, целясь остриём в эту жилку.

— Убей… — шелестел голос глюка. — Это же так просто…

Лезвие пошло вниз — медленно, словно нехотя.

— Убей…

И тут перед моими глазами встали картины вчерашнего дня: изрубленные трупы на развалинах постоялого двора, серый гоблин, рассечённый почти надвое, и задёргавшиеся ноги другого гоблина, умиравшего под мечом де Ликатеса. Сейчас я ударю, и этот красивый сильный мужчина — я ещё помню вкус его губ! — превратится в груду гниющего мяса. Но сначала — сначала ноги его дёрнутся точно так же, как у того серого…

Кинжал коснулся кожи рыцари — как раз там, где билась эта проклятая жилка, от которой я не могла отвести глаз. Мне не надо было бить с размаху — достаточно было всем телом навалиться на рукоять. Весу во мне немного, но его хватит, чтобы продавить острый клинок насквозь, шея — она ведь такая мягкая и нежная, что у людей, что у эххов в облике людей. Нет, не могу. Ведь он меня защищал… Не могу! Вот если бы с большого расстояния, из винтовки с оптическим прицелом — щёлк, и всё, как в кино показывают, — а так, ножом, слыша дыхание того, кого ты убиваешь, и ощущая тепло его тела… Нет. Нет. Н-е м-о-г-у.

— Соплячка… — лез в уши мерзкий шёпот. — Какая же ты Избранная, если не можешь зарезать одного-единственного спящего мужчину? Неужели Вам-Кир-Дык ошибся в тебе?

— А пошёл ты! — заорала я и кинулась обратно с твёрдым намереньем располосовать эту шипучую плесень на мелкие лоскутки.

И я бы это сделала, клянусь, — тут уж моя рука бы не дрогнула!

Но глюк это понял, и не стал дожидаться, пока я до него доберусь. Чёрная клякса с чмоканьем всосалась в землю — словно слили грязную воду в унитазе, — потом сверкнула неяркая, почти незаметная вспышка, и в чёрное небо ушёл безобидный бледный огонёк.

Кинжал исчез — моя ладонь была пуста.

И бабочка-амулет уснула — я больше не чувствовала трепетания её крылышек.

Я без сил рухнула на своё импровизированное ложе и разрыдалась.

А Хрум — Хрум так и не проснулся.

ГЛАВА ПЯТАЯ. УДИВИТЬ — НАПОЛОВИНУ ПОБЕДИТЬ

Горы поредели. Дорога перестала петлять и скакать вверх-вниз, лощины сливались в одну и всё больше походили на долину, по которой разбросаны одинокие холмы. Местность шла под уклон — Восточные горы, превратившиеся за нашими спинами в тёмный волнистый силуэт, оставались позади.

Ехали молча — я строила из себя типа обиженную, и деликатный де Ликатес не лез ко мне с разговорами. Меня это вполне устраивало, хотя на самом-то деле я не особо сильно сокрушалась по поводу моих обманутых девичьих надежд. Неприятно, конечно, — мною ещё ни разу не пренебрегали, — зато я могла спокойно поразмышлять, подвести промежуточные итоги и прикинуть планы на будущее вместо того, чтобы сюсюкать и всем своим видом выражать Хруму благодарность за доставленное неземное наслаждение (недалёкие типы, именуемые мужиками, от такого шоу тащатся, как мокрые шланги по рубероиду). А так — ехала я себе спокойненько (типа надутая) и обдумывала детали своих дальнейших действий. Думать полезно — это пусть мужики считают, что для женщины главное — уметь пораскинуть ногами, а не мозгами (не будем лишать их этой иллюзии). А подумать мне было о чём.

…Утром я проснулась от потрескивания горящих сучьев — мой высоконравственный пецарь рычального образа уже встал и как ни в чём ни бывало возился у костра.

— Доброе утро, леди Активиа, — сказала эта воплощённая добродетель, заметив, что я проснулась. — Как вы спали?

— Изумительно, маркиз, — ответила я с максимально возможным ехидством. — Свежий воздух, романтический шум легендарного водопада, просторное ложе, и главное — не храпит никто под боком и не ворочается. Просто сказочная была ночь!

— Не сердитесь на меня, леди, — примирительно начал он, заметив мою язвительность (понятное дело, рыцарь ближнего круга — это вам не простак Верт). — Я не мог поступить иначе, потому что…

— Всё, проехали, — отрезала я, пресекая ненужные дебаты. — Хватит, наслышаны уже о мотивах твоих поступков. Завтрак готов?

— Травяной настой заварится, и прошу вас к столу.

— Нормуль, — подытожила я и потопала к водопаду.

Умываясь, я нащупала кистью руки мобильник (он у меня лежал в нагрудном кармане куртки) и решила его включить — а вдруг там снова какая-нибудь загадочная эсэмэска? Вытащила — и даже слегка присвистнула: вот это номер! В крышке зияло небольшое круглое отверстие, а когда я раскрыла мобильник, то увидела, что экран расколот. "Что за хрень?" — подумала я и тут же вспомнила про попавшую в меня стрелу. И точно — кармашек моей ветровки был пробит, в дырку свободно пролезал мизинец. И как это я сразу не заметила? Стресс — это понятно, но женщина, не следящая за своей одеждой, — это нонсенс. А я невеста короля, а не оборванка какая-нибудь. Интересно, у Хрума есть иголка с ниткой?

Я задумчиво повертела мобильник в руке. И что мне теперь с ним делать? Тонкая земная электроника двадцать первого века не выдержала контакта с грубым средневековым железом эххийского мира… Хотя — если бы не этот кусочек пластмассы, наконечник стрелы наверняка поцарапал бы мне грудь, и хуже того, продырявил бы мой любимый французский лифчик — кошмар! Так что спасибо тебе, привет из прошлого… Я вздохнула и разжала пальцы — мобильник булькнул в чашу водопада. Не люблю я расставаться с вещами — они ведь не люди, — а что делать? Мобильник геройски пал в бою, защищая любимую меня, и к тому же батарейка села, а у меня нет зарядника, да и с электричеством здесь напряг — я ещё не видела тут ни одной розетки (даже во дворце Окостенеллы). Ладно, спи спокойно, дорогой товарищ…

Вернувшись к костру, я обратила внимание на то, что Хрум как-то странно озирается по сторонам, и это мне сразу не понравилось.

— Вы не заметили ночью ничего особенного, леди? — спросил он. — Я ощущаю что-то непонятное…

Сердце у меня противно ёкнуло. Я вспомнила, как на развалинах постоялого двора де Ликатес просматривал прошлое (и магесса говорила о чём-то в этом роде), и мне стало очень не по себе. Если боевой маг вздумает заглянуть в прошлое, он там такое увидит… В том, что визит посланца Вам-Кир-Дыка и всё с ним связанное — это не сон, я ничуть не сомневалась: таких реальных снов не бывает. И Хрум почуял неладное, значит… Значит, надо быстренько сваливать отсюда, пока не началось, — магия просмотра прошлого, как я помню из фэнтези, привязана к месту событий.

— Я заснула в слезах (между прочим, это было чистой правдой), — буркнула я, — и спала без сновидений (я хотела добавить "эротических", но удержалась). А теперь давай-ка

собираться: мне стыдно за свою слабость и я хочу как можно скорее добраться до столицы и увидеть короля (я опять-таки хотела добавить "лечу на крыльях любви", но подумала, что это будет уже чересчур — Хрум далеко не глуп, может и догадаться, что я придуриваюсь). И не приставай ко мне, пожалуйста.

Сработало — мы в темпе позавтракали, мой верный паладин затушил костёр и начал торопливо сворачиваться. Нет, всё-таки враньё в этом мире действует безотказно…

Короче, мы по-быстрому собрались (я даже не поленилась принять в этом посильное участие) и покинули нашу стоянку. Когда мы отъехали на приличное расстояние, и Водопад Слёз скрылся из глаз, я с облегчением выдохнула и начала приводить в порядок мысли.

Итак, что мы имеем? Предложение Вам-Кир-Дыка можно считать утратившим силу: глюк (если он не помер по дороге с перепугу) наверняка уже добрался до Чёрного Владыки и доложил ему о моём безобразном поведении. Остаётся первый вариант: король Шумву-шах.

Взвесим шансы — прямо скажем, они не слишком велики. Кто я такая? Самая обычная молодая девчонка, каких в этом мире тысячи (если не больше), и к тому же не обладающая магическими талантами коренной эххийки (это ясно). Насчёт моей избранности — давайте не будем заниматься самообманом, если эта избранность и есть в наличии, то она пока никак о себе не заявила. Так что отнесём эту избранность к неизвестным величинам и не будем на неё особо уповать — оставим это романтическим особям, начитавшимся фэнтези.

А теперь плюсы. Самое главное — я до сих пор жива-невредима (дырка в куртке не в счёт). Это радует. И второе, не менее важное, — у меня есть правдоподобная легенда (спасибо Окостенелле): я попаданка с примесью девицы знатного местного рода, так что в принципе я могу рассчитывать на внимание его эххийского (или всё-таки эльфийского?) величества. Дело за малым: мне надо произвести на него впечатление, и желательно неизгладимое.

Я из другого мира? Так это плюс! Правителю Полуденной стороны местные красотки за сотни лет обрыдли до изжоги, он их знает вдоль и поперёк, а тут что-то новенькое — как известно, мужики падки на новенькое (не думаю, что в этом мире мужчины принципиально иные — все они одинаковы). К тому же я жертва (то есть не жертва, а, как бы это правильнее сказать, лауреатка) Великой Случайности — это добавляет шарма (вспомним, как магесса из Ликатеса отреагировала на этот факт моей биографии). Да и на избранности моей рановато ставить крест —

в конце концов, Вам-Кир-Дык не зря обратил на меня внимание. И ещё: из-за меня (и ради меня!) уже погибла целая куча эххов самой разной масти, а это кое-что значит — ради обыкновенных девчонок не сражаются и не погибают, это удел Избранных.

Так что шансы у меня всё-таки есть — остаётся выбрать правильную линию поведения. История моего якобы виртуального якобы знакомства с Шумву-шахом — версия красивая. И кстати, непроверяемая: если эххийские хакеры действительно резвятся в нашем Интернете, они наверняка не слишком афишируют свою деятельность. И я могу со спокойной совестью не узнать предмет своей страсти в лицо: кто подтвердит или опровергнет, что эти хакеры могли вывесить в нашей Сети портрет того же де Ликатеса и дурить головы бедным глупым землянкам, выдавая его за эльфийского короля? Легко!

Я покосилась на Хрума, молча скакавшего рядом, — да, на такого клюнут. Красив, гад, ничего не скажешь, — жаль всё-таки, что он оказался таким занудой.

А то, что я простая девчонка… Во-первых, не такая уж я и простая, а во-вторых — сколько таких как бы простых девчонок у нас в Питере сделали себя сами и добились всего, чего хотели? (неважно, какими способами — важен результат). Не надо пытаться прогнуть мир под себя (это мало кому удаётся) — надо подстраиваться под этот мир, играть по его правилам и находить в нём слабые места. Биться лбом в стену — дело нехитрое, но зачем это делать, если можно через эту стену перелезть или отыскать в ней калитку?

И я эту калиточку найду: у меня есть то, чего нет у обитателей этого мира. Эххи не умеют врать, а мы, земляне, делаем это легко и непринуждённо, и даже не представляем, что может быть иначе. Моя раскованность здесь не катит, значит, я буду изображать из себя скромную девушку строгих правил, искреннюю и простодушную. Правда, мой паладин (я снова покосилась на рыцаря) может мне всё испортить — жаль, что я его не зарезала. Хотя… Он ведь весь из себя такой благородный — не будет он сплетничать.

И ещё — мне надо восполнить кое-какие пробелы. Магия мне не по плечу (во всяком случае, пока) но кое-чем я могу — и должна! — овладеть. Например, оружие — дочь князя Эрма Отданона обязана уметь держать в руках меч или хотя бы кинжал. Чем я хуже Никиты или Лары Крофт? А то я вчера взяла этот кинжал так, словно собиралась пирог резать, а не горло человеку. По большому счёту, я не обманула маркиза, сказав ему, что мне типа стыдно. Мне действительно было стыдно, но не за сцену у фонтана, а за то, что я не смогла убить рыцаря. Только не делайте

больших глаз, ладно? Я хочу стать правительницей, а правительница обязана быть жестокой — без этого никак. Вот вам живой пример: Окостенелла. Сама, может, она глотки и не резала (хотя — кто знает), но весь род барона Занозиллы вырезали по её приказу. И ничего — уважают, ценят, а де Ликатес так даже поклоняется. И я должна быть такой же, и тогда поклоняться будут и мне, любимой. Я вообще не слишком восприимчива к чужим бедам — всех не пережалеешь, меня бы кто пожалел, — но равнодушие — это одно, а хладнокровная жестокость — совсем другое (хотя разница между ними не такая и большая). Однако королева не должна бояться крови, иначе она не королева, а так, хрен собачий.

Придя к такому выводу, я решила, что при первой возможности попрошу де Ликатеса научить меня стрелять (я видела у него арбалет) — убивать на расстоянии всё-таки легче, не так противно. А заодно будет повод к примирению — пора восстанавливать между нами мир-дружбу, а то я скоро взвою от этой игры в молчанку. Думаете, легко женщине молчать целых три часа подряд, особенно если рядом есть потенциальный собеседник?

Возможность представилась вскоре после полудня, когда мы сделали остановку для "девочки налево, мальчики направо" и для перекуса остатками провизии — Хрум сказал, что к вечеру мы доберёмся до большого селения, где можно будет затариться по новой, а заодно и переночевать под крышей.

— Хрум, — сказала я, как только мы умяли ланч, — я хочу вспомнить то, что умела Активиа. Давай постреляем.

Я специально не сказала "хочу научиться" — девчонка-Отданонка должна была это всё уметь. Мой расчёт оказался точным: рыцарь улыбнулся, встал, пошёл к своему коню и вскоре вернулся, неся в руках небольшой изящный арбалет и упаковку со стрелами.

— Пожалуйста, леди, — сказал он, протягивая мне оружие.

Блин, красивая штучка. Полированное дерево с инкрустацией, стальная дуга, стянутая кручёной тетивой, зубчатые колёсики, сбоку ручка такая аккуратненькая и курок типа как у ружья. И не очень тяжёлая, хотя, конечно, потяжелее моей любимой сумочки, которую мне подарили. Да, если этот арбалет отнести у нас в какой-нибудь антикварный магазин, за него нехило бабла отстегнут, верняк.

— Напомни, — попросила я, повертев самострел так и сяк.

— Всё очень просто. Смотрите, — показал де Ликатес, — подцепляете тетиву — вот так, — и крутите вот эту рукоять. Попробуйте, она идёт легко.

И верно, крутить эту прибамбасину оказалось совсем нетрудно, даже силы особой не нужно. Я добросовестно крутила, пока тетива не встала на защёлку.

— А теперь, — маркиз вложил в желобок арбалета короткую стрелу с острым граненым наконечником, — вот так. Готово.

— Далеко бьёт? — деловито осведомилась я, оглядываясь по сторонам.

— Триста шагов, но прицельная дальность — шагов сто-сто пятьдесят, а с пятидесяти шагов стрела запросто пробивает кольчугу.

— Класс, — восхищённо пробормотала я.

— И он лёгкий, — добавил рыцарь. — В вашем мире старинные арбалеты были тяжелее, а в этом оружии для лука и взводящего механизма использованы лёгкие и прочные сплавы, полученные нашими магами-алхимиками. Я специально взял этот арбалет с собой: для вас, леди Активиа. Я не сомневался, что голос крови дочери самого воинственного клана эххов обязательно вас позовёт.

Но я его уже не слушала. Шагах в сорока от меня росло не очень толстое дерево; я подняла арбалет, прицелилась и, недолго думая, нажала на курок.

Ж-ж-ж-ж… Арбалет громко щёлкнул, загудела тетива, и стрела врезалась в древесный ствол — в самую его середину. Я ощутила приступ гордости за себя, любимую.

— Очень неплохо, леди. Хотите ещё?

— Спрашиваешь!

Я с наслаждением разрядила арбалет несколько раз, и все мои стрелы втыкались в дерево. Жесть! Жаль, не видать зайчика какого или птички. Или серого гоблина — рыцарь бы его подержал, а я бы пристрелила.

— Я бы хотела, — сурово промолвила я, — чтобы это было не дерево, а чёрный кобольд.

— "Чёрного кобольда" простой стрелой не взять, — рыцарь покачал головой, — для них нужна ещё и магия.

— Да, я помню, — правда, смутно, — как мы с отцом дрались с этими спецназовцами Вам-Кир-Дыка. Но их было слишком много… А потом, — я изобразила на лице трагическую скорбь, — огонь, огонь, огонь, охвативший всё моё тело…

Память у меня прекрасная — уж на что на что, а на неё я не жалуюсь. И я помнила, что Окостенелла упоминала о каких-то чёрных кобольдах, порушивших замок моего — то есть не моего, конечно, а как бы моего, — папани, помнила и о том, что"…они (Эрм и Активиа) сгорели на стенах Урта, отбивая штурм". Не надо спрашивать в лоб, — мол, сам знаю, — надо подводить тему

разговора к тому, что тебя интересует, а уж собеседник всё тебе расскажет. И получилось как нельзя лучше: помнит Активиа страшную битву, хотя я даже примерно не представляю, как эти самые кобольды чёрные выглядят, и вообще: это порода или название части, типа "зелёных беретов"? И сработало — де Ликатес не преминул высказаться по этому поводу.

— Когда вы станете женой Шумву-шаха, — а вы ею станете, я в этом не сомневаюсь, — у вас будет возможность отомстить Чёрному за смерть вашего отца и за вашу собственную смерть.

— И я это сделаю, — торжественно пообещала воинственная я. — А чёрного глюка можно взять простой стрелой? (я решила развить успех).

— Глюка? Да, его можно взять простой сталью ("Ага, понятно, почему эта говорливая клякса свалила не попрощавшись"). Они непревзойдённые шпионы — быстро перемещаются, быстро меняют форму, проникают куда угодно, умеют копаться в чужом сознании. Наводят мороки — могут усыпить даже мага ("Я так и думала — уж очень крепко ты спал"). Но за эти превосходные качества — по законам симметричности магии — глюки платят слабостью своей защиты. Глюка легко убить — если, конечно, ты сумеешь его заметить, — а сами они не воины и даже не убийцы. И всё-таки они удивительно мерзкие твари, — с чувством закончил Хрум.

"Это точно" — подумала я. Ну вот, я и ещё кое-что узнала — всё-таки я молодец!

Я с удовольствием постреляла бы ещё, но надо было ехать. И мы поехали, а я взяла арбалет себе (Хрум помог мне пристроить оружие к седлу) и время от времени поглаживала его приклад, баюкая самострел, как когда-то, в очень далёком детстве, любимую куклу.

* * *

Селение было красивое.

Дома стояли раздельно, утопая в густой зелени деревьев, — получилось что-то вроде множества помещичьих усадеб, собранных вместе и поставленных неподалёку друг от друга, или дачного посёлка у нас на северном берегу Финского залива — там сейчас полно таких новорусских особняков. И речка-невеличка тут как тут, и озеро, и заходящее солнце в тон заборам и крышам — короче, полный гламур. Укреплений не видно — то ли здесь у них типа курорт, Куршавель в предгорьях, а может, тут специальная охранная магия — хрен его знает.

Дорога привела нас к центру этого как бы посёлка, к двухэтажному каменному дому с колоннами, похожему на мэрию — мне так показалось. Из-за колонн выкатился толстяк в широкополой шляпе и в прикиде с позументами. Он здорово напоминал колобок на коротких ножках, однако пыжился и напускал на себя солидность — типа чиновник с амбициями. При виде меча и змеи на щите ликатесского рыцаря этот глава местной администрации мигом подтянулся и даже вроде похудел, снял своё мышиного цвета сомбреро и поклонился.

— Безмерно рад гостям, — проблеял колобкообразный. — Чем могу служить?

— Ужином, — отрывисто бросил Хрум, — ночлегом и едой в дорогу.

Я представила себя толстяка, поданного нам на ужин, и улыбнулась. Колобок принял мою улыбку за признак добродушия (по контрасту с холодным тоном маркиза) и засиял.

— Лучше всего вам подойдёт наш странноприимный дом, — бойко доложил он. — Я вас провожу.

Я сначала не могла понять, что значит такое название, — что там, гостей принимают очень странно? — но потом сообразила, что это от слова "странники". Колобок, проворно перебирая ножками, побежал вперёд, и через пять минут мы уже подъезжали к местному отелю. Ничего, ничего — звёзды считать не будем, а так — очень даже ничего. Аккуратное каменное здание в два этажа, просторный мощёный двор за решётчатой оградой, внизу явно ресторан. Я поймала дразнящие вкусные запахи и проглотила слюну: верховые прогулки на свежем воздухе — для аппетита самое то (хотя я на аппетит и так не жалуюсь).

Приняли нас по высшему разряду — я очень бы удивилась, если бы было по-другому, — тут же предложили лучшую комнату с видом на озеро.

— …и роскошное ложе, — распинался хозяин отеля. — Вам с супругой будет…

— С двумя отдельными ложами, — перебил его де Ликатес. — Леди Активиа Отданон — невеста короля, а я охраняю её на пути в столицу.

После этих слов отзывчивость хозяина и персонала гостиницы (глава администрации, сочтя свою задачу выполненной, слинял от греха подальше) достигли наивысшего предела — меня даже начал раздражать их ненавязчивый сервис. Короче, мы разместились, отужинали и отправились баиньки.

И что интересно, соседство маркиза уже не вызывало у меня никаких особых эмоций. Женщина реагирует на мужской к ней интерес — она его чувствует, — а если этот интерес отсутствует,

чего зря дёргаться? Ну, лежит на соседней койке красивый манекен, ну и что? И поэтому я вежливо пожелала Хруму спокойной ночи, разделась, улеглась и мирно уснула без ненужных телодвижений. Завтра снова вставать чуть свет, и в путь — прям как на работу.

Но продолжить моё предсвадебное путешествие с самого с ранья не срослось.

Утро было сереньким — за окнами моросило. Я не придала этому особого значения — подумаешь, у нас в Питере такая погода через день каждый день. Правда, всё то время, что я ошиваюсь в этом мире, тут всегда светило солнышко, но должны же когда-нибудь здесь идти дожди? Не сахарные, не растаем, да и дождь-то не дождь, а так, тьфу, одно название.

Однако де Ликатес хмурился и выглядел озабоченным. Когда мы с ним позавтракали — блин, надоела мне эта местная травяная заварка, мне бы кофейку! — он не спешил встать из-за стола: сидел себе, вертя в руках пустой бокал и сумрачно поглядывая на улицу, и молчал.

— Чего сидим? Кого ждём? — не выдержала я наконец. — Погода нелётная?

— Злой Дождь, — односложно ответил рыцарь. — Ехать нельзя — опасно.

— Это который всё растворяет? — Я решила блеснуть эрудицией: читала я у какого-то автора фэнтези про такой дождик, как бы из кислоты.

— Нет, магия Злого Дождя не настолько страшна. Могут заржаветь доспехи и оружие, на коже появляются язвы, заболеть можно, а главное — вспыхивают беспричинные ссоры.

"Ну уж нет, — подумала я, — испортить цвет лица, да ещё перед смотринами…".

— Этот дождь, — Хрум кивнул в сторону окна, по которому снаружи змеились тонкие извилистые струйки, — наслали колдуны Вам-Кир-Дыка, чтобы затруднить Шумву-шаху сбор ополчения. Нам лучше переждать, пока королевские маги не разгонят тучи.

— А ты чего, сам не можешь? Ты ведь маг!

— Я не всесилен, — де Ликатес пожал плечами, — как и любой маг. Придётся ждать — я не могу вами рисковать.

С этим я согласилась — рисковать любимой мной не надо ни под каким видом. Ладно, расслабимся и будем ждать: над головой не капает, и вообще это местечко уютное. И вино здесь тоже хорошее, надо бы повторить.

— Раз уж мы тут сидим, — сказала я, — закажи даме вина, мой верный паладин, а заодно и фруктов-ягод каких-нибудь тоже.

Не сидеть же всухаря — скучно.

Рыцарь сделал знак халдею, а я тем временем огляделась по сторонам. Народу здесь поместится человек сто, однако сейчас зал был почти пустым — кроме нас с Хрумом в этом кафе-холле кайфовало всего несколько человек, то есть эххов. У типа стойки тусовались трое хмырей непонятной наружности — то ли дилеры какие-нибудь, то ли братки местные, — а у окна за дубовым столом хлебали пиво два плечистых мужика в коричневых кафтанах. Рожи у них были широченные, носы курносые, бороды лопатами — гномы, кто же ещё!

— Гномы, — сказал де Ликатес, словно услышав мои мысли, — копают самоцветы в старых заброшенных шахтах Восточных гор.

Я молча кивнула. Гномы налегали на еду — перед ними на столе стояло здоровенное блюдо с жареным мясом, — пили пиво из кружек размером с ведёрко и зыркали на томную красотку эльфийского вида, сидевшую за соседним с ними столиком и лениво потягивавшую вино из прозрачного бокала на тонкой ножке.

Официант принёс нам вина, и я, элегантно прикладываясь к своему фужеру (как и положено благородной даме и почти бессознательно подражая этой эльфийке в клёвом брючном костюме), стала наблюдать за развитием событий. Интересно, когда эти шахтёры из местного Норильска дозреют и начнут клеить эту дамочку, и как это будет выглядеть? И как она себя поведёт? Если эти рудокопы-нефтяники здесь шевелят такими же бабками, как у нас, то у них от денег карманы должны лопаться… И тут меня посетила неожиданная мысль (хотя вообще-то не очень неожиданная).

— Послушай, Хрум, а почему ты ни разу не заплатил ни за еду, ни за ночлег?

— Мне не совсем понятен ваш вопрос, леди Активиа.

— А что тут непонятного? Почему ты не платишь деньги за весь этот сервис?

— В нашем мире нет такого понятия — "деньги". И самих денег тоже нет.

— Я реально не догоняю…

— Кого? — не понял рыцарь.

— В смысле, не въезжаю.

— Куда?

Во, блин, дикарь, — нормального языка не понимает! Ладно, попробуем иначе.

— Маркиз, не будете ли вы столь любезны объяснить бестолковой мне, как работает ваша экономика при отсутствии

эквивалента всех ценностей, а также товаров и услуг? Или у вас тут коммунизм в полный рост?

— Я знаю, что такое деньги, что такое экономика, и даже, — Хрум усмехнулся в усы, — мне доводилось слышать слово "коммунизм". Я бывал в примитивных мирах.

"Сам ты примитивный! — обиделась я. — У вас тут ни компьютеров, ни самолётов, ни телешоу! Машин, и то нет — скачем по горам на лошадях, скоро мозоль будет на заднице!".

— Но мы, — продолжал маркиз, — не нуждаемся в условных единицах по той простой причине, что любой эхх сам в состоянии создать для себя всё необходимое.

— Каждый сам себе и швец, и жнец, и академик, и плотник? — недоверчиво спросила я. — Типа на все руки мастер?

— Да, — совершенно спокойно подтвердил де Ликатес.

— Слушай, Хрум, — попросила я очень сдержанно. — Я девочка умная — не пудри мне мозги, ладно?

Вместо ответа он взял мой недопитый бокал — вина там оставалось уже на донышке, — поставил его перед собой и уставился на него немигающим взглядом. Пару минут ничего не происходило, а потом… Потом уровень золотистой жидкости медленно пополз вверх, и ещё через пару минут мой фужер снова был полон. Рыцарь смахнул с виска капельку пота.

— Попробуйте, леди Активиа, — это вино.

Да, это действительно было вино — то же самое. Я реально припухла.

— А зачем же тогда… ну, всё вот это? Бар этот, и вон тот как бы мангал?

— Любой маг может создать — структурировать — всё, что угодно. Или почти всё, есть кое-какие ограничения. Творительные возможности зависят от способностей — таланта — и от количества энергии — маны, — которая затрачивается на создание того или иного предмета.

"Тебе бы у нас в универе преподавать, — подумала я. — Хотя нет: посещаемость твоих лекций была бы бешеная, а вот успеваемость… Глядя на твою смазливую физиономию, студентки будут думать о чём угодно, только не о предмете лекции".

— Но у каждого эхха есть свой профиль магии — как у жителей вашего мира имеется склонность к определённой профессии. Например, мой профиль — боевая магия. Помните, я сразил убегавшего серого гоблина метательным ножом?

Да, я помнила взблеск стали в руке рыцаря и покатившегося под гору волосатика.

— Я сотворил клинок. Нож выполнил своё назначение и распался — это называется краткая материализация заданной

мыслеформы.

"Так вот почему исчез кинжал, который мне подсунул глюк!" — догадалась я.

— Однако можно создавать и предметы длительного пользования — всё зависит от того, сколько маны затрачено на творение. Так что не торопитесь выпить своё вино, леди, — Хрум снова улыбнулся, — оно никуда не исчезнет и не превратится в воду.

— Сэр рыцарь, мне хотелось бы получить ответ на заданный мной вопрос: на кой хрен тогда нужны все эти забегаловки, если ты у нас сам себе универмаг? Ты ведь здесь не один такой супер-пупер-разносторонний, я правильно поняла?

— Да, маги-универсалы есть, но всё дело в том, что я затратил на наполнение вашего бокала куда больше сил, времени и маны, чем винодел-профессионал, каким является наш трактирщик, — он сделает это гораздо быстрее. И вы не совсем были правы, когда сказали, что я не платил за еду. Я платил, только не деньгами.

— А чем же?

— Своей маной. Я перекачивал её хозяину гостиницы — отдавал её чуть больше, чем потребовалось ему для творения для нас еды и питья, но куда меньше, чем затратил бы сам на создание всего этого. У нас цены не завышают — кто же будет платить, если может сам сделать для себя требуемое, затратив при этом меньшее количество маны?

Я начала кое-что понимать. Да, это круто…

— А эта, мана твоя… У тебя с собой что, типа аккумулятор, да?

— Я сам себе аккумулятор. Запас маны восстанавливается — это природное свойство наших организмов. Однако у всех эххов ёмкость разная: когда запас маны иссякает, мы уже не можем творить. Это называется усталость — нужно ждать, пока восстановятся силы. Так что все эххи-маги отличаются друг от друга не только талантами, но и энергоёмкостью. Наш трактирщик не сможет сотворить огненный смерч, а я — могу. Зато у него под стойкой стоит бочонок этого прекрасного вина, — маркиз пригубил бокал. — Он наколдовал его заранее, а сейчас продаёт и восстанавливает силы — видите, как он весел и жизнерадостен?

— Значит, вы всё делает с помощью магии?

— Нет, далеко не всё. То есть сделать-то можно всё — почти всё, но очень многое легче получить естественным путём или создать своими руками. Зачем наколдовывать зерно, когда оно само вырастет на полях? Разумные существа всегда выбирают

простые пути — тащить легче, чем нести, а катить — легче, чем тащить. Кое-что делается комбинированным способом — лучшие мечи, например, куют мастера-кузнецы, использующие не только секреты плавки и ковки, но и магию. Одно дополняет другое.

Я сидела и тихо балдела — вот это да…

— А ману можно, того, украсть?

— Теоретически — да, а практически — нет.

— Почему? Маги запирают доступ у своей мане?

— Что-то в этом роде, — Хрум кивнул, — но главное — куда деть украденное? Вы ведь не сможете набрать в грудь больше воздуха, чем вмещают ваши лёгкие, или закачать себе в жилы больше крови. Поэтому, кстати, у нас нет богатых людей — в понятиях примитивных миров, — накопивших своё огромное состояние за счёт других. У нас всё зависит только от подлинного природного таланта — и от того, как его развить.

Я вспомнила рынок в Ликатесе — хорошо бы я выглядела, попросив у Верта денег, кранты всей моей легенде! Многое ещё оставалось мне непонятным, но уточнять я не стала — и так уже голова распухла.

— Значит, ничего такого, — я достала из кармана джинсов кошелёк и вытащила из него пятисотрублёвую бумажку, — у вас нет?

— Разрешите, леди?

Де Ликатес взял у меня купюру и повертел её в руках.

— В некоторых ситуациях, — сказал он, возвращая мне мою пятисотку, — деньги как условная единица обмена могут быть полезными — например, если из рук в руки переходит что-то крупное: такое, что нельзя сотворить одним махом и для творения которого требуется много маны, — но ни монеты, ни бумажные купюры, ни даже золото или серебро деньгами служить не могут.

— Это ещё почему?

Маркиз усмехнулся, снова взял у меня пятисотку, положил себе на ладонь и накрыл другой ладонью. Он долго — минут, наверно, десять — сидел неподвижно, а потом жестом фокусника раскрыл сжатые ладони, и на стол упали две пятисотрублёвые бумажки.

Я только рот открыла — вот это ксерокс! Да что там ксерокс — печатный станок, блин! Мне бы такой станочек да в мою комнатку на Земле…

— Поняли? Как может служить деньгами то, что любой мало-мальски опытный маг легко и просто может создавать в любых количествах?

"Понять-то я поняла, — подумала сообразительная я, — и вот

уж этой вашей магией я овладею по-любому! Муж-король — это, конечно, круто, но уметь делать деньги из ничего — это куда круче! Вернусь к себе домой, и…".

— Послушай, Хрум, а где тут у вас получают магическое образование?

— В столице есть Академия Магии, и для супруги правителя Полуденной стороны двери её будут открыты. Я не могу оценить ваши магические способности — я ведь не маг-наставник, — но, - он посмотрел на меня как-то по-особому, — ману вы генерируете.

Ага! Неужели эта способность тоже входит в те самые первичные умения эххийки, которыми меня одарила Окостенелла? Если так, спасибо этой кошке бесхвостой. А может, у меня эта способность и так была, от рождения? Может, я дитё-индиго или там экстрасенка какая, только я об этом не знала — типа способности не проявлялись? Или… я всё-таки эта, Избранная Великой Случайностью? А, неважно, упрёмся — разберёмся.

— А как… — начала было я, но тут меня неожиданно прервали.

Входные двери с треском распахнулись, и в ресторан влетел воин в мокром плаще. Глаза у него были бешеные, лицо в мелких красных точках, как будто его кололи иголками, на кольчуге у него я заметила следы то ли ржавчины, то ли плесени. Не обращая ни на кого внимания, он ринулся к стойке — трое тусовщиков мигом уступили ему место. Вероятно, эти ребята хорошо знали о неприятных свойствах Злого Дождя и не горели желанием подраться.

— Вина, — хрипло выдохнул воин, облокотившись о стойку.

— Это гонец, — проговорил Хрум, — везущий какое-то важное сообщение. Мчаться под Злым Дождём можно только в самом крайнем случае…

Трактирщик поспешно подал мокрому гонцу объёмистую кружку, и тот осушил её в три жадных глотка. Затем воин помотал головой и коротко бросил:

— Коня!

— Что случилось, почтенный? — осторожно осведомился подошедший к нему хозяин гостиницы.

— Я скачу второй день, меняя коней, — гонец смерил хозяина недобрым взглядом, — в столицу, к королю. Ликатес в опасности — на город надвигаются орды Дастар-хана! Коня, и немедленно, Тьма тебя побери!

Хозяин отеля мигом исчез, а я посмотрела на Хрума.

Боевой маг переменился в лице.

* * *

Мы неслись как сумасшедшие. Мне было уже не до разговоров и не до разглядывания пейзажей — де Ликатес скакал как заведённый, и я сосредоточилась на том, чтобы не упасть со спины мчащейся лошади. С непривычки дико болели ноги и спина, и вообще это ралли нравилось мне всё меньше и меньше. Никаких долгих привалов — короткая остановка, ням-ням — и снова вперёд. Когда мы к вечеру добирались до очередной ночлежки, я от усталости думала только лишь о том, как бы поскорее забраться в постель и уснуть — никакие мысли сексуального плана в мою голову даже не забредали.

…Когда я увидела, каким стало лицо Хрума после слов гонца, мне сразу стало кисло. Я прекрасно понимала, о чём он думает: на город, где находится его дама сердца, наступают полчища злых татар, а он, рыцарь ближнего круга властительницы Ликатеса, возится в это время с какой-то взбалмошной девицей, к которой он не испытывает никаких тёплых чувств! Да любой парень из моего ближнего круга в такой ситуации сказал бы: мол, извини, у меня проблемы, вот тебе жетончик на метро, дальше как-нибудь сама доберёшься, пока, бай-бай. И был бы прав, по большому счёту, — кто я ему такая? Я притихла, уныло поглядывая в окно, — перспектива остаться одной мне совсем не улыбалась.

— Я совсем не уверен, что король поможет Окостенелле, — услышала я голос Хрума. — Властительнице надо рассчитывать только на свои силы — на стенах Ликатеса сейчас дорог каждый лишний меч.

— Ты поедешь обратно? — жалобно спросила я.

— Конечно! — ответил маркиз. — И не поеду, а полечу, не теряя ни минуты!

"Ну вот, — подумала я, — вот и приплыли. А как всё хорошо начиналось… Не мог этот Чингисхан подождать недельку-другую, пока я не доберусь до столицы…".

— Дождь кончается, — сказал рыцарь. — Будьте готовы, леди, мы скоро выезжаем.

— А при чём здесь я? Мне не надо в Ликатес, мне надо…

— А при чём здесь Ликатес? Мы с вами едем в столицу, и я поверну коня не раньше, чем вы встретитесь с Шумву-шахом. Просто нам придётся поторопиться.

Хрум произнёс это очень естественно, без всякой рисовки. "Как вы могли подумать, леди Активиа, что я вас брошу?" — яснее ясного читалось в его серых глазах. Мне даже стало стыдно, хотя

вообще-то я считаю стыд дурацким пережитком и помехой карьерному росту.

И мы выехали, как только перестал крапать Злой Дождь, и мчались, горяча коней. До столицы, по словам де Ликатеса, оставалась ещё неделя пути, но рыцарь надеялся выиграть хотя бы один день, и поэтому мы не тратили время на светские беседы и долгие остановки. К счастью, нам никто не мешал, только вечером второго дня наскочила шайка мародёров. Эти ребята здорово лопухнулись — не разобрались, с кем имеют дело. Думаю, они даже не успели пожалеть о своей промашке — рыцарь мигом положил всех пятерых; я даже арбалет зарядить не успела. А жаль — хороший был случай пострелять по настоящей живой мишени. После этого я заранее взводила арбалет, как только замечала всяких там встречных-поперечных — очень мне не хотелось упустить следующую такую возможность. Однако на четвёртый день я сама сделала промашку.

Местность становилась всё населённее, по пути то и дело попадались типа хуторки, деревни и даже небольшие города, и дорога превратилась в оживлённую трассу. Пробок не было, но всадники, пешеходы и повозки сновали по ней туда-сюда только так. Я злилась на неудобства нашей безостановочной скачки, на де Ликатеса, на весь этот мир с его дурацким средневековьем, и поэтому, увидев на дороге громадного мужика с дубиной, я лихо вскинула арбалет и выстрелила в него.

Но стрела с гудением ушла в небо: в самый последний момент Хрум резким ударом задрал мой арбалет вверх, чуть не выбив его у меня из рук. Мужик разинул рот и боком-боком поспешил удалиться от опасной меня на возможно большее расстояние, а маркиз заговорил со мной таким тоном, какого я раньше от него никогда не слышала.

— Зачем вы это сделали, леди? Это же безобидный крестьянин!

— Подумаешь, — я окончательно разозлилась, — делов-то… Ну, ошиблась, — вон у него какая дубина! У нас так бывает — грохнут кого-нибудь по ошибке, потом извиняются. Было бы о чём говорить — о каком-то крестьянине, вон их сколько бегает…

— Это живой эхх, — голос Хрума был настолько холодным, что я невольно поёжилась, — и он не сделал вам ничего плохого. И вы не ошиблись — вам просто захотелось убить. Разве можно убивать себе подобных только потому, что…

— А ты сам, — окрысилась я, — разве не убиваешь направо и налево? Я помню, как ты хладнокровно добил раненого гоблина!

— Это другое дело. Свет и Тьма непримиримы — если бы тогда в пыли лежал я или вы, серые сделали бы то же самое.

Гоблина нельзя было оставлять в живых — он залечил бы раны и навёл на нас других врагов. А убивать просто так, походя…

— Какие вы добренькие, — не унималась я, — прямо ангелы, только без крылышек! А твоя ненаглядная Окостенелла — тоже ангел во плоти? Видела я развалины одного замка, где по её приказу перерезали всех — и женщин, и детей!

— А вы знаете, кем был барон Занозилло, и как всё началось? В степи сражаются за власть, но делают это честно, а он призвал на помощь легионы Вам-Кир-Дыка. И знаете, чем он заплатил Чёрному Владыке? Он отдал ему души всех своих подданных и пообещал отдать души всех тех, кого ему удастся покорить! Это был не просто мятеж — ослеплённый жаждой власти, Занозилло мостил Тьме дорогу на Полуденную сторону. Предатель хуже врага, леди Активиа, — дочь Эрма Отданона должна это знать. А гнездо Тьмы нужно выжигать дотла, не оставляя семени, и поэтому мы вынуждены были убить в замке барона всех, никого не щадя.

Я угрюмо молчала, стараясь не смотреть на де Ликатеса.

— У нас нет времени для долгой беседы о добре и зле, нам надо спешить, — закончил рыцарь и протянул ко мне руку. — Отдайте мне арбалет, леди.

— Но ты же мне его подарил! — захныкала я, прижимая к себе самострел.

Чуть поколебавшись, Хрум опустил руку.

— Хорошо, — сказал он, — пусть оружие останется у вас — оно ваше. Но обещайте мне не стрелять из него в каждого прохожего.

— Ладно, — буркнула я. — Я больше не буду.

Мы поскакали дальше, но я поняла, что нашей с Хрумом дружбе конец — между нами выросла стеночка отчуждённости. Маркиз выполнял свои обязанности сопровождающего, но делал это так, как мы работаем с неприятными заказчиками — вежливо, но без души. Будь у меня время, я постаралась бы растопить эту ледяную стенку (и может быть, растопила бы), но времени у меня не было — мы слишком спешили.

* * *

На пятый день пути, когда до столицы нам осталось всего ничего — день-полтора, не больше, — мы повстречали конный отряд королевской армии. Воины Шувму-шаха поначалу дружно ощетинились копьями, однако быстро разобрались, что к чему. И от них мы узнали, что скакать в столицу нам уже нет никакого

смысла: король во главе своего войска выступил в поход и движется к Восточным горам, собирая по пути ополчение.

— Но вы можете его встретить, — посоветовал нам командир всадников, узнав о цели нашего визита к его величеству, — он идёт со своей гвардией по соседней дороге. Доедете до развилки, свернёте, и…

— Спасибо, — сказал де Ликатес, и мы пришпорили коней.

Через час мы добрались до искомого тракта и встретились там с другим отрядом. Де Ликатеса вновь узнали, но почему-то нас не спешили пропустить, а наоборот — задержали. И я вскоре догадалась, почему: рыцарь, командовавший этим отрядом — у него на щите была нарисована голова какого-то тигромедведя, — скорее всего состоял в ближнем круге Шумву-шаха и не испытывал особой приязни к рыцарям магессы. Шумву-шах и Окостенелла друг друга не любят, и пацаны их, похоже, ладят между собой примерно так же, как мушкетёры французского короля и гвардейцы кардинала из фильма с Боярским. Блин, вот только чужих разборок мне и не хватает! Однако до драки дело не дошло, хотя нас дотошно проверили, и даже магией (я ощутила неприятное покалывание по всему телу) — а вдруг мы какие-нибудь чёрные глюки замаскированные?

— Ждите, — холодно приказал "тигромедведь", узнав, зачем нам — то есть мне — нужен король. Но на нахохлившуюся меня он посмотрел с интересом, и я приободрилась. В конце концов, ваши тёрки — это ваши тёрки, при чём здесь нездешняя я? Мы отъехали на обочину и под охраной неулыбчивых коллег "тигромедведя" стали ждать моего как бы жениха.

Мы ждали, а по дороге шли и шли войска: конница, пехота, снова конница и снова пехота. У меня рябило в глазах от всех этих пик, топоров на длинных ручках, блестящих лат, щитов с разными картинками, разноцветных знамён и разномастных коней. В воздухе висела густая пыль, и я прикрыла лицо платком, заботливо поданным нехило припудренной мне моим верным — несмотря ни что — паладином.

А потом — я не поверила своим глазам, даже протерла их на всякий случай, — мимо нас стройными рядами замаршировали эльфы! Стройные красавцы в серебряных кольчугах, в зелёных плащах, с длинными луками. Ушей я, правда, не разглядела — все парни были в шлемах с кольчужными сетками до плеч, — но и без ушей ясно: эльфы, кто же ещё! И Хрум это подтвердил.

— Эльфы, — негромко сказал он, заметив мой интерес к этим ребятам с луками, — элита королевских войск, стрелки. Непревзойдённые лучники — их стрел боятся даже драконы.

Ага, вспомнила я, так это вы, ребятушки, чуток опоздали к

замку Урт и прибыли уже на пепелище? А ведь если бы вы успели вовремя, леди Активиа Отданон со своим геройским папой остались бы в живых! Э, нет, никаких "если" — будь жива настоящая княжна, я давно уже отдыхала бы в очень дохлом виде под крышкой канализационного люка в двух шагах от моего родного дома. Так что спасибо вам, ребята-эльфята, за ваше опоздание…

Я так увлеклась эльфами, что даже не заметила появления целой толпы всадников. К счастью, де Ликатес был начеку и вовремя сориентировал заглядевшуюся меня.

— Вот он, Шумву-шах, правитель Полуденной стороны.

— Который из них? — прошипела я сквозь зубы (хрен с ней, с версией, будто бы я знаю короля в лицо).

— Вот этот, в золотых доспехах, на белом коне.

— Как вы к нему обращаетесь?

— Как и во всех мирах, — маркиз чуть заметно пожал плечами, — ваше величество.

— Угу, поняла.

Вообще-то ошибиться было трудно — Шумву-шах выделялся гордой осанкой и тем, что называется королевским достоинством, не говоря уже о роскошном прикиде: истинного короля видно сразу. А внешне — не Хрум, конечно, но и не урод — далеко не; у магов в триста лет жизнь только начинается. И, как я и предполагала, Шумву-шах оказался эльфом: об этом говорили черты его лица, глаза и длинные белые волосы до плеч — не седые, а именно белые. Наверно, он и лошадь выбрал под цвет волос, типа как у нас богатые бабы подбирают себе машины под цвет глаз. Из-за этих волос я и ушей его не увидела (и почему все зациклились на этих ушах — не понимаю, как будто у эльфов нету других характерных примет). Но особо рассматривать все эти эльфийские приметы мне было некогда — король и его свита были уже совсем близко.

И тогда я слезла с лошади, выбежала на дорогу — рыцарь, ехавший рядом с Шумву-шахом, подался было мне наперерез, но король остановил его повелительным жестом, — и с хорошей дикцией, чётко и ясно произнесла:

— Ваше величество, я люблю вас всем сердцем! Я хочу стать вашей женой и родить вам красивого, сильного и умного сына!

Всё — публика в шоке. Тишина — как в морге, даже кони фыркать перестали. Нет, не зря я отработала эту свою домашнюю заготовку. Читать — полезно, это я вам точно скажу (не всё подряд, конечно). И я читала об известных женщинах двадцатого века — ну, там, Марлен Дитрих, Ева Браун, другие всякие (интересно же, как они успеха добивались). И я узнала о Кларетте

Петаччи — эта ушлая девица дождалась, когда будет проезжать кортеж Муссолини, и начала орать на всю улицу: "Хочу ребёнка от дуче! Хочу ребёнка от дуче!". Дуче, понятно, обалдел, развёлся со своей прежней женой (забыла, как её звали) и женился на Кларе. Их, правда, потом повесили рядышком, но это уже так, издержки популярности, — своего-то эта Клара добилась! Вспомнила я эту душещипательную историю, когда размышляла на тему "как организовать презентацию любимой меня", и решила разыграть такую же мизансцену в эххийских декорациях. И кажется, получилось…

И не могло не получиться: ведь эта Клара итальянская, по сути, использовала сюжет известной сказки Пушкина — с авторскими дополнениями. Кого там у нас взял в жёны царь Салтан? Правильно, девицу, пообещавшую родить ему сына. А вот повариху, собиравшуюся закатить глобальный банкет, и ткачиху, намеревавшуюся завалить весь мировой рынок своей продукцией, царь проигнорировал. Мужики вообще трепетно относятся к продолжению рода (наверное, потому, что им самим рожать не надо), такая уж у них примитивная психология. Говорят даже (сама не знаю, не проверяла), что на мужчин, не желающих жениться, улётно действует заклинание "Я беременна, и аборт делать не буду, так и знай!". Так что обещание кого-то там родить — это ход почти беспроигрышный.

— Кто вы, юная леди? — молвил эльфийский король, ошарашено глядя на артистичную меня.

— Активиа Отданон, дочь князя Эрма Отданона, — ответил за меня маркиз, решив, по всей видимости, что я уже и так сказала более чем достаточно.

— И фрейлина Окостенеллы? — спросил Шумву-шах, неприязненно покосившись на герб на щите де Ликатеса.

— Нет, ваше величество. Мы прибыли из Ликатеса, но эта девушка пробыла в нашем городе меньше суток. Здесь, — с этими словами Хрум тронул коня, приблизился и протянул правителю Полуденной стороны небольшой дымчатый кристалл, — вся информация о ней.

Вот так сюрприз! Оказывается, маркиз вёз с собой типа резюме-сопроводиловки на меня! Наверняка это дело рук его дамы сердца! И ведь ничего мне не сказал, гад! Хотя я как бы и не спрашивала, если разобраться…

Король взял кристалл, сжал его в кулаке и несколько мгновений молчал.

— Даже так? — произнёс он наконец и посмотрел на меня как-то очень странно.

Я замерла, однако продолжения не последовало.

— Благодарю тебя, рыцарь, — сказал Шумву-шах Хруму, — жаль, что ты служишь не мне, а… Озаботтэс!

Из-за спин всадников королевской свиты появился добродушного вида мужчинка-пешеход в длинном цветастом халате и в тюрбане, поклонился королю и застыл в ожидании распоряжений.

— Позаботься о леди Активии, Озаботтэс, — с этой минуты она тоже моя невеста.

"Что значит "тоже"? — подумала я. — Я что, не одинока в своём горе? Ах, да, конечно, — конкурентки! И сколько же их штук имеется в наличии на сегодняшний день, хотелось бы мне знать?"

Озаботтэс шустро подкатился ко мне, поклонился и проговорил-пробулькал:

— Добро пожаловать, благородная леди Активиа! Идёмте, я вас устрою подобающим образом.

Я двинулась было за ним, но меня остановил голос маркиза.

— Ваша лошадь, леди, — сказал он, подавая мне поводья, — она останется с вами. Это тоже подарок.

— Клёво, я к ней уже привыкла. Ну, пока?

— Мой рыцарский долг исполнен? — спросил Хрум. — Я могу возвращаться в Ликатес?

— Исполнен, исполнен, ясен хрен. Всё, свободен, скачи домой, привет семье.

Рыцарь молча развернул коня и рванул с места в карьер — только пыль взвилась из-под копыт. "Скатертью дорога…" — подумала я.

Я не стала смотреть ему вслед — я с людьми расстаюсь легко, это ведь не вещи. Хотя надо было, наверно, сказать ему "спасибо" за то, что я добралась сюда целой и невредимой (и что вообще добралась). А, ладно, перетопчется — пусть мне скажет спасибо за то, что я его не зарезала! Надеюсь, он застанет на месте Ликатеса одни головешки, а эта его драная кошка Окостенелла попадёт в гарем Дастар-хана. Хотела меня подарить своим воякам в качестве наложницы? Вот пусть сама и побудет в этой шкуре! Я не то чтобы злопамятная, просто память у меня хорошая. А маркиз… Если он кинется спасать свою даму сердца и сложит при этом голову, я сильно рыдать не буду. Неприятно, что ходит где-то живой упрёк, знающий любимую меня не с самой лучшей стороны.

* * *

У восточной границы Поперечного Леса, в своём доме, крытом чешуёй астральной змеи, маг Гильдии стражей Порталов Причесах задумчиво смотрел на плавающее перед ним в воздухе объёмное изображение бабочки, точь-в-точь повторяющее бабочку на обереге, подаренном им Алине-Активии, только гораздо больших размеров.

— Да, девочка, не ожидал я от тебя ни таких поступков, ни таких мыслей, — грустно проговорил он и шевельнул рукой. Бабочка рассыпалась радужной пылью, а страж секунду подумал и достал откуда-то из-под тяжёлого дубового стола, потемневшего от времени, шар зеленоватого цвета величиной с детскую голову.

Маг положил шар на стол, дотронулся до него, немного покачал и произнёс:

— Ты меня слышишь?

— Да, — ответил рыкающий голос.

— Она встретилась с королём. Запрет снят — дальше ты можешь действовать по своему усмотрению: я вмешиваться не буду.

— Я понял тебя, маг.

Шар полыхнул алым и погас. Причесах убрал его на место и усмехнулся.

— В гарем, говоришь? Ну-ну…

ГЛАВА ШЕСТАЯ. КОРОЛЕВСКАЯ НЕВЕСТА

Полулёжа на мягком диванчике, я дотянулась до стоявшего рядом столика, глотнула вина из золочёного бокала и кинула в рот пару сочных виноградин. "В лайфе всегда есть место кайфу, — подумала я, лениво глядя в окно, — и чем выше процентное содержание кайфа в лайфе, тем лучше".

…Моё возвращение к Восточным горам протекало в гораздо более комфортабельных условиях, чем путешествие из Ликатеса. Как только я устным распоряжением его величества Шумву-шаха, короля эльфийского, верховного правителя Эххленда (остальные его титулы я ещё не выучила) была официально оформлена на штатную должность королевской невесты, бойкий тип с профессионально пригодным именем Озаботтэс тут же взял меня под свою опеку. И надо отдать ему должное, дело своё он знал.

Не успела ещё осесть пыль, поднятая копытами коня де Ликатеса, как на дороге из-за спин рыцарей гвардии словно по мановению волшебной палочки (а может, так оно и было?) появился элегантный возок с двигателем в четыре лошадиные силы, напоминавший своими обводами и карету, и лимузин, и дом на колёсах. Лошадиные силы были запряжены попарно, друг за другом, и при виде меня дружелюбно зафыркали, помахивая гривами. Король и его свита поехали дальше по своим неотложным военным делам (я на него за это не обиделась — не дура, понимаю: стратегическая обстановка, армия на марше, враг не дремлет, и всё такое), а я забралась в повозку и принялась устраиваться на новом месте.

Озаботтэс быстренько показал, что где стоит-лежит-висит, и свалил, не успев даже надоесть утомлённой мне (поэтому-то я и сделал вывод, что он знает своё дело, то есть умеет работать с клиентом), пообещав вернуться, когда я освоюсь и отдохну. Я не стала ломать себе голову над ответом на вопрос "А как он узнает, что я уже отдохнула? Я ведь долго могу отдыхать!" (это его проблемы, явится раньше времени — пусть пеняет на себя): у меня было более интересное занятие.

Гламур! Дизайн и планировка моего нового передвижного жилища радовали глаз. Помещение изнутри было обито розовой тканью, переливавшейся сиреневыми оттенками в зависимости от угла зрения и, похоже, от настроения квартиранта, и разделено на две части раздвижным занавесом из того же материала. В

прихожей — вернее, в крохотной гостиной, — имелась дверь, напротив неё — окно. Возле окна — миниатюрный диван с изогнутой резной спинкой, маленький столик на гнутых ножках и кресло с бархатной обивкой. На столе — ваза с фруктами, блюдо с чем-то вроде бисквитного печенья, изукрашенный тонкогорлый сосуд в восточном стиле (наверняка с вином) и позолоченный бокал (два бокала).

Бегло окинув взором предбанник, я раздвинула занавеску — она разошлась с тихим шорохом — и оказалась в спальне. Гламур! У окна — полуторная койка с атласным одеялом и двумя подушками, напротив неё — стенной шкаф. Обследование его внутренностей показало, что там содержится целый гардероб — от дорожного плаща до полупрозрачного пеньюара — и несколько пар обуви, от сапог для верховой езды до мягких домашних тапочек с помпонами; половина внешней поверхности шкафа представляла собой зеркало от пола до потолка. У задней стенки спальни обнаружилось что-то типа санузла (скромных размеров, но со всеми необходимыми аксессуарами). И все мелочушки — ручки, крючки, кольца занавесок, — такие аккуратные, ладненькие, глаз ни на чём не спотыкается. И всё это — для меня одной (водила не в счёт — сидит себе на рабочем месте, правит лошадьми и не суёт нос в моё великолепие личного пользования). Да, блин, это я удачно зашла!

Я скинула кроссовки, навестила санблок, вымыла ноги, вернулась в гостиную — пол был выстлан ковром, идти босиком — одно удовольствие! — и с наслаждением развалилась на диванчике. Ну, Алиночка, примите мои поздравления, сказала я себе. Статус невесты вы уже заработали, осталось изменить его на статус жены. Меня немного беспокоило содержание дымчатого кристалла, переданного Шумву-шаху маркизом, — что там понаплела про меня эта ликатесская кошка? Однако, немного подумав, я пришла к выводу, что никакого компромата в кристалле быть не должно, иначе хрен бы я сейчас тут оттягивалась — мигом получила бы от ворот поворот. И поэтому я хлебнула винца, заела его чем-то типа киви, и расслабилась. Как бы то ни было, очередной уровень моего квеста — и немаловажный! — успешно пройден.

Озаботтэс появился очень вовремя: как раз в тот момент, когда я уже начала ощущать некоторое раздражение от отсутствия информации. Как он учуял — понятия не имею (может, с помощью магии?), но, похоже, мой будущий супруг очень тщательно подбирал себе своих сотрудников — особенно для такой ответственной и нервной работы, как менеджер по невестам. Это радовало, поскольку характеризовало его

величество эльфийского короля как вдумчивую личность, а если такая вдумчивая личность проявила ко мне интерес, значит, шансы у меня есть, и немалые. Именно к такому умозаключению я пришла, пока Озаботтэс, получивший в ответ на своё подобострастное "Позвольте войти?" моё небрежное "Валяй!", протискивался в дверь моей навороченной кареты.

Менеджер по невестам не влез, а как бы даже втёк — движения у него были какими-то текучими. И вообще этот Озаботтэс был странным существом: я никак не могла определить, какой он породы. Не гном, не эльф, не человек — не пойми-разбери кто. Тёмным эххом этот парень явно не был — вряд ли кто-нибудь из слуг Вам-Кир-Дыка сумел проникнуть в столицу да ещё устроиться на работу к самому королю. Судя по восточному прикиду Озаботтэса, он мог быть каким-нибудь джинном (типа старика Хоттабыча, только помоложе), однако такая версия как-то не вязалась с добродушием, которое буквально излучал этот мужичок-пирожок (джинны, насколько я помню, создания не слишком ласковые). И я, не дав невест-менеджеру и рта раскрыть, спросила:

— Слушай, а ты вообще кто? Не в смысле по должности, а типа по жизни? Вид у тебя какой-то нездешний…

— Вы заметили, леди Активиа? — улыбка на тестообразном лице Озаботтэса не только дошла до ушей, но и потянулась дальше, в район затылка. — Да, да, я не эхх! Мы с вами в некотором роде, так сказать, земляки.

— Земляки? Что-то я не встречала в Питере гибридов медузы с плохо пропечённым кексом…

— Нет, нет, я не это имел в виду! — радостно пояснил Озаботтэс. — Дело в том, что я тоже попаданец, только не из вашего мира, леди, а с планеты Тиу-Киу-Тау-Миу — я не знаю, как этот мир называете вы, и знаете ли вы вообще о его существовании. Но это неважно, правда? Важно, что мы с вами собратья по судьбе.

Отпад… Хотя — чему тут удивляться? И не удивляться надо, а быстренько прикинуть, какую выгоду можно из этого извлечь. Вряд ли попаданец попаданцу друг, товарищ и брат (а также беспроцентный кредитор), но всё-таки.

— Садись-ка, собрат, — предложила я, — давай выпьем по стаканчику за сходство наших судеб и за знакомство.

— Да я на работе не пью, — менеджер по невестам погрустнел. — У нас с этим строго…

— Давай-давай, — непреклонная я пресекла его возражения на корню и наполнила оба бокала (почему бы не угостить этого таукитянина — вино ведь за счёт фирмы, кончится — ещё

принесут). — Мы с тобой братья по разуму или нет?

Короче, я его уболтала. Напаивать Озаботтэса допьяна в мою задачу не входило, но выпить с ним для создания доверительной атмосферы было просто необходимо. И я настояла на своём, и не пожалела: менеджер по невестам разговорился, и я узнала много интересного.

— Мой техногенный мир расчерчен до последней клетки, — рассказывал таукитянин, сдвинув на затылок свой тюрбан, — он сер и уныл, в нём нет места для полёта фантазии. А я с детства мечтал о других мирах: ярких, таких, где звенят мечи, где отважные рыцари бьются с чудовищами, побеждают их и спасают прекрасных дам, где знают, что такое честь и любовь, и где понятие красота наполнено смыслом и содержанием. Я благодарен оборвавшейся ленте транспортёра на семнадцатом ярусе города-муравейника, где я жил, — ведь я попал сюда!

— Да ты поэт, Зяба, — заметила я, подливая ему вина. — Ну и как, нашёл ты здесь всё это?

— Нашёл. Это прекрасный мир, леди Активиа, — настоящий мир, пусть даже кому-то он покажется сказочным. Он реальней, чем мой бывший мир, который сейчас мне кажется тягостным сном, оставляющим после пробуждения одну только горечь. Мне повезло, леди, и я рад, что вам тоже повезло. Я нашёл в этом мире своё место, и вы своё тоже найдёте — я в этом уверен!

"Уж я постараюсь, — подумала я. — Поэтические восторги — это прекрасно, однако надо бы поближе к телу: задача романтиков — мостить дорогу прагматикам". И я перевела разговор в более деловое русло, а душка-Озаботтэс охотно заполнил мой информационный вакуум.

Супруга Шумву-шаха, леди Ослабелла, пропала пять лет назад, и о её судьбе ничего определённого выяснить не удалось, несмотря на применение магии. Версии выдвигались разные, но магам-детективам удалось лишь установить, что Ослабелла вроде бы жива, но вот где она прячется (или где её прячут, и кто) — это осталось загадкой. И безутешный супруг полгода назад объявил о своём намерении снова жениться (понятно, этим мужикам только дай повод — нет бы пойти туда-не-знаю-куда за несчастной женой!), а месяц назад процесс вошёл в завершающую стадию.

В столицу слетелось немало претенденток на руку и сердце правителя Эххленда (и на трон, прошу заметить). Вообще-то в сказках вроде бы принято наоборот — там принцы из разных земель сватались к принцессе, типа даже рассмешить её пытались, — но в этом мире (я такой сделала вывод) феминизм пустил глубокие корни и расцвёл пышным цветом. Это мы, землянки, недалеко ушли от Татьяны Лариной, долго

рефлексировавшей, прежде чем решиться намылить, то есть написать письмо Онегину, а эххийки, похоже, в этом вопросе девушки более продвинутые.

В общем, шоу состоялось по всей форме, и по результатам кастинга в финал вышла десятка претенденток, приглянувшихся белобрысому эльфийскому королю. Но тут подлый Вам-Кир-Дык без объявления войны начал боевые действия, и Шумву-шах был вынужден поступиться личным ради общественного. Он выступил на защиту отечества, а с невестами-финалистками поступил просто: предложил им сопровождать его величество в походе — для лучшего, так сказать, ознакомления, необходимого для принятия окончательного решения. Очень оригинально, блин горелый, — о походно-полевых жёнах я слышала, а вот о походно-полевых невестах… И что характерно, трое из десяти претенденток честно и откровенно заявили, что тяготы походной жизни — это не для них, и отказались от дальнейшего участия в конкурсе. И это называется тяготы? (со слов Озаботтэса я уже знала, что каждой невесте по штату полагалась такая же повозочка, как у меня, и полный пансион). Им бы поездить в часы пик на работу пять раз в неделю, тогда бы узнали, что такое тяготы! Итого невест осталось семь, а я стала восьмой — король оценил мой придорожный крик души и засчитал его как бы прохождением первичного отбора. Ну, семь конкуренток — это не так много, хотя теперь я поняла, почему Озаботтэс отказывался от вина: если он с каждой невестой будет пропускать по стакану три раза в день (а война — это надолго), то до цирроза печени рукой подать.

— А по какому принципу его величество будет делать свой окончательный выбор? — поинтересовалась я, переварив весь пакет информации. — И когда состоится это знаковое событие?

— Не знаю, — Озаботтэс пожал плечами. — Моё дело — следить за тем, чтобы невесты его величества ни в чём не нуждались, и заботиться о них. А в мысли эльфийского короля не сможет проникнуть даже Вам-Кир-Дык или маг уровня Окостенеллы.

— А что за чёрная кошка такая пробежала между Шумву-шахом и властительницей? — спросила я, услышав знакомую фамилию.

— Это давняя история — меня тогда ещё не было в этом мире, — таукитянин вздохнул, и мне показалось, что он не очень хочет затрагивать это тему. Однако родственность наших с ним судеб и выпитое вино сделали своё дело, и менеджер по невестам рассказ мне всё, что знал.

По его словам выходило, что в те незапамятные времена у

Шумву-шаха и магессы была самая настоящая любовь, дело шло к свадьбе, но потом они вдруг поссорились, причём вдрызг. Что явилось причиной ссоры, Озаботтэс не знал, однако с тех пор эти двое не то что видеть друга друга не могут — они даже слышать друг о друге не хотят. Шумву-шах женился на Ослабелле, а Окостенелла перебралась в Ликатес и начала собирать под свою руку земли мелких степных владетелей.

— Говорят, — закончил свою грустную повесть менеджер по невестам, — что магесса хочет сравняться силой с королём, а потом пойти на него войной и свергнуть его с трона. Не знаю, так это или нет, но…

"А что? — подумала я. — Это дамочка может — легко! Понятно теперь, почему Хрум сомневался в том, что Шумву-шах пошлёт войско на помощь осаждённому Ликатесу… Но почему тогда она так охотно отправила меня к верховному правителю Эххленда, да ещё под надёжной охраной? Ой, что-то тут не тае…".

С Озаботтэсом мы засиделись основательно — опорожнили весь кувшин. За окном кареты уже темнело, когда менеджер по невестам спохватился и вспомнил о других своих подопечных.

— Простите меня, леди Активиа, — засуетился он, — заболтался, а мне надо идти. Скоро будет привал, и за ужином я познакомлю вас с остальными невестами.

"Всю жизнь мечтала, — подумала я, — хотя — врага нужно знать в лицо!". Я хотела было спросить Озаботтэса, удостоит ли нас своим вниманием Шумву-шах, но передумала (надо будет королю — придёт, а мы посмотрим), и менеджер по невестам покинул мою карету прямо на ходу (впрочем, эта телега тащилась еле-еле — это вам не с де Ликатесом нестись сломя голову).

Войско (а с ним и обозы) вскоре действительно остановилось. Кругом загорались костры, воины ставили палатки и разбивали лагерь. Я тем временем быстренько причесалась, навела марафет и покрутилась перед зеркалом. Свой землянский наряд я решила не менять ради сохранения индивидуальности (в конце концов, король оценил меня именно в этом наряде), только вместо куртки накинула длинный плащ — он мне понравился. В общем, когда в дверь просунулась блинообразная физиономия Озаботтэса, я была готова.

Менеджер по невестам подал мне руку, и я выбралась наружу. Возница приветствовал меня словами "добрый вечер, леди!", на что я ответила коротким кивком — нечего баловать челядь ненужным вниманием. Неподалёку я увидела ещё несколько повозок, очень похожих на мою, а вокруг них у костров расположились воины нашей личной охраны — Шумву-шах явно позаботился о безопасности своих невест, одной из которых

(именно одной, я уже знала со слов таукитянина, что у эльфов многоженство не принято) суждено было стать его женой.

Чуть в стороне от дороги горел большой костёр, к которому мы и направились. Когда мы подошли поближе, я увидела у костра нескольких молодых женщин, глядевших на меня с интересом, и поняла, что это и есть мои конкурентки в борьбе за руку, сердце и все другие органы Шумву-шаха, а также за право сесть рядом с ним на трон правителя Эххленда. Я не подала виду, что эти мымры так уж сильно меня интересуют, рассматривая их исподтишка и прикидывая, в чём они меня превосходят, а в чём — уступают. И я сразу заметила, что среди них нет ни одной блондинки, и отнесла этот факт в свою графу "плюсы".

Но вообще-то все они были девчонки симпатичные (определять истинный возраст эххиек я уже зареклась) — меня встретили улыбками и дали место у огня на мягком пуфике. В другой ситуации я охотно типа подружилась бы с любой из них, но не сейчас, когда все они были только препятствиями на моём пути к сияющим вершинам. Однако я не стала сразу оскаливать зубки — успеется, — села у костра и приняла живейшее участие в трапезе (мне и в самом деле хотелось есть). Беседа была никакая — так, шуточки-смешочки, ко мне ведь тоже приглядывались, — и тут я услышала за моей спиной голос Шумву-шаха:

— Вы довольны, леди Активиа?

Я повернулась, не выпуская из рук кинжал с насажанным на него куском жареного мяса, и увидела короля — он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с улыбкой.

— Довольна, ваше величество, — ответила скромная я и добавила: — Пока довольна.

И улыбнулась ему в ответ.

* * *

Прошло несколько дней.

Армия Шумву-шаха бодро шла на восток, охраняя любимую меня и горя желанием сразиться с врагом. Я освоилась, попривыкла, отдохнула, и всё это путешествие мне уже где-то как-то наскучило.

Да, на работу идти не надо, никто не напрягает, но прикиньте: пейзаж однообразный (всё те же поля-луга-рощи-деревни), от фруктов-ягод на моём каретном шведском столе уже оскомина (я для порядку устроила Озаботтэсу небольшой скандальчик, когда обнаружила, что мне три дня подряд наливают в кувшин вино одного и того же сорта), развлечений

никаких (ни дискотеки, ни телевизора, ни тебе самого занюханного магазинчика по пути!). И даже насчёт поболтать проблема — не с кем, блин!

С невестами я держала ухо востро, на обедах-ужинах отмалчивалась, ограничиваясь односложными ответами, если меня о чём-нибудь спрашивали. Они от меня и отстали, хотя поначалу приняли нормально — косых взглядов я не видела. И между собой они ладили, как будто и не соперницы, а так, подружки закадычные. Непонятно как-то… Даже когда одна из невест вдруг собрала свои манатки, извинилась перед королём, — мол, так и так, дома у меня проблемы, простите, ваше величество, — и спешно покинула лагерь, остальные не радовались исчезновению конкурентки, а переживали: что там у неё стряслось, да как она эту ситуацию разрулит.

Его эльфийское величество не баловал финалисток своими частыми визитами, и это меня злило — война войной, а женщины требуют к себе постоянного внимания! Что у него, генералов нет? Военные дела-заботы можно переложить на плечи подчинённых, а вот если попробуешь проделать то же самое по отношению к будущей жене — ох, пожалеешь!

Короче, тоска. Все наряды из моего каретного мини-гардероба я перемерила в первый же день (их и было-то — тьфу, говорить нечего, пара-тройка платьев и кое-что по мелочи), и от безделья потихоньку начала звереть. Лошадка моя, подарок маркиза, бежала на привязи за каретой, но покататься на ней было негде — кругом солдаты, вся дорога забита, а удаляться от войска мне как-то хотелось не очень — война всё-таки, нарвёшься ещё на каких-нибудь вражеских диверсантов. Повозилась я со своим арбалетом, только пострелять от души мне не удалось: вечером темно, а днём что — стрелять из окна кареты по первому встречному? Это мы уже проходили, повторять не надо.

Озаботтэс, конечно, забегал, но у него кроме меня было ещё шесть единиц невест, и потому таукитянин, несмотря на наше общее с ним попаданское происхождение, особо со мной не рассиживался, вино не распивал и долгие разговоры не разговаривал. "Что вам ещё нужно, леди Активиа?", "Сейчас, леди Активиа" — и нет его.

И тогда я от тоски и меланхолии попросила менеджера по невестам принести мне что-нибудь почитать — надо же чем-то занять время. К чтению меня приохотила моя маман: она вообще уделяла мне массу времени и сил — "посвятила мне всю свою жизнь", как она любила повторять, — и усердно сеяла среди меня разумное, доброе, вечное. Маман у меня преподаёт в универе — именно её стараниями я поступила туда на вечерний и до сих пор

не вылетела за неуспеваемость — и любит что-то там лепетать об этике, всяких там высоких чувствах и прочей хрени. В глубоком детстве я всему этому ещё верила, но потом, когда подросла и столкнулась с суровой реальностью России девяностых годов, эта моя наивная детская вера быстро (хотя и болезненно) скончалась. Я убедилась, что надо делать деньги, а всё остальное — туфта. Маман пыталась меня переубедить, но крыть мои аргументы ей было фактически нечем: за двадцать пять лет беспорочной работы в старейшем высшем учебном заведении города она так и не смогла обзавестись даже самой завалящей тачкой, не говоря уже о чём-то большем. Но то, что я люблю читать — это её заслуга (хотя это так, лирика).

Попросила, а потом вдруг подумала: я ведь по-эххийски читать не умею! Понимать язык — это одно дело, в фэнтезийных мирах это как бы само собой получается, по условиям игры (даже есть какая-то теория занудная на этот счёт), а вот что касается печатного слова — тут вполне может затык случиться. Однако всё оказалось не просто, а очень просто.

Озаботтэс приволок целую корзинку разноцветных кристаллов размером с куриное яйцо, и в ответ на мой недоумевающий взгляд широко улыбнулся.

— Возьмите любой из них, леди, и сожмите в ладонях.

Я выбрала кристалл поменьше (на всякий случай, вдруг рванёт прямо у меня в руках) и осторожно так его стиснула. Раздался тихий мелодичный звук (я от неожиданности чуть не выронила это дурацкое крашеное яичко), и между пальцев у меня потекла призрачная дымка, словно я раздавила шарик, наполненный голубоватым туманом. Дым этот синий собрался в облачко, в нём проступило изображение — типа голограмма, — и пошло-поехало. Картинки сменялись, а голос за кадром пояснял происходящее. В общем, телевизор с видеоплейером, только без экрана и пульта управления. Таукитянин пытался ещё что-то сказать-показать, но я уже просекла суть и скорчила ему выразительную гримасу — давай, Зяба, чеши отсюда, не отсвечивай, благородная леди Активиа нашла себе занятие.

Занятие оказалось увлекательным. И что ценно, среди кристаллов нашёлся один по истории Эххленда. Я историю не люблю (кажется, я уже говорила), но смотреть — не читать, и к тому же для будущей правительницы кое-что надо знать — типа как без сдачи экзаменов и зачётов диплом не получишь. Хотя сам диплом купить можно, а вот нужные знания — хрена. Короче, я заинтересовалась и решила, что когда я стану королевой — а я ею стану, можете не сомневаться, — то непременно напишу мемуары: добавлю свою яркую страницу в местные летописи.

В общем, как я поняла, эххи пришли сюда сколько-то тысяч лет назад из хрен знает откуда — есть у них какой-то материнский мир где-то за тридевять измерений, в тридесятой галактике, — и начали помаленьку обживаться. Местных людей здесь не было — зверьё разное не в счёт, — вот пришельцы и колонизировали этот мир без всякого истребления туземцев. И выяснилась одна интересная штука.

Магические способности одного эхха — даже сильного мага — ограничены: в одиночку он не то что горную цепь не развалит и море не высушит, но даже город не построит. И поэтому эххи кучковались вокруг как бы вождей, подгребавших под себя сородичей рангом пониже. И простые граждане чувствовали себя спокойнее, и вожди постепенно усиливались — они ведь получали возможность использовать соединённые силы всего клана-племени. А защищаться им было от кого — древний Эххленд одновременно заселяли и светлые, и тёмные эххи. Вот так и сложился этот причудливый мир, живущий по своим законам. Менялись вожди, но всякий раз к власти пробивался самый энергичный и сильный в магическом смысле, самый одарённый этими способностями — от природы. Остальные занимали места соответственно своим силам — типа каждому сверчку свой шесток по заслугам. И я сделала вывод, что без каких бы то ни было колдовских талантов мне ни в жизнь не сделаться повелительницей этого мира, пропитанного чародейством, — надо искать обходные пути. А первой ступенькой на моей ведущей вверх лесенке станет его эльфийское величество, король Шумву-шах.

* * *

Мои будни можно было назвать фронтовыми с большой натяжкой — войной пока и не пахло. Идёт себе здоровенная толпа мужиков, обвешанных железом, и всё — у нас, вон, от футбольных болельщиков в дни матчей шуму-драки куда больше. Однажды, правда, где-то за горизонтом, над Восточными горами, заполыхало-запогромыхивало — наверно, там пошла в ход какая-нибудь крупнокалиберная боевая магия, а так — тишина. И только раз, когда горы были уже близко, война о себе напомнила.

Мы только что отобедали, и я, пока сворачивали лагерь, сидела на подножке своего дилижанса с арбалетом в руках — долго ли забраться внутрь, как только войско тронется дальше. Я в последнее время таскала с собой самострел на каждый пикник — пусть видят, что я девушка из самого воинственного

эххийского клана! И в глубине души я надеялась, что мне всё-таки удастся из него в кого-нибудь выстрелить: а вдруг? И совершенно неожиданно такая возможность мне представилась.

Колонна уже строилась — сержанты подгоняли замешкавшихся солдат, — когда среди воинов возникло оживление в зале. Народ засуетился, забегал, раздались крики и команды, а потом я увидела, как по траве придорожного луга заскользили две быстрые тени. Я подняла голову и реально припухла.

Над самой землёй неслись две какие-то мерзкие твари типа обезьян, одновременно напоминавших голых крыс — видела я таких в магазине, их там продавали под Новый год Крысы, — величиной с медведя, дополнительно оборудованных широкими кожистыми крыльями. Я с ходу как-то не врубилась, что это за ужас такой, но когда эти летучие мышки исполинских размеров хрипло заорали в один голос, я сообразила: да это же горгульи!

Ответных тёплых чувств они не вызывали: кожа горгулий отливала мертвенной синевой, глаза у них были как у нашего директора, когда у него угнали новенькую "мазду", а внушительные когти на лапах и на сгибах перепончатых крыльев идеально подходили для нанесения глубоких проникающих ранений, несовместимых с жизнью, а также иных тяжких телесных повреждений. Горгульи пролетели прямо надо мной — поэтому я всё и разглядела, — солдаты кинулись ко мне, поднимая на ходу щиты, однако твари не напали: им было явно не до того.

И понятно, почему: следом за сладкой парочкой строем клина мчались три грифона, на спинах которых сидели пилоты-лучники. Истребители-перехватчики быстро нагоняли горгулий, и не успели эти милашки перелететь дорогу, как в воздухе часто-часто замелькали стрелы. На грифоньих спинах сидели стрелки-эльфы — читала я, что грифоны для эльфов — это излюбленная машина воздушного боя. Как говорил де Ликатес, эльфийских стрел боятся даже драконы — куда уж против них каким-то горгульям. Скорее всего, горгульи были типа разведчиками, и бомбить нас не собирались, но эльфийский воздушный патруль не хлопал своими удлинёнными ушами и на раз их перехватил.

Всё происходило в быстром темпе, однако я уже закалилась в местных передрягах, и потому не растерялась, а сразу же лихорадочно закрутила ручку арбалета, взводя самострел. И пока эльфы расстреливали горгулий, я успела зарядить своё оружие.

Схватка кончилась, так толком и не начавшись. Когда я вскочила на ноги, сжимая в руках готовый к бою арбалет, одна из горгулий уже уходила к горам, преследуемая по пятам тройкой

грифонов, зато вторая, утыканная стрелами, рухнула наземь шагах в двухстах от дороги. И я побежала к месту падения сбитого врага.

Какой-то бородатый сержант пытался было остановить меня криком "Опасно, леди! Она может вас укусить!", но я послала его заботливого в далёкое эротическое путешествие и побежала дальше. Я не неслась наобум, снедаемая жаждой воинской славы, — что я, совсем дура? Нет, я трезво оценила ситуацию: эльфы бьют без промаха, и если горгулья схлопотала в брюхо с десяток эльфийских стрел (которые, напоминаю, валят даже дракона), то вреда от неё будет уже не больше, чем от дохлого маньяка-извращенца (пусть даже при жизни он был не очень приятной личностью, близкого контакта с которой следовало избегать). Я бежала быстро, обогнав пеших солдат в тяжёлых доспехах и даже всадников — луг был кочковатый, галопом не поскачешь.

Мне непременно было нужно первой добежать до поверженной горгульи, и шустрая я это сделала. И как бы в награду за моё проворство, горгулья оказалась ещё живой: при моем приближении она даже подняла голову и хрипло зашипела. Жестяк — лучше не придумаешь! Я подняла арбалет, спокойно прицелилась и на глазах подбегавших воинов и подскакавших рыцарей в упор всадила стрелу прямо в налитый кровью горгулий глаз.

Запомните, мальчики и девочки, бредящие военной славой: чтобы ваш подвиг вошёл в историю, его должны запечатлеть на плёнку фронтовые кинооператоры (и пиар, конечно). На глазах у изумлённой публики я подошла к горгулье — страшновато было, врать не буду, однако чутьё мне подсказывало, что обезьяна эта летучая уже бесповоротно мертва (она сдохла бы и без моего добойного выстрела), — выдернула свою стрелу и аккуратно вытерла её о травку, стараясь при этом не очень брезгливо морщиться.

По рядам свидетелей пронёсся восторженный шёпот — я млела. Подбежал Озаботтэс, взъерошенный, как воробей, тюрбан съехал набок. Менеджер по невестам был перепуган и очень бледен — наверно, таукитянин не столько испугался за отважную меня, сколько уже представлял себе, что сделает с ним Шумвушах за нерадивость — не уберёг королевскую невесту, блин недопеченный!

— Вы целы, леди Активиа? — забулькал он, задыхаясь. — Как вы безрассудны!

— Зяба, всё путём, расслабься, — небрежно бросила я, похлопав невест-менеджера по пухлому плечу. — Пойдём-ка

лучше обмоем с тобой это дело. Для дочерей клана Отданонов мочить горгулий — пустяк, мы и с драконами, бывало, общались на короткой ноге. Да не трясись ты так, ёлы-палы, она уже дохлая!

И мы с ним потопали к моему передвижному коттеджу на колёсах. Гордую меня провожали уважительными взглядами, и я не сомневалась: не пройдёт и получаса, как его величество эльфийский король узнает о геройском поведении своей невесты леди Активии.

И я не ошиблась — этим же вечером навестивший наш курятник Шумву-шах подошёл ко мне после ужина и сказал:

— Я хочу поговорить с вами, леди, — наедине.

* * *

До моего мобильного терема мы с королём проследовали в торжественном молчании — при нашем приближении воины охраны вставали и приветствовали нас, лязгая амуницией. Шумву-шах вежливо пропустил меня вперёд; я уселась на диванчике в предельно скромной позе, изображая почтительное внимание.

— Вы позволите сесть? — учтиво спросило его эльфийское величество.

— Вы король, — ответила я, — вам ли спрашивать у меня разрешения?

— Вы хозяйка этого жилища, леди Активиа, — я здесь всего лишь гость.

"Блин, мы так и будем играть в короля Хренлика и королеву Морга или нормальную тему перетрём?" — подумала я и соизволила разрешить ему сесть.

— Вы мне нравитесь, леди Активиа, — без обиняков заявил Шумву-шах, устроившись в кресле, — и я хотел бы видеть вас своей женой.

Сердце у меня прыгнуло и зачастило в режиме зайчика с батарейкой "Энеджайзер". "И чего тебе мешает? — подумала я. — "Бы"-то здесь при чём? Видь — я только "за"!".

— Вы мне тоже нравитесь, — ответила скромная я и добавила: — Очень.

— Я не был счастлив в браке, — продолжал между тем правитель Эххленда, и взгляд его слегка затуманился. — Леди Ослабелла была женщиной достойной во всех отношениях, но мы с ней были слишком разные. Я сделал ошибку, женившись на ней, — мы так и не стали по-настоящему близкими, даже после

рождения нашего сына. Наоборот — мы всё больше и больше отдалялись друг от друга, пока не сделались совсем чужими. Наверно, между нами просто не было любви…

Ну, начинается… Слыхали мы эту песню очень одинокого бизона — мужики обожают её петь своим любовницам: типа, я отдыхаю с тобой душой и телом, дорогая, но вот уйти от жены — это не так просто, надо подумать, всё взвесить, обмозговать, так что давай-ка будем с тобой жить по-старому — я буду к тебе приходить в свободное время, трахать тебя, говорить красивые слова, а потом буду возвращаться к опостылевшей жене, потому что… Причины могут быть разными, но в целом мужики используют стандартные варианты: дети, квартира, привычка и всё такое прочее. И дуры-бабы слушают эту песню, и болтаются годами, словно цветок в проруби, — ни к одному берегу, ни к другому.

— А вы, леди Активиа, поразили меня с первого взгляда своей молодой энергией — вы отважны ("Ага, значит, про горгульку убиенную тебе уже рассказали!"), целеустремлённы, сдержанны ("Это он сделал такой вывод по моему поведению на посиделках с невестами?"), умны, настойчивы и очень красивы.

"Да, я такая" — подумала польщённая я.

— И мне кажется, что на вас действительно упала астральная тень Активии Отданон — в вас много черт, присущих девушкам этого клана. Окостенелла не ошиблась, направив вас ко мне, Алина.

Я слегка дёрнулась, хотя и не сомневалась, что Шумву-шаху хорошо известно, кто я такая есть (вспомним хотя бы тот кристалльчик дымчатый), — привыкла я уже ощущать себя горской княжной.

— И то, что вы из другого мира — это для меня очень важно, да, да, не удивляйтесь! У нас с Окостенеллой был когда-то один, — король чуть запнулся, — …спор. И я очень надеюсь, что вам, Алина-Активиа, удастся его разрешить.

Эту идею его величества я не совсем поняла — точнее, совсем не поняла, — однако успокоилась: значит, в этом чёртовом кристалле ничего плохого про меня точно не было. Меня так и подмывало спросить Шумву-шаха: если я вся из себя такая заманчивая, за чем тогда дело стало? Или у вас тут дикие очереди в местный дворец бракосочетания, вина для свадебного пира не завезли, и нет музыкантов, умеющих играть марш Мендельсона? Однако я молчала, сохраняя принятый имидж прелестной скромницы.

— Но дело в том, — король тяжело вздохнул, — что жениться на вас мне мешает один наш древний обычай, а какой именно —

вы узнаете об этом завтра, когда я объявлю о своём решении.

Ох, не люблю я эти древние обычаи, обряды и разные там пророчества: от них, как показывает практика, в сказочных мирах одни неприятности — то надо ждать сто лет, пока какой-нибудь заблудившийся придурок тебя поцелует и разбудит, то ещё что-нибудь из того же репертуара…

— Увы, — Шумву-шах снова вздохнул. — Но чтобы вы не сомневались в искренности моих чувств и в моих намерениях, не зависящих ни от каких обычаев, я готов разделить с вами ложе любви — сейчас, ещё до свадьбы, — и он недвусмысленно повёл глазами в сторону спальни.

У меня даже зубы заныли — опять старые песни о главном, а я-то думала, что здесь их не поют… Хрена — везде то же самое, во всех мирах! Давай-ка, милая, в постельку, а в загс — оно успеется, какие наши годы! В принципе, ничего такого страшного нет, дело житейское, да и я не так чтоб очень уж против, скорее наоборот… Но — нельзя выходить из роли, имидж — всё, жажда — ничто! И я ответила, опустив глаза:

— Ваше королевское величество, я не могу противиться вашей воле, но, — голос мой очень естественно дрогнул, — честная девушка не может никому принадлежать до свадьбы. Дочь князя Эрма умерла девственницей ("Пусть проверят — от неё даже пепла не осталось!"), и я, её тень… — на этом я эффектно замолчала (типа борясь с подступившими слезами).

— Успокойтесь, леди Активиа, — Шумву-шах привстал и по-отечески поцеловал меня в лоб, — и простите меня за то, что я невольно вас оскорбил. Спокойной ночи, и до завтра!

С этими словами он повернулся и вышел, а я призадумалась. Всё это, конечно, очень романтично, но я, кажется, слегка увлеклась, изображая недотрогу, — что я предъявлю моему венценосному суженому в первую брачную ночь? Интересно, есть тут у них какая-нибудь магическая клиника интимной хирургии?

Кроме того, меня беспокоил упомянутый королём обычай, мешающий Шумву-шаху немедленно повести счастливую меня к алтарю (или куда у них тут ходят в таких случаях?) — что за хрень такая, и где здесь засада? И что, раньше нельзя было сказать — обязательно надо было сначала запудрить мозги честным девушкам с этим типа конкурсом "Выбери меня!"?

Но потом мне стало смешно — я оценила комизм ситуации. Это же надо: правитель Полуденной стороны, могущественный маг, строит из себя девочку-целочку — типа ах, ах, не знаю, разрешат ли мне родители выйти за тебя замуж, милый-дорогой-навек-любимый, но чтоб ты не сомневался в мой любви, единственный-ненаглядный, я готова тебе отдаться ещё до

свадьбы — вот прямо тут, не отходя от кассы! Да, равноправие полов у эххов имеет место быть, реально.

От этих мыслей настроение у меня заметно улучшилось — ведь король всё-таки сделал свой выбор, и выбрал он из великолепной семёрки невест именно меня. А разные там законы и обычаи — он же король, в конце концов! У нас, вон, каждый мелкий чиновник норовит вывернуть закон по-своему, а монарху это вообще на раз чихнуть!

И я отошла ко сну в самом радужном настроении, вся в мечтах и надеждах.

* * *

На следующий день королевское войско достигло предгорий и стало лагерем, причём основательно — не на краткий привал. Знакомые места — проезжала я тут не так давно в компании с одним красавчиком, который учил меня стрелять из арбалета… И до памятного Водопада Слёз недалеко…

Судя по всему, фронт был уже рядом: ночью над Восточными горами вовсю сверкали зарницы, а ближе к полудню нам навстречу попался обоз с ранеными. Ребятам, лежавшим на санитарных телегах, крепко досталось, раз уж их везли в тыл, — помнится мне, сотник Верт порезы да переломы прямо в полевых условиях залечивал. А потом я увидела толпу пленных — то ли орков, то ли огров, то ли вообще троллей, не разобрала. Бывшие солдаты Вам-Кир-Дыка понуро брели на восток под охраной копейщиков, а по обеим сторонам дороги следом за ними ехали два рыцаря. Боевые маги, стопудово, — уж больно они повадками смахивали на де Ликатеса. Рыцари не спускали глаз с пленных, и я не сомневалась: стоит кому-нибудь из тёмных сделать шаг в сторону — типа попытка к бегству — или не по делу дёрнуться, как эти охраннички огненным смерчем или молнией мигом сделают из него ходячую запеканку.

Лица воинов Шумву-шаха посуровели, не слышно стало шуток — понятное дело, вот она, горячая точка. Но я не сильно брала всё это в голову — меня занимал другой вопрос: как там с оглашением итогов выборов супруги его эльфийского величества? Завтра-то давно уже наступило…

Наконец, когда день уже потихоньку начал клониться к вечеру, до предела серьёзный Озаботтэс собрал всю нашу стайку слегка взволнованных невест и объявил, что сейчас его величество изволит огласить результаты конкурса "Первая леди Эххленда". Мы чинно расселись полукругом на травке под

раскидистым деревом; невесты шушукались между собой, а я хранила презрительное молчание — мне-то было известно, кто станет призёром!

Шумву-шах не заставил себя ждать. Он явился во всём своём великолепии: в золотых доспехах, при мече, в сопровождении свиты и рыцарей ближнего круга — в общем, в полном блеске короля-воина. Правитель Полудённой стороны обвёл взглядом притихших невест, еле заметно улыбнулся, встретившись со мной глазами, и я окончательно уверовала в свою полную и безоговорочную победу.

— Высокородные леди! — начал король. — Я рад, что такие прекрасные девушки хотели стать моей женой — любая из вас более чем достойна быть королевой. И я готов любую из вас назвать своей супругой, но я должен выбрать только одну. Однако я так и не смог найти среди драгоценных камней драгоценнейший, и поэтому… — и он сделал многозначительную паузу.

"Та-а-а-ак… — подумала разъярённая я. — А что ты мне пел, петушок золотой? Хочу видеть вас своей женой, вы вся такая умница-раскрасавица! И это называется эххи не врут?! Да, все мужики сволочи… Стоп, Алиночка, но ведь он же не сказал, что хочет видеть женой только меня, а всех остальных финалисток готов послать в известном направлении! А вдруг — вдруг он говорил то же самое всем остальным невестам? Типа, проверял-испытывал? Вот гад, а я-то уши развесила…".

— Вот моё королевское слово. Я не могу ни на ком жениться, пока не будет выяснена судьба моей прежней жены, королевы Ослабеллы. Если она жива и просто томится в плену, то она, моя законная супруга, может вернуться. И поэтому, — Шумву-шах вновь оглядел всех невест, — моё решение таково: та из вас, кто сумеет выяснить судьбу Ослабеллы, станет моей женой. Да, мои маги не смогли найти Ослабеллу, — есть только предположение, что она была похищена драконом, — но вы все владеете магией: может быть, вам удастся это сделать? Если же все вы окажетесь бессильны, то после окончания войны…

Но я его уже не слушала — я была в шоке. Хорошенькое дело! Это что ещё за Иван-царевич наоборот? Я вообще-то не нанималась драконов на лету останавливать и в горящие замки входить — ещё чего не хватало! Равноправие равноправием, но это уже перебор — что у него, у короля этого белёсого, мужиков нет для такой вредной работы? И вообще — конкурсы так не устраивают: обещали ценный приз, а теперь говорят, типа, сперва заплати налоги, а потом получи выигрыш (а потом ещё скажут, что призовой фонд разворован…). Ну, блин, и порядки в этом

диком магическом средневековье…

Однако прочие невесты восприняли слова Шумву-шаха удивительно спокойно. Они переглянулись, пошептались, а потом трое из них встали, поклонились королю и заявили, что эта задача не по их скромным талантам, и потому они не смеют больше злоупотреблять королевским гостеприимством и намерены тут же отправиться восвояси. Король, не моргнув глазом, распорядился выделить девушкам надёжную охрану и посмотрел на меня. А я что? Я сидела и молчала — что я могла сказать?

Зато три другие финалистки собрались в кружок, деловито посовещались — до меня долетели обрывки фраз "Магия ветра… Рунная магия… А я умею искать эфирные следы…", — а потом одна из них, жгучая синеглазая брюнетка с гибкой змеиной фигурой, поднялась и сказала:

— Мы попробуем, ваше величество, — втроём. И если мы сумеем узнать судьбу пропавшей королевы, мы затем бросим жребий и решим, кому из нас быть вашей женой. Ведь вы, — она лукаво улыбнулась, — согласны, чтобы ею стала любая из нас троих, верно?

— Согласен, — Шумву-шах кивнул и снова посмотрел на одинокую меня. — А вы что скажете, леди Активиа?

— Э-э-э… — промямлила я. — Мне надо это… подумать, вот…

На самом деле конструктивных мыслей у меня не было — никаких. Я злилась на эту троицу — меня ведь не позвали к себе в компанию, эгоистки эххийские! Завидуют, небось, — типа, прошла тут какая-то вне конкурса, — или уже раскусили, что в магии я ни в зуб ногой… А может, мстят за то, что я не чесала с ними языками на привалах, бабы — они ведь бывают хуже мужиков. Но отступать мне было некуда, и я через силу выдавила:

— Я тоже попробую, ваше величество, то есть постараюсь.

На этом оглашение итогов конкурса и закончилось. Народ разошёлся по своим делам, а унылая я побрела к своему домику. Забравшись внутрь, я огляделась, и мне захотелось плакать при мысли о том, что все эти занавески, рюшечки, всё это уютное розовое кукольное гнёздышко я очень скоро потеряю без всякой надежды обрести его вновь. А это случится, и причём очень скоро. Что мне прикажете делать? Обложиться куриными костями и начать бормотать несуразицу на манер наших доморощенных типа колдуний? Ага, счаз! Для эххов колдовать — что для нас дышать, они такое дешёвое шарлатанство на раз раскусят, и я тут же получу под зад коленом, невзирая на все мои прежние как бы заслуги.

Я выпила пару стаканов вина — не полегчало, и тогда я переоделась в своё земное, выбралась из кареты и пошла в стороночку, подальше от лагерных костров. Мне не хотелось никого видеть: ни короля, ни заботливую рожу менеджера по невестам, ни тупые морды воинов-охранников.

Вечерело. Я нашла невысокий холм, поросший мягкой травой, залезла на него и села, обхватив руками колени. Нельзя сказать, что у меня было плохое настроение, потому что на самом деле настроение у меня было вообще никакое — полный финиш. Блин, что же делать? Кидаться в ноги к Шумву-шаху, плакать и умолять его оставить меня при дворе хоть кем — хоть служанкой, хоть официанткой, хоть наложницей? Это меня-то, любимую, Избранную и вообще саму лучшую! Ни за что!

А какие есть ещё варианты? Бродить по всему Эххленду и спрашивать всех подряд, не видели ли вы, тут дракон с королевой в когтях не пролетал? Да на это жизни не хватит, и к тому же нет никакой гарантии, что я когда-нибудь получу положительный ответ. Но даже если так, что дальше? Ну, пролетал тут дракон с бабой под мышкой десять лет назад, а куда улетел — а хрен его маму знает! И к тому же — война. Всё время, что я нахожусь в этом мире, меня охраняли: то сотник Верт О'Прах со своими воинами, то боевой маг Хрум де Ликатес, то вообще вся королевская рать. А куда я пойду одна со своим дурацким самострелом, и далеко ли уйду? Где искать этого долбанного дракона, специализирующегося на похищениях чужих жён?

Ответ на этот мой последний вопрос свалился прямо с неба — в полном смысле слова. Трава заволновалась от резкого порыва ветра, мои волосы взметнулись и закрыли мне лицо. Я подняла голову и оцепенела: на меня летел громадный дракон.

"Неужели это тот самый, что навещал нас тогда — ночью, в роще?" — только и успела подумать насмерть перепуганная я.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОХИТИТЕЛЬ ЧУЖИХ ЖЁН

Огонёк зажигалки задрожал и погас. Я щёлкнула ею несколько раз — пустой номер. Из-под колёсика вылетали крохотные искорки, но пламени не было — газ кончился. Ну вот, и зажигалка скисла… Я вздохнула и зашвырнула пластмассовый цилиндрик в сталактитово-сталагмитовые заросли каменного сада — на фиг она мне теперь? Да, из всех моих типа сувениров при мне остался только кошелёк, от которого в этом мире, где нет денег, толку ноль. Смятую пачку сигарет я выбросила ещё в той памятной роще, на месте моей первой ночёвки в мире эххов; простреленный мобильник утопила в Водопаде Слёз. И ключи от квартиры куда-то делись — потеряла (то ли выпали из кармана в моём домике для Барби, когда я переодевалась, то ли вывалились, когда Костя волок меня по поднебесью). Да, пока одни убытки: мои ликатесские подарки — арбалет с лошадью — остались в обозе королевской армии. Хорошо, если Озаботтэс сохранит их до моего возвращения… Какого возвращения, Алиночка, — ты что, надеешься выбраться из этого горного гнёздышка? Ну-ну…

…Когда дракон обрушился на меня, я сходу потеряла сознание. Фантазия у меня что надо — я очень живо себе представила, как по мне пройдутся зубки размером с мою ладонь. В бессозначке я пробыла довольно долго, потому что когда я очнулась, кругом была тьма, изрешеченная большим количеством звёзд, — я логично предположила, что это уже ночь, а не тот злополучный вечер, когда я подверглась нападению местного летающего маньяка. Я попыталась пошевелиться, однако это мне не удалось: моё тело стягивали как бы стальные обручи, не оставлявшие никакой свободы движений. Сообразительная я тут же допёрла, что эти обручи — ни что иное, как драконьи когти, и мне захотелось снова нырнуть в уютное беспамятство.

Однако я тут же обратила внимание, что когти держат меня хоть и плотно, но очень аккуратно: нигде ничего не болело и, похоже, я не получила ни единой царапины. Отрадно, с одной стороны, но с другой — это ещё ни о чём не говорит. Может, мой похититель — гурман-эстет, и он любит, когда пища выглядит красиво. Мой шеф, например, на банкете по поводу пятилетия создания нашей конторы брезгливо отодвигал вилочкой чуть помятые шпротины, выбирая те, которые сохранили форму. Так

почему бы и дракону — я уже не сомневалась, что висю в когтях этой летучей заразы, — не придерживаться тех же гламурных принципов?

Да, я находилась в когтях дракона, и он под покровом ночи куда-то меня тащил. Мы летели: я ощущала мягкие волнообразные рывки — мой похититель равномерно взмахивал крыльями. На какой высоте проходил наш полёт, я не понимала — темно, ни хрена не видно, — а этот грубиян не удосужился проинформировать об этом (а также о температуре за бортом и о времени прибытия в пункт назначения, как это принято на лайнерах всех нормальных авиакомпаний) свою единственную недобровольную пассажирку, то есть любимую меня. Да, сервис тут плохой — похоже, мне никто не собирается предлагать прохладительные напитки, не говоря уже о чём-нибудь более существенном. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Я покрутила головой, насколько мне позволяло моё упакованное положение, однако не обнаружила ничего интересного: темно, вокруг звёзды, внизу мрак, сверху нависает тень — надо полагать, фюзеляж, то есть драконья туша. Очертания драконьих лап еле различимы, а потрогать их невозможно — руки прижаты к телу. Но вообще-то поза моя ничего, терпимо, — лежу на боку, ноги не болтаются, голова чуть приподнята. Похоже, этот тип с крылышками имеет большой опыт по транспортировке живого груза на внешней подвеске. Скорость не чувствуется — ни ветра в лицо, ни свиста в ушах, — хотя мы явно не стоим на месте: дракон машет и машет крыльями. Приглядевшись, я заметила слабое свечение, обливавшее всё мое тело, и предположила, что дракон заключил меня во что-то типа магического защитного кокона — чтобы не причинять, значит, неудобств при полёте на больших скоростях. Спасибо, конечно, только это ещё не повод надеяться на то, что дракон меня не сожрёт — может, ему портит аппетит даже растрепанная причёска жертвы. А может, этот птеродактиль всё-таки не будет меня есть? Может, у него насчёт меня какие-то другие планы имеются? Какие там ещё альтернативные варианты в фэнтези предусмотрены? Вот с такими мыслями я незаметно и задремала, а потом крепко уснула — защитная нервная реакция организма называется.

Проснулась я на рассвете, но не от солнечных лучей, а оттого, что затекли руки-ноги: всё-таки такой способ — обездвиженный пассажир находится вне салона — вряд ли может быть рекомендован для полётов на большие расстояния. Я беспокойно задёргалась — с нулевым эффектом — и тут же услышала рокочущий бас, прозвучавший у меня где-то под темечком:

— Потерпи, мы скоро прилетим — уже недалеко.

Особой доброжелательности в этом голосе я как-то не уловила — типа автоответчик сообщил о том, что линия занята, — однако содержание фразы обнадёживало: какой смысл призывать к терпению жертву, которую по прилёту немедленно съедят? Утешившись этим лучом света в тёмном царстве, я осмотрелась по сторонам.

Передо мной расстилалась панорама Эххленда с высоты драконьего полёта. Внизу под нами тянулись жёлтые пески пустыни, кое-где прореженные зелёными пятнами оазисов, а впереди вставала величественная горная цепь. Летели мы высоко — километров пять, не меньше, — и мне стало сильно не по себе. Я вообще высоту не люблю — голова кружится, — а тут ещё гадай: вдруг у дракона зачешется лапа, и он возьмёт да и разожмёт когти? Падать с такой высоты — да я помру ещё в воздухе от разрыва сердца, не долетев до этой обширной песочницы! Но потом моё внимание привлекли горы прямо по курсу, и я забыла о своих страхах — потрясное это было зрелище.

Горная цепь напоминала шеренгу седоголовых воинов-ветеранов в чёрной броне, стоящих плечом к плечу, — от них веяло суровой силой. Это вам не весёленькие Восточные горы с их гладкими боками и торными дорогами — по этим горам на лошадке не поскачешь. Да ведь это же… Ну да, конечно, как я сразу не догадалась — это же Западные горы, а пески — это полоса пустынь, тянущихся к западу от Поперечного леса. Спасибо дяде Причесаху за его урок географии. Так вот они какие, Западные горы, граница между Полуденной стороной и владениями Вам-Кир-Дыка, гнездо гордого клана князей Отданонов, орлов и… драконов? А что? Самое место для драконов, стопудово!

Горы быстро приближались, и вскоре мы до них долетели. Дракон ещё набрал высоту, и то ему приходилось огибать самые высокие пики. Внизу промелькнуло ущелье, похожее на след от удара исполинским топором, и пошли мелькать скалы-утёсы — острые, словно клыки дракона раз этак в тыщу больше того, который меня волочил. Мне хотелось увидеть хотя бы один замок моих "родственников", но от этого каменного оскала у меня начала кружиться голова, и я закрыла глаза — в больших дозах такое экстрим-шоу утомительно. Потом дракон заложил широкий крутой вираж, и я поспешила вновь "активировать свой визуальный канал восприятия", как пишут фантасты, — похоже, мы подлетали.

Перед нами возникла каменная гора — пониже самых высоких пиков, но тоже нехилая, — на самой её вершине я заметила какое-то строение типа крымского Ласточкина Гнезда,

только помрачнее, в серо-чёрных тонах, а потом мы нырнули в быстро сужающееся ущелье. Дракон сложил крылья, проскочил с разгону узкость, и мы влетели в громадную пещеру. Сзади залязгало — наверно, закрылась входная решётка, ворота или что-нибудь в этом роде, повернуться и посмотреть я не могла, — а впереди показалась как бы посадочная площадка, освещённая голубым светом, сочащимся прямо из стен пещеры. "Прилетели, блин горелый" — подумала я с замиранием сердца.

Дракон на секунду завис над посадочной полосой и… разжал когти. Я задавленно вякнула, однако ничего страшного со мной не случилось: я шлёпнулась на что-то мягкое и пружинящее. Я поднялась, подозрительно оглядываясь — света тут было вполне достаточно. Змей Горыныч куда-то исчез, зато ко мне подошли два мрачных типа в чёрных латах и в шлемах с опущенными забралами — типа служба безопасности аэропорта — и молча, но очень убедительно предложили похищенной мне следовать за ними. Я возражать не стала — какой смысл выпендриваться?

Мои неразговорчивые провожатые долго вели меня по каким-то галереям, переходам и крутым лестницам, пока мы в итоге не оказались в каком-то просторном помещении. Здесь мои конвоиры меня и покинули, так и не сказав ни слова, ни полслова, и я осталась в гордом одиночестве.

Так… Нет, это не тюремная камера — далеко не. Это что-то типа номера "люкс" в крутой гостинице: стены с барельефами, изображающими каких-то фантастических существ среди диковинных цветов; мраморный пол, на который постелен пышный ковёр. Направо — не слишком бросающая в глаза дверь (наверняка удобства), налево — огромное ложе класса "сексодром", а прямо — очень сильно бросающийся в глаза стол, сервированный как для VIP-банкета. При виде этого стола у меня сразу слюнки потекли — я тут же вспомнила, что вчера осталась без ужина, да и завтракать сегодня ещё не завтракала. Как я размышляла, выйдя из леса к домику Причесаха? — Пусть хоть сожрёт, только сначала пускай накормит! Вот и буду придерживаться той же линии поведения. И потом, мне почему-то всё больше кажется, что меня намерены использовать не в качестве еды, а в альтернативном варианте.

Придя к этому выводу, я проследовала к столу, ухватила аппетитную птичью ножку с поджаристой корочкой и вгрызлась в неё. М-м-м — вкуснятина! Набулькала чашу напитка вишнёвого цвета — вино, и не хуже королевского. Утолив первый голод, я ознакомилась с планировкой своего нового жилища — не шёлковая коробочка Шумву-шаха, но тоже ничего, всё при всем, — и приступила к трапезе уже основательней, то есть с

разбором. И вздрогнула, услышав рокочущий голос:

— Тебе нравится?

Я оглянулась, держа в руке надкушенный кусок ветчины. У дверей стоял человек с резкими чертами лица, одетый в багрово-чёрный облегающий костюм типа спортивного и с усмешкой смотрел на меня пронзительными чёрными глазищами, на дне которых танцевало алое пламя. Неужели…

— Меня зовут Кост-а-Лом, — представился огненноглазый и спокойно добавил: — Да, ты не ошиблась: я дракон, хозяин этой горы, только в человеческой ипостаси. Мы, эххи из клана Ломов, живём в драконьих личинах, но иногда, — улыбка человекодракона сделалась шире, — когда это нужно, мы перекидываемся и принимаем человеческий облик.

— А… Алина… Активиа… — пробормотала я, так и не выпустив ветчину. — А зачем ты меня уволок?

— Я же обещал тебе, что я тебя найду, — ответил гостеприимный хозяин.

— Это когда это?

— У тебя был артефакт из твоего мира, а у меня есть приятель из Любознательных — из тех, кто проникает в ваше виртуальное пространство. Я его попросил — он сделал.

Так вот кто прислал мне ту загадочную эсэмэску! Круто — получить на мобильный привет от дракона!

— Я не сомневался, что ты заинтересуешься, а мне было нужно, чтобы ты обо мне думала — так мне легче тебя найти.

— А с чего это ты решил, что я буду о тебе думать? Я тебя и в глаза не видела!

— Ошибаешься, — дракон подошёл к столу, сел напротив меня и налил себе вина. — Помнишь рощу в степи?

— Так это был ты…

— Я. Ты рассказывала воину — смелый он, кстати, парень, — с этими словами дракон почесал верхнюю губу, — о своей бабушке и упомянула дракона. Мы телепаты, и мы ловим на огромных расстояниях, когда где-то кто-то нас поминает, — он усмехнулся, — в хвастливой форме. Я летал над степью и поймал твою мысль. И прилетел — ты меня заинтересовала.

Во, блин… Правильно говорят: не буди лихо — накличешь беду…

— А почему же ты тогда…

— Не утащил тебя? Только из-за твоего амулета, — палец дракона указал мне на грудь. — Страж Рощи сказал, что ты должна добраться до Ликатеса, и чтобы я оставил тебя в покое. Пришлось подчиниться — у клана Ломов соглашение с Гильдией стражей Порталов, которое обе стороны стараются не нарушать. А

потом — потом Причесах сообщил мне, что табу с тебя снято, и я вылетел на охоту.

"Так вот оно что! — подумала я. — А дяденька-то Причесах не так прост — вот тебе и увалень! Маг Гильдии стражей Порталов, слово которой уважают даже драконы, — это круто! И оберег его — не просто оберег, а ещё и… средство связи?"

— Найти тебя оказалось непросто, но ты мне помогла.

— Я?

— Ты. Ты сказала что-то вроде "мы с драконами запросто", а я поймал этот сигнал. А дальше — это уже просто. Я подошёл к лагерю Шумву-шаха на небольшой высоте, скрываясь между холмами и расстраивая своей магией эльфийскую магию дальнего обнаружения. И ты снова мне помогла — отошла от лагеря на достаточное расстояние, да ещё забралась на холм. Снять тебя с вершины холма сумел бы даже подлёток из нашего клана, а не то что такой профессионал, как я. И вот — ты здесь, Активиа. Или ты хочешь, чтобы я звал тебя Алиной?

— Я дочь князя Эрма Отданона, — сухо ответила я, — и привыкла к имени Активиа. А ты не боишься, что Отданоны придут сюда и потребуют меня отпустить?

— Драконы никого не боятся, — высокомерно произнёс Кост-а-Лом. — А что касается твоих родичей, — он снова усмехнулся, и это начало меня уже раздражать, — то ради тебя эти горцы-миротворцы и пальцем не пошевельнут: в тебе от Активии Отданон только бледная тень, а у нас с пограничниками тоже есть договор.

— Ты так и не ответил, на кой хрен ты меня спёр. Есть ты меня вроде не собираешься, или я ошибаюсь? — в принципе я уже знала ответ, но мне хотелось, чтобы эта наглая ящерица в человечьем обличии сама мне об этом сказала.

— Я хочу сделать тебя своей женой, — невозмутимо ответил дракон.

Ну да, что-то подобное я и предполагала…

— Очень мило с твоей стороны, — я налила себе вина и выпила его залпом. — А ты меня спросил? Может, я категорически против, и вообще у меня другие планы?

— Драконы не спрашивают согласия у понравившихся им женщин — они их просто крадут и женятся на них. Потом похищенные женщины обычно в нас влюбляются, потому что мужчина — особенно если он дракон из клана Ломов — рождён подчинять и покорять, а женщина — любая! — рождена повиноваться.

Да, самоуверенности и амбиций у этого Кости выше крыши — мне до него далеко…

— Ну-ну… — пробормотала я, скрывая растерянность. — И когда же будет свадьба?

— А вот она, — Кост самодовольно ухмыльнулся, — или ты считаешь этот стол бедным для свадебного пира?

Я поперхнулась вином — кажется, все предварительные ритуалы типа ухаживания и предложения руки и сердца эти ломовики проводят в самые сжатые сроки и по предельно сокращённой программе. И я не ошиблась.

— Ты сыта? — осведомился дракон, проявляя признаки нетерпения.

— Где-то как-то да…

— Вот и прекрасно. Наговориться мы с тобой ещё успеем — ты здесь очень надолго, — а сейчас…. Ты такая эротичная, Алина-Активиа, — не зря я за тобой гонялся!

С этими слова он встал из-за стола, подошёл к ошарашенной мне, небрежно поднял меня на руки, донёс до "сексодрома", завалил и деловито — и очень-профессионально-ловко — стащил с меня джинсы вместе с трусами.

Как там сказано в инструкции для подвергшихся насилию — если ничего не помогло, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие. Рыпаться было бесполезно, да и зачем — меня же не есть собрались, а любить (и наверняка неоднократно). И как бы то ни было, этот мир всё-таки оценил меня по достоинству, а то я уже начала сомневаться в своей женской неотразимости.

* * *

Девочки обычно мечтают о принцах на белых конях или о других достойных женихах из хорошей семьи. У меня тоже в детстве были похожие фантазии, но даже в кошмарном сне я не могла себе представить, что стану женой дракона. И вот — на тебе, стала. И причём не просто женой, а одной из жён его гарема: тринадцатой по счёту.

Но вообще-то всё оказалось не так уж скверно. Кост-а-Лом, конечно, был грубым и ограниченным типом с замашками восточного феодала-султана, свято уверенным в том, что женщины созданы исключительно для развлечения и услады своих повелителей-мужчин, однако гарем свой он холил и лелеял и потакал нашим капризам — в известных пределах. Он считал, что женщине надо немного: дом, достаток, дети и сексуально одарённый мужчина. А за собой Кост оставлял право предаваться сугубо мужским, по его мнению, занятиям: войне, охоте, грабежу и поиску новых жён.

Охотился он и в горах, и в степях, и даже в Поперечном лесу, внося разнообразие в наше меню; подраться (иногда в компании со своими сородичами) улетал на Полуночную сторону, где Вам-Кир-Дык регулярно запускал в небо всякие летающие ужасы. Там же Костя грабил орочьи становища, а женщин искал по всему Эххленду. При своей бабопутности и неслабых магических возможностях он запросто мог бы натаскать себе не одну сотню жён, однако этот перепончатокрылый Казанова оказался существом весьма разборчивым, то есть не хватался за каждую замеченную юбку. Это обстоятельство, кстати, существенно подняло мой рейтинг в моих собственных глазах: меня-то ведь он заценил и приложил немало усилий для того, чтобы пополнить эротичной мной свою коллекцию! Вполне допускаю, что Костя во время своих боевых вылетов где-нибудь в далёких краях наскоро изменял своему гарему, но жён у него было всего тринадцать, и никаких случайных подружек он домой не приводил.

На достаток, безопасность и уют нам жаловаться не приходилось. Почти всё в замке — точнее, в громадной многоярусной пещере, — делала магия, хотя имелись и слуги: пленные орки с кастрированными магическими способностями. Их называли безлицыми, поскольку все они носили или глухие шлемы, или просто тёмные маски. Как объяснили мне жёны из старослужащих (памятуя урок, которые дали мне королевские невесты, я постаралась сразу же наладить контакт со своими товарками по гаремному счастью), наш перелётный супруг заботился таким образом о нашем чувстве прекрасного, которое могло быть травмировано созерцанием отвратительных рож пленников. Костя вообще имел склонность к эстетству: в одном из подземных залов своего пещерного дворца он устроил для нас огромный каменный сад с подсвеченными магией изваяниями цветов, птиц и прочей флоры и фауны. Света в пещерах — магического — хватало, к услугам гарема имелись даже как бы солярий и бассейн (и не бассейн даже, а настоящее озеро средних размеров).

Что же касается сексуальной сферы нашей мультисемейной жизни, то и здесь дракон проявил себя достойно. Темпераменту Кости могло бы позавидовать целое стадо племенных быков — ни я, ни какая другая из его "гаремык" не простаивала больше двух суток. Дракон по старинке работал по скользящему графику, переходя из спальни в спальню, но после того, как мои с ним отношения устаканились, и я стала звать его Костей, а он меня — Алавой (это он такую сделал комбинацию из двух моих имён), он с моей подачи начал устраивать секс-квартеты, забирая на своё специально модернизированное под такое дело супружеское ложе

сразу трёх жён. Жёны поначалу стеснялись, но под чутким руководством раскованной меня, не упускавшей случая стать лидером очередной тройки, потихоньку вошли во вкус и в ходе таких афинских ночей совместными усилиями доводили нашего мужа и повелителя до состояния полной измочаленности. Возможности любого мага небеспредельны, и я думаю, что Кост-а-Лом, будучи вообще-то тварью неглупой, сознательно ограничивал численность своих жён во избежание всяких ненужных внутригаремных проблем — от смены сексуальной ориентации и разнузданного блуда с пленными орками до массового психоза и мятежей на почве острой половой недостаточности.

Короче, жить было можно (уверена, что многие девушки из моего бывшего мира, то есть с Земли, с радостью согласились бы поменяться со мной местами), но очень скоро меня начала угнетать скука — стоило попадать в фэнтезийный мир только лишь ради того, чтоб замуровать себя во цвете лет в подгорных хоромах крылатого гаремовладельца. Развлечений — в смысле, тусовок, — не было никаких. Иногда к Кост-а-Лому залетали на огонёк его братья по клану, однако Костя страдал повышенной ревнивостью и не любил выставлять напоказ свои сокровища, то есть нас. О контактах с внешним миром не могло быть и речи — всю гору окутывала пелена магической защиты, сооружённой драконом на основе чар пресловутых Тупых Облаков. Можно было полюбоваться горными пейзажами из "ласточкина гнезда", но сколько можно смотреть на одни и те же декорации? К счастью, был ещё и маговизор.

Я не знаю, как по-эххийски называлось это устройство, но я окрестила его именно так. Внешне маговизор представлял собой здоровенный — метра два в поперечнике — голубой шар на каменном постаменте. Стоял этот шарик в гостиной — так мы называли пещеру, где жёны встречались, болтали между собой и устраивали небольшие девичники-междусобойчики, — и был доступен круглые сутки. Маговизор имел мысленное управление, причём одновременно мог транслировать несколько каналов, то есть зрители с разными вкусами не мешали друг другу — каждый видел свои картины. И если остальные жёны дружно смотрели и обсуждали местные слезоточивые сериалы типа "Не родись эльфийкой" или "Моя прекрасная гнома", то ушлая я, освоившись, первым делом начала искать выпуски новостей. И нашла.

…Увидев соткавшиеся в воздухе передо мной закопченные, но не разрушенные стены Ликатеса, я мгновенно позабыла обо всём и превратилась в символ внимания. У стены стоял какой-то тип — судя по ухваткам, корреспондент, не иначе, — а рядом с

ним — вот так встреча! — два добрых молодца: бравый сотник Верт О'Прах с перевязанной головой и маркиз Хрум де Ликатес, боевой маг и рыцарь ближнего круга властительницы Окостенеллы. Да-а-а, тесен мир, даже параллельный…

— Город спасла отвага сотника — теперь уже капитана — Верта, — рассказывал Хрум, а типа корреспондент кивал при каждом слове рыцаря. — Маги Дастар-хана пустили на город огненные смерчи, под их прикрытием степняки пошли на штурм и в нескольких местах сумели ворваться на стены. Защитники дрогнули, и только воины О'Праха стояли насмерть. Его сотня полегла почти полностью, сам Верт был трижды ранен, но его мужество и умение позволили Окостенелле нанести ответный удар. Вызванная властительницей песчаная буря разметала вражеские орды, а затем… К счастью, его эльфийское величество король Шумву-шах послал на помощь Ликатесу свою конницу. Я встретился с королевскими всадниками в Восточных горах, и мы прибыли вовремя.

— Вы скромно умалчиваете о своих заслугах, доблестный, — вкрадчиво проговорил типа корреспондент. — Насколько нам известно, ведь именно вы возглавили преследование бегущих войск Дастар-хана, разгромили их наголову и лично зарубили самого хана!

— Я выполнял свой долг, — рыцарь пожал плечами. — Стоит ли об этом упоминать?

— А как здоровье магессы?

— Властительница потратила много сил на отражение нашествия, — пояснил маркиз. — Но как только она восстановит силы, мы постараемся помочь его эльфийскому величеству — долг платежом красен. И может быть, нам удастся положить конец многолетней, — на лицо Хрума набежала лёгкая тень, — размолвке между королём и магессой.

Для сообразительной меня сказанного было более чем достаточно — оставалось лишь сделать правильные выводы. Я поискала информацию о положении дел на других фронтах, но она была крайне скудной — похоже, бои между королевской армией и войсками Вам-Кир-Дыка шли с переменным успехом. Однако ситуация может измениться, если Окостенелла и Шумву-шах помирятся (и похоже, к тому всё и идёт). Интересно, очень интересно…

Но главным сюрпризом для меня стал не маговизор, не эххийские новости и даже не сам факт моего невероятного замужества. Я была в шоке оттого, что старшей женой дракона Кост-а-Лома оказалась — кто бы вы думали? — Ослабелла! Да, да, та самая Ослабелла, которая пропала пять лет назад, следов

которой не могли найти самые искусные эльфийские маги, и из-за которой моя брачная афёра сорвалась на самом интересном месте.

Для своих ста пятидесяти — или сколько ей там было на самом деле? — лет Ослабелла выглядела превосходно: в нашем мире ей никто не дал бы больше тридцати пяти. Статная, белокожая, с волнистыми рыжеватыми волосами и золотистыми глазами — неудивительно, что Костя положил на неё глаз. Говорила она всегда негромко, как бы вполголоса, и все её движения были мягкими и плавными. Однако за уютной мягкостью, плавностью движений и тихой речью Ослабеллы крылась упрямая тугая сила, и это роднило старшую жену Кост-а-Лома с ликатесской властительницей, хотя внешне они были совсем не похожи. Окостенелла напоминала поджарую хищную кошку, а Ослабелла — лисицу, утратившую худощавость, но отнюдь не потерявшую цепкое проворство.

Ослабелла не то чтобы держала всех нас в ежовых рукавицах (хотя все прочие жёны трепетали перед ней, как мой шеф перед налоговой инспекцией), однако её лидерство было несомненным. Она никогда не участвовала в групповых сексуальных игрищах, подчёркивая тем самым свой особый статус, и я подозревала, что Ослабелла не прочь вообще прекратить это полигамное безобразие и стать не первой, а единственной драконьей женой. Её слово для Кости значило куда больше, чем слово любой другой жены, и заботилась она о нашем общем муже гораздо больше, чем любая из нас. Как-то раз Кост-а-Лом вернулся на честном слове и на одном крыле (он нарвался на Полуночной стороне на целую толпу летучих гидр, и они его здорово отметелили); жёны бегали вокруг него и бестолково кудахтали (умная я тихо стояла в сторонке и прикидывала, что мне делать, когда — если — наш супруг и повелитель склеит ласты), а Ослабелла быстро навела порядок и вылечила потрепанного дракона, использовав при этом нашу общую ману (даже из меня высосала).

Подмазывалась я к ней очень естественно — она же старшая. На самом деле я хотела вызнать её планы на будущее, а заодно — мне это было интересно, честное слово, — и узнать, как она дошла до такой жизни. Променять свободу и королевский дворец на пещеру дракона-многожёнца — на кой хрен?

Я почти не сомневалась, что дракон не смог бы умыкнуть Ослабеллу силой — бывшая Шумву-шахиня, в отличие от остальных "гаремык", простых эххиек, была сильной магессой. Когда мы однажды развлекались в каменном саду разными магическими фокусами — ну, там, цветочки всякие творили (я в этом, понятное дело, участия не принимала), — она смотрела на

нас, смотрела, а потом усмехнулась, молча подняла руку и разнесла в пыль каменную глыбу размером с лошадиную голову. После такого шоу я окончательно уверовала в то, что "наша Белла", как мы её называли, запросто дала бы Косте по наглой морде, да так, что после этого он зарёкся бы к ней приставать.

Поначалу Ослабелла держалась со мной настороженно, но я, играя девочку-дурочку из параллельного мира, постепенно добилась её расположения. В четырёх каменных стенах скучно, а я слушала старшую жену, раскрыв рот, интуитивно догадываясь, что именно этого ей и не хватает. И лисичка в итоге купилась, а я узнала всё, что мне было нужно.

— Я бежала с драконом по собственной воле, — спокойно сообщила Ослабелла, когда речь зашла о её прошлом.

— Вот так прямо взяли и бежали? — не поверила я. — Из дворца, бросив трон королевы Эххленда?

— Ты ещё слишком молода, девочка, и многого не понимаешь. Самый роскошный дворец может стать клеткой, и тогда уже неважно, золочёная эта клетка или нет. Я вышла за Шумву-шаха для самоутверждения, а не по любви. Он любил одну мою подругу, а на меня не обращал никакого внимания — так, небрежно скользил взглядом.

— А она его любила?

— Любила, и я думаю, — Ослабелла тихо вздохнула, — любит до сих пор. Так бывает, Алава: мужчина и женщина любят друг друга, но одновременно пытаются выяснить, кто из них кому должен подчиняться, и в результате расходятся в разные стороны. А потом, — она снова вздохнула, — мучаются всю жизнь и горько сожалеют о потерянном. Вот так оно всё и вышло: король женился на мне только из чувства противоречия, а я всего лишь потешила своё самолюбие. А потом… Потом были десятилетия вымученной жизни двух не любящих друг друга существ; годы, наполненные скандалами и взаимными обидами. И даже рождение сына не связало нас с королём — Шумву-принц стал заложником нашей растущей неприязни друг к другу, пришедшей на смену соединившим нас мелким страстишкам. Бедный мальчик, я виновата перед ним… — золотистые глаза Ослабеллы затуманились.

— И вы бежали с драконом? — спросила я, пропуская мимо ушей эти сентиментальные подробности. — А что, нельзя было просто взять, да и развестись?

— Для правителя Эххленда это не так просто — ведь я была не только его женой, но и королевой Полуденной стороны. А дракон… Я не сразу бежала с ним, нет — у нас был самый настоящий роман с тайными встречами и пылкими признаниями

в любви. Кост очень сильно рисковал: если бы о наших свиданиях узнали, его не спасло бы ни умение летать, ни другие его умения — с эльфийскими магами не шутят.

— И вы в него влюбились?

— Влюбилась, — призналась Ослабелла, — он меня покорил. Свободный, страстный, он казался мне живым огненным смерчем, завёрнутым в плащ вольного ветра… И я улетела с ним и стала его женой.

— И не жалеете? — осторожно спросила я.

— Я его люблю — почему же я должна жалеть? — вопросом на вопрос ответила "наша Белла". — Хотя нет, об одном я жалею: о том, что у нас с Костом нет детей.

Да, это было правдой — ни одна из "гаремык" так и не стала матерью. Из разговоров с жёнами я поняла, что дело тут в различиях между эххами разных пород — дети в смешанных браках не рождались.

— Но я не оставляю надежды, — сказала вдруг бывшая королева Полуденной стороны. — Магия многое может, и если мне удастся совместить гены эльфийки и дракона, у нас с Кост-а-Ломом будет ребёнок. В древних манускриптах — написанных ещё на пергаменте, а не в кристаллах, — есть упоминания о таких случаях. И тогда…

Она не договорила, но я поняла, что значит это "и тогда". Если Ослабелла станет матерью дракона, нашей беспечной житухе придёт конец: Костя по наущению счастливой молодой мамаши мигом разгонит на фиг весь гарем. И хорошо, если просто разгонит — он ведь может и сожрать всех нас: скажем, на десерт во время торжественного банкета в честь новорождённого змеёныша Константиныча.

Я не на шутку забеспокоилась и чтобы не выдать своё смятение, поспешила увести разговор в сторону.

— А почему вы не сообщили королю, что вы живы-здоровы и счастливы в новом браке? Шумву-шах и его маги с чар сбились, разыскивая вас по всему Эххленду! Он из-за этого даже не может снова жениться!

— Сначала я боялась, — честно призналась Ослабелла, — что король пошлёт войско в Западные горы, а потом как-то забыла об этом. А найти меня трудно: горный замок прикрыт магией — ни один маг, даже очень сильный, не разглядит, что таится под сводами этих пещер. Но ты права, Алава, — надо будет попросить Коста, чтобы он передал от меня весть Шумву-шаху. Пусть король тоже возьмёт себе новую жену — так будет по честному.

"Да я бы и сама передала его величеству эту радостную весть, — подумала я, — только как мне выбраться из этого

бомбоубежища?".

В общем, пищи для размышлений у меня набралось — жевать не пережевать. Я не сомневалась, что всё рассказанное Ослабеллой — чистая правда. Эххи не врут — они могут уклониться от ответа на заданный вопрос, но врать они не будут. Я уже к этому привыкла и теперь обдумывала, как это можно использовать в интересах меня, любимой. Я уединялась в каменном саду — кто его знает, вдруг какая-нибудь из жён (например, сама "наша Белла") умеет читать мысли? — и напряжённо обмозговывала разные варианты, вплоть до заведомо невыполнимых.

И у меня в голове сложился оригинальный план, который очень даже мог сработать.

* * *

Как вы уже, наверно, поняли, пылкой страсти к своему похитителю я не испытывала. Дракон был неплохим любовником, но мне этого было мало — не для того я стала лауреаткой Великой Случайности. И если Ослабелла нашла с Костей своё счастье, то меня перспектива пожизненного заточения в драконьем гареме отнюдь не воодушевляла.

Я очень быстро поняла, что бежать из драконьего гнезда практически невозможно: крыльев у меня нет, и летать я не умею. А если бы я каким-то невероятным чудом (допустим, отыскав на здешнем тайном складе какой-нибудь артефакт-антигравитатор) и выбралась бы из пещеры и даже добралась по мрачным ущельям Западных гор до равнины, мне ни за что не пройти в одиночку пустыни, прерии и леса. Опасностей там, как я понимаю, выше крыши, да и Полуночная сторона — вон она, рядом, из окошка "ласточкина гнезда" видно ползущую с запада холодную серую дымку. Аппетитная я мигом сделаюсь заманчивой мишенью для любого крылатого вампира, да и Костя меня догонит в два счёта (и лучше не думать, что он со мной сделает — учитывая его буйный нрав). Нет уж, на фиг, на фиг такой траффик.

Но если нельзя убежать, значит, нужно сделать так, чтобы моё пребывание здесь стало бы для меня максимально комфортным и отвечало бы всем моим запросам. Я не имею ввиду, понятное дело, тряпки да жрачку — это прикладное, — меня интересовали вещи куда более серьёзные. Какие? Власть, слава, известность, всеобщее поклонение — то есть все то, что полагается по штату Избранной (или хотя бы королеве). А играть до скончания дней роль сытой и ухоженной курочки, которую

топчет (пусть даже регулярно) самодовольный петух — это, извините, фуфло: я девушка с амбициями.

И я прикинула, что для начала неплохо бы занять должность старшей жены, а там, как говорил чёрный глюк, возможны варианты. "Сживёшь со свету всех остальных жён, и всё" — так, кажется? А потом — потом можно будет подумать и о большем (скажем, о власти над всем Эххлендом).

На моём пути к титулу драконьей горы хозяйки я видела всего одно препятствие, зато серьёзное — это препятствие звали Ослабеллой. Остальных жён я в расчёт не принимала — их-то я по любому обведу вокруг пальца, — а вот "наша Белла"… Для меня вступать с ней в открытую схватку — всё равно что кидаться с фломастером на асфальтовый каток, мяукнуть не успею, как она раскатает меня в тонкий горелый блин. А если — когда — эта влюблённая дура преуспеет в своих изысканиях в области генетической магии, на всех моих грандиозных планах можно будет поставить большой и очень жирный крест. И случиться это может хоть завтра. Значит, Ослабелла должна умереть — всё очень просто.

Просто-то просто (на словах), но как это осуществить? Яды, вязальные спицы в шею и камни, падающие на голову, — все эти достижения человечества тут не годились: слишком примитивно, и успех не гарантирован. Требовался нестандартный подход к решению этой проблемы, и я его отыскала.

Однажды ночью, когда вдрызг ухайдаканный нашей жаркой любовью Костя выгнал двух других жён и уже задрёмывал — темпераментная я осталась с ним в качестве резерва главного сексуального командования, на случай всплеска эмоций, — я слегка куснула его за мочку уха и прошептала:

— Слушай, девочки говорят, что ты хочешь принести ещё одну жену. Это правда?

— М-м-м? — дракон приоткрыл глаза, наполненные сонной дымкой. — С чего ты это взяла?

— Говорят… — неопределённо пояснила я, перебирая пальцами его жёсткие волосы.

— Вообще-то я приглядел одну девушку в степи, за Поперечным лесом, — признался Кост-а-Лом, — но для меня тринадцать — это счастливое число. Четырнадцатая жена может принести несчастье. У меня было тринадцать жён — одна из них умерла незадолго до того, как ты появилась в нашем мире.

Я уже слышала эту историю от "гаремык" — бедняжка выпала из окна "ласточкина гнезда" и разбилась всмятку. Официальная версия — то ли она хотела бежать, то ли решила покончить жизнь самоубийством, однако я допускала, что ей запросто могли

помочь — это дело такое.

— Я бы взял эту степнячку в свой гарем, — сонно бормотал дракон, смеживая веки, — если бы у меня было двенадцать жён… а так — не, не буду… хотя жаль… да… она хороша…

— А кто тебе мешает самому сократить число своих жён до двенадцати? — прошептала я, поглаживая обнажённую могучую грудь человекодракона. — В чём проблема?

Дракон сперва не понял, а когда до него дошло, он открыл глаза и даже приподнял голову.

— Как это? В клане Ломов не принято отпускать жён из гаремов!

— Очень просто: съешь одну из нас, и все дела — и не надо нарушать традиций твоего клана.

— Съесть? — изумился Костя. — Неужели в твоём мире мужья едят своих жён?

— Точно не знаю, — на этот раз я решила не врать, — но у нас есть такие выражения: "он ей весь век заел" или "она его ест поедом", так что…

— Но вы мне все дороги! — чувствовалось, что дракон растерялся. — Я не хочу есть ни одну из вас!

— А степнячку хочешь взять в жёны? — спросила коварная я.

— Хочу, — признался дракон (эххи не врут!).

— Значит, — подытожила неумолимая я, — тебе придётся съесть кого-то из нас, иначе никак. Или тогда уж забудь думать об этой девушке из степи — ты ведь не хочешь накликать на себя беду?

Кост-а-Лом молчал, пытаясь найти брешь в моей железной логике, и тогда я пустила в ход заранее заготовленный аргумент:

— И тебе не придётся самому выбирать, кого из нас есть, — мы сделаем это сами.

— Сами?!

— Сами. Тебе ведь всё равно, какую жену ты скушаешь, верно? Ты же сам сказал, что мы все для тебя одинаково ценны!

— Ну… Да, так, — согласился дракон, немного подумав.

— Вот! А мы выберем ту, которая достала всех остальных, и ты заодно улучшишь психологический климат в нашем дружном женском коллективе!

— И всё-таки, — неуверенно пробормотал Кост-а-Лом, — как-то это нехорошо, Алава. Есть свою жену — ту, с которой ты делил ложе любви!

— Костя, ну ты ни хрена не понимаешь! — возмутилась я. — В этом-то весь и кайф! Прикинь, жуешь ты кого-нибудь из нас, и при этом вспоминаешь, как ты имел эту девочку, в каких позах, и как тебе было при этом клёво! Это же полный торчок, стопудово!

А можно и ещё круче: трахаешь свою самую вредную жену и одновременно её поедаешь — надо же разнообразить свою сексуальную жизнь!

— Эхэ-м-м… — в глазах дракона заплясали искры, из которых грозило возгореться пламя. Он пристально посмотрел на меня, и мне стало страшно: а ну как Костя решит здесь и сейчас опробовать предложенную хитроумной мной гастрономическо-эротическую новинку, и не на ком-нибудь, а на любимой мне?! Надо бы поосторожнее с пробуждением порочных наклонностей, а то ещё воспитаю на свою голову… Крылатый маньяк-извращенец — он же весь Эххленд на уши поставит! Ага, и на него тут же будет объявлена охота, и очень скоро косталомовская черепушка украсит стену пиршественного зала в замке какого-нибудь мага-рыцаря вроде маркиза де Ликатеса. А это вообще-то идея… Однако я решила не забегать вперёд и сосредоточиться на претворении в жизнь намеченной программы-минимум.

Я так и не добилась от Кости вразумительного ответа — он в итоге попросту уснул, — но семечко было брошено на грядку. И настойчивая я возвращалась раз за разом к этой теме, выбирая время, когда дракон пребывал в расслабухе и любовной неге — в такие моменты, как показывает опыт человечества, зафиксированный в книгах и устных преданиях, женщина может нажужжать в уши мужчине всё что угодно, и добьётся от него даже невозможного. И мои труды праведные были вознаграждены: Кост-а-Лом дозрел и объявил гарему свою волю.

Это случилось, когда мы всем коллективом во главе с "нашей Беллой" предавались в гостиной блаженному ничегонеделанию за местным типа чаем с как бы пирожными. Костя обставил оглашение своего (на самом деле — подсказанного мной) решения весьма эффектно: в воздухе появилась драконья голова в натуральную величину и громоподобно прорычала:

— Слушайте меня, жёны мои, и повинуйтесь!

Добрая половина "гаремык" тут же чуть не грохнулась в обморок — отвыкли девочки от вида звериной сущности нашего чешуйчатого супруга, — а Кост-а-Лом пророкотал тоном, не допускающим возражений:

— Я решил взять себе новую жену, но число моих жён было, есть и останется равным тринадцати. И поэтому вы сами выберите одну из вас — любую, мне всё равно, вы для меня все одинаково приятны, — и я её съем. Сейчас я улетаю по делам, а к ужину я жду, кто из вас попадёт ко мне на ужин, — и дракон гулко захохотал, довольный своим корявым каламбуром.

Зубастая костина морда растаяла, и в гостиной воцарилась мёртвая тишина — жёны растеряно переглядывались, не веря

своим ушам.

— Пусть Ослабелла решит, кому из нас суждено… — робко начал кто-то.

— Э, нет! — решительно возразила я. — Разве вы не слышали, что сказал наш муж? "Вы выберете", а не "старшая жена выберет"! Нам ли оспаривать слово нашего повелителя?

— Тогда мы бросим жребий, — сказала "наша Белла", глядя на меня так, как смотрят на что-то малоприятное.

— Нет, о старшая, — снова не согласилась я. — Жребий слеп, а повелитель выразил свою волю чётко и ясно: он сказал "выберете", разве не так? Это называется голосование — в моём мире мы часто играем в такие игры. Я предлагаю сделать вот что…

И я быстренько изложила им свой проект, скомбинированный из игры "Последний герой" и таинства исповеди.

— Наверняка у каждой из нас было в жизни что-то такое, что нам неприятно вспомнить, и в чём нам хотелось бы покаяться, — вдохновенно вещала я. — Вот давайте и раскроем друг перед другом все свои прегрешения, и оценим тяжесть наших грехов чужими глазами. А потом, — мой взгляд упал на стоявший на столе кувшин, — каждая из нас возьмёт вот по такому кувшину и горсть камешков: один чёрный и одиннадцать белых — их много в каменном саду. И каждая из нас бросит по одному камню в каждый из чужих кувшинов: белый будет значить оправдана, чёрный — виновна. И воздастся нам за грехи наши — та из нас, у кого в кувшине чёрных камней наберётся больше всех, и отправится в пасть к нашему прожорливому супругу.

Мой расчёт выглядел беспроигрышным. Эххийки не врут, значит, эти девицы, приняв условия игры, будут добросовестно каяться — наверняка ведь есть в чём. И главное — грехи грехами, но весь гарем не слишком жалует Беллу и наверняка воспользуется возможностью съесть её (в прямом смысле слова, хоть и чужими зубами) на законном основании. Тайное голосование и свободные демократические выборы (особенно когда можно кого-то съесть) — классная штука, не зря над этим изобретением работали лучшие умы человечества.

Жёны возбуждённо зашушукались — затея явно пришлась им по вкусу, — а Ослабелла помолчала, подумала, кивнула и негромко проговорила:

— Хорошо придумано, Алава, — пусть будет так.

Я внутренне возликовала, но не подала виду. Девчонки засуетились, приволокли кучу разноцветных камней и набрали тринадцать кувшинов для тайного голосования. И начали по очереди каяться в грехах своих тяжких.

Грехи у них у всех были — тьфу, о таких грехах и упоминать-то грех. Кто-то кому-то позавидовал и подпортил чужое заклятье во время творения пышного букета цветов, кто-то ещё в догаремной жизни отбил у подружки парня, а кто-то и вовсе в детстве не слушался папу с мамой. Однако слушали они друг друга со всей серьёзностью, проникнувшись величием момента, и горестно качали головами, когда одна из девчонок рассказала, что приручила птичку, прилетавшую на карниз "ласточкина гнезда", а потом эта птичка ей надоела, и она перестала кормить её крошками от печенья. Я тоже покаялась: во-первых, в том, что не лечила нашего мужа и повелителя после его памятной драки с гидрами — испугалась, мол, — а во-вторых, что как-то раз подставила ногу одному из безлицых. Мне хотелось, чтобы с него слетела маска — интересно же посмотреть, какие хари у орков? Но маска не упала, а бедняга здорово расшиб себе лоб, и мы его больше не видели — наверно, Костя его попросту съел и поймал на Полуночной стороне другого орка на замену инвалиду.

Как я и предполагала, самый внушительный список грехов оказался у Ослабеллы. Она созналась, что часто была несправедлива ко всем нам, и главное — в том, что тайком сбежала от мужа и даже не известила его о своём новом замужестве, в результате чего Шумву-шах маялся в безжёнье целых пять лет. Да, по сравнению с этими грехами некормленая птичка и даже покалеченный мною пленник — сущие пустяки. "Ну, лисичка-сестричка, — подумала я, — блок чёрных меток тебе обеспечен!".

Закончив процедуру тотального покаяния, приступили к голосованию — "гаремыки" подходили друг к другу и кидали в кувшины камешки, а какие — это выяснится уже потом. Я была уверена, что шельмовать никто из них не будет — эххи всё-таки. Когда весь электорат проголосовал (явка была стопроцентной), жёны начали по очереди переворачивать свои типа урны и предъявлять народу их содержимое. Я тоже хотела было перевернуть вверх дном свой кувшин и вытряхнуть из него результат, но меня остановил властный голос Ослабеллы:

— Ты сделаешь это последней, Алава, — я сказала.

На этот раз я не стала спорить — не принципиально потому что — и уступила старшей.

Я равнодушно скользнула взглядом по кучкам, вытряхнутым другими жёнами. Как и следовало ожидать, все эти кучки радовали глаз белизной — только у "птичницы" был один-единственный чёрный камень. "Наша Белла" тщательно проверила и пересчитала камешки из всех кувшинов и плавным движением перевернула вверх дном свой кувшин.

Я онемела. Да, чёрные камни у неё были, но их было меньше, чем белых — всего пять штук! Я пересчитала камни несколько раз, не веря своим глазам, — нет, именно так: семеро жён бросили в кувшин старшей белые камни, и только пятеро (в том числе и я, само собой) — чёрные.

— Теперь ты, Алава, — спокойно произнесла Ослабелла. — Переворачивай.

Дрожащими руками я опрокинула свой кувшин — камешки бойко запрыгали по столу, словно радуясь своему роковому для меня значению. У меня был тот же результат, что и у "нашей Беллы", только с точностью до наоборот: пять белых и семь чёрных камней.

— За что? — растерянно прошептала я. — Как же так?

— Ты не покаялась в одном своём грехе, — голос Беллы был холоден и по-прежнему спокоен, — наверное, потому, что ты не считаешь это грехом. Ты предложила нам эту подлую игру — это и есть твой грех, которые мы оценили по заслугам. Мы, эххи, не лезем вверх по чужим черепам — мы привыкли помогать друг другу, и у нас побеждает действительно самый достойный. А вот в твоём мире, Алава, дело обстоит совсем наоборот — мне так кажется. И потому для нас, эххов, дом — вся Вселенная, мы заселили множество миров, а вы, люди, до сих пор ютитесь на крохотной планетке на окраине одной из множества галактик. Прощай, Алава, — ты предложила нам эту игру твоего мира, и то, что именно ты стала её призёром — справедливо. Ты слышишь, нас, повелитель? — она подняла голову. — Мы выбрали!

— Слышу! — донёсся откуда-то сверху грохочущий драконий рык. — Я её уже жду!

Ноги меня не слушались — я не могла ступить и шагу. Ослабелла сделала знак рукой, из-за дверей гостиной бесшумно появились четверо безлицых, ухватили меня за руки-за ноги и понесли, не обращая никакого внимания на мои дёрганья и повизгивания. Я извивалась в их руках червяком, но силы оркам было не занимать, и через десять минут меня достаточно грубо бросили на каменный пол какого-то просторного зала. А ещё через минуту я увидела Костю, но не в облике человека, а под кошмарной личиной дракона.

Кост-а-Лом, неспешно переставляя лапы, полз ко мне, чуть наклонив голову. Глаза дракона горели алым огнём, и в полумраке подземного зала зловеще поблескивали его белые клыки. И я снова, как тогда, в роще, ощутила жаркое драконье дыхание.

— Мне жаль, Алава, — прорычал дракон, — но ты ведь сама это всё придумала.

С этими словам он разинул пасть, и…

— Не ешь меня, я тебе ещё пригожусь! — отчаянно заверещала я.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВЫКУП ГОЛОВЫ

Мы летели на восток, навстречу солнцу, и поэтому до наступления темноты едва дотянули до первых островков Поперечного леса. Как только пески остались позади, дракон пошёл на снижение, и когда в небе уже загорались первые звёзды, мы приземлились возле большой рощи на границе местных прерий и сплошной стены густого леса, протянувшегося через весь континент с севера на юг, от моря до моря.

На сей раз я летела не в виде тюка на крюке, а в нормальных условиях: в кабине на драконьей спине. Мой мини-салон походил на будку паланкина ликатесской магессы, только снабжённую прозрачным как бы обтекателем для защиты от встречного ветра, и сидеть в нём было комфортно: мягкое сиденье, бортики, крыша над головой. Тесновато, конечно, это да, и потому, как только Костя профессионально совершил посадку на пять точек (считая хвост), я тут же распахнула бортик и вознамерилась выбраться наружу, чтобы размять затекшие ноги.

— Подожди-ка, — услышала я телепатический голос Кост-а-Лома и тут же замерла на месте. И, как очень скоро выяснилось, моё благоразумие было не напрасным.

Дракон поводил головой из стороны в сторону, словно принюхиваясь, а потом вдруг неожиданно плюнул струёй пламени в громадное раскидистое дерево шагах в двадцати от нас. Дерево вспыхнуло факелом, посыпались горящие сучья, взметнулся вихрь сгорающих на лету листьев, а из самой середины этого фейерверка выпала охваченная огнём тварь: что-то вроде толстой змеи с двумя руками. Змеерук извивался и корчился, и даже хлопал себе по голове, пытаясь сбить пламя, но драконий огонь работал не хуже напалма — судороги твари закончились в шесть секунд. А Костя не спеша подошёл к затихшему змееруку, наступил на него лапой и лёгким движением челюстей откусил ему полтуловища. Раздался хруст костей, и меня продрал озноб: ведь на месте этой диковинной лесной твари должна была быть я…

* * *

…Когда костины зубки сверкнули на расстоянии вытянутой руки от моего лица, я тут же поняла, что всё это всерьёз, что я, похоже, доигралась, и что финал моих фэнтезийных приключений

будет очень болезненным. Как известно, в острых ситуациях у людей иногда пробуждаются невероятные способности — типа перепрыгнуть через трёхметровый забор без разбега или голыми руками придушить бешеную собаку, не повредив при этом маникюр. А у меня при форс-мажоре резко активизируются мыслительные процессы: дракон ещё не въехал в суть моей фразы, сплагиаченной у кого-то из сказочных персонажей, как у меня в голове что-то щёлкнуло, и обрывки мыслей, которые я обкатывала все последние дни, сложились в единое целое, словно законченная картинка из кусочков паззла.

Дракон замер в лёгком удивлении. Мой истошный вопль "не ешь меня!", думаю, его не сильно впечатлил — за свою разбойничью жизнь Костя наверняка слышал такое не раз, — крылатого людоеда остановили ключевые слова "я тебе ещё пригожусь". И я, не дожидаясь, пока он задаст вопрос (нельзя отдавать инициативу!) или всё-таки слопает меня без всяких вопросов, выпалила:

— Ты знаешь магессу по имени Окостенелла?

— Эту гадину? — глаза Кост-а-Лома бешено полыхнули. — Я её не то что знаю — на весь Эххленд нет другого существа, которого я так страстно желал бы прикончить!

Уф… Я попала в яблочко. Помнится, сотник Верт рассказывал, что пару лет назад в Ликатес залетел какой-то дракон, Окостенелла его пришибла, и драконья голова стоит теперь памятником на центральной площади города. Костя ни разу не упоминал о каком-то другом клане эххов-драконов, из чего я сделала вывод, что в небе над Ликатесом почти наверняка погиб косталомовский сородич. И судя по реакции дракона на упоминание имени магессы, это был правильный вывод. Кто именно стал жертвой Окостенеллы — это мы выясним потом, сейчас следовало закрепить успех и покрепче уцепиться за подвернувшуюся соломинку.

— Так вот, — как можно более спокойно сказала я, стараясь отодвинуться подальше от костиной пасти, — я могу тебе в этом помочь.

— Ты? — изумлённо прогрохотал дракон.

— Я. И не ори так, пожалуйста, — ты меня совсем оглушил.

— И как ты это сделаешь? — Кост-а-Лом перешёл на телепатическое общение, из чего следовало, что он принял мои слова всерьёз — эххи не врут, и привыкли, что им тоже не врут.

— Обещай, что ты меня не съешь, тогда скажу, — потребовала предусмотрительная я, силясь унять колотившую меня дрожь.

— Но я же говорил вам, что съем одну из вас, — как же я

могу не выполнить своего обещания?

— Ты мужчина или нет, Костя? Настоящий мужчина должен быть хозяином своему слову: захотел — дал, захотел — взял обратно. В конце концов, ты же мог и передумать, верно?

— Вообще-то да… — задумчиво проговорил он (очень странно было видеть эту груду бронированного мяса в состоянии задумчивости). — Ну, хорошо, не буду тебя есть — обещаю. Не очень-то и хотелось, честно говоря, но ты так настаивала…

— Вот и чудненько, — проворковала я, не обращая внимания на подколку. — Теперь скажи: почему ты до сих пор не расправился с этой гадкой кошкой из Ликатеса?

— В Ликатесе её не взять, — дракон помрачнел, — там у неё такая оборона… Авесс-а-Лом, мой родной брат, попробовал, и чем дело кончилось? Говорил я ему…

— А чего он там забыл? — уточнила я на всякий случай.

— Да он решил взять Окостенеллу в свой гарем, а она…

— …выразила своё несогласие самым решительным образом. Понятненько… Твой Вася хотел стырить Окостенеллу против её воли и поплатился за это головой?

— Ну да, где-то так… — Лом сконфуженно вздохнул (понимаю, неприятно признавать, что какая-то баба не только отказала перелётному Дон-Жуану из гордого клана Ломов, но и вдобавок оторвала ему башку). — А ты что, знаешь, как пробить её магическую защиту?

— Этого я не знаю, — честно призналась я, — но я знаю, что она собиралась покинуть город. В чистом поле ты ведь сможешь её одолеть? Ты ведь говорил, что ты профессионал — подкрадёшься на малой высоте, плюнешь в упор, и от этой эльфийской кошки даже горелой шерсти не останется! Ты костолом или кто? Слабо переломать Окостенелле все кости, когда она этого не ждёт, и свершить кровную месть — отомстить за брата Васю, погибшего во цвете лет?

— Магесса собирается покинуть свой город? Зачем? И откуда ты это знаешь?

Так, вот и второе попадание. Дракон маговизором пренебрегал — бабское, мол, это занятие, — а зря. Да, мути там не меньше, чем по нашему телевидению, но кое-что интересное найти можно — я ведь нашла! Но Костя считал, что и так всегда будет в курсе всех новостей — полетает туда-сюда, и всё узнает. Ан нет — вряд ли Окостенелла голосит на весь Эххленд о своих планах выступить на помощь Шумву-шаху, это умная я сделала такой вывод на основе слов де Ликатеса и анализа общей военно-политической обстановки. Или вы думаете, что я примитивное создание, все мысли которого заняты только тряпками да сексом?

Это вы зря…

— Откуда знаю — это неважно, но Окостенелла скоро выйдет во чисто поле, можешь даже не сомневаться. А может, уже вышла, так что давай-ка собираться на дело.

Однако дракон упёрся, и мне всё-таки пришлось разъяснить ему всю ситуацию.

— Умная ты, Алава, — пробормотал Костя, выслушав мои соображения, и в его глазах мелькнула тень уважения ("Да, я такая" — подумала я). — У меня ещё не было такой жены — хорошо, что я тебя не съел. Да, у меня есть шанс отомстить, и я его использую.

— Так полетели — чего время зря теряем?

— Полетели?

— Ну да. Я полечу с тобой. Или ты против?

— А тебе-то это зачем? — дракон подозрительно прищурился. — А?

Я не стала ему говорить о том, что не имею ни малейшего желания оставаться среди "гаремык". Ослабелла прекрасно поняла, что вся моя авантюра была направлена против неё, и этого она мне не простит — меня утопят с бассейне-озере или уронят с балкона, и скажут, что так и было. Старшая жена только с виду мягкая, а на самом деле… Нет уж, фигушки!

— У меня тут свой интерес, Костенька. Во-первых, Окостенелла меня обидела.

Это было сущая правда — по гроб жизни не забуду, как властительница вывернула меня наизнанку и объяснила, чего я, с её точки зрения, стою на земле этой грешной. Моё самолюбие таких пощёчин, извините, не прощает.

— А во-вторых, — продолжала я, — когда ты её спалишь, Ликатесом буду править я.

У дракона от изумления отпала челюсть — такого он в упор не ожидал.

— От твоего имени, разумеется. Тебе не надоело торчать в горах? Не пора ли клану Ломов властвовать над всем Эххлендом, а? И захват Ликатеса будет первым шагом! Я буду там твоей наместницей и внештатной женой, захочешь меня трахнуть — прилетай, я всегда к твоим услугам. И кстати, в пещере у тебя останется двенадцать жён, так что на обратном пути ты сможешь заодно прихватить ту степнячку, о которой ты говорил, — я ведь уже буду как бы не в счёт, верно?

Костя окончательно прибалдел от моих грандиозных планов. За время моей гаремной жизни я узнала, что эххи-драконы — разгильдяи по натуре, типа свободные художники. С такими силами и магическими способностями Ломы довольствовались

тем, что гуляли сами по себе, — ни вашим, ни нашим, — и никогда не думали о чём-то более серьёзном. Но когда я красочно расписала перспективы, у Кост-а-Лома в глазах загорелся нешуточный азарт.

Короче, я его уболтала. Вопрос о поедании меня отпал как неактуальный. Константин поднял голову, неразборчиво рыкнул; из всех тёмных углов зала, словно тараканы, набежали безлицые и проворно начали монтировать на драконьей спине пассажирскую кабину. Пока шли эти монтажные работы, я в сопровождении парочки безлицых — на тот случай, если я встречу кого-нибудь из "гаремык", и они поинтересуются, почему это я брожу по коридорам в несъеденном состоянии, — сбегала в свои апартаменты, скинула на фиг гаремные тряпки и переоделась в своё привычное, земное: я считала свой попаданский прикид чем-то вроде талисмана, приносящего удачу, и хранила его до поры — которая, кажется, пришла.

Прощаться мне было не с кем, и всё равно я еле успела обернуться туда-сюда: к моему возвращению салон был уже готов. Я по приставной лесенке вскарабкалась на своё место, пристегнулась — блин, смотри-ка, всё как у людей! — трап убрали, и Кост-а-Лом тут же пошёл на взлёт. Толстенная железная решётка, замыкавшая выход из пещеры, разошлась — словно разомкнулись гигантские челюсти, — и мы вылетели наружу как из драконьей пасти. И если разобраться, так оно и было: я вырвалась из пасти дракона в прямом смысле слова. Меня била нервная дрожь — шутка ли, такое пережить! К счастью, безлицые позаботились о провизии для меня, среди которой нашлось и винишко. Я с наслаждением высосала чуть ли не полбутылки, откинулась на спинку кресла и расслабилась — командир и экипаж желают вам приятного полёта, леди Алина-Активиа-Алава…

* * *

…Костя с аппетитом доёл свое жаркое, рыгнул и лёг на брюхо.

— Вот теперь можешь вылезать, — протелепатировал он, — опасности больше нет.

— Точно нет? — усомнилась недоверчивая я, разматывая верёвочную лестницу (до земли было метра два).

— Не бойся, — Костя потянулся всем своим огромным телом, — этот ползун-душитель был один. Голодный, наверно, — обычно древесники убегают от одного запаха драконов. Его

предсмертный вопль был слышен за пять миль — до утра сюда никто не сунется.

— До утра? А мы чего, будем здесь ночевать?

— Будем. Мне надо отдохнуть и восстановить силы: лететь неблизко, а Окостенелла — противник серьёзный, малейшая ошибка будет стоить мне — то есть нам обоим — головы. И я послал разведку, которая вернётся только к утру, — надо же уточнить, где находится магесса, и чем она занята. Всё, — дракон зевнул, звучно клацнув зубами, — хватит болтать. Я устал — давай спать.

С этими словами он свернулся кольцом, положил голову на землю и закрыл глаза. Мне ничего не оставалось делать, как тоже устраиваться на ночлег. Спать в кабине было тесно и неудобно — я выволокла оттуда два пледа, которыми укрывалась в полёте, нагребла под голову травы и организовала себе вполне приличное ложе (не впервой ночевать под открытым небом). Ночь была тихая и тёплая, безмятежно мерцали звёзды, и злых врагов я не опасалась — Костя уже показал, на что он способен. Я улеглась и попробовала заснуть, но не тут-то было.

В человечьем обличье Кост-а-Лом был терпимым сопостельником — не храпел и во сне не матерился, — но спать с ним рядом, когда он в облике дракона, оказалось делом совсем не простым — попробуйте-ка уснуть возле паровоза, который выпускает пар! Костя шумно дышал, и бока его вздымались и опадали — аж трава шевелилась. Я отползла подальше от его чешуйчатого бока, к хвосту, образовавшему вторую половину моего защитного кольца, но легче мне от этого не стало: шумовой эффект практически не снизился. А когда я немного притерпелась — усталость брала своё, — мне в голову полезли всякие мысли по поводу моей очередной авантюры. Костю-то я убедила, он рвётся в бой, но как оно обернётся на самом деле — это ещё вопрос. Окостенелла — я вспомнила её ледяные глаза с вертикальными зрачками — это вам не червячок с ручками, ползающий по деревьям, тут можно и попасть, да так, что мало не покажется. И есть ещё беззаветно преданный магессе рыцарь, маркиз де Ликатес, который наверняка будет резко возражать, если я от имени убийцы его дамы сердца попробую занять трон властительницы. Остаётся только надеяться, что боевой маг по имени Хрум окажется в момент нашей атаки рядом со своей эльфийской кошкой, и Костя накроет их обоих одним залпом. Ох, не люблю я эти уравнения со многими неизвестными…

Так я и ворочалась с боку на бок, и никак не могла уснуть. И переворачиваясь в очередной раз, я вдруг ощутила, что бабочка-амулет на моей груди… шевелится. Честно, говоря, я уже и

думать забыла об этой своей красивой игрушке — висит на шее, и ладно, есть не просит, — тем более что бабочка не оживала давным-давно, чуть ли не со времени моей памятной беседы с чёрным глюком. И в драконьей пещере мой амулет ничем не отличался от любого другого украшения — разве что был поизящнее. И вот теперь, когда я выбралась из-под защитного магического полога, заботливо развешенного драконом над своим логовом, бабочка вдруг ожила. Да, непроницаемый защитный полог… А ведь бабочка-то не простая — как там говорил Причесах: "Через этот амулет я буду знать, что с тобой, где ты, и не нужна ли тебе помощь". И Костя: "Страж Рощи сказал, что ты должна добраться до Ликатеса, и чтобы я оставил тебя в покое". Зелёный лучик из амулета, скакнувший в драконий глаз… Да ведь это… Это проклятое золотое насекомое — оно же средство наблюдения и средство связи, шпион, змея, пригретая на груди! И я везде таскаю эту штуку с собой — её же невозможно снять, на цепочке даже замка нет!

Я отшвырнула плед, села и вцепилась обеими руками в тонкую цепочку амулета. Хрена — с таким же успехом я могла бы попытаться разорвать стальную проволоку. Цепочка больно врезалась мне в шею, и я поняла, что избавиться от бабочки мне не удастся. Да уже и поздно, я так думаю…

Ах, я дура, дура, дура…

* * *

Меня разбудил хриплый клёкот. Я чуть было не подскочила как ужаленная, однако вовремя уловила, что каркающе-щёлкающие звуки складываются в членораздельную речь, и ограничилась тем, что лишь осторожно так чуть приоткрыла глаза, не подавая виду, что я уже проснулась, — вдруг Косте не понравится, что я типа подслушиваю.

Дракон лежал в прежней позе, но не спал — его голова была высоко поднята. А прямо перед ним сидел, сложив крылья, здоровенный летун-шустрик и докладывал обстановку. Так вот, значит, кто у Кост-а-Лома в разведчиках…

— Ок-к-костенелла со своей др-р-ружиной и наёмник-к-ками выступила на помощь кор-р-ролю. У неё ок-к-коло тр-р-рёх тысяч воинов — они идут быстр-р-рым мар-р-ршем, и к вечер-р-ру будут у Белой р-рек-к-ки, на полпути между Лик-к-катесом и ар-р-рмией Шумву-шаха, ср-р-ражающейся в Восточных гор-р-рах.

— Один дневной перелёт… — пробормотал дракон. — Это хорошо… Спасибо, Кхракк.

— Спасибо — это хор-р-рошо, а как насчёт платы? — шустрик взъерошил перья. — Если тебе не нужна эта девчонк-к-ка, я взял бы её голову. У неё, навер-р-рно, вк-к-кусный мозг.

Мне как-то поплохело. А ведь и верно — зачем я Косте теперь нужна? Баба с возу — дракону легче. Где магесса, он уже и сам знает, насчёт захвата Ликатеса — это ещё бабушка надвое сказала, управиться бы с Окостенеллой, а воевать с пассажиром на спине, думая при этом, как бы он — то есть она — не выпала — на хрена лишняя головная боль? Но Кост-а-Лом оказался джентльменом.

— Не разевай широко клюв, птица, — грозно рыкнул он. — Она моя жена! — Из ноздрей дракона посыпались искры, трава задымилась и кое-где даже вспыхнула, и пернатый наглец, осознав необоснованность своих притязаний (говорил же де Ликатес, что шустрики — твари разумные), отскочил подальше от разгневанного Константина, примирительно каркнув:

— Не сер-р-рдись, гр-р-роза небес, я ведь не знал!

— Будет тебе плата, — проворчал Костя. — Поймаю тебе на днях парочку молоденьких эльфиек или орчанок — крылатые воители из клана Ломов держат свое слово!

Летун-мозгоед не стал настаивать на немедленном погашении задолженности. Он расправил крылья, подпрыгнул и унёсся под облака, а я встала, потянулась и промурлыкала:

— Доброе утро, супруг! Хороший денёк, чтоб подраться, верно?

— Хороший, — дракон плотоядно осклабился. — У тебя десять минут на сборы. Ручей — вон там. Не успеешь — оставлю тебя здесь.

Я не сочла нужным вступать в пререкания — что я, глупее какой-то говорящей птицы? Покамест Костя делает то, что нужно мне, а к его бесцеремонным манерам я уже привыкла.

Короче, вскоре мы уже были в воздухе. Под крыльями дракона монотонно тянулся бесконечный лес, и я то задрёмывала, то просыпалась — ночка у меня была та ещё, не до сна с приятными сновидениями.

Когда я поняла, что нахожусь под неусыпным наблюдением Причесаха, то с полчаса пребывала в полной прострации. И как это я сразу не сообразила? Ну да, магия у нас как-то не в ходу, но про всякие там "жучки" я ведь слышала, да и страж Рощи Порталов мне заявил открытым текстом — так, мол, и так, буду видеть каждый твой шаг. А я, дура, размечталась о своём светлом будущем, вот и пропустила мимо ушей такую ценную информацию… Каждый шаг?! Ой, блин, он же ведь тогда такого насмотрелся… Однако сожалеть о сделанном было бесполезно —

надо было как-то выползать из того дерьма, в которое я вляпалась.

Сначала я хотела разбудить дракона, объяснить ему ситуацию и попросить его снять с меня этот долбанный кулон, но потом, подумав, отказалась от этой идеи. Если у Кости не получится снять с меня "шпиона", не нанося мне травм, он не остановится перед тем, чтобы попросту оторвать мне голову или бросить меня вместе с моей опасной погремушкой в лесу на съедение древесникам — с него станется. Это раз, а во-вторых — мы уже несколько часов как вышли из-под глушащей магии горы, и Причесах уже в курсе, где я нахожусь, в какой компании, куда направляюсь и зачем — мы ведь с драконом беседовали на эту тему здесь, на опушке. Бабочка не зря ожила, факт. Костя хоть и туповат, но он наверняка сообразит, что поскольку элемент внезапности потерян, лучше прервать рейд и вернуться, чем нарваться на тёплую встречу — например, с полком эльфийских лучников. А мне нет никакого резона возвращаться в дружный гаремный коллектив — я не питала иллюзий по поводу отношения "гаремык" ко мне, любимой.

Я прикидывала и так, и этак — положение казалось безвыходным. Но я не зря считаю себя умной девочкой — другие, кстати, придерживаются того же мнения, не для красного словца сказано, — и я всё-таки придумала, как мне и рыбку съесть, и на… елку забраться не оцарапавшись. А придумав, взвесив и просчитав, я прислушалась к мощному дыханию Кост-а-Лома — спит, как под наркозом! — вытянула из-за пазухи злополучный амулет, сжала его в ладонях и громко зашептала прерывающимся от волнения голосом:

— Дяденька Причесах! Вы меня слышите? Спасите, я попала в беду! Дракон Кост-а-Лом хочет убить магессу Окостенеллу! А меня он взял заложницей — дракон знает, что я невеста Шумву-шаха, и рассчитывает прикрыться мною от стрел королевских лучников! Вы же обещали мне, дяденька Причесах, что поможете, если я попаду в беду… Вот я и попала, причём круто попала… Спасите меня, спасите! Вы меня слышите, дяденька Причесах?

Ответа не было. Хрен его знает, как обращаться с этими артефактами — кнопочек на амулете никаких, и руководством пользователя страж меня снабдить не удосужился. Я сжала бабочку в руках по аналогии с говоряще-показывающими эххийскими кристаллами, которые я смотрела, будучи в рядах королевских невест, — по идее, принцип должен быть схожим, — но мой оберег хранил презрительное молчание. Правда, крылышки бабочки запульсировали красным, однако у меня не было никакой уверенности в том, что мой зов дошёл до адресата.

А если и дошёл, захочет ли страж мне помочь? Он ведь позволил дракону меня похитить и не вмешался! Неужели я вышла из доверия? От этой мысли мне стало тошно, и я снова зашептала в амулет, чуть не плача:

— Причесах, миленький, спасите! Я больше не буду — я хорошая! Спасите меня!

Амулет несколько раз мигнул разными оттенками красного, но внятного ответа я так и не дождалась, и в итоге уснула, сжимая в руках эту золотую безделушку…

В общем, я не выспалась, и поэтому сейчас пребывала в полудрёме, путаясь между сном и явью. Мы летели на восток, день стремительно сокращался, и только после полудня лес поредел, и начались степи. Мы сделали короткую посадку; Кост-а-Лом подобрался, в его глазах появился воинственный блеск. Решающий час приближался — солнце уже клонилось к закату, а в сумерках мы должны были достичь расчётной точки: какой-то Белой реки, Вам-Кир-Дык бы её побрал…

От недосыпа и от нервов я не могла толком собраться с мыслями — в голове у меня был туман, — а отдельные обрывки мыслей к оптимизму не располагали. На успех атаки я уже почти не рассчитывала — встречу нам наверняка приготовили — меня беспокоила моя судьба. В дракона полетят сотни (если не тысячи) стрел, начинённых магией, и если хоть одна из них попадёт в меня, пиши пропало. А если и не попадёт, я всё равно разобьюсь, когда мёртвая костина туша рухнет вниз на сухую землю хотя бы с пятидесяти метров. Оставалось надеяться только на то, что какой-нибудь лихой пилот-эльф на грифоне (если получит соответствующий приказ) сдёрнет меня с драконьей спины — надо будет заранее открыть обе дверцы моего салона и отстегнуть привязной ремень. Но вот будет ли такой приказ отдан — это вопрос. Однако я решила не мучить себя дальнейшими размышлениями — что будет, то и будет. В конце концов, я сделала всё от меня зависящее, и при любом раскладе — кто бы не победил в предстоящей схватке — я, Алина, в накладе не останусь (если, конечно, останусь в живых).

В подкравшихся сумерках Костя снизился, увеличил скорость и понёсся на бреющем полёте над самой землёй, сливавшейся в сплошную жёлто-бурую ленту. За обтекателем моей кабины свистел ветер; я выглотала до капли остатки вина для воодушевления перед битвой, в которой от хитроумной меня уже ничего не зависело: вот-вот должны были столкнуться две могущественные силы, и мне нужно было не попасть между ними и уцелеть — только и всего.

Впереди показался берег довольно широкой реки и огни

лагерных костров — дракон вышел на цель. Расстояние до лагеря быстро сокращалось; я разглядела ряды палаток, коней и посередине — высокий шатёр, возле которого развевался на ветру штандарт с изображением кошачьей головы. Сомнений не было — перед нами был лагерь ликатесского войска во главе с властительницей Окостенеллой. Я проглотила липкую слюну — сейчас начнётся…

Кост-а-Лом выгнул шею, готовясь прицельно плюнуть прямо по шатру со знаменем, а я с нарастающим ужасом ожидала злого посвиста беспощадных эльфийских стрел. Но всё случилось иначе.

Вспыхнул свет — неяркий, но разогнавший сумерки, — и мы с разгону влетели в зыбкую завесу зеленоватого светящегося тумана. Могучие драконьи крылья замерли — дракон полого планировал, словно притягиваемый к земле непреодолимой силой. Я чувствовала, как под моими ногами, под полом кабины, бугрятся костины мышцы — дракон силился преодолеть притяжение, но у него ничего не получалось. Мы быстро и неотвратимо падали — я сжалась в ожидании удара о землю.

Однако удара не последовало: мы приземлились мягко, можно сказать, бережно, и неподалёку от лагерных костров — шагах в трёхстах, не больше. Обе дверцы пассажирской кабины я, как и собиралась, открыла заранее, и ремень расстегнула, и поэтому, как только Костя бессильно распластался на земле в позе лягушки — лапки врозь, крылья в стороны, — я тут же спрыгнула с его спины на землю и покатилась кубарем по жёсткой степной траве, глотая пыль. С лесенкой я не заморачивалась — не до того, да не хрен-то и высота, — только оттолкнулась, чтобы не разорвать одежду и не поцарапаться о жесткую драконью чешую.

Откувыркавшись, я вскочила на ноги и бросила взгляд на своего мужа и соратника — Кост-а-Лом лежал как приклеенный, не шевелясь, только подрагивали тяжелые веки над его горящими бессильной яростью глазами. "Я сначала обездвижил её заклятьем" припомнились мне слова Причесаха, повествовавшего об убиении астральной змеи. Так вот, значит, как это выглядит…

— Беги… Алава… — просипел дракон. — Мы проиграли… тебя убьют… беги…

Во, блин, умник, — куда бежать-то, спрашивается? Воины Окостенеллы — вон они, уже спешат к нам, размахивая своими железяками (света от мерцающей завесы — магической, я так думаю, — было вполне достаточно, чтобы рассмотреть все эти живописные детали). Да и зачем мне куда-то бежать, собственно говоря? Мне надо присоединяться к победителям, и не забыть при

этом урвать свою толику заслуженной славы! Ведь дракона не расстреляли, а взяли в плен, значит, мой призыв был услышан, и поимщики крылатого ящера позаботились о том, чтобы любимая я не пострадала — Костя лежит недвижим, а я бойко прыгаю, на меня парализующую магию не нацеливали!

И я спокойно отряхнулась, приняла гордую позу — скрестила руки на груди — и стала ждать: чего мне бояться? Ликатесские воины были уже рядом, но первым ко мне подскакал и торопливо спешился всадник на вороном коне.

— Хрум! — радостно заорала я, кидаясь ему на шею. — Как же я рада тебя видеть!

В этот момент я не вспоминала о том, как я прикидывала, накроет ли Костя одним выхлопом и магессу, и её верного рыцаря, — я действительно была рада видеть де Ликатеса.

— Вы целы, леди Активиа? — спросил маркиз, осторожно поправляя мои растрепанные волосы. — Я так за вас беспокоился!

— Да ну, это, брось, — смущённо пробормотала я. — Всё путём, Хрум…

— Причесах ещё утром связался с Окостенеллой и передал ей вашу просьбу о помощи — у нас было время подготовиться. Магесса запросила у Шумву-шаха стрелков, но король не захотел рисковать вашей жизнью и прислал нам четверых сильнейших магов-академиков. Они телепортировались прямо в наш лагерь. Вон они, посмотрите, — и рыцарь указал на четыре весьма колоритные фигуры.

Маги стояли с бесстрастными лицами шагах в тридцати от нас — я и не заметила, как они появились. Маги как маги — коршунячьи лица, седые волосы и бороды, пронзительные глаза, белые хламиды и длинные посохи с набалдашниками. Но силища от них шла такая — даже я почувствовала. Очертания их фигур подрагивали, как будто магов обтекал горячий воздух, а над набалдашниками посохов потрескивали голубые разряды, словно на изоляторах линии электропередач в дождь, — видела я как-то такую картину. Высоковольтные старцы не спускали глаз с распластанного дракона, и я не сомневалась: они ему не то что плюнуть огнём — шевельнуться не дадут. Так тебе и надо, птеродактиль бешеный…

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — произнёс рыцарь, бережно обнимая меня за плечи. — Вы живы и даже не ранены, а наш враг повержен! Сейчас прибудет Шумву-шах, и вы, леди Активиа…

— Ш-ш-ш… — услышала я, — ты… ш-ш-ш… предательница… ш-ш-ш… Алава…

Я резко обернулась. Дракон смотрел на меня ненавидящим

взглядом и шипел сквозь стиснутые зубы — парализующая магия не давала ему и рта раскрыть.

— Нет, милый друг мой Костя, — зло прошипела я ему в ответ, — я не предательница, я победительница! Да, да — победительница! А ты — скоро твоя черепушка украсит площадь в Ликатесе, рядышком с черепом твоего придурочного брата Васи. И на постаментах напишут: "Здесь был Вася" и "Здесь был Костя". А я сохраню парочку твоих чешуек, выгравирую на них "От Алавы с любовью!" и попрошу кого-нибудь из твоих шестёрок-летунов отнести этот мой подарок твоей безутешной вдове Ослабелле — пусть она омоет его горючими слезами! Понял, ящер? Ты скоро сдохнешь, Кост-а-Лом, чему я искренне буду рада!

— Вы так хотите его смерти, леди Активиа? — услышала я за спиной знакомый голос. — Стоит ли быть такой кровожадной? Вообще-то у меня были другие планы насчёт этого очень ценного пленника.

Я снова повернулась — теперь уже в обратную сторону.

Передо мной в полном боевом облачении стоял его эльфийское величество король Шумву-шах, повелитель Полуденной стороны Эххленда.

* * *

Король смотрел на меня без улыбки, и я тут же поняла, что ему не очень понравилось, как я костерила беспомощного дракона.

— Да, ваше величество, я хочу его смерти, — подтвердила неумолимая я, для пущей важности сжав кулаки. — И у меня есть на то причины: эта тварь меня изнасиловала, похитив, можно сказать, прямо из-под венца!

Я хотела было добавить "а я берегла свою девственность для вас, ваше величество", но вовремя спохватилась: ведь рядом стоял Хрум, а он-то насчёт моей девственности в курсе — я сама ему выдала в запальчивости, когда мы с ним выясняли отношения у Водопада Слёз.

Шумву-шах нахмурился, и я поспешила закрепить успех.

— Думаю, что и у вас, ваше величество, есть не меньше причин желать смерти этой летучей ящерице.

— Вы упомянули имя королевы Ослабеллы, — проговорил правитель Эххленда. — Или я ослышался?

— Вы не ослышались, ваше величество. Я выполнила ваше задание — выяснила судьбу вашей пропавшей супруги. Ослабелла находится в гареме этого дракона — он её похитил.

Глаза короля сверкнули, и я заметила, что его рука легла на рукоять меча.

— Хуже того, ваше величество, — продолжала я свои разоблачения. — Ослабелла, ваша жена, бежала с драконом по доброй воле — он её улестил и соблазнил, и она влюбилась в него без памяти. Ослабелла просила вам передать, что она нашла с драконом своё счастье, и не хочет возвращаться к вам, ваше величество.

Король молчал, стиснув меч, — я поняла, что костина голова еле держится на плечах.

— И я желаю его смерти, — услышала я, опять повернулась (блин, от этих поворотов на месте у меня скоро голова закружится) и увидела Окостенеллу. Магесса стояла рядом с де Ликатесом (ну точно кошка, бесшумно подкралась), одетая в блестящую кольчугу, в шлеме, с мечом на поясе, и смотрела на Кост-а-Лома, как бы это сказать, не слишком ласково.

— Этот дракон преследует меня два года, — пояснила властительница. — Да, я убила его брата, но я защищала свою честь — его братец вломился в мой город и домогался меня. Я защищалась, а этот, — она кивнула в сторону Кости, — вбил себе в голову, что непременно мне отомстит. И с тех пор я не могу без риска покинуть Ликатес — нам двоим слишком тесно в Эххленде. Дракона взяли в плен ваши маги, ваше величество, и вам решать его судьбу, но моё слово — пусть он умрёт, и чем скорей, тем лучше.

На меня Окостенелла даже не взглянула, словно меня тут и не было, и мне почему-то показалось, что магесса не слишком рада тому, что я осталась жива.

— Ты слышал? — обратился Шумву-шах к пленнику. — У обеих этих достойных дам есть веские причины желать тебе смерти, да и у меня, честно говоря, тоже — ведь ты украл у меня жену и тем самым нанёс мне тяжкое оскорбление. И всё-таки ты можешь выкупить свою голову — это говорю я, правитель Полуденной стороны.

— Я тебя слуш-ш-шаю… — придушенно отозвался Кост-а-Лом.

— Условия три. Первое: ты оставляешь в покое правительницу Ликатеса Окостенеллу. Она была права, а ты — нет. Твой брат Авесс-а-Лом был сам виноват — он заслужил гибель.

— Соглас-с-сен… Принимаю твоё ус-с-словие…

— Условие второе: высокородная леди Активиа Отданон, дочь князя Эрма Отданона, для тебя неприкосновенна — ты обязуешься впредь не делать ничего такого, что могло бы ей

повредить. Ты похитил Активию против её воли, и она имела право пытаться бежать. К тому же она моя невеста — ты снова нанёс мне оскорбление, но я готов тебя простить.

Дракон несколько секунд молчал — злость боролась в нём со здравым смыслом.

— Соглас-с-сен… — прошипел он наконец. — Обязуюс-с-сь её не трогать…

— И третье: ты отправишься в Западные горы, соберёшь всех драконов клана Ломов, и вы поможете мне разбить войско Вам-Кир-Дыка. Итак, если ты, — подытожил эльфийский король, — принимаешь все эти три условия, я обещаю тебя освободить и не преследовать тебя за старые грехи. Ты согласен?

— Я не уверен, что с-смогу убедить с-своих с-сородичей. Они могут не зах-х-хотеть… Мы независ-с-симы — мы никому не с-служим…

— Ты попытаешься их убедить, — невозмутимо произнёс Шумву-шах. — А если ты не сумеешь этого сделать, дай слово, что вернёшься сюда и примешь смерть — я могу даровать тебе жизнь только при выполнении всех трёх моих условий.

Дракон размышлял недолго — выхода-то у него не было.

— Пус-с-сть будет так… Даю с-слово…

— Отпустите его, — приказал Шумву-шах магам.

Посохи качнулись. Дракона на миг оплела сетка мелких голубоватых молний, затем она исчезла, и Кост-а-Лом встал на лапы. Я видела, что ему очень хочется плюнуть огнём — нет, не в Окостенеллу, а в коварную меня, — но Костя был эххом, а эххи не обманывают. Да, хорошо иметь дело с такими ребятами, особенно когда ты сама свободна от этих дурацких условностей…

— Жду тебя здесь через три дня, — сказал верховный правитель Эххленда, — одного или с отважными воинами клана Ломов. Второе предпочтительней — и для тебя, и для меня.

Дракон молча кивнул, взмахнул крыльями и быстро исчез в тёмном небе.

— Он вернётся, — уверенно произнёс Шумву-шах, провожая его глазами, — и не один, а со своими сородичами. Ломы драчливы, а главное — они не допустят, чтобы по их вине погиб кто-то из их клана. А для Чёрного Владыки переход драконов на нашу сторону будет очень неприятным сюрпризом — это решит исход войны.

— Преклоняюсь перед вашей мудростью, ваше величество, — почтительно сказала я.

— Я же король, — Шумву-шах усмехнулся. — Правитель прежде всего обязан думать о своей державе и о своём народе, а не о себе, иначе это не правитель, а так, недоразумение. Если бы

я казнил этого дракона, Ломы могли бы стать моими злейшими врагами — пока бы они разобрались, в чём тут дело. Идёт война, и я не мог позволить своим чувствам взять верх над рассудком — это было бы большой ошибкой. А так — так я приобрел сильных союзников и обезопасил вас обеих: и вас, достойная магесса, и вас, моя будущая королева.

Сердце у меня радостно подпрыгнуло — значит, я всё-таки получу заветный приз! Да, ради этого стоило немного попсиховать (но сначала — как следует подумать!). А король повернулся к Окостенелле и вежливо спросил:

— Могу ли я рассчитывать на ваше гостеприимство, достойная властительница? Уже ночь, а до моей ставки далековато.

— Конечно, ваше величество, — ответила магесса, по-прежнему глядя мимо меня. — Вы спасли Ликатес, и я перед вами в долгу — как я могу отказать вам в такой мелочи? Прошу вас, ваше величество, — шатёр для вас и вашей невесты, — она чуть запнулась, словно произносить это слово ей было неприятно, — уже готов.

"Странно, — подумала я, — чего это ты нос от меня воротишь, а? Ты ведь сама послала меня к королю! Сказала бы лучше спасибо, что я избавила тебя от этого крылатого бандита, доставшего тебя, как червяк редиску, а то так и сидела бы весь век взаперти в своём замке!".

Окостенелла холодно посмотрела на меня, но ничего не сказала, а Шумву-шах подал мне руку, и мы с ним чинно проследовали в отведённый для нас шатёр, сопровождаемые лязгом оружия: королевские рыцари и солдаты магессы приветствовали будущую королеву Эххленда ударами мечей о щиты. Маги запустили в небо типа фейерверк, который я приняла как должное — это ведь я, любимая, иду под руку с эльфийским королём, а не кто-нибудь! Извольте выказать почтение — это вам не хухры-мухры!

Оказавшись в шатре, я без сил рухнула на мягкое ложе. В принципе я была готова тут же отдаться своему жениху — его слова "моя будущая королева" можно было трактовать как официальное предложение руки и сердца, — но уж больно я вымоталась. Однако я решила выдержать свою роль до конца и робко пролепетала, обращаясь к Шумву-шаху:

— Вы, ваше величество, теперь и не захотите взять меня в жёны, хоть я и узнала о судьбе Ослабеллы, — ведь я принадлежала другому! — с этими словами я опустила голову и выдавила из себя пару довольно крупных слезинок. Хотя вообще-то этот Костя подвернулся весьма кстати — удобно списывать на

кого-то свои собственные грехи, реально, — а то я так и ломала бы себе голову над вопросом, что мне делать с моей якобы девственностью.

— Успокойтесь, моя дорогая леди Активиа, это не имеет никакого значения. Жизнь — сложная штука, в ней всякое бывает. Вы передо мной ни в чём не виноваты, и сразу же после решающей битвы с войском Полуночной стороны я объявлю о нашей свадьбе. А что касается вашей девственности… После вашего появления я изучил историю вашего мира — в общих чертах. И я нашёл одну легенду или, так скажем, гипотезу, согласно которой все женщины Третьей планеты системы Жёлтой звезды стали жертвой злой шутки некоего локального демиурга, занимавшегося конструированием вашего мира.* Так стоит ли обращать внимание на эту его глупую выходку, — король по-доброму улыбнулся, — разве она может помешать нашему с вами счастью?

---

* Об этом — в рассказе "Очень мелкая пакость".

— Нет, конечно, — я шмыгнула носом и вытерла слёзы.

— Вы станете моей женой, леди Активиа. А сейчас отдыхайте — я же вижу, как сильно вы устали.

И король Шумву-шах, нежно поцеловав счастливую меня, вышел из шатра.

* * *

Когда мы на следующий день вернулись в ставку Шумву-шаха, Озаботтэс встретил меня как родную — не знал, куда усадить и чем угостить. "Как я рад, что вы живы", "Как я рад, что вы вернулись" без конца повторял он, пока это мне не надоело, и я не посоветовала менеджеру по невестам заткнуться. Таукитянин умерил свои восторги, но всё-таки рассказал, как он просил короля отрубить ему голову за то, что он не сумел сберечь доверенную его попечению королевскую невесту, и только благодаря великодушию Шумву-шаха эта просьба невест-менеджера осталась неудовлетворённой. На это я саркастически хмыкнула и сказала, чтобы он обращался с такого рода просьбами ко мне, когда я стану королевой, — выполню на раз. После этого Озаботтэс наконец-то увял, и я смогла перевести дух.

Я вернулась в уютный конфетный домик на колёсах, покаталась на своей лошадке и поиграла с арбалетом — не уберёгший меня Озаботтэс бережно сохранил всё моё имущество.

Правда, ключей от своей питерской квартиры я так и не нашла — наверно, они выпали у меня из кармана в небе над Эххлендом и бесследного затерялись где-нибудь в Поперечном лесу. Я не сильно огорчилась — я ведь отнюдь не собиралась возвращаться в свой старый мир, где я, без пяти минут эльфийская королева, была, по сути, никем.

Трое невест-чародеек — как и следовало ожидать — не преуспели в своих магических поисках следов Ослабеллы: драконья маскировочная магия оказалась им не по зубам. Однако девчонки-колдуньи от всей души (чему я, честно говоря, немало удивилась) поздравили меня с победой и пожелали любви и семейного счастья. Для разнообразия (и для создания имиджа будущей повелительницы Эххленда) я не стала над ними куражиться, а сказала "спасибо" и выразила надежду, что они в самом скором времени тоже найдут себе достойных мужей. На этом мы и расстались — Шумву-шах отправил их всех по домам, поскольку победительница конкурса невест уже определилась.

В течение трёх дней, пока король ожидал возвращения Кост-а-Лома, я ознакомилась с положением дел на фронте — надо вникать в государственные дела. Как я и предполагала, ситуация была патовой: ни Вам-Кир-Дык, ни Шумву-шах не могли одолеть друг друга, хотя мои сородичи Отданоны вели в Западных горах партизанскую войну и вовсю трепали тылы темного воинства. Эльфийский король поступил мудро: драконы могли качнуть чашу весов в его сторону и положить конец затянувшемуся кровопролитию.

Костя вернулся ровно через три дня и привёл с собой ещё двенадцать боевых драконов. Всю ночь заседал военный совет (я поначалу сидела в уголке, а потом мне надоели все эти стратегические рассуждения, и я отправилась спать), а поутру королевские войска перешли в наступление.

И грянул бой — дым, вонь, огонь, ни хрена не видно и ни хрена не разобрать. С обеих сторон летели молнии и файерболы, маги колдовали, эльфы стреляли из луков, лихо скакала конница, орки рубили солдат короля, гномий хирд делал фарш из отборных батальонов Вам-Кир-Дыка, над полем битвы грифоньи эскадрильи сшибались со стаями горгулий и летучих гидр. Короче, веселуха во весь рост (если наблюдать с безопасного расстояния). Я смотрела на весь этот перформанс с лёгким презрением: мужики склонны переоценивать свою роль в искусстве. Они думают, что это их отвага и умение владеть оружием решают исход битв и войн? Как бы не так! Эту войну, например, выиграю я, а вовсе не они. Да, идея привлечь на свою сторону драконов принадлежит Шумву-шаху, но кто привёл Кост-

а-Лома к Белой реке и дал королю возможность реализовать эту идею? Умная я, кто же ещё, и причём рискуя своей собственной жизнью!

К полудню мочилово достигло апогея. На правом фланге полки Шумву-шаха и Хрум со своими рыцарями опрокинули и погнали тёмных эххов на волках, на левом гномы смяли легион диких огров и обратили его в бегство. Королевские маги превратили в прах отряды зомби, брошенные Вам-Кир-Дыком на помощь своим отступающим частям, а боевые маги-рыцари "тигромедведя" истребили призраков, просочившихся в тыл армии короля. Но в центре вампиры расстроили ряды лучников-эльфов, и ратники, понесшие большие потери в бою с гоблинами, дрогнули и начали отступать. Для развития успеха Чёрный Владыка ввёл в сражение свой резерв: "чёрных кобольдов" (жаль, я так и не разглядела, как же они всё-таки выглядят). Исход побоища внушал опасения, и тогда Шумву-шах подал сигнал драконам.

Блин, это было красивое зрелище! Костя со своими родственниками обрушился на тёмных, как гром среди ясного неба. Атака драконов была внезапной — вражеские колдуны и чирикнуть не успели, как холмогору, на котором располагался штаб Вам-Кир-Дыка, накрыла огненная туча. Пламя охватило всю гору, а драконы носились вокруг и знай подливали масла в огонь. И войско Полуночной стороны позорно бежало, преследуемое по пятам королевской конницей.

Победа была полной — война была выиграна, жалкие остатки тёмных эххов убрались за линию Западных гор. На поле боя нашли тело самого Вам-Кир-Дыка, причём не одно, а целых четыре. Это дало основание подозревать, что на самом деле Чёрный Владыка цел-невредим и благополучно бежал восвояси, оставив победителям трупы своих двойников и тройников. И верно, вскоре эххийский террорист номер один, этот-Самый-будь-он-Неладен, повелитель Полуночной стороны, подключился к сети маговидения (наверно, у него, как и у Кости, были знакомые среди Любознательных) и выступил с экстремистскими заявлениями. Вам-Кир-Дык явился перед магозрителями в образе многоногого чёрного спрута и пообещал, выпучив глаза и нервно стуча щупальцами, уже в самом ближайшем будущем взять реванш, показать всей Полуденной стороне кузькину мать и устроить варфаломеевскую вечеринку.

Шумву-шах отнёсся к истерике своего тёмного коллеги спокойно.

— Я за свою жизнь слышал подобное уже раз двадцать, — сказал он. — Что поделаешь, такое у тёмных призвание — это

жизнь во всей её противоречивости.

Я не совсем въехала в смысл мудрого высказывания своего венценосного жениха, да и не старалась это сделать. Меня гораздо больше интересовало моё собственное ближайшее будущее, чем будущее, обещанное Эххленду Вам-Кир-Дыком: ведь война закончилась, и мы возвращались в столицу, ожидавшую свою новую королеву.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. КОРОЛЕВА АЛАВА

Вы видели фильм "Клеопатра" с Элизабет Тэйор в главной роли? Там есть классная сцена, где эта Лиза, то есть Клеопатра, въезжает в Рим на громадном сфинксе. Я эту сцену запомнила и примерила на себя: это круто, когда все вокруг смотрят на тебя снизу вверх, а ты на них сверху вниз, как богиня-повелительница. И я попросила Шумву-шаха обставить моё явление народу примерно в таком же антураже, только с драконом вместо сфинкса.

Король был изумлён и никак не мог взять в толк, зачем всё это нужно. Я уговаривала его и так, и этак — не доходит, хоть ты тресни. Пришлось ему заявить, что это мой маленький женский каприз: неужели он, как любящий жених, не может сделать свадебный подарок своей невесте? И обмана народных масс нет: в конце концов, я предоставила королю дракона или нет? Страна должна знать своих героев (и героинь): пусть жители столицы увидят, что их королева воительница-победительница, а не какая-нибудь там домохозяйка по призванию. И Шумву-шах уступил.

До столицы мы ехали почти две недели, так что времени на создание этого чуда было достаточно. Статую дракона в натуральную величину изготовили из позолоченных листов металла и установили на многоколёсной низкой платформе. Дракон лежал, сложив крылья и опустив голову — скульпторы сумели даже придать драконьей морде выражение покорности, — а на драконьей шее было сделано кресло для любимой меня. Платформу тащили пленные тролли: здоровенные мрачные типы, напоминавшие несколько уменьшенных Кинг-Конгов. Я подозрительно посматривала на их могучие тела и питекантропские рожи, но маги охраны меня успокоили, объяснив, что тролли находятся под магическим наркозом, лишены воли и опасны не больше, чем ломовые лошади, если не лезть к ним под копыта.

Строительство дракономобиля протекало под моим чутким руководством и отнимало у меня почти всё моё свободное время. Хотя вообще-то мне и нечем было особо заниматься — я наслаждалась заслуженным отдыхом и предвкушением грядущих радостей супружеской жизни во дворце эльфийского короля. Именно грядущих: спала я в гордом одиночестве, мой жених как-то не спешил стать моим фактическим (не от слова fuck, не подумайте) мужем, хотя и уделял мне достаточно времени и внимания. Я поначалу даже типа оскорбилась, но потом

припомнила, что я говорила его величеству насчёт честных девушек и добрачного секса, и поняла — придётся ждать свадьбы, раньше Шумву-шах до меня не снизойдёт. После моего житья в гареме ураганного Кости это ожидание было не слишком приятным, но что поделаешь — сама виновата, никто меня за язык не тянул. И я ждала нашего прибытия в столицу и церемонии бракосочетания, а верный таукитянин Озаботтэс, для которого я теперь стала единственной подопечной, делал всё, чтобы это моё ожидание было как можно менее тягомотным.

И вот, наконец, погожим солнечным утром мы прибыли в столицу и въехали в неё в следующем порядке: впереди его эльфийское величество король Шумву-шах на белом коне, в сопровождении свиты и рыцарей ближнего круга, за ними я на золотом драконе, а дальше массовка: войско, обозы и всё остальное-прочее. Я была в своём "счастливом" землянском наряде, только несолидную кургузую курточку сменила на длинный красный плащ, на фоне которого очень эффектно выделялись мои светлые волосы. Я сидела на драконьей шее, глядя на встречавшую нас толпу и наслаждаясь собственным величием.

Внешне столица Полуденной стороны — Камерон — здорово отличалась от Ликатеса — это был огромный город в античном стиле: белые дома-дворцы, утопающие в зелени садов, широкие улицы, просторные площади и множество помпезных зданий то ли культового, то ли культурного, то ли административного назначения. Королевский дворец, как и положено, располагался в центре города, на холме: величественное сооружение из белого камня, увенчанное острым шпилем по типу нашей Петропавловки или Адмиралтейства; к входному портику с колоннадой вела широкая мраморная лестница.

Площадь перед дворцом была запружена народом, но при появлении Шумву-шаха со свитой публика организованно и без давки-суеты подалась в стороны, освобождая сцену, и я на дракономобиле въехала на подиум без помех, во всём своём великолепии. При виде меня горожане разразились воплями восторга; хрипло взревели трубы и полетели цветы, устилая гранитные плиты площади. Тролли-буксировщики замерли на месте и опустились на колени, король подскакал ко мне, слез с коня, и я грациозно соскользнула с драконьей шеи прямо к нему в руки — зрители впали в полный экстаз. И мы с его величеством под ликующие крики толпы пошли по цветам к парадному подъезду королевской резиденции.

На верху мраморной лестницы, у колонн, король со словами "Мы встретимся с вами через два часа" передал меня на попечение

стайке деловых девиц в белых одеждах, которые повели меня во дворец. Поглощенная своими ощущениями, я не очень глазела по сторонам, хотя дворцовый интерьер впечатлял: лестницы с каменными перилами, золотой орнамент на стенах, картины и статуи — прям Эрмитаж какой-то. И ещё — свет, много света, лившегося со всех сторон; казалось, этот свет источают сами стены. Ну да, подумала я, это ведь столица Полуденной стороны…

Вскоре я оказалась в большой комнате с высоким потолком, то есть в зале, увешанном гирляндами белых роз — в воздухе плавал их нежный аромат, от которого слегка кружилась голова. Меня раздели и препроводили в круглый бассейн, в котором плавали белые лилии. "Сейчас начнётся превращение лягушки в царевну" — иронически подумала я и оказалась недалека от истины. Я плюхнулась в воду, и четверо сервисных девушек последовали за мной — места в этом бассейне хватило бы человек на двадцать. Меня тщательно вымыли с ног до головы, причём мыльная пена не задерживалась в бассейне — она мигом исчезала, и вода оставалась по-прежнему чистой и прозрачной. Я уже привыкла к местным магическим штучкам, поэтому не сильно удивлялась и принимала всё как должное.

Вымытую меня извлекли из этой суперванны, вытерли, высушили волосы — причём без всякого фена, ладонями, — и уложили на средней жёсткости ложе. И четверо девушек — уже других — принялись меня массировать и растирать благовониями, переворачивая с боку на бок. Пальцы этих девчонок творили чудеса: они вроде бы и не касались моего тела, но одновременно как бы проникали внутрь меня живыми и мягкими тёплыми лучиками. Я тихо блаженствовала — удовольствие, равное половому. Господи, как хорошо!

Потом настала очередь упаковки, и я вообще забыла обо всём на свете. На меня надели нечто тонкое, прозрачное, газообразное, уложили волосы и сделали потрясный мэйк-ап — я даже не пыталась определить, какую косметику использовали обслуживавшие меня сотрудницы этого колдовского института красоты.

Завершающим штрихом предпродажной подготовки стало подвенечное платье — из чего оно было сделано (и как), я так и не поняла. Представьте себе белый туман, которого можно коснуться рукой и почувствовать его упругость, мягкость, реальную осязаемость и в то же время призрачность. Платье — длинное, до пят, открытое сверху и сверкавшее искрами настоящих бриллиантов (не стразов и не кристаллов Сваровски!) — сидело на мне как вторая кожа: я его просто не

ощущала. Это дивное платье шили — или наколдовывали? — специально для меня, реально: я вспомнила, как Озаботтэс скрупулёзно снимал с меня мерки по пути в столицу. Я смогла в полной мере оценить мастерство эххийских кутюрье, когда надела белые туфельки (не стоит и говорить, что они пришлись мне точно по ноге) и подошла к стенному зеркалу (огромному, от пола до потолка), — это было что-то с чем-то!

Из глубины зеркала на ошеломлённую меня смотрела… Неужели это я, Алина, вечно раздражённая, циничная, подозревающая на каждом шагу подвох со стороны своих ближних и дальних и готовая оскалиться по любому поводу и без повода? Это совершенное существо в зеркале, воплощение красоты и чистоты, при одном взгляде на которое у законченного подлеца поневоле должны прорезаться нормальные человеческие чувства, о наличии коих он даже не подозревает, — я? Я вертелась перед зеркалом, и моё платье становилось то снежно-белым, то серебряным, и это не было просто игрой света. И в глубине души я почувствовала что-то вроде стыда от того, что использовала не самые честные способы, чтобы надеть это платье: все мои поступки как-то не очень гармонировали с серебряной белизной этого моего свадебного наряда. Однако я быстро справилась с лёгким приступом угрызений совести: моя совесть — зверёк послушный, можно сказать, ручной, и мы с ним обычно не конфликтуем.

Я смотрела на себя в зеркало и жалела, что не могу сделать фотки и послать их домой: Кристина и все без исключения мои знакомые девчонки просто умерли бы от зависти! И ещё я сожалела о том, что не попала в этот волшебный мир раньше — сколько лет потрачено впустую! Но ничего, жизнь впереди долгая — неужели его эльфийское величество король Шумву-шах не одарит свою прекрасную супругу вечной молодостью?

Я выпила поднесённую мне чашу подогретого вина со специями (в голове чуть-чуть зашумело); затем на мои замысловато уложенные волосы надели белую фату — сзади она была длинной, ниже талии, а спереди закрывала лицо, — и почтительно сопроводили к выходу, но не к главному, а к какому-то другому.

На улице меня ожидали украшенная цветами открытая карета, запряженная четвёркой белых лошадей с плюмажами на головах, и почётный эскорт конных рыцарей в серебряных доспехах. За водителя был всё тот же Озаботтэс, одетый во что-то пенно-пышное — менеджер по невестам напоминал крупную зефирину. Таукитянин с поклоном подал мне руку, я уселась, и карета покатилась по зелёной аллее.

Ехали мы недолго — вскоре впереди показалась белая ротонда, окружённая зеленью деревьев. Невест-менеджер затормозил у мраморной лестницы, и я вышла из кареты, не совсем понимая, что же мне делать дальше.

— Поднимайтесь, леди Активиа, — проговорил Озаботтэс, показывая на лестницу, — вас там уже ждут.

Придерживая свое роскошное платье, я бодро одолела подъём — ступенек и было-то с десяток, не больше, — и возле входа в ротонду увидела своего жениха: Шумву-шах смотрел на меня с восхищением. Король был весь в белом — наверно, у светлых эххов для женихов цвета ночи не приветствуются, — на голове у него была надета небольшая и очень изящная серебряная корона, усыпанная драгоценными камнями. Он взял меня под руку, и мы с ним чинно-благородно вошли внутрь этой типа большой беломраморной беседки.

Внутри ротонды было светло, как под открытым небом, — то ли её крыша пропускала свет, то ли снова какие-то магические фокусы. И там я увидела четверых магов — тех самых, которые ловили дракона (так мне показалось). Одетые в снежно-белые хламиды, они стояли полукольцом, и лица их были торжественны. Мы с Шумву-шахом прошли в центр ротонды, остановились напротив этих дедушек с посохами, и…

Дальнейшее я помню неотчётливо. Меня подхватил белый вихрь, снежная метель, но не холодная, а тёплая и ласковая. Я слышала слова, произносимые на незнакомом языке, — в звуках этой речи дышала сама Вечность. Потоки света несли меня, как пёрышко, и мне было невыразимо легко и приятно: хотелось одновременно и смеяться, и плакать. Где-то далеко-далеко, на самом краю Вселенной, тонко звенели серебряные колокольчики, и пели то ли неведомые птицы, то ли ангелы. Я не понимала, что со мной творится, но мне хотелось, чтобы это длилось и длилось — без конца. Счастье, насколько мне известно, — штука очень неопределённая, но в эти растянувшиеся мгновения я была по-настоящему счастлива, и все, что составляло смысл моей жизни, вдруг показалось мне ничего не стоящими мелочами. Я была одновременно и всем, и ничем — в общем, не могу я рассказать о своих ощущениях: у меня попросту не хватает слов…

Король держал меня за руку; я услышала "Согласен ли ты, повелитель Полуденной стороны, взять в жёны Алину-Активию, девушку с Третьей планеты системы Жёлтой звезды, занесённую в наш мир волею Великой Случайности, и пройти с ней долгий жизненный путь?" и короткое "да", сказанное Шумву-шахом. Потом я услышала обращённое ко мне "Согласна ли ты, Алина-Активиа, девушка с Третьей планеты системой Жёлтой звезды,

несущая в себе тень дочери князя Эрма Отданона, взять в мужья повелителя Полуденной стороны Эххленда, его величество короля Шумву-шаха, и пройти с ним долгий жизненный путь?" и как бы со стороны — своё собственное "да".

И ударил поток солнечного света. Король поднял мою фату и поцеловал меня — его губы были упругими, сильными и ласковыми, и пахли тонким ароматом неведомых цветов. А затем его величество вообще снял с меня фату. Я сначала даже не поняла, зачем он это сделал — что за обычай такой? — но тут заметила в руках одного из магов корону: точь-в-точь такую же, как у Шумву-шаха, только поменьше. Маг — белая тень, бесшумно скользящая по мраморным плитам, — приблизился ко мне и возложил на меня корону.

— Приветствую тебя, королева Активиа! — провозгласил он.

— Алава… — пробормотала я.

— Что? — недоумённо спросил мой свежеиспечённый муж.

— Не Активиа, — пояснила я. — Дочь горского князя — только частица меня, но и Алина — это не вся я. И поэтому я хочу взять себе новое имя, составленное из обоих моих прежних имён: Алава. Ваши законы это допускают?

— Допускают, — ответил за Шумву-шаха один из магов (король только молча кивнул). — Пусть будет так!

И все четверо магов звучно произнесли нараспев:

— Приветствуем тебя, королева Алава!

"Значит, ещё одного шоу не будет, — подумала я с некоторым разочарованием, — меня обвенчали и заодно короновали. Могли бы вообще-то и разделить эти две церемонии — что у них тут, каждый день появляются новые королевы?".

* * *

К моменту нашего возвращения из местного как бы загса, во дворец уже начали подтягиваться гости. В банкетный зал их пока не пускали, и они тусовались в коридорах и прочих помещениях дворца, ожидая прибытия новобрачных, то есть меня и Шумву-шаха. Мы с его величеством вернулись во дворец той же дорогой и на том же транспорте, на котором я прибыла на церемонию венчания: на цветочной карете с Озаботтэсом за рулём. Вернувшись, мы поднялись по лестничной ковровой дорожке на второй этаж и оказались в огромном зале для пиров, где уже был сервирован свадебный банкет персон этак на пятьсот.

Для нас с королём был накрыт отдельный стол, стоявший на небольшом возвышении; для приглашённых предназначались

столы, расставленные по залу в кажущемся беспорядке — я не сомневалась, что на самом деле все гости рассядутся в строгом соответствии с их позицией в таблице местных рейтингов, о которой я пока имела смутное представление. В центре зала, перед столиком новобрачных, имелся как бы танцпол — всё как у людей. Мы с моим молодым (трёхсотлетним, если не ошибаюсь) мужем заняли свои места в президиуме (я села слева от его величества), по бокам расположился почётный караул (четверо рыцарей, сопровождавших меня в ротонду), а за моим левым плечом пристроился неизменный Озаботтэс. Шумву-шах окинул взглядом зал, накрытые столы и многочисленных халдеев, замерших по углам по стойке "смирно", и кивнул охране у главных дверей — мол, запускайте приглашённых. И тяжёлые двустворчатые двери, сплошь покрытые причудливой резьбой, распахнулись.

Зал наполнился многоцветьем одежд — право на белый цвет на свадебном пиру имели только молодожёны. Гости подходили к нам, останавливались в нескольких шагах от нашего стола и произносили краткие поздравительно-приветственные речи, содержание которых сводилось к пожеланиям любви, счастья и прочего в том же духе. В углу, на специальном столе и возле него, росла и росла куча подарков: сундучки, шкатулочки, свёртки. Мне очень хотелось порыться в этой куче и посмотреть, что там за мульки такие мне подарили, однако статус королевы обязывал любопытную меня сидеть смирно. Гости шли вереницей, а суфлёр Озаботтэс по ходу пьесы громким шёпотом пояснял мне, кто из них есть ху, и стоит ли мне выказывать очередному поздравителю особое внимание или можно ограничиться вежливым благодарственным кивком и стандартной улыбкой. У меня от этой пёстрой ленты уже начала чуток кружиться голова, когда по залу пронёсся шуршащий шёпот. Толпа расступилась, и я увидела приближавшуюся ко мне странную пару.

Мужчина… Наверно, так выглядел бы каменный утёс, если бы каким-то чудом ожил и обрёл способность ходить на двух ногах. Лицо у него было суровым, с резкими чертами, глубоко посаженными чёрными глазами и волевым подбородком; его левую щёку пересекал старый шрам — настоящий воин, без микроскопа видно. А вот женщина… Было в ней что-то непонятное: она чем-то — то ли гибкостью движений, то ли выражением глаз, — напоминала змею, но змею не опасную, а как бы прирученную, домашнюю. И в руках у женщины было что-то вроде подноса, прикрытого золотистой тканью.

— Кто это? — спросила я таукитянина, не поворачивая головы.

— Князь д'Анакор Отданон, — пояснил Озаботтэс свистящим шёпотом. — Родной брат князя Эрма — ваш дядя, ваше величество.

Опа-на! Так вот каковы мои родственники, значит. Да, если все они похожи на этого парня, то они и верно крутые ребята…

— А это моя типа тётя, да? — уточнила заинтересованная я.

— О, это отдельная и очень интересная история! Я вам расскажу, — зашептал менеджер по невестам и осёкся: мои как бы родственники были уже рядом.

Князь д'Анакор остановился передо мной, и мне стало как-то не очень уютно под его тяжёлым испытующим взглядом. Я беспокойно заёрзала, и тут лицо князя озарилось скупой, но доброй улыбкой.

— Ты внешне мало похожа на Активию, — голос у этого Отданона походил на рокот далёкого камнепада, — хотя, — он замолчал, пристально глядя мне в лицо, — есть, есть в тебе что-то от моей племянницы. Я рад, что хотя бы тень Активии снова будет жить в этом мире — она была отчаянной девчонкой. И поэтому вместе с пожеланиями счастья и любви прими от меня этот подарок.

И с этими словами мой дядя самых честных правил повернулся к своей спутнице и снял золотое покрывало с того, что она держала.

Отпад… На плоском серебряном блюде лежал огромный кристалл горного хрусталя, ощетинившийся многочисленными как бы отростками. Кристалл переливался искрами света, таящимися в его глубине, — завораживает, блин.

— В каждой семье Отданонов есть такой кристалл, — пояснил д'Анакор, — символ чести и чистоты помыслов. Сегодня родилась твоя семья, племянница, и пока этот кристалл цел, ей ничто не угрожает. Храни его, Активиа.

— Возьмите хрусталь, королева Алава, — услышала я негромкий голос Шумву-шаха, — все прочие дары могут подождать — кроме этого, поднесённого вашим родственником.

"Только бы не уронить" — промелькнуло у меня в голове, пока я вылезала из-за стола. Однако всё обошлось: я приняла дар, поблагодарила князя, а затем вездесущий Озаботтэс разместил поднос с кристаллом среди прочих подарков. Я вздохнула с облегчением.

Чета Отданонов села за стол для почётных гостей, вместе с королевскими магами, чисто белые хламиды которых по требованиям ритуала стали голубовато-розовыми. Поток поздравителей пошёл на убыль, гости рассаживались, и я, воспользовавшись передышкой, напомнила Озаботтэсу о его

обещании рассказать мне о моей как бы тёте.

— Её зовут Нивея-Хея-Кея, — сообщил словоохотливый таукитянин, — и она уроженка Полуночной стороны.

Я опешила.

— Чего-чего? Ты хочешь сказать, что она вамкирдычка, да?

— Чёрная нимфа. Эти существа заманивают мужчин и убивают их, получая при этом неземное наслаждение.

— А как же князь д'Анакор? Или эта змея его убьёт в ближайшем будущем? — я даже пренебрегла этикетом и повернулась к Озаботтэсу. — Вот это номер — надо спасать дядю!

— Не убьёт, — лицо таукитянина расплылось в улыбке блина на сковородке. — Князь взял её в бою, как пленницу, а потом… Он полюбил её — по-настоящему, — и Нивея-Хея-Кея ответила ему взаимностью. И тогда случилось чудо: чёрная нимфа переродилась и стала его женой. Настоящая любовь творит чудеса, ваше величество, — да, да!

Ага, настоящая… Покажите мне такую любовь — в нашем мире её точно нет. Хотя — здесь, в Эххленде, всё возможно. Настоящая любовь, значит… Ну-ну… Блажен, кто верует…

И тут я увидела Хрума. Маркиз был одет точно так же, как в тот раз, когда мы с ним познакомились во дворце ликатесской властительницы. И сама Окостенелла была тут как тут — они шли по проходу между столами, направляясь к местам для почётных гостей. "Вот уж кого-кого, а эту кошку я совсем не рада видеть на своей свадьбе! — подумала я. — Неужели она тоже будет меня поздравлять, и мне придётся улыбаться ей в ответ?". Однако до этого не дошло — магесса бросила на меня один-единственный короткий взгляд (выражения её глаз я не разобрала) и села среди магов (с таким видом, словно заняла место в очереди к зубному врачу). А де Ликатес вышел вперёд, и в руках у него появилась лютня.

— Поздравляю вас, леди Активиа, — сказал он, глядя на меня своими удивительными серыми глазами, — и желаю вам счастья. Я рад, что я сделал всё от меня зависящее для того, чтобы вы стали той, кем вы стали. И я дарю вам старинную балладу о любви.

Зал затих и замер. А Хрум тронул струны и запел.

Боги рвали глину на две части
И швыряли в стороны, не метясь
Встретятся две части — ваше счастье,
Остальные так и будут жить, не встретясь…

И с тех пор, во все века и лета,

Ищут люди половинку, веря тайно,
Крик: "Ну где же ты?" не будет без ответа,
Будет встреча, не заказана, случайна…

Наблюдают иронично боги
За хитросплетениями судеб…
Как морочат смертных их тревоги,
Как порою суетливы люди!

Голос у него был удивительный — не то чтобы очень сильный, но берущий за душу. И его слушали, затаив дыхание. Я видела, как смотрели на него женщины, и мне вдруг почему-то вспомнился Водопад Слёз. Вот интересно, если бы я тогда не устроила рыцарю половую истерику, а сказала бы: "Хрум, не хочу я ехать ни к какому королю, будь он хоть трижды эльфийский, — я его знать не знаю, и знать не желаю! Возьми меня в свой замок, Хрум, — я буду тебе хорошей женой, потому что мне кажется, что я в тебя влюбилась… И не потому, что ты красавец писаный — с лица не воду пить, как у нас говорят. Ты настоящий мужчина, Хрум: отважный, сильный, честный и… добрый. Я люблю тебя, Хрум…".

Но случается, хотя не часто это:
Свет ударит вспышкою слепящей,
Тьма истает под напором света,
И прозреет в темноту глядящий…

Это значит, две отдельных половинки
Вдруг сомкнулись плотно, без зазора,
В капли солнца превратились льдинки
И сложились радужным узором

И признают изумлённо боги,
Что бывает, что случается такое
Пусть удача выпадет немногим,
Но судьба найдёт своих героев…

Нет, бурных аплодисментов, переходящих в овацию, не было — свадьба всё-таки, а не концерт авторской песни. Но я была уверена, что очень многие эххийки, сидевшие в этом зале, дорого бы дали за то, чтобы им подарили такую балладу о любви. А де Ликатес опустил лютню, поклонился растроганной мне и бросил очень короткий взгляд на… Окостенеллу. Я следила за выражением лица рыцаря, перехватила его взгляд, и весь мой

сентиментальный настрой мигом улетучился.

Если бы Хрум посмотрел так на любимую меня, тогда понятно, но он одарил своим предельно красноречивым взором эту помесь злой кошки со снежной бабой, и где — на моей собственной свадьбе! Жаль всё-таки, что я его тогда не зарезала… Дурак он, этот рыцарь, и больше никто, — неужели он не видит, что ледяная магесса в принципе не может испытывать к кому-то каких-либо тёплых чувств? Любовь… Чушь это всё! Вот я, например, королева Полуденной стороны Эххленда, — да стоит мне захотеть, и такие штампованные красавчики выстроятся вокруг меня рядами и колоннами, виляя хвостами и повизгивая от восторга! И не потому, что я красавица (хотя и не без этого), а потому что я Повелительница и Владычица. И если мне придёт такая блажь (и если муж не будет очень сильно возражать), я организую аттракцион: ночь любви со мной в обмен на жизнь, и недостатка в желающих не будет, я в этом уверена. Кажется, Клеопатра-египтянка устраивала в своё время что-то подобное, и результаты были потрясные. А вы — любовь… Да кто её видел, и что это такое? Ахи-охи, томные вздохи, серенады соло, письма с лепестками роз и коленопреклоненные кавалеры? Не делайте мне смешно — лучше составьте смету, скалькулируйте, сколько стоит вся эта ваша любовь оптом, в розницу и с доставкой на дом заказчику, и выставьте счёт. И мы его оплатим по безналу, если товар того стоит.

А свадьба шла своим чередом — звучали поздравительные тосты, звенели бокалы, и в этот весёлый гомон вплеталась негромкая музыка, лёгкая, как дуновение тёплого ветерка. Я была прекрасна и обаятельна, расточала улыбки и нежилась в волнах всеобщего восхищения. "Горько" нам, правда, не кричали: нет у эххов, похоже, такого обычая, и слава богу, что нет — не люблю я этого.

И был удивительный танец семи девушек, одетых (точнее, раздетых) во что-то типа лёгкой дымки. Они кружились в центре зала, и цвет их туник — у каждой свой — менялся от бледно-фиолетового до бледно-красного. Танцовщицы напоминали живую бледную радугу, упавшую в банкетный зал, и ещё мне казалось, что я вижу ожившие звуки музыки.

— Танец вечной любви, — пояснил неутомимый Озаботтэс, — брачный танец радужных птиц. Эти птицы обитают на глухих озёрах Поперечного леса, и мало кто видел их танец. Но тот, кому это удавалось, был счастлив в любви до конца своих дней.

— Красивая легенда, — пробормотала я.

— Это не легенда, ваше величество, — живо возразил таукитянин, — это сущая правда. В этом мире легенды так тесно

переплетены с реальностью, что их невозможно отделить от ткани повседневного бытия. Эххленд — это ведь магический мир, ваше величество.

— Это мой вам подарок, Алава, — произнёс Шумву-шах. — Вам нравится?

— Очень, мой король, — ответила я искренне. Танец действительно был прекрасен, а если он к тому же несёт в себе какую-то полезную для меня магию, так это вообще классно.

А потом танцевали мы с королём — вдвоём, — и весь зал смотрел, как мы танцуем. Мне было как-то стрёмно выходить танцевать — выдать что-нибудь в ритме я, конечно, могу, но вот насчёт местных танцев я была явно не в теме. Но всё оказалось не так сумрачно: то ли сработали те самые "первичные умения эххийки", то ли Шумву-шах подколдовывал, то ли я была способной ученицей, схватывавшей всё на лету. И мы с его величеством исполнили перед публикой что-то типа вальса, и получилось клёво — я сама это почувствовала. Я летела и возвращалась обратно, а сильные и нежные руки короля вели меня уверенно и надёжно. Я посмотрела на мужа и поняла — да, я всё-таки выиграла свой приз. Вот он, король, обнимает меня за талию и глядит на меня с улыбкой, — чего мне ещё желать (во всяком случае, пока)?

А когда мы закончили танец, и гости выразили свой восторг, Шумву-шах и я чинно поклонились публике и удалились, оставив раздухарившуюся тусовку на попечение рыцарей охраны и заботливого Озаботтэса — пусть веселятся хоть до утра.

В спальне король осторожно и бережно — словно упаковку с чего-то очень ценного — снял с меня платье, и я снова подумала, что сожалеть мне не о чём: я добилась того, к чему так стремилась, а дальше — видно будет, как оно пойдёт-поедет-побежит. А потом я вдруг кое о чём вспомнила и, когда скользившие по моей груди пальцы правителя Полуденной стороны коснулись подарка Причесаха, прошептала:

— Шумву, мой король, этот амулет хранил меня на долгом пути к вам, но теперь в его охранных функциях нет никакой нужды. Через этот оберег страж Рощи Порталов видит, где я нахожусь и чем занимаюсь, — мне бы не хотелось, чтобы чьи-то глаза следили за мной в эту ночь.

— Я могу его снять, моя королева.

— Да нет, не надо — красивая штучка, пусть останется на память. А заглушить его вы можете?

Вместо ответа Шумву-шах сжал бабочку в ладонях, в полутьме спальни вспыхнул голубой свет, и когда амулет вновь коснулся моей кожи, я поняла, что "троянского коня" "дяденьки

Причесаха" больше нет — теперь у меня на шее висел просто изящный золотой кулон. Вот и славненько…

А брачная ночь — ночь как ночь, ничего особенного. Правда, Шумву-шах оказался классным любовником — вот что значит многосотлетний опыт. Он умело (и неоднократно) доводил меня до пика блаженства — это тебе не молодецкие "два толчка и дымный выхлоп", после которых маешься и не находишь себе места, а типа мужик рядом с тобой уже мирно сопит в две дырки. Король заботился о том, чтобы наслаждение получила я — о себе он думал уже во вторую очередь, — и мы заснули только под утро: сытые, утомлённые и счастливые.

Но с драконом Костей мне было всё-таки вкуснее…

* * *

В свадебное путешествие мы так и не поехали — Шумву-шах мягко, но непреклонно отклонил все мои требования на этот счёт.

— Пока шла война с тёмными, — объяснил король, — в стране накопилось много дел, требующих безотлагательного решения. Я ваш муж, Алава, но я верховный правитель, и я не могу думать лишь о нас с вами, забывая при этом дела государственные.

Вообще-то он был прав, конечно. Это только дуры набитые считают, что королевская (или там президентская) жизнь состоит из сплошных увеселений, а я, как вы помните, всегда отличалась умом и сообразительностью. И потому я не стала скандалить и вопить "Ты меня не лю-ю-юби-и-ишь!", а взяла и предложила супругу свою посильную помощь. Это было в моих же собственных интересах: во-первых, надо же чем-то заниматься; во-вторых, королева (если она настоящая, а не декоративная) должна быть в курсе всех дел; в-третьих, мне нужно было оценить ситуацию и расстановку фигур на игровом поле под названием "Эххленд" и кое-что прикинуть — неужели вы думаете, что залезть в койку к эльфийскому королю (пусть даже на правах жены) — это предел моих мечтаний? Это вы зря…

Его величество удивился (похоже, Ослабелла не сильно вникала в его дела и заботы), однако искренне обрадовался и даже зауважал вдумчивую меня. И мы с ним теперь немало времени проводили в его рабочем кабинете в куполе дворца, под шпилем — этот шпиль, как объяснил Шумву-шах, служил не только архитектурным украшением, но и концентратором для разного рода магических манипуляций. А проблем на Полуденной стороне хватало.

Вам-Кир-Дык вроде притих, однако имелась достоверная информация из надёжного источника, что Чёрный Владыка не успокоился — на Полуночной стороне быстрыми темпами строился мощный военный флот, во главе которого стоял старший сын Вам-Кир-Дыка, адмирал Им-Кир-Дык. Тёмные эххи готовили очередное вторжение, причём на этот раз они не собирались пробиваться с боями через пустыни, степи и Поперечный лес, а планировали высадить десант прямо на берега Полуденной стороны и нанести удар в сердце — по столице. Пришлось принимать ответные меры: на верфях севера и юга страны срочно закладывались сотни боевых кораблей, чтобы встретить чёрные эскадры в море, ещё на подходе.

Были и внутренние проблемы. Участились нападения диких племён Поперечного леса на сторожевые форты — лесным гарнизонам требовались подкрепления. В степи после гибели Дастар-хана стало поспокойнее, кочевники на время угомонились, зато на Белой реке появились разбойничьи атаманы пан Чох и пан Телей, не дававшие житья купцам и вообще мирным гражданам. Капитан Верт О'Прах изловил атамана Телея — пан был торжественно обезглавлен на площади в Ликатесе, — но второй уголовник продолжал свои дерзкие налёты. Оживились пираты: северянин тан Гейзер, правитель скалистого острова, изобилующего горячими источниками, и южанин Кайлом-бей, самозванный султан Пальмовых островов. И если викинг грабил прибрежные селения и захватывал пленников для собственных нужд, то "пальмовый султан", по данным разведки, снюхался с Вам-Кир-Дыком и поставлял Чёрному рабов в обмен на оружие и магическую помощь. Это уже попахивало делами незабвенного барона Занозиллы, и Шумву-шах намерен был действовать самым решительным образом с тем, чтобы от пальм на островах Кайлом-бея остались бы одни пеньки.

Широкую огласку получило дело Едвалина, гномьего старшины, уличённого в связях с тёмными. Этот гномский олигарх организовал контрабандные поставки остродефицитного стратегического сырья — минерала охренита, из которого делались магические артефакты, — на Полуночную сторону. Афера вскрылась, когда в Западных горах Отданоны перехватили караван с незадекларированным охренитом и выяснили, откуда дровишки. Что обещал Вам-Кир-Дык бессовестному торгашу, осталось неясным, но налицо был факт сотрудничества с потенциальным противником и пренебрежение патриотическим долгом ради личной выгоды. Маги, чтобы не ссориться с гномами, предлагали не казнить бизнесмена, а посадить его в башню лет так на сто, без права на амнистию, однако Шумву-шах

проявил неожиданную для меня жёсткость.

— Едвалин будет не посажен в башню, а повешен на её зубцах, — заявил он в ответ на увещевания магов, — предатель хуже врага! А если у наших тороватых рудокопов не хватит ума понять эту простую истину, тем хуже для них. Замурую все входы-выходы из их пещер, и пусть живут, как хотят! А мы как-нибудь обойдёмся и без их самоцветов, грани которых почернели от общения с Тьмой!

"Да, — подумала я, — суров у меня супруг, а ещё меня упрекал в кровожадности! Ему бы с такой бескомпромиссностью к нам, на Землю, — то-то бы он там развернулся… У нас такого рода сделки не проворачивают только ленивые, и ничего — никто их на виселицу за это не тащит".

И Едвалина повесили, и гномы даже не пикнули — признали, что король был прав.

Но самой большой проблемой для Полуденной стороны стал могущественный граф Заборзелло-Дальний, владетель всего восточного побережья Эххленда. По своим магическим способностям этот дальневосточный граф почти не уступал самому Шумву-шаху и всерьёз вознамерился претендовать на корону верховного правителя. Такое уже случалось — у эххов не было принято передавать престол от отца к сыну: если старый король умирал или уходил на покой, его место занимал наиболее энергичный из его вассалов, доказывая своё право на верховную власть в поединке с любым желающим поспорить с ним по этому вопросу. Но иногда бывало и так, что нетерпеливый соискатель, не дожидаясь освобождения престола, требовал от действующего короля уступить ему трон — я, мол, сильнее, и потому лучше тебя справлюсь с обязанностями его величества. Обычно такая конфликтная ситуация тоже разруливалась поединком, в ходе которого один из соперников отходил в лучший мир, однако дело могло дойти и до крутой разборки типа гражданской войны.

Как ни странно, толчком к обострению отношений между Шумву-шахом и Заборзелло послужила моя свадьба: граф понял, что эльфийский король отнюдь не думает о пенсии, а наоборот, намерен неопределённо долго наслаждаться всеми радостями жизни (иначе на фиг ему сдалась молодая жена?). Заборзелло уклонился от поединка — вместо этого он заключил союз с неким Какуснуя Набокуто, именовавшим себя императором Восточного архипелага, и стал готовиться к походу на Камерон. При этом оборзевший граф не брезговал и чёрным пиаром — по всему Эххленду распространялись слухи, что король Шумву-шах взял в жёны попаданку с тёмным прошлым, уроженку примитивного варварского мира, и поэтому он недостоин титула правителя

Полуденной стороны. Особого успеха эта клеветническая акция не имела, но число сторонников мятежного графа несколько возросло, и я забеспокоилась, как бы мой супруг ради сохранения имиджа не упёк меня в какой-нибудь местный типа монастырь. К счастью, Шумву-шах оказался на высоте.

— Не беспокойтесь, моя королева, — сказал он занервничавшей мне, — сплетни у эххов не в чести. В крайнем случае, вырву с десяток злых языков, и на этом дело и кончится. А что касается графа — если этот трус боится поединка и хочет войны, он её получит. Правда на моей стороне, Алава, и теперь я буду к нему беспощаден: я не позволю кому бы то ни было оскорблять мою жену.

В общем, проблем хватало — почти как у нас в бизнесе (с той лишь разницей, что в этом мире не применялись разные подлянки вроде подстав, взяток и заказных убийств). Я за время работы в своей полутёмной фирмочке кое-чего насмотрелась, и поэтому без особых затруднений въехала в эххийские дела. Тут всё было честнее и проще: друг — значит, друг, враг — значит, враг, без всяких там "и нашим, и вашим".

Короче, уже в скором времени я почувствовала себя настоящей королевой, и ничуть не сомневалась: случись что (может ведь его величество, к примеру, заболеть?), я по любому сама справлюсь не хуже — оставалось только восполнить недостаток магических знаний и навыков (я же всё-таки королева фэнтезийного волшебного мира!). И я решила поступить в Академию Магии, причём мотивировала это своё решение очень убедительно.

— Шумву, — сказала я королю, — я обещала родить вам сына. Прошло уже три месяца нашей супружеской жизни, а я всё ещё как бы не беременна. Боюсь, что дело тут в наших с вами генетических различиях (что там говорила по этому поводу "наша Белла"?). И я хочу заняться магией: в первую очередь для того, чтобы подарить вам наследника.

Король был растроган до глубины души. Он тут же связался с магами, и я в тот же день стала студенткой (или слушательницей?) камеронской магической академии.

* * *

Приди я, что называется, с улицы, мне бы ни за что сюда не попасть. Академия Магии была престижным высшим учебным заведением с предельно строгим отбором слушателей. И даже несмотря на мой статус королевы и ходатайство самого Шумву-

шаха, я не стала бы студенткой, не будь у меня минимальных магических задатков. Ректор Академии, архимаг Истраль (кстати, он был одним из четверых магов-ловцов дракона) проверял меня лично. Его мудрость потратил на оценку моих талантов и способностей целых десять минут и сказал пришедшему со мной королю:

— Ничем особенным королева Алава не наделена, но, учитывая незаурядную энергию и целеустремлённость вашей супруги, ваше величество, я нахожу возможным принять её в Академию. Вряд ли королева Алава станет выдающейся магессой, но кое-чего она добьётся — в этом я не сомневаюсь: упорства ей не занимать.

— Благодарю вас, ваша мудрость, — Шумву-шах облегчённо вздохнул. — "Кое-чего" — этого вполне достаточно, королева Алава не собирается рушить горные хребты. Её желания гораздо скромнее, — он посмотрел на меня и улыбнулся, — но для меня они очень важны.

Я не стала обсуждать мои желания — пусть Шумок (так я звала своего мужа — про себя, понятное дело) и дальше пребывает в счастливом неведении: меньше знаешь — спокойнее спишь. А удобная формулировка "кое-чего" позволила мне сосредоточиться на определённой специализации: изучать всю эххийскую магическую премудрость — это крыша съедет, да и времени надо хрен знает сколько. Так я стала кем-то вроде вольного слушателя, но из уважения к моему титулу маги-преподаватели занимались со мной индивидуально.

Для начала я прослушала в исполнении архимага Нитофона краткий курс по истории и государственному устройству Эххленда. Все мои прежние знания носили отрывочный характер — вроде набора клипов с канала "Дискавери", — а мне требовалась более подробная информация.

Строго говоря, называть Шумву-шаха эльфийским королём было неправильно, так как эльфы составляли лишь незначительную часть населения Полуденной стороны. Эльфы были аристократией, носителями древней мудрости, однако подавляющее большинство светлых эххов были человекоподобными гуманоидами — то есть гумами — без каких-либо специфических особенностей, присущих известным мне фэнтезийным расам. От рождения все эххи как бы застывали в своей природной изначальной форме гума, эльфа или гнома, а способностью менять свой внешний облик обладали только сильные маги. Среди эльфов рождалось больше одарённых, но поскольку эльфов было гораздо меньше, чем гумов, магов-неэльфов было значительно больше. Де Ликатес, например, и

рыцари ближнего круга короля были гумами, Гильдия стражей Порталов в основном состояла из гумов, а про Отданонов и говорить нечего: среди горцев эльфов не было вообще. А из четверых архимагов-академиков эльфом был один Истраль. В прошлом между различными эххийскими светлыми расами случались типа конфликты, однако сейчас на Полуденной стороне Эххленда торжествовала политкорректность.

Среди эххов существовал один-единственный критерий карьерного роста: личные магические таланты, и только они обеспечивали продвижение вверх — до определённого предела. Например, капитан Верт О'Прах достиг своего потолка, и выше ему не залезть, хоть ты тресни. А вот маркиз де Ликатес — этот запросто может стать правителем (я даже думаю, что Окостенелла и замуж за него не вышла из опасения, как бы рыцарь не попросил её чуть потесниться на троне властительницы). А вообще-то система первобытно-примитивная: приходит кто-то с большой дубиной и говорит: "Я теперь буду править, а если ты против — давай подерёмся!". Из этого я сделала следующий вывод: не только Шумву-принцу, но и мне не видать трона как своих ушей, если с королём что-нибудь случится (всякое ведь может быть, верно?). Мне придётся отстаивать своё право властвовать, а это, знаете ли, при моих-то магических способностях — точнее, при почти полном их отсутствии, — чревато.

И ещё меня очень интересовал вопрос: откуда взялась эта невероятная правдивость эххов? Я ни в одном фэнтези такого не встречала, да и вообще это противоестественно: как это можно жить без вранья? А вот поди ж ты, живут, и неплохо живут, блин горелый…

Один из моих наставников, архимаг Арыч (тоже из тех, кто поймали Костю), когда я задала ему этот вопрос, объяснил так:

— Да, в природе существует обман, — например, мимикрия, — нужный как средство выживания. Но дело в том, что с развитием Разума очень часто превышается допустимый предел, и ложь во спасение превращается в разрушительную ложь. Привычка врать виснет на ногах разумных тяжкими кандалами и не даёт им возможности подниматься выше — это тупик. Привыкший врать уже не поверит другому, а общество недоверчивых, где каждый подозревает другого в обмане, так и будет топтаться на месте, подозрительно глядя само на себя. Далёкие предки эххов умели врать, но с развитием магических способностей это стало никчёмным: какой смысл обманывать, если можно читать мысли? Склонные ко лжи теряли доверие окружающих, и через несколько поколений привычка врать

исчезла, как мешающая жить.

— Но ведь читать мысли умеют только сильные маги! — возразила я.

— А этого достаточно. Древние эххи в подозрительных случаях обращались к магам, и всё быстро прояснялось. И закоренелые лжецы просто вымерли.

— А маги, они что, непрерывно как бы просвечивают всех окружающих?

— Нет. Во-первых, от неконтролируемого потока чужих мыслей можно оглохнуть — попробуйте-ка слушать целую толпу и разобрать, кто что кричит. Во-вторых, чтение мыслей требует точной настройки и большого расхода маны — это утомительно. А в-третьих, в этом просто нет необходимости — она возникает только в особых случаях. К тому же иногда у того, чьи мысли читает маг, возникают неприятные ощущения — головокружение и головная боль. Зачем зря мучить разумное существо? Достаточно и того, что каждый эхх знает: его мысли могут быть прочитаны — врать бессмысленно и даже вредно: ты можешь стать изгоем.

"Слава богу, — подумала я. — Хорошие вы всё-таки ребята…".

Чтобы не вызвать у Арыча ненужных подозрений, я не стала узнавать, можно ли как-то заэкранировать свои мысли — успеется. Принцип я поняла, и теперь для меня главное — не зарываться.

Пополнив свою эрудицию по части эххийского обществоведения, я ознакомилась с основами местной магии и, подковавшись теоретически, перешла к практическим занятиям. Архимаг Азин, желчный тип и самая неприятная личность среди всех преподов, сварливо предупредил меня, чтобы я не пыталась что-нибудь взорвать или метнуть молнию — могу типа надорваться. Я успокоила дедулю, сказав, что если мне понадобится что-то сломать, я попрошу любимого мужа, а мои личные запросы куда скромнее.

Как нельзя кстати я вспомнила о моей простреленной курточке — её неоднократно стирали, но никому из служанок и в голову не пришло заштопать дырку на кармане: они, наверно, думали, что это такая у нас на Земле мода. И я приволокла свою куртень на занятия.

Несмотря на свою малоприятную натуру, маг Азин был толковым преподавателем: я быстро усвоила последовательность действий. С реализацией было сложнее: мне никак не удавалось материализовать нужную мыслеформу. Однако не зря маг Истраль отметил моё упорство — я таки добилась своего.

Ощущение, блин, невероятное: я чувствовала холод и

твёрдость иголки, созданной мною из ничего — из пустоты! И нитки тоже не было, то есть она была, но тоже сотворённая. Устала я здорово — руки дрожали, перед глазами плавали цветные пятна, — но дырочка на кармане, оставленная наконечником гоблинской стрелы, была аккуратно заштопана: я даже сотворила маленький кусочек материи для заплатки. Отпад — я гладила штопку и не верила своим глазам: неужели это сделала я? И даже Азин меня похвалил:

— Не ожидал, — пробурчал он, пожевав губами. — Вы способнее, чем я думал, ваше величество.

Воодушевлённая первым успехом, я перешла к осуществлению своей давней задумки, появившейся у меня ещё в ресторане гостиницы у Восточных гор под шум Злого Дождя, — к материализации денежных купюр (причём долгоиграющих — пятисотка, наколдованная Хрумом, распалась ещё до того, как мы покинули ресторан). Я понимала, что здесь, в Эххленде, это и на фиг не нужно, но ничего не могла с собой поделать — уж очень мне хотелось повторить фокус маркиза де Ликатеса, проделанный им на моих глазах. Я убухала на эту затею месяц времени, наделала целую кучу бесполезных цветных бумажек, несколько раз до матюгов поругалась с Азином, но в конце концов добилась своего: сотворила пятисотрублёвую банкноту, неотличимую от оригинала. Я долго сравнивала своё творение с двумя пятисотками, хранившимися в моём кошельке, — всё один в один, со всеми защитами, хоть на свет смотри, хоть на зуб пробуй. Я специально изменила одну цифру в номере купюры, а в остальном моя магическая копия полностью повторяла прототип. Устала я от этого чародейства так, словно весь день камни ворочала (даже просачковала ночью исполнение супружеского долга, чем немало удивила Шумка), зато испытала истинную гордость за себя, любимую. "Жаль всё-таки, что деньги в Эххленде не в ходу" — подумала я, пряча в кошелёк сотворённую пятисотрублёвку.

Короче, я на всю катушку использовала возможности, предоставленные мне званием королевы, и не теряла зря времени. И постепенно я пришла к очень простой и естественной мысли: а стоит ли мне оставаться всего лишь тенью верховного правителя Эххленда, и так ли уж нужен мне его величество эльфийский король?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. МНЕ ОТМЩЕНЬЕ, И АЗ ВОЗДАМ

Как я уже неоднократно повторяла, я девочка умная (да вы, наверно, уже и сами в этом убедились). И я прекрасно понимала, что забралась высоко, так что если грохнусь, то костей не соберу, реально. Но скажите мне, что лучше: сто тысяч долларов или миллион? И если можно получить миллион, зачем останавливаться на ста тысячах? До сих пор мне везло, я лихо выкручивалась из самых безнадёжных, казалось бы, ситуаций — значит, я всё-таки Избранная! А раз так, какие могут быть сомнения? Вперёд, королева Алава!

Поднаторев в интригах, я трезво оценивала расклад. Даже если удастся подвинуть Шумву-шаха (как — это уже другой вопрос, тут возможны варианты), мне потом ни за что не удержать трон. С магической точки зрения я пустышка (будем самокритичными) — тот же граф Заборзелло смахнёт меня играючи, как муху. Это я за широкой спиной его эльфийского величества королева, а сама по себе — пшик. Значит, надо найти силу, на которую я смогла бы опереться, и при этом не становясь этой силе поперёк дороги. Задачка, да?

Идею использовать рыцарей ближнего круга короля я отбросила сразу. Да, русские царицы учиняли дворцовые перевороты с помощью гвардейцев: думаю, что и я смогла бы заручиться поддержкой командира королевских рыцарей, виконта де Камерона (того самого "тигромедведя"), — например, закрутив с ним роман, — а потом накормить Шумка поганками и с прискорбием объявить народу о его безвременной кончине. Но опять вставал проклятый вопрос: а дальше? Боевые маги помешаны на своей рыцарской чести — дети, честное слово! — они и пальцем не пошевельнут, когда какой-нибудь претендент на корону явится к воротам столицы, размахивая магическим топором, и станет вызывать меня на поединок (разве что с почестями похоронят свою королеву, павшую в неравном бою).

Вам-Кир-Дык — отпадает. Чёрный Владыка во мне разочаровался — я не оправдала его возложенного на меня высокого доверия, — и к тому же, как показывает исторический опыт, те, кто связывались с Тьмой, обычно плохо кончали (фу, как пошло звучит!). Драконы клана Ломов — это мы уже проходили, а мои родственники Отданоны стерегут себе границу между Полуночной и Полудённой сторонами и не лезут в камеронские

дела. А если мне и удастся соблазнить горских князей перспективой захватить власть над страной, где гарантия, что эта власть в итоге достанется любимой мне, а не, к примеру, дядюшке д'Анакору с его чёрной нимфой? Оставалась только одна сила, причём очень и очень серьёзная — маги.

Маги Эххленда были особой кастой со своими внутренними правилами и обычаями. Гильдия стражей Порталов меня не интересовала — эти ребята вообще типа не от мира сего: зациклились на излавливании попаданцев и прочих лярв, а всё остальное им как-то глубоко по барабану. А вот что касается королевских магов — над этим стоило подумать.

Маги занимались знаниями в самом широком смысле слова — в их ведении находилась Академия Магии в Камероне и вообще вся система магического образования. Формально они подчинялись правителю Полуденной стороны, однако на самом деле были структурой во многом самостоятельной. Маги контролировали распространение чародейных знаний, они отслеживали появление талантливых эххов любой породы — как бы отыскивали драгоценные камни, а потом их тщательно шлифовали. Маги были костяком этого волшебного мира, и я даже удивлялась, как это они до сих пор терпят весь этот эххийский феодальный беспредел с его поединками и бесконечной сменой правителей. Маги не вмешивались в государственные дела — короли спрашивали у них совета по разным вопросам, но далеко не всегда следовали этим советам. И тем не менее, слово магов для королей кое-что значило.

Магов по всей стране были сотни (если не тысячи), но Совет Чародеев состоял всего из двенадцати персон: четырёх архимагов (с ними со всеми я уже успела познакомиться) и восьмерых вице-архимагов рангом пониже. По силёнкам любой из архимагов немногим уступал Шумву-шаху или Заборзелло, любой из вице-магов — Окостенелле или маркизу де Ликатесу, а всем скопом они живо скрутили бы в бараний рог хоть самого Вам-Кир-Дыка. И я после долгих раздумий решила обратиться к магам.

Не буду врать, мне было страшновато — это вам не "Последнюю героиню" в гареме организовывать, и не дракона Костю подставлять. Как говорила Ослабелла, "с эльфийскими магами не шутят". Но я кое-что прикинула, и надеялась, что мне удастся отыскать слабое звено и у этих мудрецов.

И вот на очередном занятии я заявила его мудрости Нитофону, что мне необходимо срочно встретиться со всей четвёркой архимагов по вопросу чрезвычайной государственной важности. Момент был подходящим: его величество отбыл на юг — проверять, как там идёт строительство боевого флота, — и я

осталась за него, временно исполняющей обязанности. Король уже убедился в моих высоких деловых качествах и спокойно оставлял державу на меня — Алава справится. Нитофон заметно удивился, однако тут же, прямо при мне, связался телепатически со своими коллегами по президиуму Совета Чародеев и сообщил, что через час архимаги готовы принять меня в тайной совещательной комнате (была такая в левом крыле здания Академии, расположенного поблизости от королевского дворца). Я кивнула и через час вернулась — как обычно, в паланкине и в сопровождении четвёрки рыцарей охраны (во дворце все уже давно привыкли к тому, что королева Алава ежедневно ходит на уроки, и не обратили на мой очередной визит в Академию никакого внимания).

Архимаги Истраль, Нитофон, Азин и Арыч уже ждали меня, сидя за круглым столом в мягких креслах. Пятое кресло было приготовлено для меня; кресла стояли симметрично — я сразу оценила эту как бы мелочь и поняла: маги настроены на серьёзный разговор. Чужих глаз и ушей здесь можно было не опасаться: совещательная комната имела абсолютную магическую защиту. Рассказывали, что однажды какой-то наглый чёрный глюк пытался в неё проникнуть — дело кончилось тем, что служители потом сутки соскабливали со стен грязные брызги: бедолагу попросту размазало на молекулы.

Лица магов были каменно-бесстрастными, но я видела (не зря училась!), что все они очень заинтересованы: о чём это таком важном хочет поговорить с ними молодая жена его величества? Однако я не стала сходу огорошивать их своим проектом, а начала издалека.

— Господа мудрые, нас — то есть меня и моего мужа — беспокоит поведение Вам-Кир-Дыка. Чёрный Владыка готовит очередное вторжение — не пора ли положить этому конец?

— Что вы этим хотите сказать? — голосом робота спросил Истраль.

— После последней трёпки Кир-Дык ещё не оправился, — пояснила я. — Почему бы нам вместо того, чтоб ждать, пока он снова войдёт в силу, самим не вторгнуться на Полуночную сторону? Вы тут уже тыщу лет воюете, и все бестолку — почему не взять штурмом цитадель Чёрного и не развалить её к едреней фене по камушку-кирпичику? Неужели у нас не хватит для этого сил?

— Видите ли в чём дело, ваше величество, — произнёс Азин тоном очень умного папы, беседующего с очень дурой-дочерью, — есть такое понятие: Вселенское Равновесие. Неужели вам никто об этом не рассказывал?

— Мне много чего рассказывали, — не полезла я за словом в карман, — но в нашем мире врага принято добивать, а не ждать, пока он зализжет раны и нападёт снова. Да и в вашем мире, насколько мне известно (я вспомнила расправу Хрума с гоблином-недобитком), тоже так принято.

— Это так, — примирительно проговорил Арыч, — в общем случае.

— Что значит в общем? — не унималась я. — А это что, частный случай?

— Королева Алава, — перехватил инициативу маг Нитофон (похоже, он сел на своего любимого конька и собрался прочесть мне целую лекцию). — Мир Эххленда тесно вплетён в ткань Мироздания, и все происходящие в нём процессы — это суть отражение вселенских процессов.

— М-м-м… А попроще можно? — осведомилась я.

— Можно, — усмехнулся Истраль. — Зло как таковое — оно неуничтожимо, более того, оно необходимо: без противостояния нет движения. Скажите, королева, что бывает между днём и ночью?

— Как что? Вечер — что за детский вопрос, ваша мудрость?

— То есть сумерки, — уточнил господин ректор. — А что будет, если смешать чёрный и белые цвета?

— Что-то такое серенькое, — ответила я, не понимая, к чему клонит эльф.

— Так вот, — назидательно подытожил Истраль, — если Полуденная сторона поглотит Полуночную — или наоборот, неважно, — на этом всё кончится: появится серый мир, никуда не стремящийся и медленно умирающий. И ваши родственники Отданоны, ваше величество, они ведь не только ограждают Свет от посягательств Тьмы: около пятисот лет назад, когда армии Полуденной стороны перешли Западные горы и двинулись в глубь владений тёмных эххов, горцы с неменьшим упорством сражались против нас, светлых. Горские князья хранят Равновесие, поэтому их и называют Миротворцами, хотя это и не совсем верное название.

— А что касается отражения вселенских процессов, — подхватил Арыч, — это просто. Вторжение Вам-Кир-Дыка было не случайным: скорее всего, в этой области Вселенной Тьма перевесила Свет — бывает. И войско Чёрного Владыки перешло границу.

— Но ведь мы его победили! — возразила я. — Сами — разве нет?

— Здесь, в Эххленде, — Арыч чуть заметно улыбнулся, — да, победили; да, сами. И вы, ваше величество, внесли свой вклад в

эту победу. Но я — то есть все мы — уверены, что тем временем Следящие выжгли где-то неподалёку парочку потемневших Миров и восстановили Равновесие. Во Вселенной всё связано, королева Алава.

— Следящие? А это ещё кто такие? — я недоумённо воззрилась на всю четвёрку магов. — Типа боги, да?

— Послушайте, коллеги, — сварливо встрял Азин. — Мне кажется, что королева хотела встречи с нами не для того, чтобы устроить себе факультатив по истории, философии и космогонии. Или я ошибаюсь, ваше величество?

— Вы бесконечно правы, ваша мудрость, — проговорила я елейным голоском. — Но что поделаешь, если мои знания ничтожны по сравнению с вашими! Вот и приходится кое-что уточнять по ходу. Я постараюсь больше не отвлекаться, хотя мне непонятно: что мы, так и будем теперь сидеть, сложа руки, и ждать, когда Вам-Кир-Дык снова нанесёт удар?

На самом деле меня заинтересовало упоминание о Следящих, однако я рассудила, что до богов я ещё доберусь, а пока надо решать более насущные вопросы.

— Во-первых, мы не сидим, сложа руки, — заметил Нитофон, — флот строится. А во-вторых — по нашим оценкам, в ближайшее время никакого нового вторжения тёмных эххов не будет: им не до того. Адмирал Им-Кир-Дык задумал свергнуть своего отца — Полуночная сторона накануне гражданской войны. У тёмных это в порядке вещей: сын покушается на отца, отец казнит сына, жены злоумышляют против мужей, — маг посмотрел на меня, и мне это не очень понравилось, — а мужья скармливают жён разным голодным чудовищам.

"Во, блин, хорошо, что я не купилась на посулы чёрного глюка, — подумала я. — Хотя чего это он на меня так странно зыркнул? Подозревает? С эльфийскими магами не шутят…".

— Ну, хорошо, — сказал я, закрывая тему, — с Полуночной стороной всё ясно. Но есть ещё мятежный граф Заборзелло — с ним как? Или вселенские высшие силы не позволяют и ему свернуть шею?

— Граф Дальний — это обычное явление, — Истраль пожал плечами, — не он первый, не он последний.

— Но граф уклоняется от поединка и грозит кровавой смутой! — я почувствовала, что пора переходить к делу. — Подумайте, сколько бед принесёт Эххленду эта междоусобица! Вы маги, хранители мудрости, — кому как не вам заботиться о народе, о простых эххах?

— Так повелось исстари, — сухо заметил Арыч. — Это естественный отбор, королева: сильнейший занимает подобающее

ему место и сохраняет его за собой, пока на смену ему не придёт кто-то ещё более сильный. Таков закон, по которому эххи живут тысячелетиями.

— Но если закон плох, — я говорила осторожно, взвешивая каждое слово, — не нужно ли его сменить?

Все четверо архимагов пристально посмотрели на меня — почуяли, к чему я клоню. "Ну, Алиночка, держись…".

— Что означают ваши слова, ваше величество? — тонкие бескровные губы Нитофона сошлись в нитку.

— А то и означают, что плохие законы необходимо менять! — решительно заявила я. — Дикие вы какие-то, честное слово, а ещё маги! Почему бы вам, магам, — я окинула взглядом всю четвёрку, — не положить конец всем этим безобразиям? Полуденной стороной должен править Совет Чародеев, а не всякие там короли!

Воцарилась мёртвая тишина. И я, не давая ошеломлённым магам опомниться, быстро изложила им свои соображения.

— Не пора ли вам взять в свои руки реальную власть, ведь совместной мощи Совета не в силах противостоять никто? А короли — да пусть себе остаются, у нас, вон, на Земле, полно разных конституционных монархий. Пускай воюют, устраивают приёмы, принимают послов — жалко, что ли? Но только реальная власть будет у вас, магов, — она ваша по праву мудрости, которой вы владеете. И хватит этих драк за корону — вы сами будете назначать королей на срок, года на четыре. Или можно ещё устроить типа демократические выборы — народ оттянется по полной! Это же такое шоу — главная развлекуха у нас в цивилизованных странах. Пусть люди порезвятся-порадуются, а конкретно править будете вы, маги, и никто другой!

Маги молчали, но я спинным мозгом чувствовала, что мои слова задели их за нутро. И немудрено — что они, не живые, что ли? Всякие там графья да бароны из кожи вон лезут, чтоб дорваться до власти, а маги что, святые? Из другого теста слеплены? Да хрена — помню я, как загорелись глазки у Кост-а-Лома, когда я заговорила с ним о захвате Ликатеса: полетел как ошпаренный!

— Вы хотите запрудить бурный поток, королева Алава, — медленно проговорил Арыч. — Но в стоячей воде появятся омуты, а потом и болото…

— Ну, прям, болото! — возмутилась я. — Вы же сами будете отбирать самых достойных претендентов на корону — вы ведь следите за всеми магически талантливыми личностями в стране. И не будет больше бессмысленного кровопролития, гибели в поединках сильнейших магов и жертв среди мирного населения в

ходе войн за трон. А главное — у вас двенадцати будет власть: неужели вы, мудрые, не сумеете ею правильно распорядиться?

— Мы не жаждем власти, — холодно произнёс Истраль, — нам хватает мудрости.

— Блин, а страдания народные вам совсем до фонаря, да? — я еле сдерживалась, чтобы не перейти на русский матерный. — Во всех мирах народ хочет стабильности и покоя, вечные подвиги во имя чего-то там такого никому и нах не нужны!

— А вам-то всё это зачем? — поинтересовался Азин, подозрительно глядя на меня. — Вы ведь королева — зачем вам рисковать своим положением? Неужели дочь далёкого мира так заботят судьбы простых эххов?

— Заботят, — безапелляционно ответила я, — вот такая я альтруистка. Причём заботят так сильно, что я хотела бы сама войти в состав правительства. Я понимаю, — торопливо добавила я, предупреждая ненужные возражения, — что на магессу я как-то не тяну, зато у меня есть другие… ценные качества. Вас в Совете Чародеев двенадцать персон, поэтому не исключено, что по какому-то важному вопросу мнения могут разделиться поровну. Вот тут-то и пригодится мой как бы совещательный голос — я буду у вас типа премьер-министром. А королева — ну что тут такого, буду совмещать две должности.

Всё это, ясен хрен, я обдумала заранее, и потому изложила коротко и доходчиво. Я не сомневалась, что маги клюнут: ведь я прежде всего заботилась как бы о них самих и о благе страны, и только в последнюю очередь — о себе, любимой. С работой я справлюсь, легко: я блондинка и умею вдохновенно врать — что ещё нужно женщине, чтобы сделаться премьер-министром? А если я стану примой нового правительства, мне будет уже глубоко плевать на все эти околотронные разборки — будь там хоть выборы, хоть поножовщина. Власть я уже не упущу и позабочусь, чтобы в самом скором времени все эти маги-архимаги смотрели друг на друга, как солдат на окопную вошь, и обращались бы ко мне по всякому поводу и без повода.

Архимаги молчали, обдумывая услышанное. По их деревянным физиономиям ничего нельзя было понять, однако я не сомневалась: если бы сказанное умной мной было бы магам круто против шерсти, мне бы об этом уже так прямо и сказали — тут у них просто с этим делом.

— Хорошо, — произнёс наконец Истраль, — мы слышали. Вы затронули очень важный вопрос, ваше величество, касающийся судеб очень многих разумных существ и судьбы всего нашего мира. Нам бы не хотелось давать необдуманный ответ — мы должны всё обсудить и взвесить все "за" и "против". Мы ответим

вам, королева Алава, — через три дня.

— О'кей, — согласилась я и встала со своего кресла, — через три дня так через три дня. Надеюсь, вы примите умное решение, ваша мудрость.

— Не сомневайтесь, ваше величество, — бесстрастно проговорил эльфийский маг, — мы примем мудрое решение.

* * *

После ухода королевы Алавы четверо магов какое-то время сидели молча.

— Эта женщина очень умна, — нарушил молчание Арыч, — и очень энергична.

— В её мире, — Нитофон криво усмехнулся, — есть поговорка: "Такую бы энергию, да в мирных целях!".

— Но она действительно коснулась нашей болевой точки, — заметил Истраль. — Право на власть — в той форме, в какой оно существует в Эххленде, — это проблема.

— Она врала, врала непрерывно! — костистое лицо Азина пошло красными пятнами. — Для неё врать — это так же естественно, как для любого эхха — дышать, а для нас с вами, коллеги, — творить чары! Она думает только о себе, а все остальные для неё — просто пыль под ногами!

— Неужели разумное существо может быть таким? — недоверчиво спросил Арыч.

— В примитивных юных мирах, — вздохнул Нитофон, — таких сколько угодно.

— Кажется, я догадываюсь, почему она отмечена Великой Случайностью, — произнёс Истраль. — Это испытание на прочность — не самой Алины-Активии, а всего нашего мира.

— Алава — болезнетворный вирус с высокой проникающей способностью?

— Вы проницательны, коллега Азин, — как всегда, — ректор Академии почесал кончик хрящеватого носа. — Да, что-то в этом роде.

— Она далеко пойдёт… — задумчиво проговорил Арыч.

— Пусть идёт как можно дальше, — сердито бросил Нитофон.

— Но только не в нашем мире, — закончил Азин.

— Итак, коллеги, — Истраль приподнял левую бровь, — решение принято?

* * *

— Вот, значит, как… — проговорил его величество Шумву-шах, глядя в узкую бойницу сторожевой башни на боевые корабли, теснившиеся в гавани Порт-Фолио, главной военно-морской базы южного побережья Эххленда; между насупленными бровями короля пролегла резкая складка. — Вот, значит, как, — повторил он, доставая из походной кожаной сумки шар зеленоватого цвета величиной с детскую голову и садясь за низкий деревянный стол.

Сдвинув в сторону кучу пергаментов, король положил шар на стол, дотронулся до него, немного покачал и произнёс негромко:

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил холодный женский голос.

— Ты была права, Нелль, — Шумву-шах тяжело вздохнул, — а я был не прав. Жду тебя в Камероне — приезжай.

— Я буду в столице через два дня, Шум.

Шар полыхнул голубым и погас. Король снова вздохнул, немного подождал, и через две минуты фразу "Жду тебя в Камероне" услышал от него маг Гильдии стражей Порталов Причасах.

— Я буду в столице через два дня, ваше величество, — ответил страж Рощи.

* * *

Шумву-принца, сына Ослабеллы и его эльфийского величества, я впервые увидела на своей свадьбе. Парень не произвёл на меня никакого впечатления — ноль без палочки, без вопросов. Да, одет он был, конечно, с иголочки — принц всё-таки, — но весь его внешний вид ну просто кричал о том, что комплексов у королевского сынули выше крыши. Клочковатые волосы непонятного цвета, безвольный рот, блеклые глаза снулой рыбы, сутулая фигура, неуверенные движения — короче, полный лузер, у нас таких среди парней каждый третий (или даже каждый второй). Лет ему было примерно пятьдесят — юноша по здешним меркам, — но выглядел он среди уверенных в себе эльфийских аристократов и магов-гумов сущим тинэйджером, случайно затесавшимся в компанию взрослых. В общем, отметила я про себя факт существования этого тяжёлого последствия брака по ошибке и забыла, как его зовут.

Однако по ходу пьесы я сообразила, что этот как бы принц может мне пригодиться, и решила его приручить. То, что трон правителя Полуденной стороны мальчику не светит ни под каким

соусом, было ясно как дважды два: магических способностей у Подшумка (так я его прозвала) было не больше, чем у любого эхха-простолюдина — даже я, наверно, смогла бы сыграть с ним на этом поле на равных. А познакомившись с Шумву-принцем поближе, я поняла, что парень мягок, как кусок теста, — из него можно вылепить всё, что угодно.

Подшумок привязался ко мне, как собачонка, и с радостью сопровождал меня везде и всюду (бывало так, что его величество был по горло занят государственными делами, и тогда я проводила досуг в компании его сына). Король благосклонно отнёсся к нашей типа дружбе:

— У Шумву-принца было тяжёлое детство, — сказал он с грустью, — ему так не хватало материнской любви. Я буду рад, Алава, если вы сможете заменить ему мать.

По моим наблюдениям, пацану не хватало не только материнской любви — понятно, что девушки на таких не клюют. Мысль трахнуться с Подшумком под шумок где-нибудь в рощице во время наших прогулок по столице мне в голову не приходила — он меня ни капли не возбуждал как мужчина, — хотя я видела, что он тихо млеет при виде моих прелестей, чуть прикрытых эротичными эххийскими нарядами, которые я меняла каждый день. Я заигрывала с ним чисто инстинктивно — женщина я или нет? — однако никаких вольностей не допускала: не тот случай.

Но в моих планах по коренному переустройству системы власти в Эххленде место для Подшумка нашлось. Его отец в качестве короля (пусть даже декоративного) меня никак не устраивал: Шумву-шах был личностью с характером — такой не будет плясать под чужую дудку. Кроме того, Шумок пользовался популярностью: он мог и воспротивиться крутым переменам, а столкновение между архимагами и королём с его рыцарями могло кончиться для меня очень печально. И я решила заранее себя обезопасить, заменив Шумву-шаха Шумву-принцем — этот-то уж наверняка будет делать то, что я скажу. А в дальнейшем можно будет списать в тираж и Подшумка — трон не постель, на нём и одной не холодно, — а героем моего романа выбрать де Камерона. Виконт был настоящим мужчиной и главой рыцарей ближнего круга: магия магией, а иметь под рукой отряд преданных головорезов совсем нелишне.

И в ожидании решения Совета Чародеев (в том, что оно будет для меня благоприятным, я не сомневалась) я решила форсировать события: когда маги возьмут власть, у меня уже будет наготове кандидатура нового короля, которую останется только утвердить. Добить в Шумву-младшем остатки сыновней любви представлялось мне делом несложным — дам ему разок-

другой, покормлю сладеньким, а потом из него хоть верёвки вей. Обстоятельства благоприятствовали: Шумву-старший должен был вернуться только на следующий день после того, как я заручусь поддержкой магов-академиков.

Но король почему-то вернулся на день раньше. Он был сумрачен и даже не пожелал после почти недельной разлуки сразу же уединиться со мной в спальне.

— Обстановка на южном побережье тревожная, — сказал Шумву-шах. — Мне нужно срочно закончить кое-какие дела, Алава, так что до вечера я буду очень занят.

Я насторожилась, но продолжения не последовало, и я не придала значения словам своего супруга — запарки с делами у него случались и раньше. Предоставленная самой себе, я решила дожать Подшумка — ведь уже вечером маги должны были начать действовать.

Сначала мы с Шумву-принцем погуляли по столичным паркам. Во время прогулки я пару раз оступалась и очень естественно прижималась к нему всем телом, отмечая, как у парня резко учащается дыхание, — клиент реально дошёл до нужной кондиции. Нагулявшись, мы направились в мои покои — я предложила Подшумку опрокинуть по бокалу вина, и он с радостью согласился. Пока принц вертел головой — он у меня в гостях ещё ни разу не был, — я нырнула за ширму и переоделась: надела клёвое домашнее платье со шнуровкой спереди, от шеи до подола — очень удобно в определённых ситуациях, — и распустила волосы. За то, что нам кто-то может помешать, я не беспокоилась — в покои королевы Эххленда так просто не попадёшь, а слуг я заранее отослала.

Когда я вышла из-за ширмы, чуть покачивая бёдрами, Подшумок припух по полной — у него аж испарина на лбу выступила. Я опустилась на мягкий диван в непринуждённой позе, небрежно так заложив ногу на ногу. Шнуровка снизу (совершенно случайно) немного (почти до колен) разошлась, и Шумву-принц, сидевший напротив, не сводил голодных глаз с предельно соблазнительной меня — между нами был только низенький столик.

Мы с ним выпили по чаше вина (я слегка подколдовала — зря, что ли, училась?), и вскоре мне стало ясно, что клиент готов — ткни пальцем, и сперма из ушей брызнет. И тогда я, ставя на стол пустую чашу, рассчитанно промахнулась, и чаша упала на ковёр у моих ног. Я жеманно ойкнула и подалась вперёд, принц сорвался со своего стульчика как по команде "Апорт!" и в итоге вцепился в меня потными дрожащими ручонками.

Лапал он меня жадно и неумело, а я, бормоча "ах, принц, что

вы делаете!", ловко как бы отпихивала его руки, в результате чего ладонь Шумву-принца, сброшенная с моего плеча, оказывалась на моей груди. Моё стойкое сопротивление очень быстро привело к тому, что Подшумок задрал мне подол — в шнуровке этот последний девственник Полуденной стороны безнадёжно запутался, — дошёл до белого колена и продвигался дальше, сопя как кипящий чайник. Опыта в обращении с женщинами у него не было никакого — Шумву-принц разорвал шнуровку и оцарапал мне бедро; я вскрикнула, чем довела неумеху до последней степени возбуждения. Процесс шёл к своему естественному финалу; я уже прикидывала, как бы мне поудобнее прилечь на спину, чтобы не попасть головой в угол диванной спинки и не корячить себе шею в ходе нашей пылкой любви, как вдруг мой взгляд упал на статую какой-то крылатой типа богини, стоявшую рядом с диваном. В моих апартаментах хватало статуй и картин; я привыкла к этим деталям дворцового интерьера и не обращала ни них внимания, но сейчас я увидела такое, что подействовало на меня как холодный душ.

Глаза каменной статуи были живыми, и они с интересом следили за происходящим. "Магическое слежение!" — мелькнуло у меня в голове (слышала я от придворных о таких штуках). Решение пришло мгновенно — я оттолкнула Подшумка и заорала в голос:

— Что вы себе позволяете, принц! Я вам не проститутка — я где-то как-то ваша мать! Подите прочь, наглец, — я сообщу вашему отцу о вашем недостойном поведении!

Шумву-младший так и сел на пол, хлопая глазами и пытаясь застегнуть брюки.

— Но ведь вы же сами… — растерянно пролепетал он.

— Что-о-о? Мальчик, ты меня ни с кем не перепутал, а? Если я проводила с тобой время, это ещё не значит, что я готова служить игрушкой для твоей похоти! Немедленно пошёл вон!

Но Шумву-принц ни хрена не соображал — переход от ласк к воплям был слишком неожиданным, а давление спермы на головной мозг окончательно отшибло у него даже ту хилую соображалку, которой он располагал. Подшумок так и остался сидеть на полу, и тогда разгневанная я крутнулась на каблуках и направилась прямиком к Шумву-старшему, оставив Шумву-младшего горевать среди осколков его несбывшихся сладких надежд.

"Так, — лихорадочно думала я, — по картине события ни один эксперт не установит, кто кого соблазнял: я принца или он меня. Даже сам принц не сможет утверждать, что это я его соблазняла — я играла достаточно тонко, — а гуманный

эххийский суд, как мне помнится, всегда на стороне женщины. Но почему было включено слежение? Неужели король что-то заподозрил? Или… Или маги меня заложили, и сейчас они вместе с Шумву-шахом решают, что со мной делать? Да нет, глупости, — если бы мой супруг был в курсе, он бы тогда сразу по приезду взял меня на цугундер — в этом мире всё делается без проволочек. А слежение — может, оно здесь постоянно работает, просто я раньше не замечала: это же королевский дворец, гнездо интриг по определению! Так что поспешим, пока Подшумок не опомнился и не прибежал к папане раньше меня".

Провал проекта "Шумву-шах-2" меня огорчил не сильно — не очень-то и хотелось. Останусь королевой-одиночкой: оно ещё и лучше — проще менять любовников. Но вот использовать историю с как бы посягательствами принца на мою типа честь можно и нужно. Шумву-шах наверняка взбеленится, и его непутёвому сынку мало не покажется. А с другой стороны, это ведь только у тёмных эххов в чести сценарий "Иван Грозный убивает своего сына", светлые этого не поймут, и рейтинг его величества упадёт ниже уровня асфальта — что и требуется.

До кабинета под шпилем я добралась быстро — дорога знакомая — и влетела к королю без стука. Кроме самого Шумву-шаха, в кабинете никого не было, и я облегчённо вздохнула. Его эльфийское величество сидел за рабочим столом, заваленном бумагами и разноцветными информационными кристаллами; при моём внезапном появлении король поднял голову и посмотрел на меня с удивлением.

— Что случилось, Алава? Я ведь просил меня не беспокоить!

— Шумву, я ваша жена? — спросила я прерывающимся голосом, сделав ударение на слове "ваша".

— Моя. Да что случилось, в конце концов?

— Или я одновременно ещё и жена вашего сына? — я проигнорировала вопрос короля и продолжала нагнетать драматизм. — Вы просили меня стать Шумву-принцу матерью, но не наложницей! Кто дал ему право…

— Что?!

— Он пытался меня изнасиловать — здесь, во дворце, в моих собственных покоях, четверть часа назад!

— Не может быть…

— Вам показать царапины, оставленные на моих ногах ногтями вашего сына, когда он лез ко мне под юбку? — я с самым решительным видом ухватилась за подол своего платья. — Показать?

— Не надо, — король уже взял себя в руки. — Я разберусь, Алава, можете быть уверены. Я жду вас здесь через, — он

посмотрел на цветочные часы, висевшие на стене кабинета, — час, нет, через час с четвертью.

— Хорошо, ваше величество, — ответила я (как бы тоже успокаиваясь) и повернулась, собираясь уйти.

— Мне бы хотелось, — услышала я за спиной, — чтобы вы пришли в том же наряде, в котором я вас увидел впервые.

Я удивленно обернулась — Шумву-шах смотрел на меня, и взгляд его был странным.

— Хорошо, ваше величество, — повторила я и удалилась.

Просьба короля меня несколько озадачила, хотя ничего такого особенного в ней не было. Но вообще-то я и сама собиралась переодеться в своё землянское — приближался решающий час, а я давно уже считала свои джинсы, топик и куртку чем-то вроде талисмана, приносящего мне удачу. Именно так я была одета в самые ключевые моменты эххийской части моей биографии, начиная со встречи с Окостенеллой и кончая въездом в Камерон на спине золотого дракона, и поэтому я увидела в просьбе Шумву-шаха знак свыше — значит, всё будет тип-топ.

* * *

Взгляд эльфийского короля не зря показался Алине странным: в этом взгляде были разочарование, сожаление и откровенная брезгливость. Однако Алина-Активиа-Алава этого не заметила — её голова была слишком занята другими мыслями.

Возвращаясь к себе, она почувствовала лёгкое головокружение, но не придала этому значения — последнее время королева Алава пребывала в состоянии нервного напряжения, тут у кого угодно голова пойдёт кругом.

Принца в своих покоях она уже не застала и равнодушно отметила этот факт как ничего уже не значащий. Интриганку всецело занимал предстоящий разговор с мужем — она интуитивно ощущала какую-то опасность и потому нервничала. Но отступать и отказываться от достижения своей призрачной цели Алина не собиралась, хотя если кто-нибудь спросил бы её: "А зачем тебе всё это надо?", она вряд ли сумела бы дать ответ на этот вопрос. "А вот хочу, и всё тут!" — ничего другого ей в голову просто не приходило.

Алина быстро переоделась, посмотрела на себя в зеркало и стала ждать. Время текло медленно — попаданка то и дело поглядывала на часы, садилась на диван, снова вскакивала и начинала метаться по своей королевской гостиной, не находя

себе места. Ей казалось, что кто-то невидимый неотрывно за ней следит — глаза всех статуй были пусты и безжизненны, однако ощущение внимательного чужого взгляда не проходило. И только выпив несколько бокалов вина, Алина смогла немного успокоиться.

Прошёл час. "Пора" — сказала она себе. Уходя, Алина плотно закрыла за собой двери и не услышала донесшийся откуда-то из глубины её апартаментов негромкий мелодичный звон и последовавший за ним шуршащий стеклянный шорох.

Дивного кристалла, подаренного Активии князем д'Анакором Отдаоном, больше не было: на серебряном блюде, стоявшем на специальной подставке в будуаре королевы Алавы, осталась только кучка мелкого хрустального крошева…

* * *

На сей раз я, строго следуя этикету, постучалась в двери королевского кабинета под шпилем. Ответа почему-то не последовало, однако я смело открыла дверь — пришла-то я вовремя, как и было назначено, так что какие проблемы? Открыла, и…

…ухнула во тьму. Дверь куда-то исчезла — типа растворилась, а меня всосала глухая темнота, в которой не было не только света, но даже звуков и ощущений — прям чёрная дыра какая-то, реально. Я задавленно пискнула, не услышав сама себя, — пол под моими ногами вроде был, но мне показалось, что я стремительно падаю в бездонную пропасть. Ой, мама…

А потом в этой чёрной вате возникли три светящихся силуэта, напоминающих своими очертаниями человеческие фигуры, — они медленно перемещались, словно плавали в тёмной воде.

— Подожди, — прозвучало в моём сознании (я не сразу узнала голос своего супруга), — мы немного не успели. Сейчас…

Вспыхнул свет — неяркий, но после полной темноты показавшийся ослепительным. Я крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, то тут же закрыла их снова, и так несколько раз — уж больно неожиданную я увидела картину.

В кабинете короля я бывала не раз и хорошо знала всю его обстановку, но теперь… Кабинет сильно уменьшился в размерах и полностью изменился: не было гобеленов, не было развешенного по стенам оружия, тяжёлых портьер и мебели тёмного дерева — стола и кресел на ножках в виде изогнутых львиных лап — ничего этого не было и в помине. Я находилась в каком-то офис-холле моего прежнего, земного мира, о котором я уже и думать забыла:

светло-бежевые стены, изящные светильники, утопленные в потолочные панели, на полу линолеум под паркет, мягкие кожаные диваны для посетителей — короче, остохреневший евростандарт, только оргтехники не хватает: ксерокса, факса и разной прочей компьютерной дряни. Вместо высоких стрельчатых окон с цветными витражами — одно-единственное окно с полуприкрытыми жалюзями; в щели между полосками жалюзей бьёт яркий солнечный свет, в комнате светло, но что за окном — не разглядеть.

А у окна за типичным офисным столом сидел его величество эльфийский король Шумву-шах, правитель Полуденной стороны Эххленда, — но в каком прикиде! На короле был элегантный костюм тёмно-стального цвета, безукоризненно белая рубашка и галстук с затейливым узором; его длинные белые волосы были гладко зачёсаны назад, открывая уши — обычные, человеческие, а никакие не удлинённо-заострённые эльфийские. Но кроме Шумка и меня в этой типа комнате для переговоров находились ещё двое.

Слева от короля в кресле с подлокотниками в свободной позе сидела женщина, одетая в изысканно-строгий брючный костюм — я видела точно такой же в одном бутике на Невском, долго пускала на него слюни, а потом глянула на ценник и пошла своей дорогой, матерясь сквозь зубы. Я не сразу узнала в ней Окостенеллу — я поняла, что это она, только когда увидела на правой руке этой бизнес-вумэн запомнившийся мне перстень с сердоликом, — но когда я её узнала, мне сразу же резко поплохело: кого-кого, а уж магессу из Ликатеса я меньше всего хотела бы здесь видеть. Чёрные волосы властительницы были собраны в узел на затылке, и я автоматически отметила, что уши у неё тоже обычные, а не эльфийские. Хотя какая разница, какие у Окостенеллы уши — важно, какие у него когти, которые она на меня давно точит (знать бы ещё за что).

А третьим — третьим был самый первый обитатель Эххленда, которого я встретила, попав в этот мир: страж Рощи Порталов Причесах. Он сидел справа от Шумву-шаха; на нём были тёмно-синие брюки и чёрный свитер, и выглядел он очень даже "причесаханным": тёмные с проседью волосы лесника были аккуратно уложены, и мышцы не выпирали — я узнала его по добродушной курносой физиономии и по синим глазам, запомнившимся мне ещё тогда, при нашей первой встрече.

И когда я осознала, что за святая троица сидит передо мной, я поняла, что ничего хорошего мне не светит: Окостенелла не питает ко мне никаких тёплых чувств, страж Рощи со своим амулетом знает меня как облупленную, да и сам король, судя по

его суровому лицу, тоже кое о чём уже в курсе.

— Мы подумали, что так будет лучше, — сказал Шумву-шах, отвечая на мой немой вопрос: догадаться, что вопрос типа "Что за хрень такая?" вертится у меня на языке, было совсем несложно — со стороны я наверняка выглядела как один сплошной вопросительный знак. — Садись, Алина, в ногах правды нет, как у вас говорят, — особенно если её нет и на устах.

"Алина? — подумала я, садясь на передвижной офисный стул-кресло на колесиках, стоявший по центру комнаты. Кресло при этом издало шипящий звук, и меня передёрнуло: я это шипение слушала почти три года, опуская свою задницу на своё рабочее место в нашей фирме, и очень надеялась никогда больше его не услышать. — Какая ещё Алина? Я королева Алава!"

— С королевой Алавой нам говорить не о чем, — сурово изрёк правитель Полудённой стороны. — Она обвиняется в государственной измене — вина её доказана, и преступница должна быть предана публичной казни.

"Казни? — с ужасом подумала я. — Значит, маги меня всё-таки сдали — вот гады…".

— Маги обещали тебе принять мудрое решение, — голос короля звучал размеренно и ровно, как цифровая запись, — и они его приняли. Так что королевы Алавы больше нет, нет и Активии: тени дочери князя Эрма стало неуютно в твоём теле по соседству с твоей, гм, не самой благородной душой, и она его покинула — твой хрустальный кристалл рассыпался. Так что ты теперь Алина, и никто больше, и мы хотим решить, что с тобой делать.

Я оцепенела, не в силах принять тот простейший факт, что это всё, и что я вот-вот полечу в ту бездонную чёрную пропасть, которая разверзлась у меня под ногами, когда я сюда вошла. Окостенелла и Причесах молчали, глядя на меня: магесса — с неприязнью, страж — с затаённой грустью. Говорил один Шумву-шах, и по его лицу ничего нельзя было понять — оно было абсолютно бесстрастным.

— Мы, эххи, — полиморфы, и наш мир пластичен. Он отражал твои эмоции и следовал твоим желаниям, он шёл тебе навстречу, однако лишь до определённого предела. Эххленд реален, он существует, хотя выглядеть может по-разному — для Озаботтэса, например, драконы и гномы казались незнакомыми тебе диковинными существами из легенд его родного мира. Но таукитянин, как ты его называешь, вписался в наш мир, нашёл здесь то, чего ему не хватало дома, остался в Эххленде и в конце концов превратился в эхха, сохранив при этом память о своём прошлом. А ты, Алина, стала корежить наш мир под себя, и Эххленд воспротивился. Знаешь, почему мы закрыли доступ к нам

обитателям твоей планеты? Пока попаданцы из твоего мира искали здесь подвигов и настоящей любви, эххи не возражали — это совпадает с нашей вселенской миссией. Но затем, мало-помалу, пришельцы с твоей планеты начали превращать Эххленд в полигон для своих капризов и комплексов — им почему-то стало казаться, что именно здесь, в нашем мире, глупость, лживость, подлость и оголтелый эгоизм, не слишком приветствующиеся даже в твоём несовершенном мире Третьей планеты системы Жёлтой звезды, непременно должны восторжествовать и получить награду. И нам это надоело.

Я молчала — что я могла возразить? Король был прав: в последнее время герои книг фэнтези, которые я читала, по большей части были именно такими. Они самозабвенно гадили в тех мирах, куда они попадали, и при этом претендовали на титулы правителей этих миров — никак не меньше. Да и я сама — что я делала, оказавшись в Эххленде?

— Тебя пропустили только из-за того, что тебя отметила Великая Случайность, и ещё, — Шумву-шах посмотрел на Причесаха, — из-за безмерной веры в добро, которой страдает вот этот маг Гильдии стражей Порталов, готовый перевоспитывать самого Вам-Кир-Дыка.

— Некорректное сравнение, ваше величество, — сухо ответил страж. — Алина — далеко не Чёрный Владыка.

— Она хуже, — подала голос Окостенелла, — Вам-Кир-Дык, по крайней мере, не врёт.

— И ты, Алина, — продолжал Шумву-шах, не обращая внимания на пикировку мага и магессы, — вошла в наш мир как заноза и сумела проникнуть глубоко — у магов-академиков есть свои соображения на этот счёт. Но Эххленд — здоровый мир: он выдавливает даже такие занозистые занозы, какой оказалась ты.

А я вдруг поняла, что мой супруг — увы, уже бывший, стопудово, — вовсе не копирует манеру киношных злодеев (добродеев), которые перед тем, как прибить хорошего (плохого) парня, долго и нудно рассказывают ему, за что он будет убит (типа как он всех достал), а также каким образом. Нет, Шумву-шах просто объяснял ребёнку, почему его ставят в угол и на неделю лишают удовольствия погонять монстров на компьютере. И ещё я поняла, что эххи по своему развитию гораздо выше людей, и что мои попытки стать повелительницей мира, населённого подобными существами, были непролазно наивным, а попросту говоря — идиотскими. И мне захотелось заплакать от острой жалости к себе, любимой…

Но потом пришла и начал нарастать злость: они мне ещё морали будут читать, гады эххийские, — типа перевоспитывать!

— Мы никого не перевоспитываем, — отозвался король, и я только теперь въехала, что он читает меня как раскрытую книгу, — мы помогаем сделать выбор. Эххи не вмешиваются в судьбы других миров — это дело Следящих, — но ты, Алина, пришла в наш собственный мир, пришла незваным и нежеланным гостем, и мы вправе защищаться. Собственно говоря, дело простое: ты натворила более чем достаточно и заслужила смерть. И я просто послал бы тебя на плаху и не стал бы беспокоить по столь ничтожному поводу достойную Окостенеллу и достойного Причесаха, — он поочерёдно взглянул на властительницу и стража, — если бы не одно обстоятельство.

Я насторожилась — неужели моя удача меня всё ещё не покинула?

— К счастью для всех нас — для всех четверых — ты, Алина, невольно совершила одно доброе дело, и поэтому я, верховный правитель Полуденной стороны, нахожу возможным проявить к тебе снисхождение и сохранить тебе жизнь.

"Что ещё за доброе дело, блин? — недоуменно подумала я, судорожно роясь в памяти. — Что-то ничего такого я в упор не припомню…".

— А ты и не можешь этого помнить, — король впервые за всё это время улыбнулся, — ты ведь, как я сказал, совершила его невольно, сама того не зная.

Я уставилась на Шумву-шаха в полном недоумении — он что, шутки шутит, что ли?

— Нет, Алина, никаких шуток. А дело в том, что много лет назад мы с Неллой, — он снова посмотрел на магессу, и я заметила в его глазах тёплые искорки, — хотели пожениться. Но вот ведь какая незадача — мы оба были упрямы, и нам непременно надо было определить, кто из нас главнее. И нашла коса на камень, как говорят в твоём мире. Дело дошло до того, что я в пылу нашей очередной ссоры сказал Нелле, что я лучше женюсь на первой встречной девушке из самого примитивного мира, чем назову своей женой такую высокомерную особу, как она.

— "Любая девчонка из любого варварского мира гораздо лучше тебя", — спокойно процитировала ликатесская властительница, — так ты сказал, Шум.

— Я всегда восхищался твоей памятью, Нелль. Да, именно это я и сказал, а она — она запомнила, и помнила почти сто лет, пока в нашем мире не появилась ты, Алина.

"Так вот оно в чём дело! — догадалась я. — Окостенелла послала меня к королю только для того, чтобы показать ему, какими бывают девушки из параллельных миров! Так вот что она

имела в виду, когда говорила мне тогда, в Ликатесе: "Аура у тебя что надо, и вообще ты существо… своеобразное — я покопалась в твоём сознании…". Ай да ледяная магесса — вот это интрига, блин горелый!".

— Именно так, — ответила Окостенелла, но её направленный на меня взгляд отнюдь не потеплел. — Я рассчитывала, что этот знаток женской натуры на живом примере убедится, какими вообще бывают женщины, и поймёт, что сказал мне тогда самую настоящую чушь.

— И в конце концов, — добавил Шумву-шах, — так оно и вышло.

— В конце концов? — Глаза магессы полыхнули кошачьим зелёным огнём, и мне вновь почудилось, что ногти на её руках превращаются в когти. — Ты, мудрый маг, один из лучших магов Эххленда, не смог разобраться сразу, что представляет собой это чудо из дикого мира? Тебе понадобилось для этого вести её под венец!

— Ну что ты, Нелль, — король заметно смутился. — Не мог же я сразу выворачивать её наизнанку — у меня не было на это никаких оснований! Девушка как девушка, и я…

— …и ты оценил её смазливую мордашку и захотел увидеть эту мордочку на своей подушке! Конечно, где уж тут думать о сканировании памяти или о контроле над мыслями! Тебе непременно надо было дождаться, пока эта дрянь не затеет против тебя заговор и не попытается оклеветать твоего сына, и только потом… Эх, вы, мужчины! Эта тварь украла у меня твои ласки, которые принадлежали мне — по праву любви! — Окостенелла перевела на меня свой горящий взгляд, и я невольно поёжилась. Хорошо, что мы с разъярённой магессой не наедине — Шумву-шах и особенно Причесах не дадут этой бешеной кошке порвать меня на клочки без суда и следствия.

— Нелль, ну не надо… — король попытался образумить разбушевавшуюся магессу, но видимого результата не наблюдалось.

— Позвольте вмешаться, достойные, — вклинился в назревавший скандал Причесах. — Вы скоро поженитесь, и тогда у вас будет уйма времени для выяснения отношений, верно? А сейчас мы должны решить судьбу Алины — ведь мы для этого собрались.

— О твоей склонности к всепрощению ходят легенды, достойный страж, — ядовито заметила Окостенелла, однако не стала раскручивать дальше полнометражный сценарий типичной семейной ссоры (по всей вероятности, поняла, что Причесах прав — король от неё всё равно не отвертится).

— Итак, — Шумву-шах приободрился и снова стал королём, а не обычным мужем, которого шпыняет ревнивая жена, — благодаря твоему появлению в нашем мире, Алина, мы с Неллой наконец-то поняли, что не можем жить друг без друга — это и есть то самое доброе дело, невольно совершённое тобой, о котором я говорил. Двум половинкам единого целого нет никакого смысла выяснять, кто из них важнее. Это так же бессмысленно, как спор между правой и левой руками: ясно ведь, что однорукий — это инвалид. К сожалению, даже магам для понимания этой простой истины иногда требуются десятки, а то и сотни лет. Но мы с Неллой это поняли, и во многом именно из-за тебя, Алина.

А я смотрела на Окостенеллу и не верила своим глазам: во взгляде ледяной магессы, направленном на Шумву-шаха, яснее ясного читались теплота и… любовь! Да, да, любовь — вот уж никогда бы не подумала, что Окостенелла способна любить и хранить свою любовь в течение стольких лет. Теперь понятно, почему она отказала Хруму… И мне стало завидно — я даже забыла о том, что моя собственная судьба далеко ещё не решена.

— И более того, — продолжал между тем его величество, — наш брак с Неллой станет спасительным для Эххленда. Муж и жена — одна сатана, так ведь у вас говорят? И поэтому…

"Блин, достал ты меня уже этими пословицами и поговорками, — подумала я. — Тоже мне, ходячая энциклопедия…".

— Пословицы и поговорки — кладезь древней народной мудрости, — заметил Шумву-шах, — их полезно знать и помнить. А что касается нас с Неллой — если кто-то бросит вызов мне или ей, претендуя на корону правителя Полуденной стороны, ему придётся иметь дело с нами обоими — Совет Чародеев принял поправку к закону о власти. Во всём Эххленде — даже на Полуночной стороне — не найдётся мага, который сумел бы выстоять в магическом бою против нашей пары дольше нескольких минут, не говоря уже о каких-либо шансах на победу в такой схватке. И у графа Заборзелло-Дальнего теперь нет другого выбора: или он приносит Камерону клятву вечной верности и обещает никогда не обнажать против нас оружия, или пусть отправляется к своему другу Какуснуя Набокуто и приватно с ним решает, кто из них двоих будет править Восточным архипелагом. А Ликатесом теперь будет править маркиз, то есть герцог Хрум де Ликатес — степняки хорошо запомнили его руку, и за всю степь до самой её границы с Поперечным лесом мы с Неллой можем быть спокойны. В Эххленде наступит долгий мир, и в этом тоже есть твоя заслуга, Алина, — неважно, что она

невольная.

Наступила пауза, и тогда я наконец-то осмелилась открыть рот.

— А что будет со мной, достойные маги? Что вы со мной сделаете?

— Что сделаем? — переспросил Шумву-шах. — Надо подумать — для этого я и пригласил сюда свою будущую супругу, очень хорошо тебя знающую, и достойного стража Причесаха — он знает тебя ещё лучше, и к тому же несёт за тебя ответственность: ведь он, и никто иной пропустил тебя в Эххленд!

— Да, я знаю о ней почти всё — я следил за Алиной с момента её появления в нашем мире. Я искренне желал ей удачи, потому что видел: в ней есть светлая искорка, и мне очень жаль, что Алина так и не сумела выправиться. Я ждал, ждал до конца, надеялся, но — увы… — Причесах тяжело вздохнул. — И всё-таки я не считаю эту девушку потерянным существом и призываю ваше величество проявить по отношению к ней великодушие.

— Его величество уже явил своё великодушие, — фыркнула Окостенелла, — ведь, как я понимаю, вопрос о казни этой попаданки не обсуждается?

— Совершенно верно, — Шумву-шах кивнул. — Она останется жить, а почему — я уже объяснил.

Я чувствовала себя участницей передачи "Федеральный судья", в которой магесса из Ликатеса была обвинителем, Причесах — адвокатом, его эльфийское величество — судьёй, а я — подсудимой. Но в отличие от этого телешоу, всё происходящее было реальным — в этом я не сомневалась.

— Тогда, — Окостенелла на секунду задумалась, — пусть она остаётся в нашем мире — она ведь так сюда рвалась! Отдадим её в жёны Озаботтэсу — пусть они на пару работают в департаменте по пришельцам из смежных измерений.

"А вы меня спросили, — мысленно возмутилась я, — хочу ли этого я сама?".

— Твоё мнение, попаданка, — небрежно бросила магесса, — уже никого не интересует. Ты и так слишком долго следовала только своим желаниям, не считаясь с желаниями других — хватит.

— Этого делать нельзя, — покачал головой Причесах. — Алина не готова жить в мире без вранья — у неё снова появится опасный соблазн. Она испортит жизнь добряку Озаботтэсу, а в итоге у Вам-Кир-Дыка станет одной чёрной нимфой больше. Ты этого хочешь, достойная магесса? В тебе говорит ревность, а не чувство справедливости!

Окостенелла не ответила — эххи не врут, — и страж Рощи

Порталов продолжил свою мысль.

— И ты не учитываешь ещё одно смягчающее обстоятельство. Да, Алина достаточно напакостила, но, к счастью, никто из тех, против кого она злоумышляла, не погиб: ни рыцарь де Ликатес, ни леди Ослабелла, ни ты, магесса, ни Шумву-принц, ни даже дракон Кост-а-Лом. И я думаю, что Алину надо вернуть в её мир, целой и невредимой. Она повзрослела в нашем мире, получила хороший урок, и может быть, это поможет ей сделать свой выбор — самой. И когда-нибудь — я хочу в это верить — Алина вернётся в Эххленд — если, конечно, захочет, — и тогда наш мир её примет. Это будет справедливо.

— Смири свой гнев, Нелль, — сурово произнёс король, видя, что Окостенелла хочет что-то возразить, и, к моему удивлению, магесса промолчала. — Думаю, что достойный маг Гильдии стражей Порталов прав: Алину нужно отправить домой. Я и сам склонялся к этому решению, поэтому, — Шумву-шах обвёл взглядом офис, в который превратился его кабинет, — и попросил вас помочь мне выполнить такую трансформацию: создать здесь кусочек мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды. Она вернётся в свой мир — это будет справедливо.

— Я не сомневался в мудрости вашего величества, — произнёс Причесах.

— Пусть будет так, Шум, — согласилась Окостенелла, — скатертью дорога.

— Значит, решено, — подытожил правитель Полуденной стороны и посмотрел на меня. — Ты слышала, Алина?

— Слышала, — пробормотала я.

— Ты выполнила мою просьбу, — король усмехнулся, — на тебе одежда твоего мира, и поэтому ты отправишься домой без задержки: прямо сейчас. Хочешь что-нибудь сказать нам на прощанье?

— Типа последнее желание приговорённого, да? — угрюмо буркнула я.

— Ну зачем же так, — Шумву-шах снова улыбнулся. — Что бы ты хотела оставить себе на память об Эххленде?

"Умение творить деньги!" — мелькнуло у меня в голове.

— Нет, — король покачал головой, — твои магические навыки останутся здесь: в твоём мире они не принесут тебе пользы. Ладно, не буду тебя мучить — фантазия у тебя убогая. Я оставлю тебе память о нашем мире — обо всём, что ты здесь увидела, испытала и пережила. Может быть, это тебе пригодится.

Пространство вокруг меня дрогнуло — трое магов не теряли времени. Ну да, конечно, шпиль над кабинетом — он ведь работает концентратором. Хрум говорил, что сильные маги могут

открывать порталы в любой точке Эххленда — вот они и взялись за дело. Очертания офиса поплыли у меня перед глазами, и тут я почувствовала, что я не хочу терять этот мир! Нет, нет, нет, нет — оставьте меня здесь! Я выйду замуж за Озаботтэса, я стану белошвейкой — я ведь умею штопать дырки на одежде, — я буду кем угодно, только не выгоняйте меня, а?

— Поздно, Алина, — услышала я спокойный голос Шумву-шаха, — прощай.

— Прощай, попаданка, — сказала Окостенелла, — мы с тобой больше не увидимся!

— Прощай, девочка, — в голосе Причесаха были грусть, доброта и надежда. — Теперь всё зависит только от тебя самой — сделай свой выбор. Думай, Алина, — ты ведь умная.

Стены начали вращаться, их вращение всё ускорялось, но перед тем, как провалиться в серое ничто, я отчётливо разглядела лицо Шумву-шаха. На лице короля было блаженство — его эльфийское величество испытывал наслаждение, избавившись от меня, любимой.

"А всё-таки напоследок я довела его до крутого оргазма, — подумала я, — назло этой ревнивой эльфийской кошке!"

Но почему-то эта мысль не доставила мне никакого удовольствия…

Мы наш, мы новый мир построим (типа эпилог)

Темно.

Лежу лицом вниз на чём-то мягком, упругом и — чувствую щекой — шершавом. Руки-ноги — да, на месте, хотя во всём теле ощущение какой-то ватности. Блин, где я? Тихонько поднимаю голову.

Свет — неяркий, рассеянный. Свет сочится через окно, задёрнутое прозрачной белой занавеской с очень знакомым рисунком; шторы раздвинуты. За окном — причудливо выглядящие ветви деревьев, тянущиеся к самому стеклу: кажется, что там, за занавесками, распустил щупальца какой-то многорук-многоног. Его зовут Вам-Кир-Дык? Да это же…

Рывком вскидываюсь (тело слушается). Диван негромко всхлипывает. Да, диван — мой собственный диван в моей собственной комнате на третьем этаже типовой "хрущовки" в большом городе Санкт-Петербурге на берегу большой реки Невы, на Земле — на Третьей планете системы Жёлтой звезды, как говорят в одном сказочном мире…

Я дома, а за окном в капризном свете уличных фонарей чуть шевелятся подёрнутые весенней листвой корявые ветки тополей: дому нашему сорок лет, и тополя вымахали выше крыши — живём как в лесу.

Встаю и медленно иду к окну — под ногами привычно щёлкает отлетевшая паркетная дощечка. Она отвалилась уже давно, только закрепить её некому — с мужиками у нас в доме напряг. Машинально поправляю деревяшку ногой, подхожу к окну и отодвигаю занавеску. За окном балкон — пустой, и под окнами тоже пусто: ни людей, ни даже бродячих собак. И мне на секунду кажется, что весь этот мир пуст — он вымер, и я в нём последнее живое существо, обречённое на одиночество. От этой бредовой мысли всё у меня внутри холодеет, и я поспешно отворачиваюсь от окна.

Я дома, но бурной радости от понимания этого факта я почему-то не испытываю — ни капельки. Наоборот — где-то внутри меня сидит комок, холодный и очень-очень горький: сказка кончилась. А была ли она, эта сказка? Может, всё это — волшебный мир, эльфийский король и прочее — мне просто приснилось? Пить меньше надо, девушка, — тогда не будешь падать на диван во всей упаковке, не снимая кроссовок и

куртки…

Глаза привыкли к полутьме, и я отчётливо различаю все предметы: книжные полки, столик с пачкой иллюстрированных журналов, халат, переброшенный через спинку стула, придвинутого к дивану. Дверь в комнату закрыта, а дверца одёжного шкафа полуоткрыта — наверно, обитающий там домовой забыл её прикрыть. А с рабочего стола мрачно пялится на меня квадратный тёмный глаз компьютерного монитора. Магическое слежение? Тьфу, блин, какое, нах, слежение? Совсем крыша съехала…

Мой взгляд натыкается на электронные часы. Зелёные циферки ехидно подрагивают, выдавая мне ценную информацию: 22.47, пятница, и тэ дэ. Пятница? Значит, два часа назад я ещё была у Кристы, на той дурацкой вечеринке, где мне… Испуганно хватаюсь за лицо — у меня же там должен быть синячище во весь рост! Но пальцы встречают ровную гладкую кожу, и ничего не болит. Так что же мне приснилось: тусовка у Кристины или Эххленд? И ещё был какой-то люк — или его не было?

Дико хочется курить. Шарю по карманам — у меня ведь были сигареты, это я помню, — и тут мои пальцы нащупывают маленький аккуратный шовчик на внешней стороне левого нагрудного кармана куртки.

Я не вскрикнула только потому, что язык намертво присох к нёбу. Кидаюсь к столу и дрожащими руками нашариваю выключатель настольной лампы. Темнота отпрыгивает, а я стаскиваю с себя ветровку и подношу её к свету.

На кармане ясно выделяется круглое пятнышко — материя здесь чуть-чуть светлее, — обрамлённое почти незаметным швом. Да, я помню — сюда ударила стрела серого гоблина, а потом я сама заштопала дырку, и не как-нибудь, а магией. И мобильник — он был в кармане, а теперь его нет. И быть не может — я ведь бросила его в чашу Водопада Слёз. Значит…

Я почти падаю на стул, чудом не угодив мимо него. Мысли скачут, как угорелые; я выуживаю из кармана джинсов кошелёк и вываливаю его содержимое на стол. Разгребаю смятые купюры и нахожу среди стошек, десяток и полтинников три пятисотрублёвки — три, а не две! Поочередно подношу купюры к лампе и внимательно их рассматриваю — так и есть: на двух пятисотках номера одинаковые, то есть почти одинаковые — они отличаются только одной цифрой.

Минут хрен знает сколько сижу в полном обалдении. Потом в голове проясняется, и возвращается способность мыслить логически: способность, которой я всегда так гордилась. И первый же вывод предельно прост: я действительно была в мире фэнтези

и провела там почти целый год. А потом меня вернули, и причем очень ловко: здесь прошло всего-то пара часов. И даже вежливо переместили меня прямо в мою комнату, а не в тот идиотский люк, куда я рухнула — хороша бы я была, выбираясь из этого грёбанного колодца, а потом пытаясь попасть к себе домой: ключи-то я потеряла где-то там, в Эххленде, — нет их у меня, нету! А отсутствие синяка — так это наверняка подарок добряка Причесаха. А кого же ещё — магесса Окостенелла скорее подарила бы мне многорядный шрам от кошачьих когтей во всю щёку, чем стала бы заниматься ликвидацией последствий моих неосторожных поступков в моём собственном мире.

Значит, всё это было, было, было! Мой амулет! Я торопливо запускаю руку за пазуху — что-то есть! — вытаскиваю это "что-то" наружу, и…

В моей ладони — горсть света, цветной силуэт в форме бабочки. И эта бабочка тает, тает, тает, распадается на светящиеся точечки и струйки, протекающие между пальцами, как талая вода. Но вода мокрая, от неё остаются влажные следы на коже, а свет — вот он был, а вот его уже и нет. Артефакт из чужого магического мира вместе со своей неразрываемой цепочкой исчез раньше, чем я успела сообразить, что он исчезает…

И тогда я тупо встаю со стула, деревянными шагами бреду обратно к дивану и падаю на него лицом вниз.

Я плачу. Нет, я не плачу — я рыдаю, я захлёбываюсь слезами. Я плачу так, как плачут обиженные дети — в детстве все беды и несчастья кажутся непереносимыми. Но детские горести быстро забываются, а я — я давно уже не ребёнок…

"За что, за что, за что?" — повторяю я сквозь слёзы и понимаю: было за что. Но я всё равно повторяю эти два очень коротких слова — повторяю их снова и снова, давясь слезами. Я помню вкус воздуха Эххленда, помню запах цветов на моей свадьбе, помню белую метель, говорящую голосом Вечности, помню балладу о любви и серые глаза рыцаря по имени Хрум де Ликатес. И вот — ничего этого нет, ни-че-го… Нет этого дивного мира, где умеют творить золото из пустоты, и где люди — то есть эххи — не умеют врать. То есть он где-то есть, этот мир, он реально существует, но мне туда уже не попасть — ни-ког-да… Я могу броситься под поезд, могу спрыгнуть с крыши четырнадцатиэтажного дома — не поможет. А если по какой-нибудь невероятной случайности я и попаду в портал, то вскрытие установит мою смерть от травм, полученных в результате несчастного случая, и никто не узнает, что меня равнодушно убил маг из Гильдии стражей Порталов и отправил

моё мёртвое тело назад на Землю — как и положено по инструкции. Эххленд для меня — и не только для меня — закрыт. На-всег-да.

Я потеряла дивный мир, а ведь могла бы сейчас — могла! — быть в нём герцогиней де Ликатес. Так ведь нет, я как та старуха из сказки Александра Сергеевича Пушкина: а подать мне избу со всеми удобствами, потом столбовое дворянство и дальше по списку. Вот и сижу теперь — то есть лежу — у вдребезги разбитого корыта: получила простреленную куртку и пятьсот рэ компенсации за моральный ущерб. Ну что за жизнь гадская…

Отревевшись, я поднялась с дивана и побрела на кухню. В квартире было пусто, тихо и темно: маман в очередной раз где-то устраивала свою личную жизнь (после того, как она вошла в постбальзаковский возраст, это занятие сделалось для неё основным хобби), папочка тоже отсутствовал (причём давно — уже лет этак двадцать). Папочка исчез из моей жизни, когда я ничего ещё толком не соображала, и потому был для меня существом мифическим, то есть виртуальным — я его просто не помнила.

Холодильник встретил меня белым безмолвием (обычно мы затариваемся продуктами по выходным), среди которого я отыскала кусок колбасы и бутылку какой-то выпендрёжной водки — наверняка чей-то подарок. Водке я обрадовалась куда больше, чем колбасе — самое то в моём раздрызганном состоянии. Набухала в чайную чашку грамм сто пятьдесят и жадно выпила: залпом, как воду. Это вам не слабенькое эххийское вино — в голове тут же зашумело, и по телу разлилось приятное тепло. Поставила чайник и сделала себе растворимого кофе — соскучилась я по этому напитку. Лучше бы, конечно, заварить, но у меня на это не было сил. Пока чайник закипал, я ещё приняла алкоголя, а после кофе более-менее пришла в себя: во всяком случае, перестала поминутно всхлипывать. За окнами было уже совсем темно: только пятна фонарей светились, словно глаза гигантских кошек. Да, кошек — эльфийских кошек…

Вернувшись в свою комнату, я села за стол, подпёрла лицо ладонями и уставилась на лампу. Мысли еле шевелились, как будто объявили любимой мне бессрочную забастовку. И что же мне теперь делать? Снова идти трудиться на благо фирмы, которую я ненавижу тихой ненавистью? Помогать какому-нибудь очередному кренделю уйти от налогов или вывести в оффшорную зону всё, что нажито этим кексом непосильными трудами праведными, и тихо радоваться подачкам, крохам с барского стола, которые наш директор именует зарплатой? И это после того, как я была королевой, управляла целой страной и решала

исход битв и войн? Мне снова захотелось разреветься, но я сдержалась — Москва слезам не верит, и северная столица тоже где-то как-то придерживается той же политики. И постепенно возвращалась и нарастала привычная злость — она для меня вроде допинга. Уроды, козлы, сволочи — ну что за жизнь такая паскудная…

Я перевела взгляд с лампы на стол и увидела там книжку — одну из тех, что я совсем недавно, всего три часа назад (или год назад?) просто обожала. На обложке похабно лыбился красавец-эльф в зелёном прикиде, а рядом с ним многозубой улыбкой, похожей на оскал умершего от перелома позвоночника, ухмылялась дебильного вида девица с мечом в руке — типичная попаданка, судя по одежде и по выражению её морды лица. Мне остро захотелось запустить этом томиком в окно, но я пожалела оконное стекло — возись потом, вставляй. Я протянула руку, погладила глянцевую обложку, словно прощаясь со своей заветной мечтой, и тут меня вдруг осенило (я уже, кажется, говорила, что в стрессовых ситуациях у меня резко активизируются мыслительные процессы). Книга… Книга? Книга! Да, да, книга, едрён батон многоразовый!

Мысли забегали, как ошпаренные тараканы, — забастовка прекратилась. А ведь таких, как я, фанатеющих от всей этой лабуды, — миллионы! Дети хочут сказок — дадим им сказок, нет проблем. Но детки нынче пошли избалованные — уж я-то знаю! — им подавай не просто сказки, а сказочки с гнильцой, чтоб побольше траха да побольше кровушки, а главное — они хотят, чтобы где-нибудь (неважно где, хоть у гоблина на закорках) отыскался бы мир, где их пакостным страстишкам, в которых им стыдно признаться даже самим себе, обязательно нашлось бы уютное местечко. Им хочется верить, что какой-нибудь рохля, не умеющий и не желающий быть настоящим мужчиной здесь, в нашем мире, там непременно будет Героем-Круче-Всех, причём без трудов и усилий, а просто так — на халяву. Им хочется верить, что девица с насквозь продуваемым чердаком, зоологическая хамка, ушедшая по своему умственному развитию на два шага от амёбы (причём в обратную сторону), там сразу же станет богиней Небездидой и будет играючи вершить судьбы миров. Им очень хочется именно таких сказок, и они готовы за них платить. И я помогу этим деткам: я буду писать для них эти сказки. Это совсем несложно, потому что я знаю, о чём нужно писать — ведь я сама из этих детей.

Стандартный фэнтези-роман (особенно типа юмористический) можно нащёлкать на клаве за месяц — ребята с филфака такие штуки делали на спор, а я что, глупее их? И у

меня есть преимущество, которого нет ни у кого: его белобрысое эльфийское величество, король Шумву-шах, правитель Полуденной стороны Эххленда, сделал мне поистине бесценный подарок — он оставил мне память обо всех моих приключениях в мире эххов. Мне не нужно ничего сочинять — мне надо только слегка подретушировать мои воспоминания. Массовому читателю не нужна правда жизни — он будет читать только то, что ему приятно, что гладит его по шёрстке. Он хочет, чтобы примитивная попаданка-бестолковка походя брала верх над бессмертными — ему не нужно знать, что умная я плела такие интриги, узнав про которые сама миледи Винтер от зависти сгрызла бы себе ногти до самых локтей, но все эти интриги рассыпались пылью, столкнувшись со спокойной мудростью древней расы, на тысячелетия опередившей людей. Массовому читателю некомплиментарно отождествлять себя со мной, потерпевшей сокрушительное поражение и вышвырнутой из параллельного мира, словно нашкодивший котёнок, — ему это неинтересно. И поэтому я напишу свой роман на основе реальных событий, только по-другому. Как? А вот, скажем, так.

Таможенник Причесах на раз узрел во мне Избранную, распростёрся ниц и задарил мне некий многоцелевой артефакт, наделивший меня невероятным могуществом. По дороге к ближайшему населённому пункту я мимоходом, голыми руками удавила наглого паука, осмелившегося поднять на меня лапы (все воины моей почётной охраны, понятное дело, трусливо попрятались по кустам). Потом появился дракон и упросил меня взять его к себе в качестве служебной собаки. Я согласилась, но только при том условии, что эта скотина сама будет заботиться о своём пропитании, и дракон с радостью принял моё условие. В Ликатесе я размазала по стенкам её собственного замка одну колдунью, побоявшуюся, что я отобью у неё местного короля, на которого эта стерва сама давно положила глаз. В местную столицу меня сопровождал один местный типа рыцарь, красавец и вообще герой-любовник (дракон попросил краткосрочный отпуск для улаживания семейных дел), и как-то ночью на привале этот хмырь осмелился подкатиться ко мне с откровенно гнусными намерениями. Пришлось оторвать ему яйца (причём без наркоза) и уволить без выходного пособия.

Эльфийский король, импотент по жизни, при виде меня воспрял всеми фибрами и прочими органами души и тела и тут же предложил мне руку, сердце и царство в придачу. В принципе мне было достаточно только царства, но я великодушно взяла в придачу и этого эльфа пенсионного возраста — так, из чистого человеколюбия. Тем временем вернулся мой дракон, у него

началась течка (то есть спермотоксикоз, течка — это у самок), и эта крылатая ящерица набросилась на меня — опять-таки с гнусными намерениями. Пришлось оторвать яйца и ему, чтоб впредь неповадно было (и чтоб такие кретины не размножались). Но тут началась война: местный Тёмный Владыка, прознав о несравненной мне, потерял сон и аппетит — короче, и этот сексуальный маньяк тоже решил нарваться на неприятность. И таки нарвался (в какой именно форме — это я ещё придумаю, не рвать же и этому яйца — нужно же какое-то разнообразие). Ну, и, само собой, восхваление, обожествление несравненной меня, мои статуи из чистого золота, и тэ дэ, и тэ пэ.

А сейчас я тут как бы в отпуске, а потом вернусь, потому как без моего зоркого глаза и твёрдой руки весь тот фэнтезийный мир мигом придёт в хаос и запустение. И продолжение следует: а как же! Надо окончательно дотоптать Тёмного Владыку, переловить в океане всех морских чудовищ и устроить в Камероне типа океанариум (и зоопарк), а драконов заставить организовать закрытое акционерное общество: авиакомпанию грузопассажирских перевозок "Эх, лайн!". А потом — потом надо навестить тамошних богов, Следящих, и поставить их на место. Так что тома на четыре хватит с лихвой, а там, глядишь, ещё чего-нибудь придумаю. И вот такое типа чтиво пойдёт только так, влёт, и читатель радостно замурлычет и радостно достанет кошелёк.

А я стану знаменитой: гонорары, слава, известность, вилла на Коста-Дорада, новый любовник каждый месяц (или даже каждые десять дней), роскошные машины и завистливые взгляды самой Ксении Собчак. И так будет, потому что моих читателей — миллионы, а будет ещё больше (я очень постараюсь). Цинично, скажете вы? А мне насрать, что вы скажете! Победителей не судят, а если и судят, то обычно оправдывают.

Я уверенно включила компьютер, открыла новый вордовский файл и быстро набила название: МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ. А что — клёво! Кажется, это строчка из какого-то хита времён недоразвитого социализма — дедуля мой любил его напевать своим дребезжащим фальцетом. Я несколько секунд любовалась названием, потом подняла глаза — как будто подсказал кто-то — и увидела ни книжной полке уголок сигаретной пачки. "А вот и награда за правильное решение проблемы!" — подумала я, щёлкая зажигалкой (она лежала там же, рядом с пачкой — есть у меня привычка заныкивать сигареты и зажигалки в разных углах комнаты).

У меня закружилась голова — ещё бы, год не курить! — и я замерла, наблюдая за сизой дымной струйкой, медленно

ползущей вверх на фоне белого экрана компьютерного монитора. Буквы — там, где их закрывал дым, — чуть подрагивали, словно подмигивали мне и говорили: "Правильно, Алиночка, молодец, — это ты классно придумала!".

И тут в настольной лампе что-то пыхнуло, щёлкнуло, и свет погас; погас и монитор. Я потыкала выключатель — хрен вам, выбило пробки. А потом я услышала негромкий такой звук — как будто по железу царапают гвоздём. Звук шёл от окна, я повернулась, и…

Сигарета выпала у меня из пальцев и упала на пол, но я не обратила на это внимания. За окном, на металлическом ограждении балкона, сидела здоровенная ворона — мне даже показалось, что это та самая птица, из-за которой я влетела в тот памятный люк. Вороны — они твари индивидуальные, и похожи друг на друга только на первый взгляд. В комнате было темно, а на ворону падал свет от уличного фонаря, и я могла разглядеть эту пернатую тварь — размером с небольшую курицу — во всех её подробностях. Ворона сидела спокойно, вцепившись лапами в балконный поручень, и смотрела на меня, чуть наклонив набок свою чёрную голову с внушительным клювом. Я увидела блестящий вороний глаз — ворона видела меня, более того, она меня специально разглядывала, причём внимательно: как бы изучающе.

И взгляд птицы был осмысленным: в нём была мудрость, укоризна и грусть — лёгкая, еле заметная.

И мне стало очень-очень-очень не по себе…

< КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ >

КНИГА ВТОРАЯ. ДИТЯ ДВУХ МИРОВ

Опять двадцать пять… (как бы пролог)

В босоножках противно хлюпало.

Ноги я промочила, верняк. И это называется лето? Ага, счаз! Лето у нас в Питере плохое, но короткое, а в этом году оно вообще какое-то недоделанное. По радио обещали: мол, вот-вот грянет "вспышка тепла", и мы наконец-то насладимся клёвой погодой, однако все эти обещания так и остались пустым трёпом средств массовой информации. Холод никак не желал отступать, а дожди наоборот — как с цепи сорвались. Нет, я, конечно, не ждала тропической жары, но чтоб в июле не вылезать из джинсов — это уже перебор.

Ветер трепал верхушки деревьев, а серое небо над головой очень гармонировало с моим настроением. Ну что за жизнь гадская…

Поскольку я девочка умненькая (вы это наверняка помните), я вовсе не надеялась, что издатели сразу и вдруг примут меня с распростёртыми объятьями — наслышана я была об их нравах и порядках. Нет, объятья мне вообще-то предлагались (и весьма недвусмысленно), но не в смысле, а в смысле, тьфу, то есть, не в том смысле, а в другом. То есть нет, в том самом, но не в том, который… Ладно, расскажу по порядку, а то я сама уже запуталась.

Роман свой я нащёлкала за месяц — двенадцать авторских листов, как с куста (это любимый размер нынешних книгоиздателей — оптимальное соотношение себестоимости и цены называется). Адреса издательств (прежде всего питерских, чтоб можно было дойти туда ножками) я нарыла в Интернете и кое-что вызнала другими путями. У нас в универе (я уже, кажется, говорила) шустрые ребята графоманят потихоньку под сочными псевдонимами — пишут всякие там детективы, космические боевики "бластера энд блокбастера" и фэнтези "меча и кирпича". Халтурка, так сказать, — не очень чтобы денежно, но не так чтобы очень пыльно. Джентльмен в поисках десятки, как говорил Остап Бендер — самый пройдошистый персонаж всех времён и народов. Сильно на этом не приподнимешься, но на оттянуться разок-другой хватит.

Вот у этих мальчиков я и вытянула всю нужную мне информацию: где какая рыба и почём. Охмурить такого юношу — плёвое дело: они ведь элементарную улыбку с лёгким эротическим оттенком воспринимают как полновесный

многообещающий аванс. Жертвы гормонов-феромонов, что с них возьмёшь…

Короче, всеми необходимыми сведениями я располагала: знала о том, что новый автор для издателя никто и звать никак (мясо, как они выражаются); что надо вписываться в какую-нибудь существующую серию; что желательно гнать бесконечные продолжения, ориентированные на вполне определённую целевую аудиторию; и тэ дэ, и тэ пэ. В общем, я подошла к вопросу очень обстоятельно.

Затык пришёл, откуда не ждали: стереотипный "шадевер" не желал рождаться — ну никак! Я выжимала из себя строчку за строчкой — ну кисонька, ну ещё капельку! — а в итоге получался какой-то ужоснах. Я не сдавалась, упорно переписывала и переделывала, однако очень скоро поняла, что толку от этого моего самоизнасилования — ноль-ноль. Вроде бы и выходило нечто похожее на привычный ширпотреб, от которого ещё совсем недавно я тащилась, но… И сопротивление ощутимо нарастало по мере увеличения объёма текста — чем дальше в лес, тем злее лешие. И тогда я плюнула и решила написать так, как оно было на самом деле.

И попёрло! Текст потёк весенним ручейком, бойко перепрыгивая через лексические и стилистические камушки. Я без всякого напряга выдавала в день до тридцати тысяч знаков с пробелами — роман рождался прямо на глазах. Я млела.

Работа мне не мешала. Когда в отсутствие шефа другие девчонки на фирме чатились в Интернете или шарились по сайтам знакомств, я создавала свою нетленку. На мой рабочий комп, понятное дело, я левый файл не скидывала — работала прямо с флэшкой. С некоторых пор у нас завелось недрёманное око босса — селёдкообразная особь по имени Ксюха. Посетив пару раз постель нашего любвеобильного директора, эта дура возомнила себя чуть ли не его законной женой, и теперь вдохновенно стучала ему на нас на всех, надеясь таким образом закрепиться в упомянутой койке. Ну-ну, блажен, кто верует…

Одолеваемая писательским зудом, всё свободное время я тоже посвящала созданию своего романа — меня почему-то не тянуло ни на какие тусовки. Кристина просто балдела, когда я в очередной раз отказывалась прошвырнуться с ней на дискотеку. "Ты не заболела, Алинка?" — участливо спрашивала она, а я в ответ только загадочно ухмылялась. Хотя мне самой иногда было удивительно: что это со мной творится? Уж не подцепила ли я в самом-то деле какую-нибудь экзотическую эххийскую заразу, давшую осложнение на мозги? Я ведь даже на парней перестала смотреть плотоядно (а это, честно говоря, совсем уже непонятно).

Дошло до того, что мне начали сниться "весёлые" сны, причём с завидным постоянством героем этих моих порнографических сновидений снова и снова был ни кто иной, как маркиз, то есть герцог, Хрум де Ликатес. И я бы дорого дала, чтобы эти сны стали реальностью — не иначе как это действовала магия параллельного мира, блин горелый…

И всё-таки я отшивала клеившихся ко мне парней — как заклинило. И они это начали чувствовать заранее — мой рейтинг существенно снизился. Тут какое-то природное правило замешано, я так думаю: мужики спинным мозгом чуют, чего можно ждать от женщины, и если от девчонки зовущие флюиды не исходят ни в каком диапазоне, то будь она хоть какая красавица-раскрасавица, мужчины внимания на неё обратят не больше, чем на мраморную статую — типа, ну, красивая, а толку-то? По-простому это называется "если сучка не захочет, кобель не вскочит", как сказал один литературный классик. И ведь верно подметил, гад…

Однако нет правил без исключений. Нежданно-негаданно прорезался Славик — я уже и думать забыла о его существовании. Сначала он доставал меня по всем телефонам (звонил и на фирму, и домой), а когда я заблокировала все его номера (не хочу ни видеть, ни слышать эту сволочь мордобойную), этот дебил не придумал ничего лучше, как заявиться ко мне, да ещё с букетом цветов и с бутылкой шампанского — типа помириться желаю: вернись, я всё прощу. А он меня спросил, прощаю ли я его, а?

Да, я совсем забыла сказать, что в личной жизни моей маман произошли некоторые изменения — с недавних пор в нашей квартире поселился Петрович. Уж не знаю, где маманя его отрыла, но факт остаётся фактом: он вошёл в нашу жизнь и прочно в ней обосновался. Ему было под полтинник, а если учесть, что люди — не эххи, я с полным правом считала его стариком. Бывший офицер (каких войск — не знаю, знаю только, что по молодости он воевал ещё в Афгане, а потом ещё где-то, благо "горячих точек" у нас в стране хватало), крепкий молчаливый мужик со шрамом на левой щеке, Петрович чем-то неуловимо отличался от всех моих знакомых особей мужского пола — была в нём какая-то обстоятельность и надёжность. Я не слишком интересовалась его прошлым, но от матери узнала, что жизнь потрепала этого дядю по полной программе. Маманя вовсе не уводила его из семейного стойла — Петрович остался в безжёнье ещё в середине девяностых, когда офицеры бывшей "непобедимой и легендарной" оказались никому не нужны. Однако он не спился и сумел удержаться на ногах — на кого попало моя очень разборчивая маман вряд ли положила бы глаз.

Поначалу я приняла это явление Христа народу скептически и (чисто из вредности) решила проверить его на всхожесть (ну, вы понимаете, что я имею в виду). Я начала шастать по квартире в неглиже, в полузастёгнутом халатике, ненароком и как бы случайно попадаясь на глаза Петровичу. Я ловила на себе его взгляды, в содержании которых ошибиться никак не могла, и как-то раз, когда он сидел на кухне и пил чай (маманя была в магазине), я взяла да и ненавязчиво прижалась к нему бедром, очень естественно сдвинув локтем полу халата.

Петрович поднял на меня глаза (они у него были серыми — точь-в-точь как у Хрума), секунду смотрел на меня, словно впервые увидел, а потом очень спокойно сказал:

— Не шали. Я люблю твою мать — ясен тебе расклад?

Я отскочила от него как ошпаренная, и с тех пор зауважала своего как бы папу и даже почувствовала что-то вроде зависти: ну почему мне не попадаются такие мужики?

К чему я это всё говорю? А к тому, что когда ко мне заявился этот ушлёпок Славка, Петрович был дома. Нет, он тактично не выползал в коридор, где мы выясняли отношения с моим былым возлюбленным (в комнату я Славика не пустила), но, как выяснилось, стоял на страже мира во всём мире и держал ухо востро. И, как выяснилось, не зря.

Славка убалтывал меня долго и нудно — дошло даже до того, что он предложил мне руку и сердце (очень мне нужны эти его запчасти!), если я не хочу возобновления наших с ним прежних вольных отношений. В конце концов мне всё это надоело, и я коротко и ясно объяснила ему, куда и с какой скоростью он должен отсюда двигать, причём безвозвратно. Как и следовало ожидать, Славик взбесился: грубо схватил меня за руки и наградил парой эпитетов на самом распространённом диалекте великого и могучего русского языка — на матерном. Мне сразу поплохело (даже глаз тупо заныл, и захотелось заплакать от злости и бессилия), но тут в коридор вышел Петрович.

Посмотрел вприщурку на покрасневшего от ярости парня и сказал — как всегда, очень негромко:

— Оставь девочку в покое. Не нужен ты ей — неужели тебе это не понятно?

Славка смерил Петровича недобрым взглядом — мол, это ещё что за хрен моржовый? — и добавил ещё парочку сочных идиом, но уже адресованных не перепуганной мне, а моему типа папане. Славка вообще всегда был склонен преувеличивать свои физические таланты, и не принял какого-то старого пня за серьёзного противника. А зря.

Дальнейшее напоминало лихой боевик. Я и ахнуть не успела,

как Славик, здоровый накачанный бугай, вылетел в двери (и когда Петрович успел их открыть?) спиной вперёд. На лестнице он хряснулся хребтом о перила, взревел и кинулся в уже нешуточную драку. Хрена — драка не состоялась за явным преимуществом одной из сторон. Петрович перехватил взбешённого парня в дверях, подался вбок, сделал неуловимое движение, и несостоявшийся жених кубарем покатился вниз по лестнице. Я даже забеспокоилась (не за него, ясен пень, а за моего защитника) — как бы он не сломал бы себе чего? Отвечай потом за этого придурка…

Однако всё обошлось — Славка поднялся на межэтажной площадке, помотал башкой, и я (выглядывая из-за широкой спины своего как бы папаши) увидела в его налитых дурной кровью глазах искреннее недоумение и… уважение. Потом он пробурчал что-то себе под нос и побрёл вниз — не оглядываясь. Я облегчённо вздохнула.

Букет я выбросила, а шампанское (трофей, как-никак!) мы распили втроём с маманей, вернувшейся с занятий с вечерниками. И чокаясь с Петровичем, я впервые назвала его по имени: Алексей.

Но это всё лирика, а суровая правда жизни состояла в том, что написать роман — это даже не полдела, а гораздо меньше. Несмотря на всю мою подготовку, в издательствах я терпела одно фиаско за другим. При личных контактах, затрачивая немалые усилия и пуская в ход всё своё обаяние, мне иногда удавалось добиться прочтения моего творения, однако дальше этого дело не шло. Ответы были стандартно-неопределёнными: нет серии, в которую вписался бы ваш роман; редакционный портфель забит на полгода вперёд; тематика может оказаться невостребованной, потому как много сейчас такого похожего; и прочее в том же духе. А сегодня я потерпела полное и сокрушительное поражение…

Редактор посмотрел на меня тусклым взглядом, в котором однозначно просвечивала скука и полнейшее разочарование в умственных способностях всего человечества — типа, ну вот, ещё одна великая писательница нарисовалась на мою голову. В глазках его мелькнул огонёк интереса, однако я не обольщалась: интерес этот относился к моему полу, возрасту и внешности, а вовсе не к моим литературным типа талантам. Я подготовилась к этой встрече должным образом: надела полную боевую раскраску и сменила джинсы на короткую юбку — обнажённые коленки действуют на мужиков эффективнее обнажённого меча. Но при этом я помнила, что явилась не на конкурс "Мисс кофемолка", и старалась соблюсти точный баланс между умом и красотой. Тут ведь как — мужчины терпеть не могут умных женщин, хоть чуть-

чуть похожих на красивых женщин, а с другой стороны — смотрят с лёгким презрением на пустоголовых "моделек" (мол, что с них взять, кроме этого самого).

Похоже, нужный коктейль у меня получился: редактор вспомнил, кто я такая, и нашёл распечатку моего романа. Я насторожённо следила за всеми его движениями и заметила, как в его лице что-то дрогнуло, когда он взял мою рукопись.

— Знаете, — проговорил он ватным голосом, — вы определённо небесталанны, но…

"Ну вот, — обречённо подумала я, — опять двадцать пять за рыбу деньги…".

А редактор посмотрел на меня и произнёс менторским тоном:

— Написано хорошо, со злой иронией, но нам это не подходит.

— Почему?

— Почему? А потому что вы, Алина, нарушаете правила игры. Вы можете представить себе рекламный ролик "Не смотрите рекламу, пока у вас осталась хоть капля мозгов!"?

"Понимаю, не дура, — подумала я с нарастающей злостью. — Какой висельник будет рубить сук, на котором он висит?".

— Наш читатель не воспримет вашу книгу. Он на неё обидится, и мы понесём убытки. Оно нам надо?

Я промолчала.

— Однако в вас есть божья искра, — в голосе редактора проклюнулись отеческие нотки, — и я хочу предложить вам сотрудничество. Мы будем задавать темы, а вы будете писать — в нужном нам формате. Вы владеете языком и своеобразным авторским стилем — у вас будут и тиражи, и заработок. Подумайте, Алина.

"Во, блин, — ошарашено подумала я, — так меня ещё ни разу не соблазняли…".

И тут я почувствовала, как взгляд редактора намертво прилип к мои коленкам.

"Так вот оно что… С этого и надо было начинать, козлина…".

И я не ошиблась.

— К сожалению, у меня сейчас масса работы. Давайте, — голос редактора сделался вкрадчивым, — встретимся с вами вечером, часов в семь. Посидим у нас в литературном кафе — это на первом этаже — и всё обсудим… в неформальной обстановке. Придёте?

— Нет, не приду. А ещё скажу мужу, и он…

— А кто у нас муж?

— Спецназовец. Горел в танке, падал в сбитом вертолёте, душил террористов голыми руками. Сейчас в отпуске, проходит

реабилитацию — излечивается от постоянного желания убивать всех подряд.

— Предупреждать надо…

Я ожидала, что этот как бы Казанова и дальше будет цитировать артиста Миронова из "Обыкновенного чуда", но он, похоже, или не захотел извиняться, или просто не смотрел этот фильм. Ничего удивительного — ребята говорили, что издатели "фаст-рида" сами ничего не читают и не смотрят — нет у них на это ни времени, ни желания.

Глаза редактора похолодели, хотя то, что он испугался, было видно невооружённым глазом.

Больше говорить нам было не о чём.

…Подходя к дому, я от души выматерилась: поперёк дороги разлеглась совершенно необходимая лужа. Вот ведь жизнь паскудная — асфальт настелили совсем недавно, а лужи уже тут как тут! Вечно у нас всё через задницу…

Однако матюги — это вам не эххийские заклинания, левитации не способствуют, а для форсирования этой лужи нужны были ласты, а не босоножки. Ладно, нормальные герои всегда идут в обход. Земля на газоне раскисла и превратилась в липкую грязь, и трава мокрая, но ноги я всё равно уже промочила насквозь, так что хуже уже не будет.

Я осторожно поставила ногу на поребрик — не хватало ещё поскользнуться! — и тут увидела ворону. Здоровенная серая птица сидела на дереве и с интересом смотрела на меня сверху вниз.

Надо сказать, что после визита одной такой пернатой твари, до смерти перепугавшей меня вскоре после моего возвращения из Эххленда, моё отношение к воронам стало очень уважительным. Ворон в округе было много, и я постоянно к ним приглядывалась, помня слова боевого мага Хрума де Ликатеса "можем обернуться и птицей, и кем-нибудь ещё — всё зависит от конкретной ситуации". Птицы, конечно, интересные — и умные! — однако ничего мистического в их поведении я с тех пор не замечала. Но эта ворона, сидевшая на дереве, была какой-то необычной — это я почувствовала. Неужели…?

— Что смотришь, курица? — спросила я дрогнувшим голосом. — Интересно, да? А я тебя не звала — не нужны мне эти ваши эххийские чудеса и прибамбасы, так и знай! Вы меня выгнали, так не фиг теперь за мной шпионить — оставьте меня в покое! У-у-у, тварь, камня на тебя нет…

Ворона наклонила голову набок — огоньком блеснул круглый глаз, — но не улетела, а продолжала меня разглядывать: в упор, зараза такая.

— Ну что вам от меня ещё надо? — я поняла, что сейчас разревусь. — Мне ваш Эххленд и так каждую ночь снится, а тут ещё ты перья топорщишь… Издеваешься, да? Сволочи вы, эххи, и больше никто…

Ворона присела на ветке, вытянула шею и каркнула. У меня закружилась голова, и я мягко осела на газон.

И опустился бархатно-чёрный занавес. Обморок называется.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭХХИЙСКИЙ СУВЕНИР

Запах — отпад (в смысле, вдохнёшь и вырубишься, причём надолго). Но так как я уже пребывала в отключке, и вырубаться дальше мне было уже некуда, я решила придти в себя.

Сердце вертелось и прыгало: неужели я снова в Эххленде? Именно такой была моя первая мысль, как только я вынырнула из душного беспамятства. Но этот чёртов запах — не очень-то он походил на цветочный аромат полянки в Роще Порталов. Пахло медициной, и не пахло даже, а воняло! Это меня насторожило — что-то тут не так, — и поэтому я не спешила открывать глаза, а сначала принюхалась и прислушалась.

Пахло лекарствами (кто хоть раз был в любой нашей больнице или поликлинике, тот поймёт, что это за изысканный букет). И ещё что-то звякало, и доносились негромкие голоса — кто-то кому-то что-то говорил, хотя слов было не разобрать. Я лежала на чём-то мягком, но явно не на траве, и под головой у меня была, похоже, самая обыкновенная подушка, от которой тоже несло чем-то очень медицинским.

Я открыла глаза.

Нет, это не Эххленд — это гораздо хуже.

Вместо голубого неба я увидела белый потолок, а вместо живой зелени деревьев — стены унылого бледно-салатного цвета. Больница это, а никакой не параллельный мир…

Я чуть повернула голову. Возле стеклянного шкафа, набитого банками-склянками, толстая тётка в белом халате что-то втолковывала стоявшему рядом с ней мужику в таком же прикиде; её малочленораздельное бормотание напоминало жужжание крупной мухи. Я снова закрыла глаза, отчаянно надеясь, что наваждение рассеется, и я всё-таки увижу Эххленд, но мои надежды не оправдались — облом называется.

— Ну что, пришли в себя? — услышала я.

Мужик в халате заметил, что я шевельнулась, и прервал свою беседу с мухой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он профессионально-равнодушно.

— Как в раю, — угрюмо буркнула я. — Как я сюда попала?

Всё оказалось не просто, а очень просто. Свидетелем моего выпадения в бессознанку оказалась бабулька, наблюдавшая из окна своей квартиры на первом этаже за кошками, бродячими

собаками, прохожими и прочими явлениями живой природы. Установив, что подниматься с мокрой травы я вроде не собираюсь, бабуля тут же позвонила в "скорую". По стечению обстоятельств, дежурная больница находилась неподалёку, и белый "фордик" с проблесковым маячком на крыше оперативно прибыл на место происшествия. Короче, не успела я придти в себя, как уже оказалась на больничной койке.

— Ничего страшного, — успокоил меня врач, изложив всю эту предысторию, — простой обморок. Обычное дело в вашем положении, девушка.

— В каком таком положении? — насторожилась я.

— Как это в каком? — удивился наёмник Гиппократа. — Беременны вы, милочка, — на третьем месяце. Для вас это новость?

Если бы я не лежала, то точно бы упала. Новость… Это уже не новость, это удар по башке: тяжёлым тупым предметом вроде крышки того люка, через который я провалилась в другое измерение. Вот это номер…

— Так мне можно идти? — Я села на койке, собрала мысли в кучу и вытащила из этой кучи ключевые слова "ничего страшного".

— Можно. Но лучше бы за вами приехали. Есть у вас муж-приятель? — доктор хитро прищурился.

— Найдётся, — отрезала я, пресекая на корню его ненужное любопытство.

Однако любознательный эскулап прав — надо позвонить маме или дяде Лёше, а то от таких сногсшибательных новостей я по новой грохнусь в обморок, не доходя до дома.

Мама лишних вопросов не задавала, приехала быстро, и мы с ней незамедлительно покинули гостеприимные больничные стены. По дороге я отмалчивалась, решив отложить сенсацию на потом (а то ещё неизвестно, кого придётся везти обратно в больницу — меня или мою маман). Кроме того, мне надо было разобраться в ситуации и понять, как это я так лихо залетела.

Надо сказать, что в сексе я всегда неукоснительно придерживаюсь принципа "safety first", что по-английски значит "безопасность превыше всего". Рассудительность не мешает чувственности, а мозг — это очень важный половой орган. И бог (тот самый, который с луком и с крылышками, Эрос его фамилия) миловал — я ещё не разу (в отличие, скажем, от той же моей сильно невезучей Кристинки) не попадала в "интересное положение". И вот на тебе, попала. Но самое главное — после моего возвращения из Эххленда я ни разу ни с кем не того. Да и по времени — доктор сказал "на третьем месяце". Но тогда…

Тогда это значит… Нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда!

А почему, собственно говоря, "не может быть"? Ещё как может! Я вспомнила свои ощущения, испытанные в объятьях Шумву-шаха (а ещё раньше — в объятьях дракона Кост-а-Лома), и поняла: может, да ещё как — на меня так накатило, что я беспокойно заёрзала на сидении "маршрутки".

— Тебе нехорошо, доченька? — тут же участливо спросила мама.

— Мам, всё путём, — я поспешила её успокоить и вернулась к своим размышлизмам.

Итак, следуя законам логики, мы имеем двух претендентов на титул "виновник торжества", он же счастливый папаша: крылатого разбойника Костю и эльфийского короля. И вероятнее всего, мой ребёнок — это дело рук (то есть не рук, а… ну, вы понимаете) Шумка: я была королевой Алавой почти полгода, и если бы моя предыдущая гаремная жизнь не прошла бесследно, то результат за это время проявился бы, стопудово. Правда, есть и ещё один вариант: я попала в Эххленд уже в беременном состоянии (я лихорадочно перебрала в памяти свои интрижки до того как — тут вполне мог быть замешан Славка). С одной стороны, логично: я ведь вернулась домой почти в то же время, в которое провалилась в люк. Но с другой стороны — нет, не сходится. Я жила в Эххленде нормальной жизнью: ела, спала и всё остальное-прочее — вся физиология (в том числе и женская) работала у меня как положено. А это значит, что я всё-таки унесла с собой эххийский подарок (да ещё какой!). Как там сказал мне на прощанье его эльфийское величество — "Что бы ты хотела оставить себе на память об Эххленде?". Ну-ну, знал бы этот белобрысый тип, что я себе оставила на память…

По приезде домой я сначала основательно перекусила, и только потом, на сытый желудок, приступила к делу. Я ожидала от мамани потоков слёз и заламывания рук, но она восприняла моё сенсационное сообщение более чем адекватно — я даже удивилась.

— Вот и хорошо, — очень спокойно сказала она. — Стану из потенциальной бабушки бабушкой реальной.

— Мам, ты чего? — возмутилась я. — Совсем с крышей поссорилась? Какая бабушка? Это же вся жизнь наперекосяк! Нянчиться со спиногрызом, играть в нищую мать-одиночку — вот только этого мне и не хватало для полноты счастья! Счаз, разбежалась! Сделаю аборт — и точка!

— Какой аборт, Алиночка? На таком сроке? Ты что, хочешь себя изуродовать на всю оставшуюся жизнь? Локти потом кусать

будешь: захочешь родить, да не тут-то было, поезд уже ушёл.

— Да в гробу я видела эти твои поезда! — я еле сдерживалась, чтобы не перейти на энергичный матерный — маманя его терпеть не может. — Я вообще рожать не собираюсь — ни-ког-да!

— Дурочка, — мягко сказала мама и погладила меня по голове. — Какие твои годы? Не зарекайся, жизнь — она длинная.

Я только сердито сопела. "Всё равно сделаю по-своему…".

— А кто отец? — осторожно поинтересовалась маман, подождав, пока моё сопение не сделалось более мирным. — Тот мальчик, которого Лёша…

— Нет, — коротко буркнула я.

— Я его знаю?

— Нет.

— Он живёт здесь, в Петербурге? — не отставала потенциально-реальная бабушка.

— Нет, — я криво усмехнулась. — Он живёт далеко — очень далеко. Так далеко, что…

— Но хоть алименты с него получить можно?

Вот тут, несмотря на своё мрачное настроение, я чуть не расхохоталась. Хотела бы я знать, каким это макаром можно стребовать алименты с короля неведомого параллельного мира, находящегося хрен знает где? И чем он будет их платить? Разве что маной — денег-то у эххов не водится! Хотя если бы его эльфийское величество соизволил сотворить для меня (и, между прочим, для своего отпрыска тоже) миллиончик "убитых енотов", я бы от них не отказалась. Но это уже типа фантастика, причём ненаучная.

В общем, мы ещё долго препирались, и когда пришёл Петрович, он застал нас обеих основательно зареванными. Узнав, в чём причина слезоразлития, он подвёл итог решительно и веско.

— Не дури, Алина. Рожай. Выкормим. "Мерседес" твоему детёнышу я не обещаю, но с голоду он не пропадёт, и человеком станет. Я видел, как умирают люди, — пусть лучше они рождаются.

Я не стала с ним спорить, но и принятого решения не изменила. То есть от аборта-то я отказалась (маманя всё-таки меня убедила), но есть ведь и другие способы — например, не забирать ребёнка из роддома, а отказаться от него прямо там, не отходя от кассы.

Вопрос "Кто отец?" остался открытым. Посудите сами, не могла же я рассказать маме и Алексею о своих фэнтезийных приключениях (я об этом вообще никому не рассказывала). В

результате такого откровения я оказалась бы в психушке, однозначно, причём они упекли бы меня туда исключительно из гуманных соображений — как бы моей же пользы для. Тяжело с этими стариками — уж больно мозги у них замшелые.

Но Кристина меня таки расколола, точнее, я раскололась сама (честно говоря, давно хотелось).

Узнав, что я залетела, она сначала ахала и охала, потом принялась делиться своим богатым опытом выхода из подобных ситуаций, а когда я сказала, что поздно пить боржоми, призадумалась. Вот тут наш разговор и свернул на мою невероятную историю — я выложила Кристе всё, как на духу.

Реакция моей задушевной подруженьки была своеобразной.

— И где ты такую траву берешь? — протянула она участливо и в то же время с оттенком зависти. — Вот это глюки…

— Чёрные глюки, — фыркнула я. — Ты что, типа мне не веришь? Не догоняешь? Я же тебе правду рассказала! Думаешь, почему я свой роман так быстро написала? Да потому что это дневник, в натуре. А ты думала что, я великая писательница земли русской, сюжеты сами в голову прыгают? Ага, счаз…

Кристина смотрела на меня ошалело, и я так и не поняла, поверила она мне или нет. Ну и ладно, не очень-то и хотелось…

Зато директор нашей конторы по безотходному производству денег на пустом месте, когда я в конце лета сообщила ему о том, что намерена в скором будущем уйти в декретный отпуск, в серьёзность моих намерений поверил сразу. Вопрос своей возможной причастности к факту моей беременности шефа не волновал (за всё время работы в фирме мне как-то удалось избежать его пылкой страсти, да он не сильно и настаивал — в избытке хватало куда более покладистых), но и платить мне он явно не собирался.

Подумав и прикинув в уме дебет-кредит, он посмотрел на меня змеиным взглядом и предложил уволиться по собственному желанию.

— Нет, — решительно заявила я. — Я честно работала на вас три с лишним года, и хочу получить то, что мне причитается. По закону, между прочим.

— Закон, что дышло, — гаденько ухмыльнулся босс. — Не гони волну, девочка.

Меня окатило жаром. Стены кабинета растаяли, и на их месте проступил лес — дикий и незнакомый. А посередине этого леса, наполненного звуками и запахами, стояла я (или не совсем я?). В моей руке (или не моей? рука была крепкой и мускулистой) был зажат грубо обработанный острый камень, у ног лежала подбитая крупная птица (и я знала, что это я её сбила), а прямо передо

мной присел на задние лапы серый зверь — то ли волк, то ли шакал, то ли дикая собака. Зверь глухо ворчал и скалил зубы. Он явно претендовал на мою добычу, но я не собиралась её уступать, потому что (я это тоже знала) меня ждал мой детёныш, который хотел есть. И я тоже оскалила зубы и зарычала, крепко сжимая своё примитивное оружие. И зверь не прыгнул — он взрыкнул, клацнул зубами, развернулся и исчез в густых зарослях. Я перевела дух, и окружавший меня первобытный лес начал таять, пока не исчез совсем. Я снова сидела в директорском кабинете.

И тогда я посмотрела директору прямо в глаза и раздельно и чётко произнесла:

— Я хочу получить деньги, которые мне причитаются, и я их получу. Я давно работаю в вашей фирме, и многое знаю. И я хочу, чтобы мой ребёнок был сыт. Не будем ссориться — вам же дороже выйдет.

Момент был опасный — в глазах босса заплясали зловещие огоньки. Но эта сволочь умела считать и поняла, что если он попытается заткнуть мне рот, это действительно может обойтись ему куда дороже. А самое главное — его сбила с толку моя решительность: совсем как того первобытного зверя, десятки тысяч лет назад покушавшегося на пищу, которую я добыла для своего детёныша. Реинкарнационная память, блин горелый…

Дорабатывая оставшееся до отпуска время, я держалась настороже — запросто могут подставить напоследок. Однако всё обошлось, и деньги я получила. Правда, на моё место тут же взяли другую девчонку, но это меня огорчило не сильно — я всё равно не собиралась сюда возвращаться.

* * *

Прихватило меня, естественно, ночью — закон подлости никто не отменял. Однако дядя Лёша оказался на высоте — привык к ночным тревогам. Пока маманя помогала мне одеться (на улице вовсю падал снег), он быстренько прогрел свою видавшую виды "ауди" (вообще-то машина была не его, а фонда бывших офицеров, где Петрович работал, но он пользовался ею постоянно), помог нам забраться на заднее сидение и дал по газам.

— Лучше я сам тебя отвезу, дочка, — сказал он, поглядывая на меня в зеркальце заднего вида, — знаю адрес. Одного моего сослуживца невестка недавно там родила — проверено. А то по "скорой" попадешь невесть куда, что там да как — кто его знает?

Меня уже вовсю колбасило, но слова дяди Лёши помогли мне

больше, чем мамина рука, лежавшая на моих плечах. Дочка… Меня ещё никто и никогда (мама не в счёт) так не называл — по-настоящему, а не мимоходом. "Дочка" — как это, оказывается, приятно…

Водить Петрович умел — Шумахер отдыхает, — но сейчас он мчался хоть и быстро, но не сломя голову. Не то чтобы он опасался ночных охотников из гибэдэдэ — просто не хотел рисковать. Дороги в Питере хоть и привели более-менее в порядок, однако по тому самому закону подлости, который никто не отменял, могла попасться под колесо какая-нибудь особо подлая колдобина.

В общем, мы успели — рожать в машине мне не пришлось.

В приёмном покое крупная рыжая тётка в белом халате окинула Петровича зорким оком.

— А вы кто, собственно, будете? — подозрительно поинтересовалась она.

— Дедушка, — ответствовал дядя Лёша. — Будущий.

— Угу, — неопределённо буркнула рыжая в белом: типа, знаем таких дедушек, охочих до девушек. — Ждать будете?

— Буду, — коротко бросил Петрович, ища глазами, где бы сесть.

Дальнейшей дискуссии я не слышала — отчаянно трусившую меня повели наверх.

Если вам скажут, что рожать — это райское наслаждение, плюньте в рожу такому агитатору. Плющило меня не по-детски — как будто какой-то садюга выворачивал наизнанку. Ну почему природа так несправедлива? Кататься мужики соглашаются с очень большой охотой — сами зазывают, — а как дело доходит до саночки возить, так отдуваться приходится бедным нам. Я прокляла всё на свете, измучилась по самое некуда, и даже не заметила, как всё кончилось — это получилась почти неожиданно.

— Сын у вас, — сказала акушерка, показывая мне крохотное тельце. — Поздравляю!

Я только слабо кивнула, уплывая в сонную дрёму…

Проснулась я уже в палате, где кроме меня было ещё пять штук баб разной масти и возраста. Они успели скорешиться между собой и активно обсуждали свой новый статус. Я разбирала отдельные слова, но вмешиваться в счастливую воркотню этих глупых куриц у меня не было ни малейшего желания. Отвернувшись носом к стенке, я думала, и мысли мои были невесёлыми.

Забирать ребёнка мне никак нельзя — это было ясно как божий день при хорошей погоде. Кто я есть на земле нашей

грешной? Ни типа работы, ни как бы мужа — что я буду делать с этой крохой в гордом одиночестве? Родовые муки — это только увертюра (я о них уже и забыла), а вот все эти предстоящие визги-писки-какашки-болячки… На моей молодой жизни можно ставить большой и очень жирный крест — куда я с четырёхкилограммовым камнем на шее? Ни погулять, ни оттянуться, ни развеяться… Конечно, особи мужского пола, желающие забраться ко мне в койку, найдутся — не я первая, не я последняя, — вот только надолго ли? Во всяком случае, рассчитывать на заарканивание бесхозного сироты-дипломата более не приходится — эти сироты весьма разборчивы. И самостоятельную карьеру сделать не получится — какая может быть карьера при ребёнке? Какому работодателю я такая нужна? А денег дитятко требует немеряно… Да, мама и Петрович помогут, я в этом не сомневалась, но не буду же я, великовозрастная девица (да ещё с непонятно откуда взявшимся киндером), вечно висеть у них на шее? Вот ведь жизнь гадская…

От тяжких дум меня отвлекло прикосновение к моему плечу мягкой женской руки и голос:

— Как вы себя чувствуете? Пора кормить вашего малыша.

Я нехотя повернула голову. Возле моей постели стояла круглолицая медсестра, чем-то напоминавшая приснопамятную тётку-ватрушку, обслуживавшую меня у сотника Верта в далёком Ликатесе; на её губах играла доброжелательная улыбка.

"Чё лыбишься, дура" — зло подумала я, а вслух сказала:

— Я хочу поговорить с главврачом.

Врач выслушал меня внимательно и без улыбки. Когда я закончила свою пламенную речь, содержание которой сводилось к тезису "Ну и нах мне сдался этот ребёнок?", он чуть помолчал, потом вздохнул и произнёс устало:

— Это ваше право. Подпишете бумаги, и всё. Уговаривать я вас не буду.

Мне почему-то стало стыдно, и я ляпнула:

— Ну, я не насовсем хочу его оставить. Пусть он немного подрастёт, а я тем временем приподнимусь, и заберу его обратно.

— Нет, девушка, — это слово прозвучало как-то презрительно, — так не получится. Или вы берёте своего ребёнка, или вы от него отказываетесь. Насовсем — со всеми вытекающими.

В висках у меня нудно застучали назойливые молоточки. "Насовсем? Совсем-совсем насовсем?" — растеряно подумала я.

— А… А можно я его покормлю… напоследок? — робко спросила я, стараясь глядеть в сторону.

В глазах у доктора мелькнул странный огонёк.

— Можно. Даже, пожалуй, нужно. Марина Васильевна!

Ватрушка распеленала аккуратный свёрточек, и я увидела игрушечного человечка. Да, игрушечного, но — человечка… Человечек тихо покряхтывал и слегка шевелил ножками и ручками. И глаза у него были… Я слышала, что глаза у новорождённых бессмысленные, но у этого моего игрушечного человечка во взгляде ясно читался вопрос: "Ну что, Активиа? Что мы будем делать?". Я сглотнула засевший в горле комок.

Левая ручка малыша была стиснута в кулачок. Я осторожно разжала тонкие пальчики — на крохотной ладошке лежал маленький клочок ваты.

— Шепоток, — прошептала я. — Ах ты, хапуга…

А когда я приложила его к груди — я всё сделала правильно, хотя меня этому никто не учил, — и губы человечка обхватили мой набрякший сосок, на меня такое накатило — похлеще оргазма (хоть и по-другому, конечно). "Да чтобы я кому-то его отдала? — мелькнуло в моей голове. — А вот хрен вам — не отдам!"

Вслух я ничего не сказала, но главврач, похоже, умел читать мысли (или, что вернее, у него был большой опыт в таких делах).

— Отбой боевой тревоги, Марина Васильевна, — весело сказал он. — Молодая мамаша одумалась — в ней проснулся материнский инстинкт.

И улыбнулся по-доброму.

* * *

Здоровенные хлопья снега падали медленно и торжественно. Голые ветки деревьев обросли белой шубой, а фонари надели на головы пушистые ватные колпаки. Зима…

Я не спеша катила коляску по тополиной аллее, тянувшейся вдоль нашего дома. Мне некуда было спешить: проблемы надо решать по мере их поступления, а на ближайший час моей основной и единственной задачей было выгуливание Шепотка. Я его так и называла: во-первых, папаша его, Шумву-шах, проходил у меня под кличкой Шумок; во-вторых, его отпрыск оказался на диво спокойным ребёнком — диких визгов не устраивал, даже когда был мокрым по уши, а если и возмущался, то как-то негромко — шёпотом. И даже официальное имя сыну я дала по шелестящему созвучию: Шура, то есть Саша. Шепоток безмятежно спал (интересно, что за сны ему сняться, и снятся ли вообще?), а я знай наматывала метры между домами, школой и детским садом. Деревьев у нас в районе множество — целый парк, можно сказать,

так что гулять — одно удовольствие, особенно когда не надо никуда торопиться.

На полог коляски шлёпнулась снеговая кучка.

Я смахнула её варежкой и подняла голову.

На ближайшем дереве сидела ворона — та самая. Здрасьте, давно не виделись…

— Ну что, — сказал я, глядя на птицу, — может, познакомимся? Или ты будешь и дальше хранить инкогнито?

Ворона высокомерно молчала, однако её молчание казалось многозначительным.

Вообще-то я не очень верила, что эта пернатая тварь на самом деле не совсем птица, а совсем не птица, но уж больно назойливо она меня преследует. И к тому же у меня не было оснований сомневаться в том, что Эххленд существует — доказательство тихо посапывало в коляске. Шепоток был не простым ребёнком — в этом я уже успела убедиться.

Ворона слегка подпрыгнула, раскачивая ветку, на которой сидела, — снег посыпался прямо на меня миниатюрной лавиной.

— Хорош выпендриваться! — разозлилась я, отряхиваясь. — Или давай знакомиться, или лети куда подальше, не фиг тут мне снеговой душ устраивать. Ну? Как тебя зовут?

Ворона подумала и хрипло выдала:

— Каг-га!

Клёво… Я вспомнила, как года два назад мы с Кристинкой ездили в Хельсинки — ну, искупаться в аквапарке и вообще. А на границе, пока мы ждали, я увидела надпись над типа обменным пунктом (или чем-то в этом роде): "Kassa". Дело было поздно ночью, и я почему-то (наверно, с недосыпу) прочла эту надпись по-русски, повернув третью и четвёртую буквы. Мы потом с Кристой часа полтора не могли успокоиться — ржали на пару, как сумасшедшие: надо же — "Кагга"! Глупость вроде, а запомнилось…

— Кагга, значит, — протянула я, разглядывая птицу. — Очень приятно. Ну, а как меня зовут, ты, наверно, знаешь: Алина я, хотя там у вас меня звали немножко по-другому. Вот и познакомились…

Однако продолжить беседу с вороной мне не удалось — я услышала за спиной чьи-то шаги. Повернулась — и обмерла: Славик, собственной персоной! Ох, бли-и-и-ин…

Испугалась я здорово, врать не буду, — дяди Лёши рядом не было, за широкую спину не спрячешься. Но испугалась я не столько за себя, сколько за свою крохотульку — кто его знает, что у этого идиота на уме? Чувствуя, как у меня внутри всё холодеет, я поспешно загородила собой коляску, готовая защищать моего

детёныша зубами и когтями, пусть даже без всякой надежды на победу в неравном бою.

— Не подходи! — прошипела я. — Орать буду на всю улицу!

Славка послушно остановился в трёх шагах от меня, не делая никаких агрессивных телодвижений.

— Не бойся, — проговорил он мятым голосом и замолчал.

Я молча ждала, что будет дальше.

А он тоже молчал, опустив глаза, и ковырял снег носком ботинка. Прям немая сцена какая-то…

— Ну, и что дальше? — не выдержала я. — Зачем пришёл?

— Слушай, Алин, я, это… — выдавил из себя Славик и снова замолчал. Удивительно было наблюдать этого самоуверенного парня в таком состоянии. И какого хрена припёрся, спрашивается? Всё вроде уже сказано, причём в очень доступной и понятной форме…

— Это ведь мой ребёнок, да? — услышала я и чуть не села в снег от неожиданности. — По времени сходится…

Ситуация была пикантной: скажи я "да", и дело в шляпе. Человек сам нарывается, я его за язык не тянула. И сосчитал всё верно, счетовод-любитель, математик хренов… Типа совесть загрызла, или как? А Славка смотрел на меня и ждал ответа.

— Нет, Слава, — я тяжело вздохнула, — не твой. Шёл бы ты своей дорогой, а? Что было, то прошло, ага?

Славка потоптался на месте, потом повернулся движением робота и побрёл прочь. Но не пройдя и нескольких шагов, вдруг резко остановился.

— Выходи за меня замуж, — пробормотал он, набычившись.

— Чего-чего?

— Мне всё равно, чей это ребёнок. Выходи за меня замуж. Я тебя попрекать не буду, только… Только ты, это, не делай больше так, ладно?

Отпад — сериал-мелодрама называется. Кто бы мог подумать, что в Славкиных очень прямолинейных извилинах вдруг появятся такие мысли? Он же на девчонок всегда смотрел как на закуску после выпивки, а тут вдруг — замуж, да ещё "мне всё равно, чей ребёнок"…

— Нет, Слава, — я снова вздохнула. — Так будет нечестно — не люблю я тебя, вот в чём фишка. Вот такая я дура, ты уж извини. Понимаешь?

Славик медлённо брёл по аллее, а я смотрела ему вслед и думала: эх, если бы на его месте был… Но это уже фантастика, дети. Ненаучная.

Наверно, я действительно дура…

* * *

Без работы я не осталась. Мама пристроила меня к себе на кафедру — использовала, можно сказать, служебное положение в личных целях. Хотя я вообще-то подходила (и даже училась здесь же, в универе), и к тому же человек на кафедре требовался — лаборантка ушла в декрет. И мы с этой девчонкой как бы обменялись эстафетными палочками — круговорот женщин в природе называется. От своей новой работы я не была в диком восторге, но всё-таки на людях — не сидеть же в четырёх стенах с кастрюлями-пелёнками-распашонками, от тоски взвоешь одиноким койотом. Да и нравы здесь были не такие, как в моём незабвенном бизнес-болоте с его чертями да кикиморами — получше, прямо скажем.

Шепотка я отдала в ясли-сад, благо они были у нас прямо под окнами. В девяностые это двухэтажное Н-образное здание почти опустело, потихоньку превращаясь в эдакий "дом с привидениями", на который уже с определённым интересом поглядывали бомжи, однако в последние годы детишек резко прибавилось, и "замок Морисвилль" ожил.

В общем, всё оказалось не так уж сумрачно (несмотря даже на то, что издать мой роман никак не получалось). Сидела у меня где-то внутри глухая тоска-обида, перемешанная со смутным ожиданием чего-то, что должно случиться — непременно! — однако эххийские сны беспокоили меня всё реже и реже. И Кагга не появлялась — я не видела её с того самого памятного разговора со Славкой (кстати, он тоже больше не попадался мне на глаза). Ворон, как я уже говорила, вокруг было много, но Кагги среди них не было. Ошибиться я не могла — было в ней что-то, что отличало Каггу от всех её серых товарок, и я бы узнала эту птицу, зуб даю. Когда весной вороны сели на гнёзда, я как дура разглядывала их часами, пытаясь найти свою типа приятельницу, — хрена. Ну да, конечно, эххийскому магу больше делать нечего, как сидеть на куче веток, задрав хвост наподобие ложечки, торчащей из солонки! Хотя само по себе это зрелище стрёмное: символ самоотверженного материнства, блин горелый. Сидит этакая курица и под ветром, и под дождём — и ведь не улетает! И чтоб спугнуть её — это надо очень постараться (чего я, конечно, не делала — сама как бы молодая мать, у самой птенец).

А птенчик мой был необычным — это я почувствовала очень скоро.

Внешне он ничем не отличался от всех прочих детишек его возраста (хотя для меня он был, понятное дело, самым лучшим).

И ушки у него были обычные, а не заострённые — это я проверила в первую очередь. Но всё равно: в том, что это маленькое существо не от мира сего, а от совсем другого мира, сомнений у меня не было — никаких.

Шепоток рос быстро, уверенно пошёл в девять месяцев и внятно заговорил в год с небольшим. И, похоже, он умел общаться с окружающим его миром не только словами. На Сашулю очень странно реагировали собаки, кошки и даже шустрые воробьи: они как будто видели в нём собрата или по крайней мере принимали за своего. А когда мы завели котёнка, я частенько наблюдала такую сцену: сидят эти два малыша на ковре, смотрят друг на друга и проникновенно молчат. Молчат — ни писка, ни вяка, ни мявка, но полное ощущение, что ребёнок и котёнок разговаривают и прекрасно понимают друг друга.

Сказки об Эххленде, которые я ему рассказывала, мой сын слушал так, что мне даже становилось немного не по себе: казалось, он вот-вот прервёт меня и скажет "Нет, мам, это было не так…".

А главное — от Шепотка исходило странное нечто (даже не знаю, как объяснить). Ну, как будто свет невидимый, что ли… Такой тёплый свет, от которого становится хорошо-хорошо. И ещё — этот свет как бы вымывал всю скопившуюся у меня в душе грязь. Да, да, не смейтесь, вымывал! Мне рядом с моим сыном даже дышать было легче: куда-то исчезали и злость, и вечная моя насторожённость, и кое-какие другие заморочки.

Мама и Петрович ничего особенного не замечали, но я-то видела, что они оба словно скинули с плеч десяток лет и помолодели — помолодели, честное слово! В движениях дяди Лёши появилась юношеская гибкость, а маманя после напряжённого трудового дня бегала по магазинам задрамши хвост, осуществляя свою идею фикс: купить любимому внуку игрушку некитайского производства.

В два с половиной года Шепоток полёз к компьютеру, причем интересовали его вовсе не игры. Когда я выходила в Интернет, он уютно устраивался у меня на коленях и задумчиво смотрел на дисплей.

— Там можно встретить знакомых, — объяснил он, когда я спросила, что он там хочет увидеть. Я сначала не поняла, а потом меня как окатило: я вспомнила, что эххи забираются в наш виртуал. Так вот каких "знакомых" искал на мониторе мой сын…

Воспитательницы в детском саду его обожали (даже, по-моему, немножко завидовали мне), а другие дети тянулись к нему, как котята к блюдечку с молоком. Шепоток мог одним своим присутствием на корню загасить любую ссору — типа

миротворец трёхлетний. И лишь однажды он сам стал причиной недоразумения.

Когда я в тот раз его забирала, ко мне подошла воспитательница группы Регина — мы с ней уже были как бы подружками — и рассказала, как мой Саша довёл до слёз одну девочку.

— Он не нарочно, — пояснила она извиняющимся тоном, — просто я привыкла к тому, что где твой сын, там слёз не бывает.

А дело было вот в чём.

Эта девочка принесла в садик маленький компас, и детишки увлечённо следили за шевелением его светящейся стрелки. Но тут к ним подошёл мой сын, и… стрелка взбесилась: она начала описывать круги и беспорядочно дёргаться во все стороны. Маленькая хозяйка ударилась в рёв — игрушку сломали!

— А он что? — спросила я Регину, имея в виду Шепотка. — Успокоил её, нет?

— А он только посмотрел на компас, сказал "Примитивно" — по-взрослому так сказал, рассудительно, — и отошёл. Стрелка успокоилась, но Инночка ещё долго хныкала. Ерунда, конечно, просто вокруг твоего Сашеньки всегда было всё спокойно, а тут вдруг…

— Да конечно ерунда, Регин, — сказала я. — Пустяки, не бери в голову. Пока, меня дома ждут!

Взяв Шепотка за руку, я привычно окунулась в исходившее от него тепло, и вскоре забыла всю эту историю.

А зря: я ещё не знала, что тревожный звоночек уже прозвенел…

* * *

— Случай из ряда вон выходящий, — подтянутый человек с военной выправкой, явно не соответствующей его гражданской одежде, был заметно взволнован. — Кажется, на это раз мы столкнулись…

— Если кажется, надо крестится, — брюзгливо перебил его другой человек, сидевший за монументальным столом из числа тех монстров середины прошлого века, которых теперь можно найти разве что в антикварных магазинах. — Излагай суть, а выводы оставь при себе.

— Есть излагать суть! В рамках секретной программы "Дети-уникумы" производилась плановая проверка дошкольных учреждений…

— Короче, майор. Я тебя когда-нибудь расстреляю за твою

привычку к словоблудию.

— Есть, товарищ генерал. В одном из детских садов на Большой Охте был обнаружен мальчик, Саша Ф. Возраст — три с половиной года. Общие сведения — здесь, в распечатке.

Сидевший за столом быстро пробежался по бумаге колючими глазками и хмыкнул, агрессивно шевельнув ёжиком седых волос:

— Читать-писать-считать в три года… Не вижу ничего особенного.

— Это ещё не главное. При опросе персонала одна из воспитательниц сообщила, что этот мальчик выделывал какие-то фокусы с компасом — сводил с ума магнитную стрелку.

— И?

— И тогда я проверил его детектором биополя. Результат, — майор протянул шефу ещё один лист бумаги.

— Ого!

— Так точно, товарищ генерал, "ого". Детектор зашкалило. Этот мальчик генерирует огромную энергию непонятного происхождения. Он "светит" так, что…

— Так, — обладатель седого ёжика остановил подчинённого коротким жестом. — Взять под наблюдение. Круглосуточно. Глаз с него не спускать. С мамаши — тоже. Кто отец?

— Неизвестно, товарищ генерал. Уточняем. Может, передать этого мальчишку нашим учёным? Правда, ему нет ещё и четырёх…

— Вот именно. Как тебе известно, детей-уникумов младше пяти лет нельзя подвергать плотному изучению — спецы считают, что это может повредить их психике и вызвать в ней необратимые изменения. А в этом случае расстреляют уже меня, чего мне совсем не хочется. Так что — следить, фиксировать — всё, до мелочей! — но без изъятия из привычной семейной обстановки. И — безопасность объекта и его матери. Головой ответишь. И яйцами.

— Так точно, товарищ генерал! — майор молодцевато щёлкнул каблуками.

Выходя из кабинета начальства, он бросил взгляд на старинный плакат "Т-с-с-с, враг подслушивает!", висевший на стене, и мысленно усмехнулся: чудит старик, всюду ему враги мерещатся. Тяжёлое наследие "холодной войны"…

* * *

— Ну, зачем звал? — деловито спросил человек в тёмных очках, садясь за столик на открытой веранде небольшого уютного

кафе на пешеходной улице. Несмотря на близость центра города, людей здесь — особенно в это время дня — было немного.

— Вчера я хакнул наши свежие файлы под грифом "Совсекретно", — ответил ему уже сидевший за столом человек с незапоминающейся внешностью. — Есть товар.

— Покажи, — темноочковый раскрыл лэптоп, жестом подозвал официантку и небрежно бросил ей: — Сто коньяку и кофе, киска.

Неприметный, быстро и как-то воровато оглядевшись по сторонам, вынул из кармана флэш-карту и протянул её собеседнику. Тот вставил флэшку в разъём, с полминуты смотрел на дисплей, потом поднял глаза.

— Покатит. Цена?

— Тройная. Баксами. Доллар за последнее время хоть и похудел, но всё ещё упитан.

— Не подавишься, Шуруп?

— Нет, Монстр. Деньги вперёд — тогда получишь имя, адрес и фото этого малолетнего чуда.

— Лады. Но учти, если ты впаришь нам туфту…

— Куда я денусь с подводной лодки… Я знаю, с кем имею дело: если я солью вам дезу, вы меня закопаете или, что ещё хуже, сдадите моему начальству.

— Мне нравится ход твоей мысли, — кивнул человек в очках, потягивая коньяк. — На, держи.

Хакер по кличке Шуруп заглянул внутрь поданного ему бумажного конверта, сунул туда пальцы и прошёлся по толстой пачке купюр со скоростью банкнотосчётной машинки. Удовлетворённо кивнув, он достал ещё одну флэшку и отдал её Монстру.

— Заплатишь за меня? — спросил он, вставая. — Двойной кофе со сливками, и…

— Не грузись, крохобор. Заплачу — ты у нас на довольствии. Канай себе с богом.

Человек в тёмных очках не стал смотреть вслед человеку с неприметной внешностью — шурупу, плотно ввинченному в программу "Дети-уникумы", — темноочковый предпочитал беззастенчиво раздевать глазами проходивших мимо девушек. И в отличие от хакера, он не чувствовал себя в напряжении, потому что хорошо знал: встречи в людных местах зачастую привлекают гораздо меньше внимания, чем рандеву на глухих пустырях. В таких кафе из рук в руки каждый день переходят крупные суммы денег — город задыхается от автомобильных пробок, и деловым людям не так просто совместить свои извилистые маршруты.

Неспешно допив кофе, Монстр нажал несколько кнопок на

сотовом телефоне.

— Мистер Твистер? Вы интересовались редкими насекомыми? У меня есть для вас экзотический экземпляр.

* * *

— Вот так, рыцарь, — Причесах убрал со стола магический шар и сел; деревянное кресло скрипнуло под тяжестью его грузного тела.

— Значит, — герцог де Ликатес задумчиво посмотрел в окно хижины на реку и степь, раскинувшуюся за рекой, — в том далёком мире растёт сын его величества? А ты не ошибся? Хотя что это я: маг твоего уровня и ошибка — понятия малосовместимые. Шумву-шах знает?

— Я не счёл нужным ему сообщать. Умолчать и солгать — это разные вещи. А сам он вряд ли узнает об этом — поток информации огромен, и если специально не интересоваться… А интересоваться его величество не будет: он уже и думать забыл об этой девчонке, к тому же королева Окостенелла сделает всё, чтобы король о ней и не вспоминал. Тревожно другое: вокруг этого малыша закручивается тугой узел — я это ощутил. Похоже, сын Алины многое значит, причём не только для мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды, но и для нас, эххов, и даже…

— Этот мальчик кое-что значит и для меня, — перебил стража правитель Ликатеса.

— Точнее, не он, а его мать? — спросил Причесах, внимательно глядя на рыцаря.

— Да, — спокойно подтвердил Хрум. — Но мать и дитя неразделимы, и поэтому…

— И поэтому ты хочешь…

— …и поэтому я хочу отправиться в её мир. В Эххленде спокойно, и мои нобили сами справятся с текущими делами. Ты мне поможешь, страж Рощи?

— Помогу, — Причесах кивнул, — и даже дам тебе свою фантомную оболочку, хорошо знакомую Активии, то есть Алине. Надеюсь, боевому магу твоего ранга не надо напоминать о возможных неприятных последствиях опрометчивых действий в смежных Мирах?

— Не надо, — герцог усмехнулся. — Я знаю.

— Знать-то ты знаешь, но… Слушайся разума, а не сердца, рыцарь!

— Я постараюсь, страж.

* * *

А на Полуночной стороне Эххленда Вам-Кир-Дык, пребывавший в своей обычной ипостаси желчного сухощавого мужчины средних лет, с крючковатым носом и острыми, как у хищной птицы, чертами лица, вызвал для доклада своих ведущих специалистов, носивших знаковые имена Черномор, Черногор, Чернолес и Чернодыр. Владыка был раздражён без меры: хотя мятеж чересчур шустрого сынка ему удалось подавить, и бывший адмирал флота принц Им-Кир-Дык был успешно скормлен вечно голодным летучим гидрам, прощальный привет подлого дитяти давал о себе знать — суровый папаша страдал от подагры, наведённой прощальным заклинанием сыночка. Заклятье оказалось очень запутанным, и потому болезнь с трудом поддавалась излечению, несмотря на все усилия магов, — неудивительно, что Вам-Кир-Дык был зол, как скопище огненных демонов. К тому же во весь рост вставал вопрос о наследнике — ни один из отпрысков, подаренных властелину чёрными нимфами его гарема, не соответствовал высоким требованиям, предъявляемым к наследному принцу. Проклятая подагра мешала Чёрному Владыке заниматься полноценным сексом, а без этого сотворение качественного наследника представлялось весьма трудным делом даже для такого сильно продвинутого колдуна, каковым был властелин тёмных эххов. Поэтому Вам-Кир-Дык молча барабанил ногтями по подлокотникам трона, оставляя на драгоценном дереве выжженные отпечатки своих царственных пальцев. В свою очередь маги тоже помалкивали: они хорошо знали, на что способен владыка в таком состоянии, а также то, что накормить летучих гидр до отвала практически невозможно, и не спешили пополнить собой меню этих ненасытных тварей.

— Ну? — соизволил изречь Чёрный Владыка, не прекращая заниматься выжиганием по дереву. — Я услышу от вас хоть что-нибудь? Неужели нет ни малейшего луча тьмы в светлом царстве?

Маги боязливо переглянулись, мгновенно обменялись мыслями, и вперёд решительно шагнул Чернодыр. Конечно, он не меньше других опасался необузданного гнева повелителя, и вероятность посмертной реабилитации утешала его не больше, чем любого другого, однако Чернодыр владел искусством ныряния в межзвёздные провалы и полагал, что в случае чего сумеет смыться в параллельное измерение прежде, чем на его голову обрушатся (в прямом смысле слова) громы и молнии, и вернуться не раньше, чем владыка остынет. К тому же ему было что сообщить властелину.

— Вы помните эту историю с попаданкой, на которую упала астральная тень горской княжны Активии Отданон? — вкрадчиво начал чародей.

— Которая стала в итоге королевой Полуденной стороны? На память не жалуюсь, — угрюмо буркнул Вам-Кир-Дык, однако перестал выбивать пальцами дробь. — Я ещё хотел склонить её на тёмную сторону Силы…

— Чутьё вас не обманывало, — заметил Чернодыр, грамотно выдерживая соотношение между грубой лестью и информативной составляющей. — Эта девушка могла бы нам очень пригодиться…

— Но не пригодилась! — оборвал его Чёрный Владыка. — К чему ты её вспомнил?

— А к тому, ваше величество, — маг заторопился, косясь на пляшущие по мрачным стенам тронного зала багровые отблески, которые служили точным индикатором настроения повелителя, — что эта псевдо-Активиа, изгнанная из Эххленда решением Шумву-шаха и возвращённая в свой родной мир, стала там матерью — матерью сына эльфийского короля!

— И что из этого? Не уловил…

— А то, владыка, что это её дитя — дитя двух миров — может…

На этот раз Вам-Кир-Дык уловил — мысли куда быстрее слов.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал он с видимым интересом. — Продолжай, продолжай…

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОЛКИ ИДУТ ПО СЛЕДУ

Люблю я лето, честное слово! Мне вообще нравится, когда тепло, и когда не надо навьючивать на себя кучу одёжек. И дело тут не в природной нашей женской склонности к демонстрации своих прелестей (хотя и не без этого, конечно, — много ли продемонстрируешь в шубе?), а просто летом как-то оно веселее, что ли… Зелень, солнце — жить хочется (во всех смыслах этого слова). И хочется быть счастливой… А ведь если разобраться, человеку не так много и надо для счастья (в смысле, не для глобального счастья, а для текущего). Нет войны, нет чумы, ты сыта-здорова, и мир вокруг настроен к тебе доброжелательно, в общем и целом. И солнечные лучи перебирают светлые волосы твоего сына, деловито топающего рядом, — какого хрена суетиться-дёргаться, бежать неизвестно за чем (только потому, что все бегут)? Вот ещё бы любовь… Это да, это штука нужная, но если её нету в данный момент времени, то всегда ведь есть надежда, что она возьмёт да и появится, верно? Через день, через час, или даже через пять минут выскочит вдруг из-за угла, и…

Эх, скорей бы выбраться из этого частокола нагретых солнцем бетонных коробок куда-нибудь за город! Дачи у нас нет, но дядя Лёша собирается вывезти всё наше семейство на Вуоксу — там у них (в смысле, у его фонда) есть какой-то типа летний лагерь. Я не очень вникала, что там да как: Петрович говорил, что клёво (и молодёжи много), а я уже привыкла ему верить. Оставалась только дождаться окончания летней сессии, и тогда мы с маманей на пару тут же сорвёмся в отпуск до осени. Блин, скорей бы — мне уже остохренело в душной городской пыли, густо замешанной на автомобильном смоге. Хорошо эххам, у них весь транспорт — от лошадей до грифонов — экологически чистый, а у нас в Питере скоро вообще дышать будет нечем.

Мы с Шепотком возвращались из детской поликлиники, где проходили ежегодный медосмотр, — летом народу меньше, чем ближе к осени. Обычно этот медосмотр не слишком дотошный (взяли анализы, кровь из пальчика, послушали, и всё), однако на этот раз моего ребёнка осматривали как космонавта — дошло даже до энцефалограммы и разных других хитрых компьютерных тестов. Я даже слегка прибалдела от такого лихого сервиса (причём бесплатного!), тем более что с нами (персонально, блин!) работала не уже примелькавшаяся поликлиническая медсестра

очень неопределённых лет с выжженными перекисью волосами, вусмерть замученная жизнью и, судя по всему, хронической сексуальной недостаточностью, а представительный молодой доктор со статной фигурой и белозубой улыбкой (у меня от этого педиатра, не буду врать, сердчишко ощутимо ёкнуло — хорош, гад, ничего не скажешь). Я уже была аморально готова к тому, что он начнёт меня клеить, но врач держался строго в рамках, без всяких там фривольных прихватов. Это-то меня и насторожило — ой, что-то тут не так! — а потом я заметила, что глаза у этого типа доктора какие-то отстранённо-холодные, хотя улыбался он с минимальными интервалами, как запрограммированный. И с какого это, спрашивается, перепугу скромной мне — точнее, моему Саше, — такое VIP-внимание? Да ещё даром? И тут же услышала:

— А вы не удивляйтесь (хм, заметил мою взъерошенность — наблюдательный…). Дети — это наше будущее, и государство проявляет заботу о здоровье своего будущего. Вам просто повезло — вы с вашим Сашей (смотри-ка, и даже имя Шепотка запомнил…) оказались одной из первых, а скоро такие комплексные осмотры станут обычным делом для всех малышей, а потом и для школьников.

Я выслушала всю эту пышную ботву скептически (ага, высокосидящим дядям больше делать нечего, как только заботиться о детях), но виду не подала. В конце концов, разве плохо получить на халяву полное обследование по последнему слову медицинской техники? Тем более что его результаты меня порадовали: мой Шепоток оказался абсолютно здоровым, что в наше гнилое время само по себе и немало. А потому я очень вежливо распрощалась с красавчиком-доктором (типа, до новых встреч, заходите к нам ещё) и постаралась побыстрее выкинуть его образ из башки — в моём одиноком житье-бытье такие эротичные раздражители мне явно противопоказаны.

Мы с сынишкой вышли на улицу и побрели домой по солнышку, благо идти было недалеко — от силы минут пятнадцать в неспешном режиме "нога за ногу". Нет, лето — это всё-таки классное время года…

* * *

— Алина — мать объекта — держится настороженно. Живёт замкнуто, на контакты идёт крайне неохотно. В компаниях бывает редко, от случая к случаю.

— Странно… Любовник-сожитель или, как это теперь

говорят, бой-френд?

— Не отмечено. Вероятно, имеют место какие-нибудь короткие связи — женщина она молодая, симпатичная и работает на людях, — но не более того. Улитка на склоне, в общем, — майор сдержанно улыбнулся, — в своей личной ракушке.

— На хрен мне твоя зоология, — генерал сердито сдвинул брови. — А что насчёт отца объекта? Третий месяц сопли жуёте, работнички, — где результат?

— Тут вот какое дело, товарищ генерал. Нам удалось разговорить её подругу — она, в отличие от Алины, гораздо контактнее, особенно, — майор ещё раз улыбнулся, — с молодыми мужчинами. И выяснилась одна странная вещь…

— Короче!

— Четыре года назад Алина рассказывала ей о своём путешествии, — майор выдержал многозначительную паузу, — … в некий параллельный мир, где она якобы…

— Ты чего, в детство впал? Фантастику читаешь или, как это теперь говорят, фэнтези? Что за чушь?

— Никак нет, товарищ генерал, — я в основном читаю наши нормативные документы. Но примерно в то самое время, когда Алина забеременела, запустили адронный коллайдер, и была выдвинута гипотеза, что могли появиться "мостики" между разными измерениями.

— Бред обывательский! Скажи это нашим учёным — они тебя поднимут на смех! Нет, лучше не говори — всех нас сделаешь посмешищем. Ты бы ещё марсиан приплёл…

— Но, товарищ генерал, вы же сами говорили: принимать во внимание все мелочи, так или иначе относящиеся к объекту!

— Говорил. А сейчас говорю: насчёт коллайдера — это полный бред. Ты мне факты давай научно обоснованные, а не шизоидные домыслы. Понял?

— Так точно, товарищ генерал. Будут вам факты — нам удалось организовать полное медицинское обследование объекта. Ждём результат.

* * *

Мы неторопливо шли вдоль решётчатой ограды детского садика. Было тепло, по забору бойко скакали шустрые воробьи, над головой тихо шелестела под лёгким ветерком листва. Тишь, гладь да божья благодать…

Благодать кончилась внезапно.

Впереди, шагах в десяти от нас, из кустов выскользнула

кошка — чёрная как смоль — и перетекающими движениями пошла нам навстречу. Она именно как бы текла, а не шла — было в её походке что-то завораживающее.

Я поначалу не придала появлению кошки никакого особого значения, хотя и заметила её, конечно. Кошек на улице (в отличие от тех же ворон) мало, и всех наших местных я знала в лицо, так сказать (они так и льнули к Шепотку и норовили потереться об его ноги). А эта — эта типа Багира была незнакомой, я видела её в первый раз.

— Смотри, какая пантера! — сказала я сыну и вдруг почувствовала, как он напрягся.

Шепоток вёл себя странно: он внимательно смотрел на приближавшуюся кошку, и его ладошка в моей руке дрогнула.

— Это нехорошая киса, мама, — произнёс он, и я реально припухла. Я уже привыкла к Сашиным рассудительным высказываниям, но таких интонаций в его голосе я раньше как-то не слышала — никогда.

А кошка шла к нам, и было в ней что-то недоброе: то ли неестественность походки, то ли мерцание глаз, ясно различимое даже при ярком солнечном свете. И тут я заметила, что кошка не отбрасывает тени! Весь асфальт был в шевелящихся теневых пятнах от листвы, но за этой тварью тени не было, как будто свет бесследно исчезал, коснувшись её блестящей гладкой шерсти. И я вдруг вспомнила гнусную чёрную кляксу, доставшую меня когда-то у сказочного Водопада Слёз. Неужели…?

И тут ударила серая молния.

По ушам хлестнул пронзительный шипящий визг.

Откуда-то сверху на кошку спикировала ворона, и я ни секунды не сомневалась в том, что это Каггa. А потом начался сюр средь бела дня.

Всю эту картину маслом я видела отчётливо, до мельчайших подробностей. Ворона целила кошке в голову, но её клюв не дошёл до оскаленной кошачьей морды — ворона словно натолкнулась на невидимую преграду. А кошка присела и выбросила вперёд и вверх свои удлинившиеся лапы. Во все стороны полетели перья и клочья чёрной шерсти — ворона таки вцепилась в кошку когтями.

Я замерла на месте, судорожно сжав руку сына.

В двух шагах от нас по асфальту катался тёмный клубок, пронизанный вспышками, — магический бой не на жизнь, а на смерть, во весь рост. А затем над этим клубком прямо в воздухе — типа голограмма — проступили два как бы человеческих силуэта, тёмный и светлый. Они яростно рубили друг друга мечами — я даже слышала лязг сталкивающихся клинков. Но я

была уверена, что этого не видит никто, кроме меня и, может быть, моего сына. Первичные умения эххийки, которыми меня наделила одна очень милая дамочка… Значит, я унесла из Эххленда и ещё кое-что…

Я не знаю, сколько всё это продолжалось. Мне показалось — долго, хотя на самом деле вся эта коррида заняла не больше минуты. Чёрный пропустил удар, и блестящее лезвие меча располосовало его сверху донизу. Пахнуло жаром, от истошного вопля — типа ультразвука — заныли зубы. Я невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, тёмного клубка уже не было. В воздухе кружились пух и шерстинки, а на асфальте лежало воронье перо, раскрашенное красными капельками. Умереть и не встать…

— Видал? — услышала я возбуждённый мальчишеский голос. — Ворона кошку гоняет! Во здорово! Засёк, куда они подевались?

Я повернула голову — два пацана лет десяти жадно оглядывались по сторонам, ища глазами исчезнувших участников поединка. Нет, они ничего не видели…

Вот моё полузабытое сказочное путешествие и напомнило о себе — весом, грубо, зримо, как сказал один поэт. Что это было — в смысле, что за кошка? Или кто? Чёрный глюк? Тогда это ещё не так страшно, чёрные глюки шпионы, а не убийцы, как объяснял мне де Ликатес. А если это… Что там обещал мне посланец Вам-Кир-Дыка в качестве свадебного подарка, если я соглашусь стать женой повелителя Полуночной стороны? "Чёрный Владыка пошлёт в твой мир своих магов-убийц, и все твои обидчики умрут" — так, кажется? "Умрут" — значит, тёмные умеют не только шпионить, но и убивать, и не только в своём родном Эххленде, чтоб он провалился… Но на кой хрен я им сдалась? Глюк ведь говорил, что они не будут меня преследовать, даже если я не приму заманчивое предложение Владыки — мол, сама копыта откинешь, без всякой нашей помощи. А эххи не врут — даже тёмные. Значит… Значит, эта как бы кошка явилась не по мою душу — она приходила за моим сыном! Ну да, конечно, сын короля, типа наследник трона — заманчивая добыча для вамкирдыкцев. Вот это я попала так попала…

Мне стало тоскливо. Живу ведь себе тихо, в нормальном мире, где магии нет, и не может быть по определению, никого не трогаю и даже в канализационные люки больше не падаю. Так ведь нет — достают, гады! Если вы не идёте к фэнтези, фэнтези приходит к вам, даже если оно тебе и на фиг не надо… И что теперь, эти тёмные и светлые будут ходить вокруг меня ночными и дневными дозорами, не давая ни минуты покоя? Застрелиться и

не жить, блин горелый…

Довести свои пессимистические рассуждения до логических выводов мне не удалось. Мы свернули в проулок, ведущий к нашему дому, и я увидела напротив нашей парадной грузовую "газель" с распахнутой задней дверцей. Вроде ничего такого особенного — внутри машины торчала какая-то типа мебель (наверно, кто-нибудь переезжает, или что-то новое прикупили), — но мои до предела обострённые крутым стрессом ощущения (или нежданно-негаданно проснувшиеся "первичные умения", подарочек магессы Окостенеллы, чтоб ей пусто было) безошибочно подсказали: опасность!

* * *

Людей у машины было двое — оба здоровенные молодые парни, в джинсах и в лёгких рубашках. Один копошился внутри, в салоне — что-то переставлял, — другой (наверно, водила) стоял возле кабины и курил, облокотившись на открытое боковое окно. При этом он лениво посматривал по сторонам, но когда его взгляд как бы ненароком коснулся насторожившейся меня, я тут же поняла: это опять по мою душу — вторая серия называется.

Я шла осторожно, как будто под ногами у меня был тонкий лёд, и на всякий случай сменила руку, которой вела Шепотка — пусть уж лучше он будет подальше от этой дурацкой "газели". "Может, пойти назад и обождать, пока эта подозрительная тачка не уедет?" — подумала я, но тут за моей спиной зашуршали шины. Я обернулась — там припарковался крутой джип класса "мицубиси от меня, паджера" с тонированными стёклами. Машин возле нашего дома хоть и много, но все они уже примелькались, а эта — эту я раньше не видела. Ой, что-то это всё мне так не нравится…

И тогда я, не доходя до своего подъезда, резко свернула к предыдущему, рассчитывая проскочить под самым домом. "Надо заранее достать ключи, — мелькнуло в моей голове, — а то пока я буду пурхаться с домофоном…".

Тип, стоявший у кабины, выплюнул сигарету и что-то буркнул. Хмырь, возившийся в салоне, выбрался наружу, зыркнул вправо-влево и направился ко мне походкой ожившего платяного шкафа. Типичный бычара, блин, — толстая шея, широкие плечи, маленькие глазки и сто граммов мозга. Шкаф пёр прямо на меня, не оставляя времени для размышлений.

— Эй, девушка! Сорок вторая квартира в этом подъезде?

Вопрос идиотский — типа, как пройти в библиотеку, в три

часа ночи. Над дверью каждой парадной есть табличка с номерами квартир, и если ты умеешь разбирать цифры… А быкошкаф был уже совсем рядом и протягивал к нам свою лопатообразную лапу, в которой что-то держал.

Раздался негромкий хлопок — как пузырь из жевательной резинки лопнул.

На морде шкафа нарисовалось изумление. Он издал хрюкающий звук и всей тушей осел на асфальт.

Я прибалдела.

Шепоток молчал, наблюдая за происходящим с видимым интересом — ребёнок, что с него возьмёшь…

А из тонированного джипа, как чёртики из табакерки, выскочили два парня в куртках — такое ощущение, что они даже дверцы не открывали, а просочились прямо через железо и стекло. Двое из ларца, одинаковых с лица двигались как на пружинах, и в руках у них были пистолеты. Мне сначала даже показалось, что пистолеты игрушечные — уж больно дико было видеть в тихом зелёном уголке Питера людей с настоящим оружием. Нет, я понимаю, рост преступности, и всё такое, и всё-таки одно дело слышать или даже смотреть по телевизору, и совсем другое — видеть это шоу своими глазами (да ещё как бы принимать в нём участие).

Водила, похоже, всё понял сразу и воспринял на полном серьёзе. Он полез в кабину, однако движения его казались какими-то заторможенными по сравнению с быстротой ребят из джипа.

Поздно.

Ещё пару раз хлопнуло, и второй бычок ткнулся лицом в сидение, так и не успев на него забраться. Да, пуля немножко быстрее человека…

А к моим ногам подкатилось то, что держал в руке шкаф — маленькая такая штучка с острым кончиком. Шприц-тюбик, и предназначалась эта пакость бедной мне…

Это стало последней каплей, переполнившей пороховую бочку. Хватит с меня этих разборок в Бронксе — я подхватила сына на руки и рванула к своей парадной наискосок, по газону, прямо через кусты, холодеющий спиной ожидая удара.

Пронесло — за мной никто не погнался. Не выпуская из рук сына, я как-то сумела открыть магнитный замок — высший пилотаж в экстремальной ситуации называется. Дверь захлопнулась за мной с лёгким щелчком, я одним духом взлетела на свой четвёртый этаж и глянула в лестничное окно.

Тел на асфальте уже не было. Паники не было тоже. Да и кому паниковать? Всё случилось очень быстро, а что до тихих

хлопков, так этим вообще никого не удивишь. С некоторых пор у нас пошло поветрие — малолетки (и не очень малолетки) взяли моду день-деньской щёлкать под окнами какие-то взрывчатые самоделки. Развлекаются, террористы юные, головы чугунные, — не соображают, что нервы у людей и так на пределе, а тут ещё они со своими хлопушками.

Один из тех парней, что выскочили из джипа, стоял возле "газели"; второго не было. Когда я выглянула в окошко, этот типа ниндзя поднял голову и посмотрел на наш дом. Мне показалось, что он смотрит прямо на меня, и я поспешно отпрянула — сердце заколотилось так, что мне даже поплохело. Да, это вам тот ещё аттракцион, блин горелый…

Я никак не могла попасть ключом в замочную скважину — пришлось звонить. Двери открыл дядя Лёша (слава богу, он дома!). Он посмотрел на меня — надо полагать, цвет лица у меня был очень характерный, — молча втянул нас в квартиру, быстро выглянул на лестницу и аккуратно закрыл дверь.

— Что случилось, Аля?

Я только всхлипнула. Осторожно опустила Шепотка на пол и уткнулась Петровичу в грудь, из последних сил борясь с накатывающей на меня истерикой.

— Тихо, тихо, дочка, — успокаивающе сказал Алексей, — ты уже дома.

Он бережно приобнял меня, и от его крепкой руки и спокойного голоса я как-то сразу успокоилась — истерика отступила.

— Ох, дядя Лёша, там со мной такое было…

Сначала я рассказала ему всё вкратце, в общих чертах (опустив, понятное дело, всю кошачье-воронью феерию). Уловив суть, Петрович прервал меня, вышел на лестницу и глянул на улицу.

— Нет там ни "газели", ни джипа, — сообщил он, вернувшись. — А теперь давай-ка поподробнее.

И я рассказала — со всеми деталями, какие только успела заметить.

— Да-а-а… — задумчиво проговорил Алексей, когда я выдохлась. — Дела… И кому же это ты, дочка, дорогу-то перешла? Да ещё так основательно, чтобы за тобой с пистолетами бегают? Не верить тебе у меня оснований нет — я, как-никак, знаю тебя не первый год. Приврать ты, конечно, можешь, — при случае, особенно по мелочам, — но тут уже не до шуток.

Я только дёрнула плечами. Если насчёт эххов у меня были кое-какие соображения, то что касается бандюков — тут я, как говорится, ни сном, ни духом. Вряд ли тут замешан мой бывший

шеф — сколько лет прошло, да не такой уж он и крутой, как из себя корчил. Но тогда кто, кто заинтересовался незаметной мной, самой обычной молодой девчонкой? И зачем?

— Я по этому поводу вот что думаю, — услышала я по-прежнему спокойный голос Петровича. — Судя по твоему рассказу, эти резвые мальчики из джипа — профессионалы, причём профессионалы очень высокого класса. Для таких взять тебя где угодно в любое время дня и ночи — пара пустяков. Но они, похоже, тебя охраняли — так, как охраняют очень важных персон, на уровне президента. Огонь на поражение при возникновении малейшей угрозы для охраняемого объекта — это серьёзно.

— Вот и охраняли бы себе президента, — буркнула я. — Я-то тут при чём?

— А ты здесь и не при чём, — невозмутимо пояснил дядя Лёша. — Охраняли они его, — он кивнул в сторону Шепотка, как ни в чём не бывало уютно устроившегося на диване с книжкой в руках, — а тебя уже так, заодно. Это спецслужбы, Аля (при слове "спецслужбы" я почувствовала себя букашкой под микроскопом, ощущеньице — бр-р-р…), и их интересует твой сын. Думаешь, я не знаю, что внучок-то у меня непростой? Глянь-ка вот, — с этими словами он протянул мне свою ладонь, на которой я разглядела тонкий белёсый шрам.

— Это я стамеской, — пояснил Алексей, — шесть дней назад. Глубоко саданул, до кости — рука сорвалась.

— И что? — спросила я, уже зная ответ.

— А ничего, — он улыбнулся. — Шепоток зашептал — рана затянулась через полчаса, а на следующий день я о ней уже и думать забыл.

А я вдруг вспомнила, как сотник Верт врачевал своего покалеченного бойца — чему тут удивляться, спрашивается? Если уж рядовой эхх способен на такие феньки, то уж сын крутого мага, эльфийского короля — это вообще без вопросов. И ещё я вспомнила удививший меня сегодняшний медосмотр в детской поликлинике: теперь-то ясно, что вся эта лабуда про заботу о детях, какую плёл мне этот типа доктор (может, он и доктор, только немножко из другой больницы), — полная лажа, осмотр был организован специально для моего Шепотка. И теперь понятно, кто его организовал…

— Так что Сашенька наш не прост, — продолжал между тем мой типа папаня. — Я ведь и раньше за ним кое-что замечал, да и бабушка наша не без глаз. Не такие уж у тебя старики глупые да не продвинутые, как ты думаешь.

— Да я и не думаю так вовсе, — пробормотала я, хотя на

самом деле, конечно, именно так и думала.

— Ладно, — дядя Лёша небрежно махнул рукой, — не в этом фишка, как вы говорите.

— А в чём?

— А в том, что Саша очень непростой ребёнок — я так думаю. Одарённых детей много, но не всеми ими интересуется криминалитет — жлобы-то эти тоже ведь хотели похитить в первую очередь нашего Шепотка, — и не всех их опекают спецслужбы, да ещё так тщательно.

— И что же нам делать? — спросила я растерянно.

— Что делать… Конечно, за тебя и за него, — Петрович снова посмотрел на Сашу, — я, если придётся, жизнь отдам, — он сказал это так, что я ни на секунду не усомнилась в том, что так оно и будет (не дай бог, конечно), — только вот сказки про Джеймс Бондов, которые в одиночку крушат целые шпионские сети — это сказки, Аля, покруче твоего фэнтези.

— Так может, позвонить в милицию или куда там ещё, в ФСБ?

— Позвонить можно, вот только… — на лбу Алексея пролегла горькая складка. — Как бы тебе объяснить… В бою всё ясно: здесь друг, там враг, а вот в нашей вроде бы мирной жизни всё не так просто. Маловато осталось людей, для которых дело и долг важнее, чем пачка денег, и многовато развелось людишек, которые не то что чужого — своего ребёнка продадут, если им за это хорошо заплатят. Слышал я кое-что о программах по поиску детей-уникумов — есть такие программы и у нас, и не у нас тоже. Знать бы ещё, кто тут заказывает музыку, и для чего эти дети им нужны. И кто знает, на что будет способен твой Саша, когда вырастет? Он ведь может стать оружием — страшным оружием. А оружие — это дело такое: тут важно, в чьих оно руках, в чистых или не очень.

Мне стало не по себе — сказка незаметно превращалась в триллер.

— Так что же нам делать? — повторила я упавшим голосом.

— Для начала, — Петрович усмехнулся, — покорми ребёнка и поешь сама. Суп я к вашему приходу разогревал, но он наверняка уже остыл. Так что марш на кухню, а я тут пока подумаю, кое-что прикину. Не бойся, без боя мы не сдадимся.

Мне кусок в горло не лез (хотя на аппетит я обычно не жалуюсь), но не покормить Шепотка я не могла — мать я или одно название?

А когда я через полчаса вернулась в комнату, Алексей протянул мне листок бумаги, на котором было написано несколько строчек. Я прочла.

— Устраивает такой вариант? — весело спросил дядя Лёша. — А я тут пока попробую выяснить — по своим каналам, — что за контора тебя пасёт, и вообще.

— Устраивает, отец, — я впервые назвала Петровича этим словом.

— Вот и хорошо. Значит, готовься приятно провести вечер и жди сигнала — Сергей приедет через час, не раньше. Да, не стоит говорить маме о твоём приключении — зачем её волновать, правильно? — и… о том, что мы тут с тобой придумали.

"Лучший способ не проболтаться — это ничего не знать" — всплыла у меня в голове слышанная где-то фраза. Говорят, сейчас и пытать никого не надо, один "укол правды" — и человек сам расскажет всё (в том числе и то, что когда-то знал, но забыл).

И я поняла, почему Петрович не стал объяснять мне свой план на словах, а изложил его на бумаге. У стен тоже бывают уши, особенно у стен дома, где живёт очень необычный ребёнок, которым очень интересуются очень нехилые силовые структуры.

* * *

Серёга — светловолосый голубоглазый парень чуть постарше меня — мне понравился. Мне было приятно чувствовать его руку на своих плечах, когда мы с ним в обнимку (так было задумано по сценарию) вышли на улицу. Меня давненько никто не обнимал, так что эту часть нашего любительского спектакля, задуманного Петровичем, я играла с искренним удовольствием.

Машина у Серёги — синий "фольксваген-пассат" — была не новой, но ухоженной: как видно, хозяин о ней заботился (не шалопай безбашенный), и это я записала ему в плюс. Что из себя являет мужик, можно оценить по его машине (если она, конечно, у него есть) — тест надёжный, проверено.

Петрович вышел нас проводить — как бы на всякий случай, а то вдруг мои типа охраннички (их не было видно, но я не сомневалась — они где-то поблизости) подумают, что бедную меня опять похищают, и откроют пальбу. Он небрежно (у меня аж сердце ёкнуло) поставил на заднее сидение огромную сумку марки-серии "мечта оккупанта" и сказал нам с Сергеем, улыбаясь шире некуда:

— Ну, молодёжь, счастливо оттянуться! За пацана (это уже предназначалось мне) не беспокойся, я присмотрю. Так что отдыхай хоть до понедельника — ваше дело молодое, какие твои годы.

Я знала, что Алексей работает на публику — он говорил всё

это для невидимок, чутко следивших за каждым моим движением, — но делал он это классно, как настоящий актёр. Вот тебе и слуга царю, отец солдатам…

Я уселась на заднее сидение — как всем известно, место рядом с водителем называют "местом смертника", и мы поехали.

Крепилась я изо всех сил, и только минут через двадцать пять, когда мы уже были достаточно далеко от моего дома, быстренько расстегнула не до конца затянутую "молнию" на сумке.

— Как ты там? — негромко спросила я, наклонившись над "мечтой оккупанта".

— Нормально, мам, — ответил мой сын. — Можно уже вылезать?

— Подожди ещё немного. А пока давай дальше играть в прятки.

Сумка чуть шевельнулась — Шепоток устраивался поудобнее, места там хватало для двух таких, как он. И ни капризов, ни хныканья — чудо, а не ребёнок.

Так он и сидел в сумке смирно — ни дать, ни взять котёнок, которого везут на дачу. И только один раз, когда мы плотно завязли в пробке (уже на выезде из города), он высунул головёнку, глянул в боковое окошко на толпившиеся вокруг лакированные спины машин и шустро юркнул обратно, как мышонок в норку. Я улыбнулась.

Машины в сторону Приозёрска шли табунами (что вы хотите — лето, пятница, вечер), но конкретно за нами никто вроде не прицепился. Кажется, букашке удалось выскочить из-под микроскопа… Вот только надолго ли?

* * *

— Вы кретин, Монстр, да, да, последний кретин! Как были вы мелким рэкетиром, так вы им и остались, несмотря на всю вашу внешнюю респектабельность. Топорная работа. Что, нельзя было подсунуть этой блондинке какого-нибудь мачо, чтобы — как это по-русски? — охмурить её, затащить в койку, а потом она сама принесла бы нам своего ублюдка на — как это по-русски? — блюде с синей полосой, да. Нет, на это у вас не хватило мозгов, Монстр, — вы решили устроить грубый киднэпинг в стиле Чикаго тридцатых годов прошлого века. И вот вам результат, — лысый человечек небольшого роста, сидевший за офисным столом в одном из навороченных коттеджей на берегу Финского залива, злобно сверкнул глазами. — А если кого-то из ваших людей взяли

живым — что тогда? А тогда очень скоро это ваше новое КГБ размотает по ниточке весь клубочек и дотянется до нас. Я сделал ошибку, связавшись с вами, Монстр, и эту ошибку придётся исправлять.

Тот, кого звали Монстром, стоял перед лысым навытяжку. Монстр имел бледный вид — тёртый питерский криминальный авторитет очень хорошо знал, кто такой мистер Твистер, и что значат слова "ошибку придётся исправлять".

— Э-э-э… — промямлил Монстр, нервно теребя в руках свои любимые тёмные очки. — Я принял все меры предосторожности. Исполнители не знают заказчика — мы работали по цепочке, и если даже…

— Об эффективности ваших мер предоставьте судить мне, — перебил его Твистер. — Пока я могу только сказать, что…

Дверь кабинета бесшумно отворилась, и на пороге возник молодой человек в тёмном костюме.

— Сэр, есть новая информация, — доложил он.

— Минуточку, Дэниэл, — остановил его хозяин кабинета и коротко бросил Монстру: — Подождите в холле. Возможно, у вас появится возможность реабилитироваться. Ну, что там у вас? — обратился он к помощнику, как только они остались одни.

— Два часа назад мать интересующего нас объекта уехала с каким-то парнем. Вдвоём.

— Сексуальный уикэнд… — пробормотал Твистер.

— Да, сэр, это выглядело именно так. Однако на всякий случай Скунс проследил за их машиной, а потом передал контроль Вампиру. И Вампир — совершенно случайно, сэр, пока они торчали в пробке, — вдруг заметил в машине ребёнка. Она взяла его с собой, сэр, — судя по всему, тайком.

— Очень интересно! — Твистер заметно оживился. — Девочка решила сыграть в свою игру — что ж, это нам на руку. Куда они направляются?

— За город. В сторону Приозёрска, сэр, — там курортная зона.

— Превосходно, — Твистер возбуждённо потер маленькие ладошки. — Этим ребёнком заинтересовались на самом верху, и мы не можем — как это по-русски? — лопухнуться. Будем их брать, Дэниэл. Своими силами, без помощи этих наших, — он брезгливо поморщился, — русских союзников. Две машины и четверо парней — этого будет достаточно. И задействуем вертолёт — противник у нас серьёзный, и машине с трофеями не так просто будет пересечь финскую границу. А вертолёт — это скорость, мой мальчик, скорость! У русских входят в моду аэроклубы — частным вертолётом здесь уже никого не удивишь.

— А противовоздушная оборона? — осторожно спросил Дэниэл. — Всё-таки здесь пограничная зона…

— Э! — Твистер пренебрежительно махнул рукой. — Двадцать пять лет назад — вы тогда ещё бегали в коротких штанишках — один немецкий парень сел на "Сессне" прямо на Красной площади, пролетев через половину этой страны. Не думаю, что с тех пор русская ПВО стала лучше — скорее наоборот. Да, и ещё, — он понизил голос, хотя звукоизоляция в его кабинете была отменной. — Это чудовище в холле нам больше не требуется — отработанный материал. Угостите его нашим фирменным кофе, и пусть едет. Как это по-русски? Канает себе с богом, да? Вот и пусть канает, только… не очень далеко.

— Я всё понял, сэр.

…Сорок минут спустя водители на Приморском шоссе стали свидетелями того, как шикарная иномарка, шедшая на большой скорости в сторону Петербурга, вдруг неуверенно завиляла прямо посередине дороги, пошла боком, а потом проломила ограждение и рухнула вниз с виадука.

Сотрудникам ГИБДД, прибывшим на место происшествия через пятнадцать минут, с первого же взгляда стало ясно, что внутри груды мятого железа не осталось ничего живого — фарш невозможно провернуть назад.

— Наверно, водитель не справился с управлением, — предположил один из них, — или уснул за рулём. А может, выпил лишку — пятница, конец рабочей недели.

— Или решил установить рекорд имени Гиннеса по прыжкам на автомобиле, — мрачно пошутил другой, разглядывая осколки тёмных очков, прилипших к окровавленным остаткам ветрового стекла.

* * *

"По результатам экспресс-анализа можно сделать вывод, что объект Х-711 имеет целый ряд серьёзных генетических отличий от обычных людей. Считаю целесообразным изъятие. Дата. Время. Подпись".

"Вот это номер, — ошарашено подумал куратор секретного проекта "Дети-уникумы", ознакомившись с депешей, поступившей по экранированному каналу связи. — Ряд серьёзных отличий… Проще говоря, этот мальчишка не совсем человек. Или совсем не человек? Вот тебе и марсиане…".

Отложив бланк в сторону, он нажал клавишу коммуникатора.

— Сидоров!

— Слушаю, товарищ генерал!

— По поводу Саши Ф. Изымайте. Немедленно. По исполнении доложить.

— Есть, товарищ генерал!

Коммуникатор ожил через десять минут.

— Мальчика в квартире нет, — голос майора звучал растеряно-виновато.

— Как это нет?!

— Его мать уехала с приятелем три часа назад. Предполагаю, она каким-то образом умудрилась забрать с собой и сына — в машине была большая сумка.

— Так какого же… — генерал поперхнулся. — Где они? Куда поехали?

— Девятый шёл за ними, но потом потерял их из виду. Пробки на дорогах, товарищ генерал.

— В голове у тебя пробки, майор! Сгною! Возьмите в оборот её домашних — они-то должны это знать!

— Уже, товарищ генерал. Но мать Алины ничего не знает, а отчим…

— Что отчим? Только не надо песен о героях-подпольщиках, которые гордо молчали на допросе в гестапо!

— Он… — голос майора дрогнул, и генералу почудился в нём сдержанный смешок. — Он не может ответить, товарищ генерал. Отчим Алины пьян — мертвецки. Её мать сказала, что когда она пришла с работы, он уже был невменяем — говорит, что раньше никогда его таким не видела. Мы вызвали медиков, товарищ генерал, и как только они его откачают…

— Жду! — куратор проекта "Дети-уникумы" от всей души хлопнул по коммуникатору, разрывая связь, и пробормотал: — Анекдот, ёптыть, — пока есть водка, мы непобедимы…

* * *

Выбравшись из городской толчеи, Серёга резко прибавил скорость — мы летели по шоссе с ветерком.

— А ты классно водишь, — сказал я ему, помогая Шепотку выбраться из сумки, — как профи.

— А я выступал в ралли, — отозвался Сергей, — хобби у меня такое. Поэтому Алексей Петрович и попросил меня вас отвезти — типа доверяет.

— А… А я-то думала, что он выбрал тебя, потому что ты у нас такой красавчик, — я ехидно ухмыльнулась. — Папаня меня любит — не будет он подсовывать мне парней второго сорта.

— Ну, и поэтому тоже, — в ответ на мою подколку Серёга весело улыбнулся, глядя на меня в зеркальце заднего вида, и добавил доверительно: — Ты мне сразу понравилась — клёвая ты девчонка.

— Нормуль, — подытожила я, — будем считать, что в любви ты мне объяснился. Дело за малым — доехать до вашего тайного города. А то не в кайф мне как-то ворковать, озираясь на каждую проходящую тачку.

— Доедем, — уверенно сказал мой типа водитель-телохранитель. — Тут осталась на всё про всё часа два, вместе с просёлком. Только город наш не очень тайный, и не город даже, а лагерь в лесу, на берегу реки.

— Лагерь? Пионерский, что ли?

— Военно-спортивный. По патриотическому воспитанию молодёжи. Это всё фонд, где Алексей Петрович работает. Хорошее дело. У нас и оружие есть — вполне официально.

— Оружие? — подозрительно уточнила я. — У вас там что, боевиков готовят?

— Воинов, — очень серьёзно ответил Сергей. — Защитников страны — в мире-то хрен знает что творится. Со спецназом мы, понятно, связываться не будем, но если на тебя шпана какая наедет, или ещё кто, по зубам настучим на раз.

— А если… А если всё-таки за мной явятся, ну, эти, которые из наших спецслужб?

— А не будет никакого "если". Директор нашего фонда — бывший контрразведчик, он уже кое с кем связался, ему Петрович звонил. Отец у тебя хитёр — не только драться умеет, но и думать. Звонил он всем нам от соседей — на случай, если ваши телефоны на прослушке, — а я уже потом позвонил к вам домой: мол, можно к вам в гости? Так что если твоим сыном по-хорошему интересуются, для пользы дела, то никаких проблем — всё уже под контролем.

— А если по-плохому?

— А если кто решил использовать твоего пацана исключительно для себя, любимого, то ни хрена у него не выйдет. Пока мы тут с тобой катаемся, наши ребята уже подготовили информационный пакет для Интернета — фотографии, данные и всё прочее. В случае чего о твоём сыне узнает весь мир, а для тихушников широкая огласка — это кранты. Так что нам с тобой только доехать, а там можно будет и расслабиться. У нас там весело — сама увидишь.

— Что, и дискотеки по вечерам?

— Конечно. Девчонок, правда, маловато, — ты у нас будешь королевой бала.

Я мысленно усмехнулась — знал бы ты, парень, какой королевой я была! — а вслух сказала:

— Покатит. Первый мой танец твой, рыцарь, — дарю.

— Рыцарь благодарит прекрасную даму, — Серёга церемонно кивнул головой и изящно вписался в поворот.

Шепоток нам не мешал. Я его покормила (захватила кое-что с собой), и он прилип к окну, рассматривая лес, стелившийся по сторонам. Потом он утомился и уснул, свернувшись на сидении, — я сделала там для него типа постель, подложив ему под голову пустую "мечту оккупанта". Я и сама начала уже задрёмывать — денёк-то у меня был ещё тот, — как вдруг услышала, что к негромкому урчанию мотора примешался какой-то тарахтящий звук.

— Это ещё что за пакость? — пробормотал Сергей.

Я перегнулась через спинку правого переднего сидения и посмотрела вперёд и вверх — туда, куда смотрел Серёга.

Над дорогой карикатурной стрекозой завис вертолёт.

* * *

На фоне бледного вечернего неба вертолёт смотрелся зловеще. Его вращающиеся лопасти образовали чуть светящийся круг: ни дать, ни взять "летающая тарелка", прибывшая откуда-нибудь с планеты Тиу-Киу-Тау-Миу, где жил когда-то один мой знакомый кекс по фамилии Озаботтэс. Железная стрекоза висела над дорогой коршуном, готовым ринуться вниз.

— Может, это наши? — спросила я (почему-то шепотом), сама не зная, кого именно я подразумеваю под словом "наши".

— Нет, — Сергей отрицательно покачал головой, — это не военный вертолёт, и вообще…

И не закончив, резко дал по газам.

Мы проскочили под брюхом стрекозы зайцем, уворачивающимся от хищных когтей.

— "Фольксваген-пассат" номер… — загремело с неба. — Приказываю остановиться!

Никогда не любила жесть-боевиков (в отличие от фэнтези) и меньше всего мечтала о том, чтобы стать действующим лицом детективного перформанса. Ну не умею я сбивать вертолёты из арбалета (тем более что арбалет мой остался в Эххленде).

— "Фольксваген-пассат", — надрывался металлический голос, — остановитесь, или мы будем стрелять!

Ой-ё… Стрелять… Я уже видела, что бывает, когда пули попадают в людей… Крыша у нашей тачки наверняка тоньше

танковой брони — бах-бах, и готовый дуршлаг! По-моему, самое время вмешаться эххийским магам — Кагга, дрянь пернатая, где тебя черти давят?

Но выстрелов не последовало. Вертолёт прогрохотал над нашими головами и пошёл вперёд, быстро снижаясь.

— Хочет сесть и перекрыть дорогу, сволочь, — сквозь зубы процедил Сергей. — И ни свернуть, ни обогнуть, хоть разворачивайся…

И тут грохнуло.

Вместо злой стрекозы над дорогой вспыхнул яркий пламенный шар, плюющийся во все стороны длинными огнистыми струями. По машине, царапая стёкла, застучали мелкие обломки — вертолёт разлетелся на куски. А потом над самыми верхушками деревьев со свистом промелькнуло что-то угловато-стремительное, похожее на гранёный слиток серебра.

— Дела… — изумлённо произнёс Серёга. — Ну, Алина, ты и даёшь!

— Кому и как? — нервно пошутила я (напоминаю, если вы забыли: у меня в стрессовых ситуациях прорезается и обостряется своеобразное чувство юмора). — Даю, бывает, конечно, но редко.

Шепоток молчал, рассматривая дымную полосу, протянувшуюся над лесом.

— Это был истребитель-перехватчик, — пояснил Сергей, проигнорировав мой типа юмор, — и он сбил вертолёт ракетой класса "воздух-воздух".

Блин, у мужиков мозги точно набекрень, особенно если дело касается каких-нибудь боевых железяк. Ну самое время для лекций на военную тематику!

— И что дальше? Ждать удара лазером со спутника? — Сергей повернулся и посмотрел на Шепотка. — Что же это у тебя за парень такой, если за ним так гоняются, а?

— Я хороший мальчик, — невозмутимо ответил мой крошка-сын. — Я самостоятельный, но всегда слушаюсь маму, бабушку и дедушку, вот!

— Ты лучше на дорогу смотри, водила! — сердито бросила я, прижимая к себе Сашу. — Рули давай, пока на нас атомную бомбу не сбросили. Где этот ваш райский уголок? Едем, едем, и ни хрена!

— Уже скоро, не переживай, — успокоил меня бывший участник ралли. — Сейчас будет перекрёсток, потом парочка поворотов, и мы на просёлке. А там уже рукой подать. Доедем — я ведь Петровичу слово дал.

До перекрёстка мы долетели мухой и проскочили его под самым носом приземистой чёрной машины, зверем выскочившей

с примыкавшей трассы. И этот зверь, словно учуяв добычу, помчался за нами.

"Опять бега начинаются… — с тоской подумала я. — И когда же всё это кончится — в Эххленде с его драконами да змеями, и то спокойней было! А если эти вместо уговоров сразу начнут стрелять?".

— Не будут они стрелять, — Серёга словно прочёл мои мысли, — вы им нужны живыми, а не дохлыми. И по колёсам стрелять не будут — если у нас на такой скорости лопнет колесо, мы тут же слетим с шоссе и пойдём считать ёлки. В итоге они получат только трупы.

"Про трупы — это очень оптимистично" — подумала я, закрывая собой Шепотка: кто его знает, что на уме у экипажа чёрной машины?

— Не бойся, мама, — очень серьёзно сказал Шепоток, в упор глядя на меня своими чуть зеленоватыми глазищами, — я с тобой.

Интересное кино… И кто тут кого успокаивать должен, спрашивается?

Стрелять в нас действительно не стали — вместо этого нас начали умело прижимать к обочине. Серёга молча и яростно боролся, раз за разом выкручиваясь из почти безнадёжных положений, но даже мне было понятно, что мы проигрываем: чёрная машина была куда мощнее нашего старенького "пассата". А бывший гонщик понял это ещё раньше меня.

— Ребёнка держи! Сожмитесь! — заорал он, когда мы входили в очередной крутой поворот, и вывернул руль.

Удар был таким, что я чуть не откусила себе язык. К счастью, других последствий не было — Сергей оказался профессионалом и таранил чёрного зверя мастерски. Наша боевая колесница, дребезжа, удержалась на шоссе, а преследователь снёс дорожный указатель и улетел в глубокий кювет. Через пару секунд бабахнуло, и оттуда выбросило сноп рыжего огня с чёрным дымом пополам — Голливуд от зависти давится транквилизаторами.

— Серый, это супер! — Я подалась вперёд, обняла парня за плечи и поцеловала его в щёку. — Как ты их!

— Тряпку дай… Там, между сиденьями, — ответил Серёга, морщась.

И тут я увидела, что наша левая передняя дверца глубоко вмята и даже разорвана — из-под лопнувшей обшивки торчали острые металлические края. А на левой брючине Сергея, возле колена, расплывалось тёмное мокрое пятно.

— Остановись на минутку, я перевяжу, — пробормотала я,

нашарив тряпицу. — Кровью ведь изойдёшь, Серёжка!

Машина приткнулась к обочине, я выскочила, перебралась на переднее сидение и как могла, прямо поверх брюк наложила Серёге повязку, чувствуя себя фронтовой медсестрой. Получилось у меня не очень — справа неудобно, а покорёженную левую дверцу заклинило наглухо. "Видел бы кто со стороны, — подумала я, затягивая узёл зубами, — ну чисто порнуха: девочка мальчику прямо в авто…". И оборвала сама себя — ну что за мысли идиотские лезут в голову!

— Как ты? — я посмотрела на бледное лицо Сергея. — Вести сможешь? А то давай я — я умею.

— Сам справлюсь, — парень упрямо мотнул головой. — Маресьев, вон, вообще без ног на самолёте летал, а я что, с одной ногой машину не доведу? Обижаешь…

Я вернулась на своё место, и мы тронулись.

Похоже, нашей тачке тоже досталась — на ходу она лязгала, кряхтела и скрежетала, словно жалуясь и раздумывая: а не развалится ли мне?

— Дотянем, — проговорил Сергей, кривясь от боли. — Смотри, вот и просёлок.

Справа в сплошней стене леса появился просвет — в глубь уходила грунтовая дорога с неглубокой колеёй. Мы свернули. Дорога была узкой и неровной, но шоссе с его чёрными машинами и вертолётами осталось позади, что не могло не радовать. Приближалась ночь с её спасительной темнотой — белые ночи уже кончились, — обещавшей укрыть нас от чересчур любопытных глаз. Только бы наша "антилопа-гну" не сдохла…

Наверно, Серёга тоже подумал об этом. Он достал мобильник и набрал номер.

— Максим? Это я. Заводи свой глиссер — мы уже на подходе. Принимай ценный груз, капитан Флинт. — И пояснил недоумевавшей мне: — Резервный вариант — Алексей Петрович предусмотрел. Там, — он дёрнул подбородком, — река, а на реке катерок. Полчаса прогулки по воде на фоне красот природы — и мы на месте. Жаль только, — он улыбнулся, — что я не смогу сегодня с тобой потанцевать.

Я только собралась ему ответить, как наш лимузин кашлянул и заглох — приехали называется. А позади, на шоссе, волчьими глазами сверкнули фары ещё какой-то машины, и она тоже свернула на просёлок.

— Так, — очень спокойно сказал Сергей. — Бери пацана и беги в лес.

— Куда?!

— В лес. Вон туда — видишь тропку? Она ведёт к реке. Там

скалы, но есть спуск, типа каменной лестницы. А внизу тебя встретит Макс. Всё путём, Алинка, — беги.

— А как же ты?

— А я задержу этих — кто бы они ни были, — с этими словами он открыл бардачок и вытащил оттуда пистолет. — Мне на одной ноге всё равно далеко не уйти, так что…

Я похолодела.

— Не напрягайся ты, — добавил Серёга, заметив ужас в моих глазах. — Я сейчас звякну в лагерь, подъедут наши, и… Всё путём, Алинка, — мы ещё с тобой потанцуем. Беги, блин, чего сидишь? — приказал он, следя за приближающейся машиной. — Быстро, ну!

И я, сглотнув липкую слюну, сгребла Шепотка в охапку и кинулась в лес.

Я бежала по мшистым кочкам, утыканным кустиками брусники-черники, и боялась только одного: как бы не налететь в темноте на какой-нибудь корень и не упасть. О Сергее я старалась не думать: со мной был Шепоток, и я должна была спасти его от всех тех, кто так упорно за нами охотился. А он молчал и только тихонько сопел мне в ухо.

Уже почти стемнело, и тропинку я вскоре потеряла. Это меня огорчило не сильно — лес поредел, а впереди в вечерней тишине уже слышался шум воды: мимо реки я не пробегу. Закрываясь от хлещущих по лицу веток, я проломилась сквозь заросли папоротника и кусты малинника. И в это время сзади, там, где остался Сергей, щёлкнули два выстрела — один за другим, — затем ещё один. И тишина — злая и гулкая.

И я поняла, что Сергея больше нет — вот так сразу взяла и поняла. Я была знакома с этим красивым и весёлым парнем всего несколько часов, и даже успела с ним пококетничать, но я о нём почти ничего не знала. Почти ничего — если не считать того, что он меня защищал, защищал самоотверженно, совсем как эххийский рыцарь Хрум де Ликатес. Только Серёге было куда труднее: не было у него под рукой ни боевой магии, ни даже пулемёта… А он всё равно меня защищал… Мне захотелось сесть на мох и заплакать, но со мной был мой сын, и поэтому я побежала дальше.

Берег открылся внезапно. Редколесье кончилось, в лицо пахнуло водяной свежестью. Я подбежала к обрыву, ожидая увидеть каменную лестницу, о которой говорил Сергей, и…

Лестницы не было. Берег обрывался вниз круто, словно срезанный ножом. Подо мной были отвесные гранитные скалы, внизу громоздились камни, и бурлила быстрая река. Но чтобы добраться до этой реки, нужны крылья или хотя бы квалификация

мастера спорта по альпинизму с полным набором верёвок-крючьев — мне не спуститься по этой стене (да ещё с ребёнком) даже под угрозой расстрела, тут метров двадцать, не меньше. Но не мог же Серёга меня обмануть — здесь должна быть лестница или что-то в этом роде!

Я завертела головой, и вскоре увидела эту чёртову лестницу — слева, метрах в ста от меня. Берег там понижался, и вниз вела цепочка каменных выступов, по которым вполне можно было спуститься. Значит, я просто сбилась с пути и выскочила на берег не там, где надо. Ну, это поправимо, тем более что у основания каменной лестницы, за громадным круглым валуном, я увидела корму моторной лодки — капитан Флинт ждал ценный груз.

Я перевела дух, перехватила Шепотка поудобнее, и в это время кусты там, откуда я прибежала, раздвинулись.

Из кустов появились две тёмные фигуры в чёрных масках с прорезями для глаз и носа (я почему-то вспомнила безлицых — пленных орков, слуг дракона Кост-а-Лома) и пошли ко мне, медленно и молча.

Бежать было некуда.

Я стояла на краю обрыва, глядя на зловещие чёрные фигуры и зная, что сейчас будет. Безлицые изнасилуют меня прямо тут, на камнях, а потом перережут мне горло и сбросят в реку — зачем я им нужна? А моего сына, моего Шепотка, они унесут с собой, чтобы в каком-нибудь секретном центре вырастить из него беспощадного и непобедимого убийцу. В нашем мире и так много зла, а станет ещё больше, когда мой сын вырастет и превратится в то, что из него сделают.

И тут меня снова, как когда-то в кабинете директора фирмы, где я работала, окатило горячей волной.

…Я (или не совсем я — вместо куртки и джинсов на мне было какое-то старинное платье) стояла с ребёнком на руках (его волосы щекотали мне щёку) у высокого окна терема и смотрела вниз, на чёрные камни мощёного двора. Было темно, в воздухе кружился снег. В темноте угадывались контуры домов, притихших в ожидании неминучей беды. Небо было чёрным, но с одной стороны густо подкрашенное багровым — с той стороны, откуда шла эта беда.

Там, за этим багряным сполохом, остался мой ладо, муж мой, отказавшийся отдать на поругание поганому царю Батыге меня, жену свою, и принявший смерть под татарскими саблями. Он остался лежать там непогребённый-неоплаканный, и чёрные вороны выклевали очи его ясные, и волки серые растащили его белые косточки. А град мой отчий, моя Рязань, обречён — придут под его стены несметные полчища, и стены эти падут, и дома

рассыплются горячим пеплом, и кровь затопит улицы, где по весне так вкусно пахнет яблоневым цветом. И меня притащат на аркане к ханскому шатру и бросят на вонючий войлок, чтобы я стала усладой ворогу. А из сына моего, из моей кровиночки, вырастят злого пса, и поскачет он со стаей таких же диких псов на мирные города и селения, оставляя за собой золу, кровь и слёзы. А не бывать этому!

И я (та, другая я) падаю вниз, на чёрные мокрые камни…

Морок растаял — я снова стояла над обрывом, и внизу снова бормотала река.

Мне некогда было разбираться в том, что я видела — безлицие были уже рядом. И я (настоящая я) точно так же, как это сделала другая я, жившая почти восемьсот лет назад, шагнула вниз, навстречу острым камням и глухому ворчанию реки, слыша, как отчаянно колотится сердечко прижавшегося ко мне сына.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАМ, ГДЕ МЕНЯ ЖДАЛИ

Куратор проекта "Дети-уникумы" бушевал — казалось, воздух в его кабинете насыщен грозовым электричеством, то и дело разряжавшимся гневными молниями.

— Сидоров, ты обосрался! Жидко! Пэвэошники сработали на "отлично" — сбили эту чёртову вертушку, не задавая лишних вопросов, — а вы? Спецы, мать вашу… Какого хрена твои скорохваты стали изображать из себя киборгов-убийц? Что, нельзя бы крикнуть — мол, не бойся, дура, мы свои? Или парализовать её, в конце концов… Вы же перепугали бабу до смерти, вот она и сиганула с обрыва. Идиоты, одно название! Терминаторы долбанные… Не понимаете вы, сопляки, в женщинах ни хрена — вам бы только постебушки-потрахушки, как сейчас говорят… Литературу читай, Сидоров, — художественную! — а не только нормативные документы. Загнанная в угол русская женщина-мать — это же граната на боевом взводе! Она ведь видела перед собой врагов, понял, нет? Врагов!

Майор Сидоров, стоявший по стойке "смирно" перед разъярённым начальством, сильно напоминал кота, которого принудительно вымыли, а потом высушили в центрифуге стиральной машины.

— Нельзя было стрелять иглой, — уныло оправдывался он. — Она стояла на самом краю — так и так упала бы вниз. Капитан Иванов и лейтенант Смирнов действовали по методике, рекомендованной психологами: медленное приближение к объекту захвата парализует волю объекта и снижает вероятность неадекватной реакции с его стороны.

— Психологи? Дерьмологи, фрейды-кустари! Вот вы и снизили девчонке реакцию на… — сколько там, говоришь, высоты было?

— Порядка двадцати метров, товарищ генерал.

— …на двадцать метров. Орлы, ничего не скажешь! И что теперь? Тела нашли?

— Никак нет, товарищ генерал, — майор окончательно превратился в символ уныния. — Следов крови или клочков одежды на скалах тоже не обнаружено — как рассветёт, осмотрим всё более тщательно. Есть вероятность, что они каким-то чудом упали в реку, и…

Генерал походил на бульдозер, пыхтящий на холостом ходу, однако при этих словах своего подчинённого грозное генеральское сопение стало чуть менее угрожающим.

— В реке уже работают водолазы, — майор слегка приободрился, — правда, поиски пока безрезультатны. И есть ещё один вариант, — поспешно добавил он, заметив, что бульдозер в генеральских погонах снова начал набирать обороты.

— Ну?

— Недалеко от места падения, ниже по течению, стояла моторная лодка, и…

— Ну?

— …и вскоре после прыжка Алины лодка дала ход и быстро скрылась за поворотом реки. Задержать её мы не смогли — пока мои ребята нашли спуск, пока спускались… — майор втянул голову в плечи, ожидая новой вспышки начальственного гнева. — На корме лодки сидел только один человек, но в ней вполне мог находиться — лёжа на дне — и ещё кто-то. Поэтому по лодке не был открыт огонь — а вдруг?

— Хоть на это хватило ума… Да, — генерал задумался, — теоретически возможно. Их могли подобрать из воды… А что за лодка? Что она там делала на ночь глядя? И случайно ли она там оказалась?

— Никак нет, не случайно, товарищ генерал.

— Даже так?

— Так точно. Дал показания парень, который вёз эту сумасшедшую, — мы взяли его живым, хотя он сдуру начал отстреливаться. И его показания совпали с показаниями приведённого в чувство отчима Алины. Лодка ждала наших подопечных — она должна была доставить их в военно-спортивный лагерь патриотического фонда "Россия".

— Ах вот оно что… То-то эти фондовцы засуетились — меня тут уже теребили.

— И на машине они ехали туда же — лодка была страховочным вариантом.

— Хм, так вот какая тут мозаика…

Генерал надолго задумался. Майор молчал, опасаясь слишком громко дышать.

— Значит, так, — произнёс, наконец, куратор программы "Дети-уникумы". — Если, на наше счастье, Алина и её сын живы-здоровы, они должны быть в этом лагере — не могли же они бесследно исчезнуть.

— Прикажете послать туда группу захвата?

— Отставить ненужное рвение, майор, — раньше надо было думать, причём головой, а не задницей. Я сам туда поеду. Вокруг

этого мальчишки уже слишком много шума — кто-то здорово постарался. Хватит пальбы — пора дипломатничать. Если они там, то всё обойдётся — может быть.

— А если нет? — осторожно поинтересовался майор.

— А если нет, подыскивай себе место охранника на платной автостоянке, Сидоров, — это тебя ждёт в лучшем случае. А меня уйдут на пенсию, и это тоже в лучшем случае.

И генерал тяжело вздохнул.

* * *

…Меня несло, переворачивало, кидало из стороны в сторону. Я не чувствовала своего тела, а сознание было каким-то ватным, и там мухой в паутине билась одна мысль: "Сашенька… Шепоток…". Волной накатывало забытьё, и я растворялась непонятно в чём — хрен его знает, как это состояние называется. Приплыли, короче. И всё — тьма беззвучная…

А потом я открыла глаза и с некоторым удивлением поняла, что я как бы жива. Это меня вообще-то порадовало, не буду врать, — оставалось только понять, где я нахожусь, и самое главное: где мой сын и что с ним. Я очень отчётливо помнила всё вплоть до того мига, как я шагнула в пропасть, а вот дальше — ну ни фига не помню. Амнезия называется.

Я лежала на чём-то мягком (так, это мы уже проходили, причём неоднократно), над головой был потолок из аккуратно пригнанных деревянных досок (хм, а вот это уже что-то новенькое…). На евростандарт этот потолок явно не тянул — скорее похоже на типа русский стиль "вот моя деревня, вот мой дом родной". Доски были чистенькими. Люстры или какого другого осветительного прибора не наблюдалось, однако было светло — как в квартире при обычном дневном свете.

Я попыталась встать и чуть не взвыла от боли: всё тело болело так, словно в нём не осталось ни единой целой косточки или оно, тело моё бедное, сплошняком превратилось в один очень большой и очень больной зуб. Я где-то читала, что японцы выставляют куклы боссов, чтобы все клерки фирмы, где рулит конкретный босс, смогли бы от души отметелить макет своего начальника: говорят, это помогает сохранению нормального психологического климата в коллективе — типа нервная разрядка. Не знаю, как оно помогает, зато точно могу сказать, что чувствует такая японская кукла в фирме, где работает человек пятьсот, и причём все они до остервенения любят своего шефа и превосходно владеют бамбуковыми палками. А что же вы хотели,

девушка? Лететь с такой верхотуры, да ещё по камням, — скажите спасибо, что вы вообще остались живы! Но где я, и где мой сын?

Я осторожно, опасаясь новой вспышки дикой боли, повернула голову.

Комната — маленькая, но уютная: такая как бы горница-светлица в гостинице класса "ретро". Стены бревенчатые; брёвна обтёсанные и даже вроде покрытые типа лаком, но без всяких там моющихся обоев или стенных панелей под шёлк. Пол из деревянных плашек янтарного цвета, тёплый на вид. Я лежала в углу на просторном ложе, под лёгким и мягким (синтетика какая-то?) одеялом, и подушка под моей головой пахла не лекарствами, а пряным ароматом цветочного сена (травой она набита, что ли?). Справа окно — обычное: оконный переплёт, стёкла, широкий подоконник; в стене напротив — дверь (тоже деревянная). У окна стол из тёмного дерева и пара табуреток. И всё — ни телефона, ни телевизора, ни каких иных благ цивилизации. Гламур не гламур, но клёво: ладненько, ничего не скажешь, — простенько, но со вкусом, как говорится. Как же я сюда попала? Ну ни хрена не помню, хоть убей!

На одной из табуреток я увидела свою одежду (аккуратно сложенную). Ощущение тела вернулось, и я поняла, что лежу я тут в чём мать родила. Ну да, понятно, — местные типа медики должны же были осмотреть болезную меня на предмет ран-ушибов и прочих увечий. За окном просматривались какие-то как бы деревья — похоже, там был лес. Лес, лес — о чём это говорит? Беспокойство за сына всё нарастало, однако я взяла себя в руки: прежде чем совершать какие-либо энергичные телодвижения, надо хорошенько подумать — логически.

Я удрала из-под самого носа мрачных парней с дырявыми презервативами на головах — спрыгнула с высоты пятиэтажного дома (никогда бы не подумала, что я на такое способна). Судя по тому, что я жива, и даже в состоянии размышлять, мы не грохнулись на камни (при мысли о том, что было бы, если бы мы на них всё-таки грохнулись, меня продрал озноб), а упали в воду. А там — а там нас ждал лодочник (кажется, его звали Максим). Надо думать, он не щёлкал зря клювом, а выудил нас с Шепотком, и… Водную прогулку с обозрением красот вечерней природы я проделала в бессознательном состоянии — это, конечно, жаль, однако не стоит так уж привередничать: скажи спасибо, что ты здесь, а не на дне реки. Так что, надо полагать, я нахожусь в том самом лесном лагере, о котором рассказывал Сергей: за окном явно не городской пейзаж, да и интерьер моей палаты для травмированных при падении со скал тоже не урбанистический. Но почему возле меня нет заботливой сиделки?

Повымерли они тут все, что ли? И где мой сын, я вас спрашиваю?

Я пошевелилась. Тело болело, но уже гораздо меньше — по крайней мере, я могла двигаться. Сейчас я встану, и наведу здесь шороху — куда вы дели Шепотка? Если не будет сил одеться, завернусь в одеяло или просто пойдут нагишом — пусть ослепнут, гады. Не фиг прятать от меня моего сына, понятно? Шевельнулась было нехорошая мыслишка — а вдруг с ним что-то случилось? — но я быстренько её затоптала: если уж я осталась цела и где-то как-то невредима, то уж Саша, которого я крепко обнимала и прикрывала руками и всем телом, и подавно.

Встать мне не удалось — тело не слушалось, и мышцы объявили забастовку. Стиснув зубы, я попробовала ещё раз — хрена. И тогда я, чуть приподнявшись на локтях (на это сил у меня хватило), позвала:

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

На полновесный крик мой зов походил слабо, однако хозяева моего лесного приюта, похоже, были настороже — наверно, они только что вышли на минуточку от спасённой меня за какой-нибудь укрепляющей микстурой. Я услышала за дверью шаги, дверь отворилась без шума и скрипа, и на пороге…

На пороге моей светёлки стоял боевой маг, герцог Хрум де Ликатес собственной персоной и смотрел на ошеломлённую меня так, словно мы с ним расстались не далее как вчера. Рыцарь внешне нисколько не изменился — что для эхха пять земных лет, — и одет он был точно так же, как тогда, когда я увидела его в первый раз во дворце Окостенеллы: белая рубашка, замшевый жилет, тёмные брюки. У них тут что, моды вообще не меняются?

— Доброе утро, леди! Вот вы и вернулись туда, где вас ждали, — сказал он и улыбнулся той самой своей невероятной улыбкой, которая так часто снилась мне по ночам.

— Хрум… — прошептала я. — Не может быть…

А из-за спины ликатесского правителя возник — ба, знакомые все лица! — страж Рощи Порталов Причесах. Он тоже ничуть не изменился: всё та же румяная курносая физиономия, синие глаза и меховая безрукавка. И улыбка — радушная, до ушей и даже шире.

— Я знал, что ты вернёшься, девочка, — прогудел Причесах, — знал, что ты сумеешь это заслужить. Добро пожаловать в Эххленд — я рад видеть тебя в своём доме!

Я не совсем поняла, что он хотел сказать словами "сумеешь это заслужить", потому что в этот момент между эххийскими магами протиснулся Шепоток, и мне сразу стало как-то не до вдумчивых размышлений над смыслом любых высказываний — даже самых мудрых.

Сашуля бы весел и оживлён, глазёнки так и сверкали — всё моё беспокойство как рукой сняло. На нём был не комбинезон, в котором мы загрузили его в "мечту оккупанта", а местный прикид: белая полотняная рубашка навыпуск и такие же штанишки, на ногах лёгкие сапожки — прям сказочный мальчик.

— Мама! — радостно закричал он, бросаясь ко мне. — Я тоже знал, что всё, что ты мне рассказывала — это не просто сказка! Как здорово, мам, что мы сюда вернулись, правда?

— Конечно, сынок, — тихо сказала я, дотянувшись рукой до его мягких волос. — Ты же знаешь: сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. И очень хорошо, что мы сюда вернулись…

* * *

Говорят, от счастья не умирают, но в этот момент мне казалось, что я буду первым исключением из этого правила. Неужели… Неужели? Неужели!? Неужели — сбылось!!!

А потом мне стало страшно: а вдруг всё это мне только мерещится? Навязчивая идея, так сказать, воплотившаяся в красочные глюки после того, как я основательно приложилось башкой о камушки. А что? Легко, и очень логично, между прочим. В реальность моего сына не поверить было трудно — Шепоток стоял рядом, и я ощущала ладонью знакомую мягкость его волос, — но вот что касается всего остального… Вот как превратятся сейчас де Ликатес с Причесахом в обыкновенных лекарей в пропахших медициной не очень свежих халатах, и выяснится, что ни в какой Эххленд я не возвращалась, и что на самом деле я лежу в каком-то типа изоляторе (причём неизвестно где) в покалеченном состоянии и с перемкнувшимися на нервной почве мозгами. Мне захотелось укусить себя за руку — говорят, помогает в таких случаях, — но сделать этого мне не удалось: волной накатилась опустошающая слабость.

— Мам, тебе плохо? — обеспокоено спросил Шепоток.

А де Ликатес распахнул окно, и в комнату вошёл свежий воздух (хотя тут вообще-то и не было душно), наполненный ароматами леса. Это был воздух Эххленда — я помнила его вкус! Этот воздух можно было пить как вино — пить и пьянеть не пьянея. Такого воздуха нет в моём привычном мире — нет, и быть не может! А лес за окном — это же Роща Порталов со всеми её чудесами! Неужели это всего лишь иллюзия? Нет, в это я не верю — не хочу верить, и не могу, потому что иначе…

— Всё хорошо, Сашенька, — не слишком уверенно ответила

я.

— Не волнуйся, это пройдёт, — успокоил меня Причесах. — Последствия управляемого перехода.

"Управляемого? — подумала я. — Хм, хотелось бы поподробнее…".

— Ваш малыш, — Хрум с улыбкой посмотрел на Шепотка, — скользнул между мирами рыбкой…

"Ещё бы — полуэхх, как-никак!".

— …а вот вам, леди, пришлось куда сложнее.

— И поэтому, — вмешался страж Рощи, — самое время перекусить.

"Шашлыком из лярвы? Помню я, гостеприимный ты наш, чем ты меня в прошлый раз потчевал… Однако надо бы встать — чего это я тут разлеглась, как дура последняя?".

Шепоток, похоже, был на этот счёт — чтобы мне встать — того же мнения. Он шустро метнулся к табуретке и притащил мои шмотки, заботливый. Так, теперь попросим мужиков выйти вон — не фиг глазеть на голую меня.

— Лежи, лежи, — Причесах предостерегающе поднял руку, — ты под магией, так что пока тебе не стоит напрягаться. Завтрак будет подан вам в постель, леди А…

Тут он запнулся, и это, как ни странно, окончательно убедило меня в том, что все это — не сон, а самая что ни на есть реальность. Моя же собственная иллюзия, сомневающаяся в том, каким именем меня назвать, — это чересчур круто, наука этого не допускает.

— Меня зовут Алина, достойный маг, — твёрдо заявила я. — Активии Отданон больше нет, а про королеву Алаву я и слышать не хочу. Извиняйте, если моё имечко вам не по душе.

Оба эхха синхронно улыбнулись. Шепоток смотрел во все глаза и слушал во все уши.

Подушка под моей головой завозилась, раздуваясь и помогая умученной мне принять полусидячее положение; ложе чуть наклонилось и приподнялось — обыкновенная эххийская бытовая магия. Лады, поиграем в римскую матрёну — кажется, они пировали полулёжа. А вот одеяло на груди стоит попридержать (оно, подлое, так и норовит соскользнуть) — в римскую гетеру играть мы не будем, тем более на глазах у ребёнка.

Сервировка завтрака обошлась без магии. Хрум просто придвинул к моему ложу стол с табуретками, а Причесах вышел и скоренько вернулся, гружёный блюдами и напитками. Мне даже показалось, что у него по меньшей мере две пары рук — держать весь этот типа фуршет на четверых двумя руками не смог бы самый профессиональный халдей VIP-класса. Саша пристроился

ко мне, а маги чинно, с оттенком торжественности, уселись на табуретках.

— Ну, — Причесах поднял кубок, — за возвращение!

Эххийское вино — думала ли я, что когда-нибудь снова его попробую? Нет, думать-то я, конечно, думала, а вот надеялась уже слабо. Ох, только бы это не было иллюзией — я этого не переживу: скончаюсь на месте и оставлю моего сынулю сиротой.

Филе лярвы в меню нашего праздничного завтрака, к счастью, не входило — на столе было жаркое из обычной дичи, варёные овощи, фрукты и ягоды: совершенно потрясные на вкус, вроде нашей лесной земляники, только гораздо крупнее. Я с удовольствием орошала весь этот праздник живота вином, а для Шепотка гостеприимный хозяин соорудил что-то безалкогольное, но ничуть не менее вкусное. Блин, как хорошо! И никаких тебе придурков в масках, чтоб им икалось без остановок… И никаких неудобств от отсутствия удобств (хотя лежу я тут вроде уже давненько) — наверно, лечебная магия временно избавила меня от такой человеческой необходимости. Типа мелочь, а приятно.

Ощутив в организме бодрость и приятную сытость, я решила, что пора бы переходить к орфографическим упражнениям: время расставлять точки над "ё".

— Слушайте, граждане маги, не объясните ли вы, наконец, кое-что бестолковой мне? — я поставила на стол пустой бокал и поддёрнула моё упорно сползающее одеяло. — У меня тут к вам вопросов накопилось типа безответных — как я сюда попала, что такое "управляемый переход" и что значит "заслужила"? Ну, и по мелочи — кто такая Кагга, что за кошка хотела меня поцарапать, как поживает его светлое, то есть светловолосое, величество Шумву-шах, и что мы вообще будем делать? В смысле, по окончании банкета?

Эххи переглянулись.

— Много вопросов… — задумчиво проговорил правитель Ликатеса.

— И будет лучше, — в глазах Причесаха мелькнул лукавый огонёк, — если обо всём ей расскажешь ты, рыцарь. В конце концов, возвращение Алины — твоих заклятий дело!

— Это не совсем так, — запротестовал Хрум. — Она сама…

Но страж Рощи оставил его протест без внимания.

— Послушай, малыш, — обратился он к Шепотку. — А пойдём-ка мы с тобой погуляем. В лес — я покажу тебе много интересного: поющие цветы, говорящие деревья, птиц, которые чувствуют настроение.

— И порталы? — деловито осведомился мой сын.

— И порталы, — кивнул Причесах. — А как же!

— А как же мама? — Я видела, что Сашуле очень хочется тут же отправиться в такое заманчиво-сказочное путешествие, но он, умница моя, помнил и обо мне.

— А маме надо ещё полежать, — очень серьёзно ответил маг Гильдии Стражей. — Она потратила много сил, чтобы сюда попасть, и теперь ей надо немножко отдохнуть. Ты за неё не беспокойся — с ней останется дядя Хрум и будет её охранять, пока ты не вернёшься.

Шепоток оценивающе посмотрел на герцога, потом перевёл взгляд на меня.

— Я пойду погуляю? Можно?

— Иди. Только смотри под ноги и слушайся дядю Причесаха.

Сашуля засиял от радости, цепко ухватил стража за руку и выволок его из комнаты в режиме маленького буксирчика, тащащего тяжёло гружёную баржу.

— Ну, — сурово спросила я Хрума, когда дверь за ними закрылась, — жду объяснений. Ты же у нас, помнится, вежливый до ужаса — не будешь же ты заставлять прекрасную даму умирать от неудовлетворённого любопытства в страшных судорогах? Давай по порядку — дама сгорает от нетерпения. — Моя последняя фраза прозвучало несколько двусмысленно, и я поспешила добавить: — Типа очень хочет она знать, что, да как, и почему.

— Если по порядку… — начал было герцог, но я его перебила, решив взять инициативу в свои руки.

— Знаешь, Хрум, давай-ка я лучше буду задавать тебе вопросы, а ты будешь мне на них отвечать, коротко и ясно. А то ты сейчас начнёшь плясать от очень дальней печки — от сотворения Вселенной. Знаю я твою рыцарскую велеречивость — наслышана, и память у меня хорошая. Итак, вопрос первый: как я здесь очутилась?

— Через портал, — коротко и ясно ответил рыцарь (даже, пожалуй, чересчур коротко).

— Угу. А как я в него попала? Стоп, погоди, сама попробую догадаться… Я прыгнула с этого чёртова обрыва, и… Правильно?

— Да, леди. Но если бы меня не было рядом, то ни в какой портал вы бы не попали. Я подправил вектор межпространственного перемещения, совместил его с…

— Стоп, стоп, стоп! — я подняла руку, однако от этого моего движения вышедшее из-под контроля одеяло радостно заскользило вниз по моему телу, и я торопливо её опустила. — На фиг твои мудрёные термины, ты мне по-простому излагай, на пальцах.

— Объясняю, — терпеливо повторил ликатесский герцог, —

спонтанное попадание в портал — редчайшее явление, одно на миллионы, и если бы меня не было рядом, то вы бы просто… — он замялся.

— Просто долбанулась бы о камни? Так? — подсказала догадливая я, запоздало леденея от ужаса.

Хрум молча кивнул.

Я задумалась.

— Значит, — сказала я, закончив выстраивать логическую цепочку, — ты, спаситель, подправил этот самый вектор и обеспечил нашу доставку в Эххленд? Ну да, Причесах ведь сказал "твоих заклятий дело"… А какого тогда хрена вообще нужен был этот смертельный номер? Ты что, не мог забрать нас по-простому, без всякого экстрима?

— Нет, — боевой маг покачал головой, — не мог. Выхватить обитателя другого мира — это чародейство из разряда сложнейших. На такое способны далеко не все маги-Следящие, а про нас, эххов, и говорить нечего. Вы должны были мне помочь, и вы мне помогли.

— Помогла? Не въезжаю я как-то…("Знала бы, так давно бы тебе помогла…").

— Вы совершили поступок, леди… Алина, — настоящий поступок. Вы сделали свой выбор — сами. И заслужили возвращение, как сказал почтенный страж Рощи Порталов. Всё очень просто.

— Первое место в соревнованиях по прыжкам со скал, — пробормотала я. — Ну да, всё очень просто — проще некуда… А если бы я не прыгнула — что тогда?

— Ничего, — рыцарь пожал плечами. — Вы остались бы в своём мире…

— …на радость эти мальчикам-зайчикам в дырявых капюшонах. Погоди-ка, и давно ты меня типа опекаешь? Кагга — это ведь был ты, верно?

— Сначала это был Причесах, а потом — я.

— Принял эстафету, значит.

— Да, — Хрум посмотрел мне прямо в глаза. — Я помнил о вас, Алина. Все эти годы.

— Приятно слышать — запала я, значит, в твою рыцарскую душу… А что же ты тогда так хреново меня охранял? Серёжка погиб, защищая меня, а ты и пальцем своим магическим шевельнуть не соизволил! Трудно было тебе снести нах эту чёртову чёрную машину?

— Я не мог этого сделать.

— Что значит не мог? Маны на этот драндулет не хватало, что ли?

— Вы меня не поняли. Я не мог не физически, а… Мы не вмешиваемся активно в дела иных миров и в судьбы их обитателей — это нам запрещено. Мы сильнее — разве справедливо, если в детский сад придёт школьник-старшеклассник и начнёт чинить там суд и расправу? А парень, который вас вёз, остался жив — за него не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь. А ты что, ревнуешь?

Хрум промолчал, и я вдруг поняла, что моя подколка не так далека от истины. Вот это да — кто бы мог подумать… А вот мы сейчас это проверим…

— Не мог, говоришь? — я прищурилась. — А если бы эти милые парни в чёрном стали бы меня убивать-насиловать — что тогда? Ты сидел бы себе на ветке и любовался?

— Они не стали бы этого делать, — герцог опустил голову, избегая моего взгляда, — у них был другой приказ.

— А если бы? — настаивала я. — Убивать — ладно, допустим, им было приказано взять меня живой, но уж трахнуть-то меня они могли запросто! Премия за хорошую работу, так сказать, — кто будет разбираться?

— Тогда… — в голосе рыцаря лязгнула боевая сталь. Он снова поднял голову, и глаза его сверкнули. — Тогда я бы их убил мгновенно. И пусть меня потом изгнали бы из Эххленда и пожизненно сослали в какой-нибудь Тёмный Мир! Я убил бы их, леди Алина, если бы они попытались причинить вам вред, а никто другой не смог бы этому помешать.

Серые глаза де Ликатеса светились жарким пламенем, и я таяла, таяла, таяла в этом огне…

— Хрум… — прошептала я. — Поцелуй меня… Пожалуйста…

"А ведь на мне ничего нет, — мелькнуло у меня в голове, — одно одеяло… Что он обо мне подумает? "Водопад Слёз-2" называется — вторая серия…".

Но он ничего не подумал — наверное. Герцог наклонился ко мне и поцеловал меня, нежно и ласково, но так крепко, что у меня закружилась голова.

Господи, великий бог Вселенной, храни старого добряка Причесаха в его бесконечных схватках со всякими астральными тварями! Как хорошо, что этот мудрый дядечка ушёл в лес погулять и взял с собой Шепотка! Он ведь знал, знал, что нам с Хрумом просто необходимо остаться наедине…

* * *

Говорят, мужчина ищет в любви секса, а женщина в сексе

ищет любви. Красивые слова, только я раньше как-то не принимала их всерьёз — мало ли красивых слов придумали люди? А оказывается… Но не буду я ничего говорить и рассказывать — сами почувствуйте разницу (если, конечно, вам повезёт, чего я искренне всем желаю).

Такие вот примерно мысли альтруистическо-эротического окраса вяло шевелились в моей голове, когда я лежала, расслабленно-уютно устроившись на плече де Ликатеса. Мне было хорошо — хо-ро-шо! Последствия "управляемого перехода" прошли бесследно, уступив место другим, куда более приятным ощущениям — послевкусие называется. Нет, блин, таких иллюзий не бывает — это уже чересчур!

Поднявшееся солнце вовсю светило в окно, осыпая жёлтыми искорками лицо Хрума, и я увидела у него на подбородке тонкий розовый шрам, прятавшийся в короткой бороде рыцаря.

— Откуда это? — тихонько спросила я, осторожно дотронувшись до шрама. — Совсем свежий…

— У кошки были острые когти.

— У кошки? — я вспомнила клубок, катавшийся по асфальту. Когда это было? Вчера — не прошло и суток! Но за эти неполные сутки столько всякого случилось — такого драйва я ещё в жизни не видела. — А кто это был? Ну, эта как бы кошка?

— Чернодыр — один из лучших магов Вам-Кир-Дыка.

— Ты его убил? Ваш этот типа запрет не распространяется на пришельцев из других миров?

— Не распространяется. Наоборот, — герцог взял мою руку и бережно поднёс к своим губам, — мы обязаны им противостоять: вам самим с чёрными не справиться. А Чернодыру удалось уйти — я его только ранил. И он тоже в долгу не остался — достойный противник.

— До свадьбы заживёт…

— Раны, нанесённые магией, заживают плохо — шрам останется.

"Ну, шрамы украшают мужчину, — подумала я, — если, конечно, шрамов этих у него не слишком много". Но озвучивать свои косметические соображения я не стала: меня куда больше интересовала реакция де Ликатеса не на слово "заживёт", а на слово "свадьба". Но он, подлец такой, и не подумал продолжать тему. Ладно, попробуем по-другому.

— А ты действительно думал обо мне, правда? (я помнила, ясен пень, что эххи не врут, но мне хотелось услышать чистосердечное признание от самого подозреваемого).

— Да, я думал о тебе ("Ага, на "ты" мы всё-таки перешли — это уже прогресс!").

— И я тоже, — томно прошептала умиротворённая я, теснее прижимаясь к Хруму, — ты мне даже снился, рыцарь… И я тебе верная была…

Но тут я спохватилась (эххи не врут, и врать им тоже не рекомендуется: последствия могут быть очень неприятными, доказано на моём собственном опыте) и внесла поправку:

— Ну, то есть почти верная… Пару раз, типа случайно, — это ведь не в счёт, правда?

Де Ликатес промолчал, и тогда я перешла в наступление, памятуя, что это лучший способ обороны.

— Думаешь, мне легко было одной? Год за годом, когда от тебя ни слуху, ни духу, ни даже занюханной эсэмэски! У вас ведь водятся эти, как их там, Любознательные — трудно тебе было попросить кого-нибудь из них сбросить мне пару строчек на мыло? Лень было, да? Сам-то ты, небось, не пропускал ни одной юбки — в перерывах между грустными думами о безмерно далёкой мне! Ты же у нас правитель — знаем мы, какими табунами скачут бабы вокруг статусных красавцев-мужиков! А я…

Герцог рассмеялся и закрыл мне рот поцелуем. Я чуток побрыкалась (для виду), но про себя отметила, что этот раунд остался за мной — Хрум явно признал своё поражение. И я не ошиблась.

— Пару раз — это не в счёт, — сказал он, глядя на меня с улыбкой, — что было, то прошло. Не бери в голову, как у вас говорят.

"Вот именно, что не в счёт, — подумала я. — А теперь ты мой, и хрен я тебя кому уступлю, и не надейся!". Оставалось закрепить успех.

— Я ведь теперь твоя как бы жена, да? — спросила я предельно наивным голосом.

Нет, вы не подумайте, что я типа совсем блондинка инфантильная: в своём родном мире мне в здравом уме и трезвой памяти и в голову бы не пришло задать такой идиотский вопрос парню, оказавшемуся в моей постели, — что я, совсем дура? Но здесь, в Эххленде, особенно зная рыцарские типа принципы герцога де Ликатеса и помня, как он держал себя у Водопада Слёз… Ведь даже незабвенный дракон Костя, и тот вёл себя соответственно: жена, и всё тут.

— Как бы да, — спокойно произнёс боевой маг и повторил: — Как бы.

— Что-что? Что ты сказал?

— Если ты согласна, я готов назвать тебя своей женой, — продолжал Хрум, — однако тут есть некоторые сложности…

Я почувствовала, как во мне закипает холодное бешенство.

Нет, вы сами прикиньте, что за дела? Как говорить красивые слова, целовать-миловать — это всегда пожалуйста, а как насчёт жениться — тут нас, рыцарей, днём с огнём не сыщешь! Нет, мужики (даже самые лучшие экземпляры этого подлого племени) все скроены по одному шаблону — все они одинаковы, во всех Мирах! У него — в смысле, у Хрума, — давным-давно, наверное, жена и целый выводок детишек (время-то здесь идёт по-другому), которых он, понятное дело, никак не может бросить (старая песня о главном). А со мной он так, порезвиться-побаловаться, как это у мужиков принято. А я-то, дура, размечталась — вот она, любовь моя неземная… Ну что за жизнь такая гадская — теперь мне (для полноты счастья) не хватает только родить ещё одного ребёнка-безотцовщину. Нет уж, фигушки — хватит!

Вывернувшись из-под руки де Ликатеса, я рывком села на порядком развороченном ложе и ухватила свои тряпки, валявшиеся у меня в ногах.

— Пора вставать, благородный рыцарь, — холодно бросила я, не оборачиваясь. — Ночь любви прошла.

Вместо ответа он обнял меня и притянул к себе — руки у него сильные, ну никак не возможно сопротивляться!

— Ты не поняла. Я готов жениться на тебе хоть завтра, но я не могу этого сделать.

— И почему же, хотелось бы знать?

— Потому что ты жена Шумву-шаха.

Вот тут я чисто конкретно прибалдела — какая я, на хрен, жена этому белобрысому? Он же меня выгнал!

— Тебя изгнали из Эххленда, — объяснил Хрум, — то есть ты как бы умерла для нашего мира. Поэтому Шумву-шах и маги не расторгали ваш брак — они ведь и подумать не могли, что ты сможешь сюда вернуться. Вспомни историю Ослабеллы — король не мог вступить в новый брак, ведь она всё ещё считалось его женой. Точно так же получилось и с тобой — формально ты всё ещё жена Шумву-шаха и королева Эххленда.

— Да мне и на хрен не упало это королевство! — Я хотела было добавить "хватит с меня и титула герцогини де Ликатес", но вовремя прикусила язык — не хватало ещё, чтобы Хрум подумал, что я навяливаюсь к нему в жены исключительно по меркантильным соображениям. — Вот уж не думала, что у вас тут так блюдут всякие юридические тонкости — адвокаты рулят, да? И что, это такая проблема — оформить развод?

— Особых проблем нет — нам с тобой просто надо побывать в столице. Ну, ты больше не сердишься? — И мой рыцарь улыбнулся растаявшей мне своей замечательной улыбкой.

Я для порядку всхлипнула и уткнулась носом в его щёку. От

сердца отлегло: съездить в Камерон — делов-то! Интересно, как будет реагировать Окостенелла (и сам король) когда я заявлюсь к ним, да ещё не одна, а с сынулей? Жесть — представляю себе их рожи! Шумву-шах просто обалдеет, а эта его драная эльфийская кошка зашипит от злости, когда узнает, ко всему прочему, что её бывший преданный поклонник влюбился в меня без памяти и хочет на мне жениться — вот уж я над ней посмеюсь! А потому что не фиг было меня изгонять — могли бы и помягче придумать наказание. Хотя нет, не могли — там же вопрос вообще стоял о казни за государственную измену. Ладно, разберёмся, главное — Хрум мой, и я его никому не отдам!

* * *

Однако нам и в самом деле пора было вставать — мы валялись тут уже часа три, не меньше. Счастливые часов не наблюдают (да и часов — в смысле, с циферблатами — я тут не видела), но солнце за окном (и желудок) подсказывали: время близится к обеду. И Шепоток мой наверняка уже проголодался — прогулки на свежем воздухе способствуют аппетиту. Значит, они с Причесахом вот-вот вернутся, а мне почему-то не хотелось, чтобы нас с де Ликатесом застали в больничной койке, превращённой в брачную постель. И я (хоть мне и хотелось ещё разок понежиться) скомандовала подъём.

Рыцарь подчинился, мужественно взяв себя в руки (без всякой магии я видела по его глазам, что он совсем не прочь порепетировать интимную сторону нашей будущей семейной жизни ещё часа три). Я быстро оделась, отметив мимоходом, что у меня вошло в традицию прибывать в Эххленд в джинсах (не в тех, конечно, которые были на мне пять лет назад, но всё-таки), помылась-почистилась и всё остальное-прочее (соответствующий уголок в доме Причесаха отыскался без проблем) и принялась хозяйничать на кухне (или как там назвать закуток, заваленный разнокалиберной посудой и всякой снедью).

Среди прочего кулинарного изобилия я наткнулась на солидных размеров плетёную корзинку с пирожками и тут же, по ходу дела, загрызла пару штук (аппетит разыгрывается не только от прогулок на свежем воздухе, но и от… ну, вы понимаете). Вкуснотища — нет слов! Правда, пирожки были холодными, а ничего похожего на микроволновку я среди кухонной утвари не обнаружила. Выручил Хрум, ходивший за мной улыбчивой тенью, — он взял один пирожок в ладони, с минуту подержал и вернул его мне в уже разогретом состоянии. "Нет, магия — это

вещь! — подумала я, уплетая этот "эхх, биг-мак", — так и растолстеть недолго". Сделав над собой определённое усилие, на третьем пирожке я прервала процесс пожирания эххийских вкусностей и занялась более прозаическим делом (и вовсе не потому, что так уж боялась испортить фигуру, а потому что в непосредственной близости от меня имелось ещё три голодных рта, одним из которых был мой сын, а вторым — мой как бы муж). Короче, обед я приготовила и стол (не в спальне, а в большой комнате) накрыла (не буду врать, всё это с помощью де Ликатеса — он не отходил от меня ни на шаг, и это было очень приятно).

Причесах с Шепотком появились в аккурат вовремя — я как раз ставила на стол бокалы (последний штрих называется). Тактичный страж Рощи, я так думаю, в общих чертах отслеживал положение дел в своём коттедже — чтобы и нам с Хрумом не помешать, и чтобы ребёнка голодом не морить, — и это у него получилось. Умница он всё-таки, честное слово…

Сынишка мой выглядел превосходно — прям картинка под названием "счастливое детство". Глаза у него горели, как два маленьких фонарика, и вообще он изменился: словно спал-спал, и вдруг проснулся. А может, так оно и есть? Ведь мой Шепоток вернулся в другой свой мир, и, кажется, этот другой мир был для него роднее.

— Мама! — закричал он прямо с порога. — Там такое, такое! Я видел порталы — это как голубая дымка в воздухе над полянкой. А птицы роняют перья, и они светятся! А лепестки у поющих цветов мягкие, как… как…

Шепотка переполняли впечатления, а я с беспокойством посмотрела на Причесаха — неужели у него хватило ума потащить ребёнка к порталам? Оттуда ведь, насколько я помню, имеют обыкновение вылезать не только безбашенные попаданцы из разных миров, но и кое-кто поопаснее. Чем у нас там крыта крыша этого лесного домика? Вот-вот, об этом и речь. Балбес он всё-таки, честное слово…

— Не волнуйся, — лихой охотник на лярв понял меня с полумысли. — Во-первых, мы были только у пустых порталов, где ничего не вызревало; во-вторых, не подходили к ним слишком близко. А в-третьих, — он улыбнулся, — разве я стал бы подвергать опасности жизнь твоего сына? Он ведь не только твой сын, но и сын этого мира, сын…

И тут случилось неожиданное.

Шепоток внимательно посмотрел на де Ликатеса, потом на меня, затем снова перевёл взгляд на де Ликатеса.

— Я знал, — произнёс он очень по-взрослому. — Знал.

А потом он подошёл к де Ликатесу, взял его за руку и сказал срывающимся голоском:

— Папа, почему ты так долго не приходил? Я так тебя ждал… Я знаю, трудно пройти между мирами, но почему ты так долго не приходил? Мне было без тебя плохо, и маме тоже.

Я выронила бокал, который держала в руках. Бокал упал на стол, но не разбился — металлический потому что. В горле застрял горячий комок. Немая сцена называется.

Дети смотрят на мир совсем другими глазами — не так, как взрослые. Для детей всё просто: если рядом с ними мужчина и женщина, которых явно что-то связывает (а это ведь видно и без хитрой магии), значит, это мои папа и мама. Это только потом дети узнают, что в жизни не всё так просто… И Шепоток наверняка увидел тонкие нити, соединяющие меня и Хрума, и сделал вывод — такой, который показался ему единственно правильным. В другой ситуации я бы искренне порадовалась такому открытию моего сына (незримые для обычных людей нити между мужчиной и женщиной означают, что они любят друг друга), но сейчас… Ведь эххи не врут — что ответит Хрум? Он скажет правду, и этим сделает Шепотку больно! Господи, что же мне делать?

— Папа, почему ты молчишь?

"Хрум, любимый, — мысленно заклинала я, — ну соври, ну что тебе стоит? Ведь ты же сам говорил, что ради меня ты нарушил бы этот ваш дурацкий запрет насчёт нельзя убивать жителей других миров, а сейчас тебе не надо никого убивать — тебе надо спасать! Спасать — и кого? Маленького ребёнка, который счастлив, а после твоих слов может стать несчастным! Хрум, миленький, ну соври, ну пожалуйста! Когда-нибудь потом, когда будет можно, мы с тобой расскажем ему всю правду, а сейчас соври! Хрум! Умоляю тебя — соври!!!".

Я видела, что рыцарь колеблется — его лицо было растерянным. Боевой маг присел на корточки перед Шепотком, осторожно обнял его за плечи и заглянул в глаза. Шепоток ждал.

"Хрум, соври!!!! Если ты сейчас скажешь правду, я тебя возненавижу!!!"

— Малыш, — голос рыцаря дрогнул, — ты действительно сын этого мира, в твоих жилах течёт эххийская кровь. Я теперь всегда буду рядом с тобой и с твоей мамой, потому что я вас обоих люблю. Но я…

Я закрыла глаза — не хочу я видеть того, что будет дальше…

Герцог не договорил — он прервался на полуслове, а я кожей почувствовала: вокруг нас творится что-то недоброе. Я поспешно открыла глаза и не поняла, что случилось.

Свет померк — солнце, заслонённое чем-то тёмным и очень большим, больше не било в окна избушки мага Причесаха, стража Рощи Порталов. Уютный домик содрогнулся, стены пошатнулись, заскрипели брёвна, трущиеся друг о друга.

А снаружи часто и гулко захлопали широкие кожистые крылья, словно там металась целая стая гигантских летучих мышей. Знакомый звук — я его уже слышала…

"Горгульи? — подумала я. — Или… Неужели драконы?!".

* * *

Темнота, и в этой темноте кто-то словно проводит мне по лицу мокрым полотенцем. С усилием разлепляю глаза.

Надо мной склонился Хрум, вот только я скорее догадалась, что это он, чем узнала его. Рыцарь выглядел ужасно: весь в крови, ожог во всю щёку, спалённая борода, от одежды одни обгорелые лохмотья. Ну да, он же дрался без доспехов, в чём был, вот и… Хотя магия — это дело такое, тут и кольчуга не сильно поможет. Влажного полотенца не было — де Ликатес привёл меня в чувство ладонью. Ладонь у него тоже была в крови, но, похоже, в чужой — в какой-то зеленоватой. Наверно, это кровь этих, которые на нас напали, — ихор называется. А где… Где мой Шепоток?!

Приподнимаюсь на локтях — локти скользят по ещё горячей золе. Хрум помогает — поддерживает меня за плечи. Пошатываясь, встаю, машинально отряхивая грязные джинсы. Оглядываюсь — картина Карла Брюллова "Последний день Помпеи". Или первый день после Апокалипсиса…

Вместо весёлых зелёных деревьев, подступавших почти вплотную к избушке лесника, — голые обожжённые стволы, торчащие, словно обугленные кости — ни веток, ни коры. Тунгусский метеорит упал — тьфу ты, чушь какая в голову лезет…

Между домом и выгоревшей опушкой Рощи Порталов — бесформенные кучи чего-то непонятного. Ну да, это ведь искромсанные трупы нападавших — оба мага дрались умело и яростно. А потом тут прошёл огонь — типа лесного пожара, — и хорошенько всё поджарил. От самого домика Причесаха, где совсем ещё недавно мне было так хорошо и уютно, осталась лишь груда обгорелых брёвен, поверх которой валялись закопченные чешуйки астральной змеи, похожие на большие чёрные подносы, — остатки рухнувшей кровли.

Возле руин я заметила две фигуры в тёмных плащах и непроизвольно дёрнулась, но Хрум успокоил:

— Это маги Гильдии Стражей, — сказал он хрипло. — Эх, если бы они прибыли чуть-чуть раньше…

Мы подошли ближе к неподвижным чёрным фигурам, и я увидела накрытое плащом тело, лежавшее возле них на засыпанной пеплом земле. Из-под плаща торчала окровавленная волосатая нога в грубом башмаке и очень хорошо мне знакомая тёмно-седая шевелюра.

— Причесах… — прошептала я.

— Он жив, — надтреснутым голосом проговорил де Ликатес, — он только тяжело ранен. Доблестный страж был рядом с твоим сыном, на которого был направлен удар.

— И он будет жить, — заговорил один из тёмных плащей, — но пока эту Рощу будет охранять другой страж.

— Хрум, — выдавила я, отводя взгляд от израненного лесника, — где мой сын?

— Его унесли, — тихо ответил рыцарь, и я увидела в его серых глазах боль и чувство вины. — Нападение было слишком внезапным…

* * *

…Стена рухнула — к счастью, наружу, в не внутрь дома, — и я увидела совершенно бредовое зрелище. От опушки леса к нам валила (шла? ползла?) целая толпа змееподобных тварей. Я их узнала — это были древесники, одним из которых так аппетитно поужинал Кост-а-Лом, когда мы с ним отправились в поход против Окостенеллы. Душители тянули к нам свои ручонки и шипели как целая куча горячих сковородок, на которые плеснули холодной водой. А над разваливающимся домом Причесаха кружили нечты.

Их было штук шесть, но казалось, они заполнили всё небо — каждая тварь имела по пять голов, оснащённых клыкастыми пастями: сплошная стоматологическая реклама. Тела у них снизу походили на змеиные — ряд продолговатых щитков, — только змейки эти немногим уступали по размерам (каждая была с бегемота, не меньше, и это не считая хвоста) той, чья чешуя пошла на крышу нашего коттеджа. Непонятно, как такие уродины могли держаться в воздухе — короткие крылышки этих гибридов многоглавой ящерицы и дирижабля выглядели нелепой фантазией обкуренного дизайнера.

— Летучие гидры! — выкрикнул Причесах, и я уловила в его голосе не то чтобы страх, но некоторую опаску и явное уважение.

Так вот вы какие… Помнится мне, мой типа муж, дракон

Костя, имел с вами тёрки, и потом едва дополз до своего горного замка — Ослабелла его еле-еле откачала. Но предаваться воспоминаниям мне было некогда: нас атаковали одновременно с воздуха и с земли.

Причесах метнулся вперёд и прикрыл собой Шепотка; в руках у стража Рощи откуда-то возник громадный топор (похоже, тот самый, знакомый мне ещё по моему первому визиту в Эххленд), с гудением описавший в воздухе широкую дугу. Я кинулась было к ним, остро сожалея, что у меня нет хотя бы какого-нибудь вертела, но герцог железной рукой отбросил меня к себе за спину.

— Нельзя! Не мешай! — крикнул он, и через секунду я поняла, почему нельзя: вокруг Причесаха и моего сына возник светящийся кокон, о который с треском разбилась молния, рассыпая яркие искры, — маг Гильдии Стражей поставил защиту. А перед моими глазами льдисто блеснуло лезвие меча, выхваченного Хрумом (тоже непонятно откуда).

Дальнейшее мне запомнилось смутно — помню только, что из дома мы выскочили, он развалился уже потом. До нас докатилась волна древесников, и началась мясорубка — танец смерти, исполнявшийся де Ликатесом у Зелёных Камней, показался бы плавным вальсом по сравнению с тем бешеным брейк-дансом, который выдал сейчас адепт Магии Меча. Вокруг меня хряскало, чавкало, хлюпало, во все стороны летели брызги и ошмётки рассечённых змеиных тел, и остро воняло какой-то гадостью. Хрум наступал, оставляя за собой пустоту, усыпанную мелко нарубленным фаршем, и ни одна ползучая тварь так и не сумела до него дотянуться. С этими червяками-переростками мы справились бы без проблем, но были ещё и гидры.

У летучих гадин имелись не только пятиствольные пасти — гидры владели магией. Огнём они не плевались, зато метали молнии похлеще любого электрического скота, то есть ската. Если бы не защитные магические коконы, нас спалили бы в момент — теперь-то я поняла, каково было Кост-а-Лому в драке с этими короткокрылыми зверюшками. Рубить им головы было бесполезно — они тут же отращивали их снова, как и положено гидрам, — а применить методику Геракла, то есть прижигать тварям шеи после топорной ампутации голов, Причесах в одиночку, похоже, не мог. Ему не хватало сил на всё, а де Ликатес был очень занят своей мясницкой работой — древесников из лесу наползло видимо-невидимо.

Изловчившись, страж Рощи лихо располовинил одну из гидр — топорик у дяденьки Причесаха был явно не простой. Расчленённая туша, ломая брёвна, грузно завалилась прямо на остатки дома, и тут со спин остальных гидр посыпались какие-то

диковинные создания.

Десантники смотрелись устрашающе: чёрные доспехи, чёрные лица, чёрные клинки — полный мрак, короче. Ног у них было по две, зато рук — три, третья росла из середины груди и была длиннее двух других; я видела, как некоторые из них временами использовали эту третью руку в качестве третьей ноги. Ходячие табуретки быстро взяли Причесаха в кольцо — мне поплохело.

— Хрум! — отчаянно заорала я. — Смотри! Кто это?

Рыцарь на секунду отвлёкся от избиения отступающих древесников.

— "Чёрные кобольды", — коротко бросил он, поворачиваясь к новому противнику. — Не выходи из-под кокона!

Да, эти парни были гораздо опаснее змееруков — не зря они числились гвардейцами Вам-Кир-Дыка. Их было немного — с десяток, не больше, — но дрались они умело, используя и мечи, и магию. Прорубаясь на помощь Причесаху, де Ликатес свалил троих, однако победа досталось ему недёшево: клинки "чёрных кобольдов", подкреплённые заклятьями, несколько раз пробивали защиту рыцаря. Хрум скрипел зубами — я отчётливо это слышала, — но шёл. Перед нами оставалось всего двое противников, когда там, где стоял Причесах с Шепотком, полыхнуло. И я как-то сразу поняла: защитный кокон стража лопнул.

Гидры торжествующе взвыли голосами электровозов. Одна из них быстро снизилась, в воздухе мелькнул её длинный язык, и на конце этой липучки повисла маленькая фигурка в белом: мой сын.

— Саша! — истошно завопила я.

Де Ликатес снёс голову кобольду, с которым рубился, как мне показалось, уже целую вечность, сбил с ног другого и бросился вперёд. Причесах не зря месил воздух своим чудо-топором: четверо кобольдов валялись на земле, и только один, с секирой, встретил герцога лицом к лицу. А гидры — гидры уже набирали высоту.

Схватка была молниеносной. Меч и секира с лязгом скрестились и одновременно сломались, а противники вцепились друг в друга и покатились по земле. И я увидела, что трёхрукий берёт верх — мой Хрум выложился до конца и к тому же наверняка был серьёзно ранен.

Не помню, как я оказалась рядом, и не помню, где и как подобрала чёрный меч одного из убитых десантников. Зато я очень хорошо помню, как воткнула этот меч в узкую щель между спинным панцирем и шлемом "чёрного кобольда", душившего де Ликатеса, — откуда только силы взялись.

Трёхрукий обмяк; ликатесский правитель, шатаясь, встал на ноги. Небо распорола лента бурлящего огня — одна из гидр вспыхнула праздничным фейерверком. А потом вокруг меня забушевало пламя, пахнуло нестерпимым жаром, и я потеряла сознание…

* * *

— Они его унесли, — повторил Хрум. — Одну гидру я сжёг, но на большее у меня уже не хватило сил. Гидры запустили испепеляющее заклятье и выжгли всё вокруг. К счастью, подоспели маги, — он посмотрел на молчаливых коллег Причесаха, — и потушили огонь. Но твой сын… — герцог опустил голову. — Я не сумел…

Я молчала. Слов не было — совсем. А де Ликатес говорил, словно стараясь разогнать накатившее на меня глухое отчаяние.

— Древесники были под магическим гипнозом. Они хитры и осторожны, и никогда не кинулись бы просто так под боевые заклятья. Их согнала сюда со всего Поперечного леса чья-то злая воля — я знаю, чья. Они отвлекали, и им это удалось.

Я молчала, безучастно разглядывая обгоревшие деревья.

— А гидры с воинами выскочили из портала. Их перебросили с Полуночной стороны в какой-то соседний мир, а уже оттуда сюда, в Рощу. Узнаю чародейство Чернодыра — жаль, что я не убил его там, в твоём мире. Если бы эти твари летели над лесом и над пустыней, их бы обязательно заметили, а так… — рыцарь тяжело вздохнул. — А мы расслабились: я был опьянён любовью, а Причесах самозабвенно возился с Шепотком — ему очень понравился твой сын. И мы забыли, что Тёмная Сторона Силы никогда не дремлет. Я виноват, Алина, — прости.

Маги Гильдии Стражей — их было уже четверо, я и не заметила, когда и как появились ещё двое (то ли из-под земли вылезли, то ли с неба свалились), — развели небольшой костёр и уселись в кружок вокруг Причесаха. Они негромко переговаривались между собой, но я не прислушивалась — мне было как-то не до того.

— Хрум, — спросила я наждачным голосом, — из этих, из тварей, кто-нибудь остался в живых? Хотя бы один раненый?

— Никого — после испепеляющего заклятья остаются только головешки. Мы втроём выжили почти чудом — продержались на остатках магии до появления стражей. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Я очень хочу кого-нибудь зарезать, — честно призналась

я, — долго и мучительно.

— Не надо, — рыцарь внимательно посмотрел на меня. — Не подкармливай Тёмную Сторону Силы — это может плохо кончиться. Твой сын жив, и мы его спасём.

— Твой сын жив, — услышала я. Рядом с нами стоял один из гильдийцев — он подошёл бесшумно, как призрак. — Если бы его хотели просто убить, летучие гидры сразу применили бы Магию Огня — зачем так усложнять? Нет, Чёрному Владыке твой сын нужен был живым и невредимым. Тёмные эххи нарушили древнее табу: Рощи Порталов всегда, во время всех войн, оставались оазисами мира. И пойти на это их заставило что-то очень и очень важное — настолько важное, что Вам-Кир-Дык счёл возможным пренебречь ненарушимым обычаем. А вот что именно — этого мы пока не знаем. Может быть, нам придётся обратиться за помощью к магам-академикам: здесь всё не так просто, это был не случайный налёт. А пока пойдёмте — вам обоим надо восстановить силы. Идёмте, мы приготовили укрепляющий напиток.

Мы подошли к костру. На огне кипел котелок с каким-то зельём; поднимался дымок, пахнущий непонятно чем. Причесах уже пришёл в себя — один из магов Гильдии бережно поддерживал его за плечи, а другой поил из глиняной кружки.

Увидев меня, страж отвёл от своих губ посудину и еле слышно проговорил:

— Прости… Алина… Я виноват… не уберёг…

А я вдруг подумала, что виноваты не Хрум и Причесах, отчаянно сражавшиеся со всей этой набросившейся на нас нечистью, а я сама. Да, да — я сама! О чём я думала, упиваясь своим новым положением не попаданки, а почётной возвращенки? Вот, мол, теперь я вам всем покажу — и Шумву-шаху, и Окостенелле! Завидуйте, поганки, — вы меня выгнали, а я взяла вот и вернулась вам всем назло, да ещё буду теперь не какой-то там наложницей-служанкой, а герцогиней де Ликатес! Да, я такая — я лучше всех, а вы мне и в подмётки не годитесь со всей вашей правдивостью да честностью! И я забыла, как сказал Хрум, что Тёмная Сторона Силы никогда не дремлет, а я её подкормила, и это очень плохо кончилось. Так что я сама помогла тёмным эххам напасть на нас так внезапно и похитить моего сына — сама: точно так же, как в прошлый раз я сама накликала на свою голову дракона Костю.

Этот мир не прощает неосторожных мыслей.

Я села прямо в пепел, нисколько уже не заботясь о чистоте своих джинсов, и закрыла лицо руками.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Не знаю, сколько я так просидела. Ко мне никто не лез — эххи понимали, что меня сейчас лучше не трогать. Только один раз подошёл Хрум, осторожно отвёл мои ладони и молча протянул мне дымящуюся кружку. Я так же молча выпила её содержимое, не ощущая вкуса, и осталась сидеть, бездумно перебирая рассыпанные по земле угольки.

Из состояния антинирваны меня вывел множественный стук копыт. Из уходящей к реке лощины появились всадники — много, прям целый эскадрон гусар летучих. История повторяется — примерно так же когда-то прибыла за мной великолепная шестёрка во главе с бравым коллекционером юных наложниц, выполнявшим приказ ликатесской магессы. Но тогда я была просто глупой дурой, начитавшейся фэнтези, и тогда никто ещё не похищал моего сына…

Гусары приблизились, поднимая тучи серого пепла, и я с удивлением узнала в лидере этой конной тусовки — лёгок на помине! — сотника (хотя нет, капитана — его же вроде бы повысили в звании за героизм, проявленный при защите Ликатеса от полчищ Дастар-хана) Верта О'Праха. Вояка немного изменился — взматерел и погрузнел, борода стала гуще, — но это был он, на свою зрительную память я никогда не жаловалась. Да, вот уж действительно история повторяется…

— Ваша светлость, мы выступили сразу же, как получили ваш приказ, — доложил Верт, осаживая коня перед де Ликатесом, — ещё ночью. Мы торопились, но, — он обвёл взглядом пепелище, — кажется, мы опоздали…

— Не виню, — коротко бросил Хрум. — Ты сделал всё, что мог, капитан. Карета?

Верт полуобернулся в седле, махнул рукой, и из-за спин воинов выкатилась карета — не домик-пряник на колёсах для невесты его величества, конечно, но вполне сносное на вид транспортное средство. Хотя меня в моём теперешнем состоянии вопросы комфорта как-то мало волновали: после того, что случилось, мне было не до гламура.

Прихрамывая (я только сейчас это заметила), де Ликатес подошёл ко мне и протянул мне руку.

— Королева… — изумлённо проговорил бывший сотник. — Это вы, леди?

— Моя избранница, — прояснил ситуацию Хрум, помогая мне встать с земли. — Алина — все другие её имена уже стали достоянием вечности.

Верт смотрел на меня предельно круглыми глазами, а мне почему-то стало стыдно: я вдруг вспомнила свои ужимки и прыжки во время ночёвки в его доме. "Только этого живого укора мне и не хватало, — с горечью подумала я. — Надеюсь, Верт не трепло, но если он вякнет хоть одно лишнее слово — удавлю".

Однако мои опасения оказались напрасными: похоже, лихой командир ликатесских наёмников был по жизни джентльменом и не заморачивался на женских взбрыках. Не слезая с седла, он почтительно (хотя вышло это у него очень неуклюже) поклонился замызганной мне (видок у меня, думаю, был ещё тот).

— Рад вас видеть леди, — просто сказал капитан и улыбнулся: тоже просто, искренне и по-доброму. На душе у меня потеплело, и даже тревога за Шепотка не то чтобы совсем исчезла, но стала не такой болезненно-острой.

Воины расступились, громыхая боевым железом. Мы с де Ликатесом двинулись было к карете, однако на полдороге я остановилась.

— Погоди, — бросила я герцогу, быстренько подбежала к лежавшему на земле стражу Рощи и присела возле него на колени. Причесах был в сознании, хоть и бледен (от румянца на его лице не осталось и следа), и синие глаза лесника подёргивала мутная дымка боли.

— Ты поправляйся, ладно? — сказала я ему. — И… спасибо тебе за всё, Каггa.

Маг улыбнулся (я видела, с каким трудом это ему удалось) и прошептал:

— Не бойся за сына… Он жив, и он вернётся… Ты его вернёшь…

Вместо ответа я коснулась ладонью спутанных волос Причесаха (на них кое-где засохла кровь), поцеловала его в щёку и пошла к ожидавшему меня Хруму, чувствуя спиной одобрительные взгляды магов Гильдии Стражей Порталов.

* * *

Карета двигалась быстро — сопровождавшие нас ликатесские воины не трусили неспешной рысцой, а неслись чуть ли не во весь опор. Не иначе тут не обошлось без магии — вряд ли шестёрка лошадей смогла бы так шустро тащить такое объёмистое сооружение.

Снедавшая меня тревога за сына чуть поутихла после прощальных слов Причесаха, и когда она сделалась фоновой — что-то вроде боли от ноющего зуба, — я спросила де Ликатеса, полулежавшего на мягком сидении справа от меня:

— А куда мы, собственно, едем? (вопрос этот следовало задать уже давно, однако мне было как-то не до этого — вы ж понимаете).

— Как куда? — искренне удивился Хрум. — В Ликатес. А потом в Камерон — разве ты забыла, что нам с тобой надо побывать в столице, чтобы ты смогла получить развод?

Ну да, развод… Странно: всего лишь час назад это казалось мне очень важным делом, чуть ли не самым важным, а теперь…

— И кроме того, — рыцарь явно почувствовал моё настроение (маг всё-таки, хотя тут и без всякой магии любому дураку всё ясно), — нам понадобится помощь короля.

— Помощь?

— Помощь. Чтобы спасти твоего сына, потребуется послать на Полуночную сторону войско — может быть. А сил одного Ликатеса не хватит — Вам-Кир-Дык могучий противник. Для вторжения нам понадобятся многочисленная армия и флот — королевский флот, флот Шумву-шаха.

От всех этих стратегических рассуждений мне почему-то стало тошно: как показывает практика, очень правильные короли могут и пожертвовать личным ради государственного — вспомним хотя бы историю с ценой выкупа головы пленённого Кост-а-Лома. Где гарантия, что его эльфийское величество бросит все дела и кинется спасть своего сына, рождённого в другом мире попаданкой, заслуженно изгнанной из Эххленда? Да он этого сына и в глаза не видел, и знать не знал о его существовании — откуда тут взяться пылкой отцовской любви? Да и соображения блага державы опять же — станет ли Шумву-шах развязывать полномасштабную войну с тёмными эххами из-за одного ребёнка, пусть даже ребёнка королевской крови? Но обратиться к нему надо — Хрум прав. Пусть почешется повелитель Полуденной стороны — он король или как? Может, и без войны обойдётся — дипломатией. Обмен заложниками, пойманными шпионами, или что там ещё бывает в таких случаях… Моего сына надо спасти, и точка, и тут уже нужно использовать все варианты.

— И ещё, — добавил Хрум после недолгой паузы, — необходимо выяснить, зачем Вам-Кир-Дыку понадобилось это похищение. Помнишь, что сказал маг Гильдии? "Пойти на это тёмных заставило что-то очень важное" — вот его слова. И поэтому нам надо обратиться к архимагам — только они смогут в этом разобраться.

— А чего тут разбираться? — я недоумённо посмотрела на герцога. — Сын короля, наследник трона — что тут неясного? Обе стороны Эххленда в одном флаконе — это же мечта Вам-Кир-Дыка!

— Ты так думаешь? Неужели королева Алава не знает, что у нас, эххов, не наследуют трон по праву рождения — это право надо заслужить и отстоять. И если будет нужно, то и в прямом поединке с другими претендентами — по-другому никак.

"А ведь и в самом деле… — растеряно подумала я. — Как же это я забыла об этой эххийской специфике? Но зачем же тогда мой Сашенька понадобился Чёрному Владыке?".

Де Ликатес замолчал, прикрыл глаза и, кажется, задремал. По его лицу я видела, как ему несладко (я уже знала от магов-лекарей, осматривавших герцога вскоре после посадки в карету, что мой рыцарь был трижды ранен мечами кобольдов — в бок, в плечо и в бедро, — и что все три его раны были тяжёлыми), и не стала к нему приставать — успеется.

Сама я чувствовала себя вполне сносно — никто меня мечами не протыкал, от огня защитила магия, да и напиток магов-гильдийцев сделал своё дело. Никаких новых нападений я не опасалась: вокруг кареты скакала сотня опытных эххийских воинов, тут не то что какой-то там песчаник — дракон десять раз подумает, прежде чем решится на нас напасть. И чем дальше мы отъезжали от Рощи Порталов, тем меньше становилась угроза повторного налёта. Да и незачем было тёмным выступать на бис — они своего добились. Знать бы ещё, для чего же им всё-таки понадобился мой сын?

Погружённая в эти размышления, я не заметила, как задремала. Разбудил меня голос Верта, наклонившегося к окошку нашей кареты:

— Ваша светлость, уже темнеет, а впереди удобное место для ночлега. Прикажете остановиться?

* * *

Это была та самая роща, где я пять лет назад (или шесть? это смотря как считать) впервые поимела сомнительное удовольствие лицезреть морду Кост-а-Лома в его истинном, драконьем обличии — экскурсия по памятным местам называется. Здесь практически ничего не изменилось, если не считать того, что проломленная драконом зелёная крыша над полянкой восстановилась — за прошедшие годы ветви деревьев отросли и снова переплелись.

Я помогла де Ликатесу выбраться из кареты. Боевой маг

двигался с трудом, и к моему не проходящему беспокойству за сына добавилось тревога за Хрума — а ну как ему станет хуже? С ранами, нанесёнными магическим оружием, не шутят — скорей бы нам добраться до Ликатеса: там ведь наверняка есть искусные целители, а не одни только военно-полевые костоправы.

Для нас проворно соорудили шатёр (не чета шалашику, некогда устроенному для меня воинами Верт О'Праха, тогда ещё сотника). Мы наскоро поужинали (Хрум, бедняга, поклевал всего ничего), я довела раненого рыцаря до шатра, уложила и пристроилась рядом — тихонько, чтобы ему не мешать. Не подумайте, у меня и в мыслях не было заняться с ним любовью — какая тут, нафиг, любовь, когда герцог едва жив? Он лежал неподвижно, дыхание его было прерывистым. Я то и дело привставала и с беспокойством пыталась разглядеть выражение его лица, но в слабом отсвете лагерного костра, проникавшем через приоткрытый входной полог, толком нельзя было ничего разобрать: я даже не могла понять, спит он или нет. Мне стало страшно, причём не себя — типа, что я буду делать, если он вдруг умрёт? — а за него, за моего рыцаря.

Не вытерпев, я осторожно дотронулась кончиками пальцев до его лица — кожа тёплая, значит, Хрум живой, и умирать совсем не собирается. Рыцарь чуть шевельнулся и коснулся губами моих пальцев.

— Не бойся, — прошептал он, — скоро мне будет легче. Лечебная магия работает.

— А я всё равно боюсь, — ответила я (тоже шёпотом), — за тебя, Хрум. Ты не умирай, а? Не надо.

На лице Хрума появилось слабое подобие улыбки (это я разглядела). Он повернул ко мне голову, и я увидела отражавшийся в его зрачках огонь костра.

— Я не умру, Алина. Мы с тобой будем жить долго и счастливо, герцогиня де Ликатес, и между нами не будет лжи.

"Не будет лжи? — подумала я. — А как же…". Я вспомнила визит чёрного глюка в ту памятную для меня ночь у Водопада Слёз, и кинжал в моей руке, и безмятежное выражение лица спящего Хрума — спящего и беззащитного. Как там думал дон Румата из "Трудно быть богом" — между нами растёт невидимая стеночка лжи, и когда она вырастет, её не прошибёшь и тараном? И тогда я ударила в эту стеночку всем телом.

— Хрум, — негромко сказала я, — я виновата перед тобой.

— О чём ты? Мы же с тобой уже выяснили: пару раз — это не в счёт, верно?

— Да я не об этом, — я секунду помедлила, собираясь с духом, и выпалила, словно сбрасывая с плеч тяжкий груз: — Я

чуть не убила тебя, когда мы с тобой ехали к королю и ночевали у Водопада Слёз. Ночью, когда ты спал, ко мне явился чёрный глюк…

Выговорившись, я замолчала, с бешено бьющимся сердцем ожидая, что скажет Хрум. Он ведь теперь запросто может выгнать меня прямо сейчас — какой нормальный мужик возьмёт в жены женщину, которая его чуть не зарезала? А если в следующий раз этого "чуть" уже не будет?

— А я об этом знаю, — спокойно ответил рыцарь. — Мне Причесах всё о тебе рассказал.

— Знаешь?! Всё-всё?

— Знаю.

— И после этого ты отправляешься в другой мир, чтобы защищать меня и спасать? Я ведь хотела тебя убить!

— Если бы ты действительно этого хотела, ты бы это сделала. Но ты устояла — я жив. И ещё есть такая штука, которая называется "любовь".

— Любовь?

— Любовь, — очень серьёзно повторил Хрум. — Мудрейшие маги Вселенной до сих пор так и не разгадали, что же это такое, как она приходит, и почему уходит. И почему вдруг так случается, что из всех мириадов женщин и мужчин для кого-то одна — или один — становится единственной — или единственным, — без которой — или без которого — сама жизнь может потерять всякий смысл. Мы, эххи, этого не знаем, и вы, люди, тоже не знаете. Есть легенда о половинках — помнишь мою балладу о любви? — в поисках которых разумные существа скитаются среди Миров, будут скитаться до Пришествия Великой Тьмы, когда погаснут все звёзды, и снова начнут скитаться после того, как они загорятся вновь. Но так это или нет на самом деле — об этом знают, наверное, только наимудрейшие из числа магов-Следящих. Или сам Вечнотворящий…

Я слушала, затаив дыхание. А Хрум положил мне на плечо свою тяжёлую руку (рука была горячей) и сказал:

— Я гораздо старше тебя, Алина, — по вашему счёту я гожусь тебе в прапрапрадеды. Однако даже я знаю только, что любят не за что-то — любят просто так, потому что… потому что любят. Я люблю тебя — вот и всё. Но хорошо, что ты сама мне всё рассказала: ложь убивает любовь. А сейчас не думай ни о чём плохом: скоро я встану на ноги, и мы спасём твоего сына. Всё будет хорошо — спи, любимая…

Де Ликатес замолчал и закрыл глаза. Мне захотелось к нему прижаться, но я боялась сделать ему больно: ведь его раны ещё только начали заживать. Какая я же была дура, когда всерьёз

надеялась стать повелительницей древнего народа, каждое поколение которого за время всего одной жизни приобретает двух- или даже трёхвековой опыт и вместе с этим опытом впитывает в себя мудрость многих тысячелетий…

* * *

Ночь прошла спокойно, к нам никто не заявился — ни ходячая, ни катучая, ни летучая, ни ползучая, ни какая иная подлая тварь. Но я спала тревожно, то и дело просыпалась и чутко прислушивалась к дыханию моего рыцаря — как он там? В результате я окончательно пробудилась рано, с первыми проблесками рассвета, и осторожненько так выползла наружу.

Между деревьев сочились белые змейки утреннего тумана; трава была мокрой от росы. На полянке вповалку спали ликатесские воины — десятка три. Кони остались снаружи — внутри рощи места было не так много, а компания наша была куда более многочисленной, чем пять лет назад. У костра я увидела грузную фигуру Верт О" Праха — капитан задумчиво смотрел в огонь. Интересно, он в боевой обстановке что, вообще не спит? Помнится мне, в прошлый раз сотник тоже бодрствовал всю ночь — заряжал магией драконобойные стрелы.

Я сбегала к ручью — он мирно булькал там же, где и раньше, — и кое-как привела себя в порядок. В относительный, понятное дело, — глянув на себя в воду, я тихо ужаснулась: на лице кое-где остались пятна копоти, под глазами синяки, волосы… гм, лучше промолчим. Джинсы и маечка в клочья, прореха на прорехе, — хорошо ещё, потрёпанную меня заботливо снабдили длинным плащом, есть хоть чем срам прикрыть. Короче, гибрид хиппи и эмо после пьяной тусовки, на будущую герцогиню де Ликатес похоже не очень. Сможет мне тут кто-нибудь хоть простенькую расчёску намагичить (а то я как-то не захватила её с собой)? Счаз Верта озадачим…

Капитан встретил всклокоченную и постукивающую зубами меня широкой улыбкой (чем-то напомнив мне моего дядю Лёшу Петровича) и протянул кружку с эххийским как бы чаем.

— Ну что, командир? — спросила я, прихлёбывая горячий напиток (по холодку — самое то!), — хлопцы сыты, кони запряжёны?

— Воины уже седлают коней, — Верт махнул рукой в сторону опушки рощи. — Дорога дальняя, и как только проснётся его светлость…

— А я уже не сплю, — услышала я голос Хрума. Боевой маг

стоял у шатра и выглядел почти здоровым — кризис миновал называется. — В путь, капитан О'Прах!

И, наскоро перекусив, мы поехали.

В карете я пригляделась к рыцарю и где-то как-то осталась довольна — до прежнего де Ликатеса ему, конечно, ещё далеко, однако румянец на щеках уже прорезался. До города он явно доедет, а там маги-лекари, надо думать, доведут своего герцога до нужной кондиции. И поскольку Хрум не выказывал желания впасть в спячку, я решила порасспросить его о делах эххийских — надо же мне быть в курсе, да и от моих грустных дум отвлечься тоже надо.

Пять лет вообще-то не срок, особенно для долгоживущих эххов, однако за эти годы в Эххленде кое-что таки произошло.

Угроза нового вторжения тёмных отпала сама собой, как только Им-Кир-Дык начал активно злоумышлять против своего папани и замутил поганку с переворотом. Да и после того, как мятежный адмирал окончил свой тернистый жизненный путь в пастях летучих гидр (не завидую "чёрному принцу" — видела я этих пятиголовастиков), Чёрному Владыке было не до агрессивных выходок — сначала надо было устаканить свои насущные внутренние дела (типа, разобраться с недобитыми "врагами тёмного народа", в гареме навести порядок, и так далее).

Граф Заборзелло-Дальний со скрежетом зубовным признал, что тягаться с тандемом Шумву-шах-Окостенелла у него пупок развяжется, и атаковал своего как бы кореша Какуснуя Набокуто, решив покорить Восточный архипелаг и усилиться за его счёт. Графу удалось высадить войско на земле императора Набокуто, однако и морская, и сухопутная битвы окончились вничью. После этого генералы и адмиралы с обеих сторон прямо заявили своим вождям, что смысла в продолжении группового кровопролития нет, и предложили бывшим союзникам — в полном соответствии с законами эххов — продолжить свою дискуссию о власти тет-а-тет.

Исход поединка оказался печальным для графа Заборзелло: островной деспот пустил в ход какую-то хитрую магическую примочку из национального арсенала, одолел соперника и ненавязчиво убедил его сделать себе что-то вроде эххийского харакири (подробности обряда де Ликатес деликатно опустил). Этим дело и кончилось: Какуснуя Набокуто не стал покушаться на земли безвременно почившего графа, с истинно восточной мудростью полагая, что король не потерпит чрезмерно усиления любого окраинного феодала, каким бы титулом тот себя не нарекал, и ограничился только защитой рубежей отчизны от вражьих посягательств.

Ставшее вакантным кресло повелителя восточного побережья Полуденной стороны вызвало живейший интерес среди ближайших сподвижников покойного Заборзелло. Влоб Какдам, командир панцирной конницы, вонзил в проходивший по этом вопросу круглый стол боевой топор и скромно заявил, что не видит другой кандидатуры на эту должность кроме любимого себя, а если кто-то имеет что-то возразить, он готов выслушать эти возражения — тут же, на месте. Влоб был известен не только своими несомненными военно-магическими талантами, но и весьма неприятной привычкой не брать в плен побеждённых, поэтому возникла некоторая заминка (несмотря на то, что не слишком многие жаждали видеть своим непосредственным сюзереном подобную брутальную личность).

Положение спас маг-эльф по имени Хитёр Невмеру, принявший вызов. И ловкость одолела грубую силу: Невмеру взял верх в магическом единоборстве. Приканчивать Какдама он не стал — ограничился тем, что поразил его половым бессилием: типа, чтоб такие не размножались. (Тут я вспомнила, какой кары за неисполнение приказа боялся отважный сотник Верт — в Эххленде, смотрю, это очень в ходу. А ведь и верно — что для мужика может быть страшнее?). В результате через месяц супруга посрамлённого вояки, Какайято Такая (к слову сказать, уроженка Восточного архипелага), бросила своего нефункционального мужа и, к удивлению всех эххов графства, стала женой нового графа Закоселло, ранее известного народу под именем Хитёр Невмеру. После этого энергичная островитянка, взявшая себе аристократическое имя Осточертелла (вероятно, в память о трагическом последнем месяце своей супружеской жизни с Влобом Какдамом), стала науськивать своего нового мужа на новую войну с императором Набокуто, мотивируя это тем, что весь архипелаг является как бы её типа приданным. К счастью, у эльфа, не устоявшего перед чарами смуглой восточной красавицы, хватило ума не поддаться на эту провокацию, и на восточной окраине Эххленда наконец-то воцарился как бы мир.

Тан Гейзер после появления у берегов своего острова сильной эскадры Шумву-шаха уразумел, что с грабежами пора завязывать, и переключился на рыбную ловлю и спа-туризм, а вот Кайлом-бей похорохорился (вероятно, рассчитывая на поддержку полуночников). В итоге "пальмовый султан" был нещадно бит и бежал на единственном своём уцелевшем корабле с горсткой слуг, остатками гарема и крохами движимого имущества. Кайлом-бей взял курс на запад, под тёмное крыло Вам-Кир-Дыка, но до побережья Полуночной стороны не добрался — спасаясь от преследования королевских галер, он взял слишком к югу и

вблизи Загадочных Вод (если кто не в теме, напоминаю: единственный материк Эххленда окружён как бы океаном, углубиться в который можно только до определённого предела, а что там дальше — хрен его знает, оттуда ещё никто не возвращался) бывший властитель Пальмовых островов был съеден сильно оголодавшим кракеном вместе с кораблём, жёнами и прочими бебихами. А на Пальмовых островах, очищенных от работорговцев, был устроен дом отдыха для ветеранов последней светло-тёмной войны.

У самого Хрума были кое-какие проблемы с кочевниками. Разбитые под стенами Ликатеса, они через какое-то время оправились, выбрали нового вождя по имени Крутойпа-хан и начали типа возбухать, обвиняя де Ликатеса в имперских замашках и в посягательствах на независимость гордых сынов степей. Дошло до того, что степняки отправили посольство к Шумву-шаху и изложили ему свои претензии: так, мол, и так, мы привыкли жить своим укладом, скакать на конях и стрелять из луков — типа спорт у нас такой национальный, — и попутно немножко грабить эххов-земплепашцев. На это король ответил, что если степнякам в лом самим творить для себя всё необходимое (или если им жалко тратить на это дело свою ману), то пусть они тогда разводят коз и овец и ткут ковры, которые смогут обменять на рынке в Ликатесе на другие товары народного потребления. Послы слегка задумались, а его величество добавил, что не видит в действиях своего верного вассала, герцога ликатесского, никаких нарушений прав эхха, а скорее наоборот. Затем он предложил создать в своей армии особый легкоконный полк из самых горячих степных воинов, пообещав, что непременно предоставит им возможность сбросить излишек адреналина, позвенев саблями на Полночной стороне, и пожелал послам ровной дороги до дому.

На обратном пути посольство перехватили воины капитана О'Праха и препроводили жалобщиков в Ликатес. Герцог не стал сажать их в прохладные помещения с окошками, декорированными железными прутьями, — он показал послам парад ликатесского войска, продемонстрировал в действии парочку своих новых боевых заклятий, а после этого напоил степняков допьяна и популярно объяснил: если они хотят мирно торговать сухофруктами и продуктами животноводства, ликатеский рынок к их услугам, а если намерены качать права, махать тут своими кривыми ножиками и приставать к девушкам без их на то согласия, то пусть тогда не обижаются сыны степей на адекватные действия стражей порядка. С тем вольные джигиты и отбыли восвояси.

С остальными было проще: лесные дикари, пережив острый приступ пассинарности и потряся дубинами под башнями сторожевых фортов, вернулись в чащу Поперечного леса, а неугомонный атаман пан Чох был зарезан собратьями по ремеслу по время делёжа добычи; самих резальщиков спустя месяц переловил неподкупный борец с уголовщиной Верт О`Прах и развесил разбойников по высоким берегам Белой реки.

Но тут вдруг слегка съехала крыша у гномов — подозревалось, что здесь не обошлось без тлетворного влияния запада, то есть Чёрного Владыки. Рудокопы внезапно сделались рьяными поборниками самостийности, утверждая, что настоящие Перворождённые — это вовсе не эльфы, а они, гномы, и что вообще все эххи произошли от древних протогномов, а вся история Эххленда написана ломами, кирками и лопатами трудолюбивого подгорного племени. Получив от гномов петицию о предоставлении им полной независимости, Шумву-шах очень удивился и задал петиционерам законный вопрос: кто мешает им жить в своих гротах и галереях по своим родовым законам, пить самодельное пиво такой крепости, что оно вспыхивает от случайной искры, закусывать его копчёным жиром подземных хомячков-камнеедов, говорить между собой на своём родном гномьем диалекте общеэххийского и добывать редкие самоцветы, которые у них с рукавами и пальцами отрывают другие жители Полуденной стороны? И почему почтенные гномы считают, что самостоятельное гномское королевство обеспечит своим гражданам более надёжную защиту от нападения тёмных сил, чем единая держава, в которой гномы пользуются всеми правами, без всякого ущемления по национальному признаку? Гномы почесали бороды и ушли, пообещав подумать и ответить. Думают они до сих пор, и его эльфийское величество отнюдь не торопит обитателей пещер с ответом.

Природные эльфы на весь этот гномский кипеж не обратили особого внимания. Маги равнодушно пожали плечами, гумы иронично ухмыльнулись, рядовые эххи и вовсе ни хрена не поняли — типа, о чём хоть базар-то? Пошумела немного кучка малосостоявшихся особей, но и они в итоге успокоились, создав кружок поэтов-авангардистов. Поскольку в Эххленде их творчество не завоевало широкой популярности, непризнанные гении сумели каким-то макаром сговориться с Любознательными и начали размещать свои нетленки в виртуальном пространстве смежных измерений, повышая таким образом культурный уровень обитателей параллельных варварских миров. Защитные программы иномировых компьютеров зачастую принимали их творения, написанные на непонятном для аборигенов языке, за

новые вирусы и поступали с ними соответственно, однако это нисколько не обескураживало миссионеров-сеятелей разумного, доброго, вечного.

Всё это я слушала с большим интересом, но потом вся эта политика начала меня уже напрягать, и я аккуратно перевела разговор на светские темы "кто женился, кто развёлся". Не скрою, мне хотелось докопаться, кто грел постель Хруму, пока я за тридевять измерений в одиночестве растила сына эльфийского короля, вычислить свою потенциальную соперницу и если и не выдрать ей (то есть гипотетической разлучнице) все волосёнки по одному, то уж во всяком случае принять все необходимые меры, чтобы она (та самая разлучница) впредь не приближалась к герцогу де Ликатесу на расстояние радиуса действия самого дальнобойного заклинания, какое только есть в арсенале эххийских магов. Мои потуги оказались тщетными, из чего (учитывая правдивость эххов вообще и Хрума в частности) я сделала вывод, что если у моего рыцаря и были какие-то интрижки за время моего вынужденного отсутствия в этих краях, то явно несерьёзные и никоим образом не угрожающие моему будущему семейному счастью.

Зато я узнала, что Окостенелла успела осчастливить своего венценосного супруга двойней — родила девочку и мальчика. Вообще-то это неплохо — по крайней мере, Шумок не будет претендовать на моего ребёнка, если у него есть двое других. На самом деле даже трое, но Шумву-принц как бы уже не в счёт — ну не тянет он на будущего короля никаким боком. Как сообщил мне де Ликатес, Подшумок, разочаровавшись в жизни, подался — нет, не в уединённый монастырь, а к тем самым виртуальным литераторам. Принц взял себе звучный псевдоним Глаголомжог и даже вроде обзавёлся какой-то типа Музой в обличии субтильной эльфийки. Ну и слава богу, как говорится, — мне его, честно говоря, было немножко жалко.

Короче, время шло незаметно, и к тому же после привала на обед, когда мы снова тронулись в путь, Хрум вкусно меня приголубил (благо моё полукресло-полуложе в карете было широким, мягким и удобным). Это порадовало — значит, мой рыцарь уверенно пошёл на поправку, а во-вторых — во-вторых, это было просто приятно! И потому умиротворённая я безмятежно заснула под убаюкивающее покачивание нашего комфортабельного дилижанса и проснулась только тогда, когда впереди показались стены и башни родного — уже родного — Ликатеса, освещённые лучами заходящего солнца.

* * *

Дворец ликатесского правителя (тот самый, в котором раньше жила кошколюбивая эльфийка Окостенелла) внешне нисколько не изменился, только вместо скалившихся с каждой двери кошачьих голов появился герб Хрума: меч, перевитый окровавленной змеёй. Уезжая в Камерон королевствовать, "ледяная магесса" оставила дворец новому правителю — нет у эххов заморочек насчёт недвижимости. Герцога (тогда ещё маркиза) хорошо знали и любили в Ликатесе, все жители помнили, кто спас город от кочевников, и поэтому никто и не подумал оспаривать у Хрума право на титул местного властителя: никаких споров, не говоря уже о поединке, и в помине не было.

По прибытии во дворец я первым делом приняла ванну и переоделась, а потом мы отужинали и отправились спать. Опочивальня была роскошной — ковры, перина, широченная койка, — не говоря уже о том, что ночевать на этом необъятном ложе истосковавшейся мне предстояло отнюдь не в холодном одиночестве. Короче, поутру я еле встала (пришлось даже поднапрячь силу воли). Ночи — они ведь короткие, особенно если не только спать, а ещё и… Но надо было вставать — несмотря на всю негу, я ни на секунду не забывала о моём Шепотке: я мать, понимаете?

После завтрака мы с Хрумом вернулись в спальню (не подумайте ничего такого — что я, по-вашему, сексуальная маньячка?). Нет, тут совсем другое дело: нас уже ожидал целый консилиум магов-целителей. Ну, не то чтобы консилиум, а скорее врачебная бригада из трёх человек, то есть эххов. Возглавлял её сухонький мелкий старичок в голубой мантии, лет этак пятисот от роду. Он напомнил мне одного нашего университетского препода по философии и, как очень скоро выяснилось, оказался нудным, как три рубля мелочью. Вторым был гум неопределённого возраста и мрачного вида — типа, больной, вероятно, будет жить, если не помрёт, — в зеленоватом как бы халате наподобие тех, какие в нашем мире носят ассистенты в операционных и санитары в моргах. А вот третий лекарь — точнее сказать, лекариха, — мне не понравился с первого взгляда.

На этой, с позволения сказать, целительнице было надето светлое эротичное платье, открывавшее снизу стройные загорелые ноги чуть ли не до бёдер, а сверху — руки до плеч, шею и примерно процентов девяносто груди. И ещё добавьте сюда томный взгляд и прямо таки излучаемую этой секс-гранатой откровенную чувственность. Блин, ей бы в "Плэйбое" сниматься, а не раненых рыцарей пользовать! Уж не знаю, какая там из неё

специалистка по болезням, — разве что по венерическим, — но наедине с Хрумом я эту нимфоманку не оставлю даже под угрозой съедения летучими гидрами. Знаем мы, что такое тантрическая магия, слышали, — для этой магии есть я, и никакие замены по условиям игры не допускаются!

— Ваша светлость, — скрипуче начал старичок, — вы крайне неосмотрительны. Вам следовало вызвать нас ещё вчера, сразу после вашего возвращения!

— Я чувствую себя гораздо лучше, — ответил де Ликатес, — я почти здоров. Мои раны уже затянулись, и поэтому, мэтр Карди О'Грам…

— Вы не просто неосмотрительны, — престарелое медицинское светило всплеснуло руками, — вы безрассудны! Вы искусный боевой маг, немногие могут состязаться с вами на этом поприще, но в Магии Здоровья вы, ваша светлость, смыслите не больше любого воина-наёмника! Да знаете ли вы, что мечи "чёрных кобольдов" несут в себе отравную магию? И это не просто яд, но хитроумное заклинание, иногда весьма продолжительное время спящее, а потом просыпающееся! Внезапно — мне ведомы случаи, когда пышущие здоровьем воители умирали в одночасье через полгода после схватки с "чёрными кобольдами"!

"Помощник смерти" в зелёном угрюмо молчал, но выражение его лица переменилось на "больной, вероятно, помрёт, если случайно не выживет". Нимфоманка в светлом горестно вздохнула, а мэтр О'Грам продолжал свою пламенную речь, сопровождаемую энергичной жестикуляцией:

— И спровоцировать летальный исход может малейшая физическая нагрузка! — Тут он посмотрел на меня так, словно видел во мне убийцу, подосланного Вам-Кир-Дыком с целью умерщвления герцога наиболее приятным для жертвы способом. Не буду врать, мне стало как-то неуютно — мы с Хрумом полночи подвергали наши организмы очень существенным физическим нагрузкам. Ни хрена себе расклад — оказывается, я запросто могла проснуться по соседству с хладным трупом моего возлюбленного. Вообще-то предупреждать надо… Нет уж, пока медики не дадут "добро", я его больше к телу не допущу — потерпит (и я тоже).

— Не пугайте будущую герцогиню де Ликатес, мэтр, — сказал рыцарь, заметив моё смятение. — Ей и так несладко — тёмные эххи похитили её сына.

— А я не пугаю, — сварливо отозвался маг-целитель, — я объясняю положение вещей. Вы безответственны, ваша светлость, — ваша жизнь нужна не только вам, но и всем жителям Ликатеса. И вашей будущей супруге, кстати, она тоже нужна. Или

вам не терпится оставить её вдовой?

— Хорошо, хорошо, — Хрум сделал примиряющий жест, — я буду строго следовать вашим рекомендациям, достойный Карди. Делайте своё дело, маги, и учтите, что завтра мне надо покинуть Ликатес — время не ждёт.

— Вы собираетесь ехать верхом? — по-деловому уточнил старый мэтр.

— Нет. Мы телепортируемся прямо в Камерон — у нас нет времени для прогулок.

Целители переглянулись и, похоже, обменялись мыслями.

— Тогда, — О'Грам почесал кончик носа, — нам придётся прибегнуть к форсированному методу лечения. Мы погрузим вас в анабиоз, и будем работать с вашими тонкими телами — очаг поражения кроется там. Я вскрою, мэтр Энап Аш, — старикашка кивнул на угрюмого, — зачистит гнойники, а метресса Мильгамма, — кивок в сторону очень экономично одетой эххийки, — воссоздаст необходимые образы жизни и любви, способствующие нейтрализации смертоносных тёмных чар. И никаких посторонних — тонкая магия такого не терпит.

Я поняла, что вся эта лекция была предназначена для взволнованной меня — Хруму она без надобности, — и оценила вежливость старого мага, снизошедшего до объяснений. Хотя вот насчёт образа любви — интересно, как далеко зайдёт это самое воссоздание? Как бы Хрум после пробуждения не пожелал закрепить это воссоздание на физическом уровне, при помощи самой воссоздавательницы. Знаем мы мужиков, за ними нужен глаз да глаз.

Хрум, похоже, понял, о чём я думаю — мои сомнения были ясно нарисованы на моей физиономии.

— Не беспокойся, Алина, — произнёс он с улыбкой. — Даже в анабиозе я не сделаю ничего, что могло бы тебя обидеть. А тебе я советую не сидеть зря во дворце и не страдать попусту: этого не нужно. Погуляй по городу — увидишь, как красив твой Ликатес. Капитан О'Прах в твоём распоряжении — он ждёт внизу. Вы ведь с ним старые знакомые, верно?

* * *

Ликатес действительно был красивым городом. Я отвергла носилки и отправилась гулять пешком. Со своей потрепанной земной одеждой я решила расстаться — не принёс мне этот типа талисман счастья во время моего прошлого визита в Эххленд, не нужна мне такая память, да и возвращаться на Землю я не желала

ни под каким видом — лучше умру самой лютой смертью. Я облачилась в эххийский брючный костюм, удобный и практичный — хоть верхом скакать, хоть пировать. И элегантный — его синий цвет очень хорошо гармонировал с моими светлыми волосами, встречные мужики провожали скромную меня восхищёнными взглядами. Капитан О'Прах следовал за мной тенью, попутно исполняя обязанности гида по местным достопримечательностям.

Мы шли не спеша — маги-целители сказали, что герцог пробудет в полной отключке до позднего вечера, а потом будет спать до утра, такая вот процедура излечения. Я смотрела по сторонам, на дома и на жителей, занятых своими делами. И я чувствовала ауру города, спокойную и доброжелательную. Да, среди светлых эххов водятся и властолюбцы, и даже разбойники, но в целом эти эххи именно светлые — нет в них той нутряной липкой грязи, от ощущения которой я иногда почти физически задыхалась на улицах моего родимого Санкт-Петербурга. И я не видела ни одного косого взгляда, брошенного в мою сторону, — ни в городе, ни даже во дворце. В городе-то ладно, меня тут могли просто не узнать, особенно в местном наряде, — подумаешь, знаменитость, — а вот во дворце наверняка каждая собака знала, кто такая королева Алава, что она натворила, и за что была изгнана. Удивительный народ эти эххи…

Особо впечатляющих памятников архитектуры в Ликатесе не имелось. Я побывала у головы дракона Васи, прибитого когда-то Окостенеллой, постояла у постамента, разглядывая оскаленную пасть чудовища, и вспомнила, как я издевалась над Кост-а-Ломом, скованным заклятьем архимагов. Интересно, как он сейчас поживает? Наверно, Костя затаил на меня зло — не хотела бы я снова с ним встретиться, хоть он и обещал не трогать меня и когтем.

А потом мы посетили ликатесский рынок — моё желание исполнилось, не прошло и шести лет. И я даже купила и с аппетитом скушала какой-то экзотический фрукт. Взяла его с лотка и спросила продавца, коренастого крестьянина в широкополой шляпе: "Можно?". Он кивнул, улыбнулся, а я ощутила лёгкое мимолётное головокружение и поняла: эхх скачал малую толику моей маны, как у них заведено. И я обрадовалась — значит, он принял меня за эххийку, то есть за свою. Как это здорово, когда тебя считают своей…

Потом я подустала и проголодалась (фрукт не в счёт) и начала рьяно вертеть головой, высматривая что-нибудь типа кафе. Верт тут же это заметил и предложил мне отобедать у него дома.

— Моя жена будет рада, — добавил он, и я тут же

согласилась ("Ты смотри, женился таки, страдалец! Интересно, что же это за героиня такая нашлась?").

Капитан заливисто свистнул, и из-за угла показались добры молодцы с паланкином — они всё это время шли за нами. "Хм, а не так уж он и прост, — подумала я, глядя на как бы простодушную физиономию Верта. — Знает политес, вот тебе и солдафон". Да, считать кого-то глупее себя — это большая ошибка.

Супруга доблестного капитана действительно обрадовалась (хотя и узнала меня, это было видно по её глазам), а я испытала лёгкий шок: оной супругой оказалась та самая юная наложница, только чуть-чуть повзрослевшая. Во, блин, дела — лихие воины берут пленниц, а потом эти пленницы постепенно пленяют своих победителей, причём последние сдаются в плен практически добровольно. Да-а-а, вот это по-настоящему круто! А когда выяснилось, что у Верта с этой степнячкой уже есть сын и дочь погодки (что тут у них в Эххленде, взрыв демографический?), и когда я заметила, как смотрит суровый воин на свою жену, я поняла, что он побеждён, и что вряд ли он теперь вздумает притащить домой из очередного похода трофей женского пола.

Обед был вкусным и обильным, но мне кусок в горло не лез — детишки капитана напомнили мне о моём Сашеньке, и мне стало горько. А степнячка (она наверняка знала, что меня гложет — что это за жена, если не вытянет у своего мужа всё, включая то, о чём он и не думал рассказывать?) улыбнулась мне по-доброму и сказала:

— Всё будет хорошо, леди Алина, — даже не сомневайтесь. Я знаю — мой род славится гадалками и прорицателями.

Вернувшись во дворец, я сразу побежала наверх — как там мой Хрум? Маги встретили меня у дверей спальни: они сидели рядком на типа скамеечке. Целители выглядели усталыми — мэтр О'Грам напоминал мумию, заблудившуюся в поисках саркофага, Энап Аш походил на грузчика, закончившего разгружать в одиночку (и вручную) эшелон щебня, а на красотку Мильгамму в её теперешнем состоянии не обратил бы внимания даже моряк, вернувшийся из кругосветного плавания: метресса словно потухла, куда только делась вся её эротичность.

— Дело сделано, леди Алина, — проскрипел старый маг, массируя блеклые щёки. — Жизни герцога ничего больше не угрожает.

* * *

Мало кто из эххийских магов способен телепортироваться вот так, с бухты-барахты, куда угодно и откуда угодно — это высший магический пилотаж. Поэтому во всех городах Полуденной стороны имелись стационарные телепорт-башни для переброски пассажиров в заданную точку, где есть такая же башня, — что-то вроде междугороднего транспорта. Башни эти были облицованы плитками охренита (того самого камня, который втихаря поставлял вамкирдыкцам висельник Едвалин) и представляли собой мощные магические артефакты, помогающие осуществить переброс. Правда, пользоваться ими самостоятельно могли только достаточно сильные маги — у рядового эхха ничего бы не вышло, — так что на общественный этот транспорт явно не тянул. Впрочем, меня это не волновало: мне предстояло быть всего лишь пассажиркой при де Ликатесе. Я, наверно, с большим удовольствием продолжила бы с герцогом путешествие по памятным мне местам — посмотрела бы на Зелёные Камни, снова переночевала бы у Водопада Слёз (разумеется, с несколько иным финалом моего выползания из воды), — но не сейчас, а как-нибудь в другой раз. До Камерона скакать неделю, если не больше, — да я же изведусь за это время! Нет уж, давайте-ка по быстрому: раз — и в столице.

Де Ликатес известил камеронского типа диспетчера о нашем скором прибытии, и мы с герцогом поднялись по винтовой каменной лестнице в телепорт-башню, возвышавшуюся над дворцом. Не скрою, на душе у меня было кисловато, и поджилки подрагивали: не очень-то приятно снова являться туда, где тебя судили и приговорили. Понятное дело, я вроде бы заслужила возвращение, но люди очень не любят признавать свои ошибки, и эххи, я так думаю, в этом от людей отличаются не сильно. Видеть его величество эльфийского короля (не говоря уже об Окостенелле) не шибко-то и хотелось (глаза б мои на них не глядели), но другого выхода не было. Шумву-шах обязан помочь спасти Шепотка (хотя бы потому, что это и его сын). Только пусть Шумок не рассчитывает, что я отдам ему Сашу — хрена, пусть радуется котятам, которых принесла ему "ледяная магесса", любовь его старинная.

С такими вот сложными чувствами я вошла в круг на вершине башни. Хрум крепко взял меня за руку, закрыл глаза, и я почувствовала, как вокруг нас закручивается тугой вихрь Силы, сотрясающий башню. Потом всё поплыло и размазалось, а затем потерявшие чёткие очертания стены перестали изображать из себя колеблющийся серый туман, и пол снова стал прочным и осязаемым — приехали называется. Вроде бы и комната была точно такой же, и чёрный охренитовый круг под нашими ногами,

но что-то подсказывало: это уже не Ликатес — это Камерон. Я взяла Хрума под руку, ощутив кистью холод металла (герцог был в полном боевом облачении), и мы с ним пошли вниз по лестнице — точной копии ликатесской.

На выходе из башни нас встретили: виконт де Камерон собственной персоной и типа почётный эскорт. На лице "тигромедведя" при виде нас не дрогнул ни один мускул — рыцарь только поклонился и пригласил следовать за ним. От телепорта до королевского дворца было рукой подать — метров сто, — и мы прошли эту дистанцию скорым шагом. И распахнулись двери, ещё помнившие королеву Алаву…

Сердце у меня колотилось так, словно норовило выскочить наружу, пропоров кожу и одежду. Поднимаясь по знакомым ступенькам, я смотрела прямо перед собой и считала шаги — я помнила, сколько их от входа до тронного зала, куда нас вели. Высокие двустворчатые двери открылись бесшумно и сами по себе — магия, блин горелый. Я отцепилась от Хрума, шагнула в тронный зал, и первое, что увидела — глаза Шумву-шаха, смотревшего на меня.

— Здравствуйте, ваше величество, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

* * *

Тронный зал королевского дворца в Камероне отличался внушительными размерами — это я помнила, — но сейчас, войдя в закрывшиеся за нашими спинами двери, мы с Хрумом оказались в относительно небольшом помещении. Ну да, магия пространства — как же, как же, знакомые штучки, его эльфийское величество проделал такой фокус со своим кабинетом под шпилем, когда меня там типа судили. Вот и теперь то же самое — громадный гулкий зал с колоннами и сводчатым потолком превратился (временно, ясен пень) в апартаменты для переговоров в узком кругу заинтересованных лиц — дело-то как бы семейное.

Заинтересованных лиц и в самом деле было немного, зато сплошь VIP-персоны. На своём королевском рабочем месте, то есть на троне, восседало его светлое величество; слева, на троне королевы (знаем, сиживали, жестковатое креслице) — Окостенелла (ну я просто безумно по ней соскучилась!), а сбоку стоял невысокий длинный стол, за которым чинно сидел архимаги Истраль, Нитофон, Азин и Арыч — вся верхушка Совета Чародеев в полном составе — в своих форменных белых хламидах

и при посохах, торчащих строго вертикально вверх, как штыки вымуштрованных солдат на параде. Шумок не стал устраивать маскарад с переодеванием в землянский деловой костюм — он был в своём обычном церемониальном прикиде "корона-камзол-штаны-сапоги", а его супружница — в длинном роскошном платье цвета металлик (и чего она так любит длинное — может, у неё ноги кривые? Хотя нет, видела я её в брюках…), усыпанном искорками драгоценных камней, и тоже в серебряной короне — королева Полуденной стороны Эххленда, блин горелый…

— Здравствуй, Алина, — очень спокойно ответил эльфийский король. По лицу Шумву-шаха нельзя было сказать, что моё появление в стиле "Привет, привет, а вот и я, небось, не ждали ни… гхм, хрена?" сильно его впечатлило. Ну да, он ведь эхх, да ещё маг, да к тому же ещё и правитель половины Эххленда — умеет владеть собой, скотина такая. Хоть бы бровью дёрнул, гад, чисто из уважения, — мы же с ним всё-таки не совсем чужие-незнакомые!

Окостенелла бесстрастно молчала, маги тоже безмолвствовали.

— Здравствуйте, ваше величество, — повторил вслед за мной Хрум, вежливо наклоняя голову (пришлось и мне повторить его жест — а что делать? Этикет!).

— Рад вас видеть, герцог де Ликатес, — всё так же спокойно отозвался Шумву-шах и с чисто эххийской прямотой добавил: — Чего я не могу сказать о вашей спутнице.

— Алина заслужила возвращение, — холодно произнёс рыцарь, — и я очень надеюсь, что она в самом скором времени станет моей женой.

— Да, заслужила, — король величаво кивнул, — не нам оспаривать веления всемогущего Рока. Она получит развод, — он посмотрел на магов, и те дружно закивали седыми бородами в знак согласия.

А я заметила злые огоньки в глазах "ледяной магессы" и поняла, о чём она думает. Эльфийскую кошку не могло не беспокоить моё возвращение в Эххленд после изгнания — случай сам по себе уникальный, вряд ли такое уже имело место быть, — и вовсе не потому, что я как бы наплевала на вынесенный мне приговор, и даже не потому, что я когда-то была женой её нынешнего мужа. Я вернулась с королевским дитём на руках, и она видела во мне угрозу своим детям и своему семейному счастью. И я хорошо понимала Окостенеллу — на её месте я бы тоже дёргалась. И в довесок — укол по самолюбию: её бывший преданный рыцарь решил вдруг на мне жениться! И неважно, что магессе герцог до фонаря — ни одна женщина во Вселенной не

сочтёт приятной новость, что не она уже является объектом возвышенной любви, а какая-то другая её сестра по полу, да к тому же ещё пользующаяся дурной славой.

— Я в этом не сомневался, ваше величество, — с оттенком дерзости сказал де Ликатес, — однако у нас есть к вам и ещё одно дело, куда более важное. Вам уже известно, что сын Алины похищен слугами Чёрного Владыки. Мальчика надо спасти, и я прошу в этом вашей помощи, ваше королевское величество. Это ведь и ваш сын!

— Да, мальчик, — задумчиво проговорил король. — Мой сын…

И тут меня прорвало.

— Ваше величество, я знаю, вам совсем не в кайф, что я вернулась. Вы и ваша жена, — я бросила взгляд на королеву, напрягшуюся, как перед прыжком, — вправе презирать меня за то, что я натворила в Эххленде пять лет назад. Не буду вам говорить, что я типа исправилась, заслужила и всё такое — это вам глубоко по фигу, справедливый вы наш. Я хочу только лишь спасти моего Шепотка, и ничего больше. И пусть Окостенелла спрячет когти — не нужны мне ни королевская корона, ни вы сами. У меня есть Хрум, и будь он даже простым воином, я его ни на кого не променяю, ясно? И помощи у вас я больше не попрошу — никогда! — я сама позабочусь о своём сыне, — почувствовав, что сейчас я или разревусь, или начну крыть всех подряд отборным матом, я замолчала, переводя дыхание.

— Мы о нём позаботимся, — вставил Хрум. — Законы эххов это допускают.

— А ты действительно изменилась, дерзкая девчонка, — произнёс Шумву-шах. — Не зря тебя так защищал Причесах — у него чутьё. Что ж, присаживайтесь — поговорим.

К нам подбежали самоходные кресла, и уже садясь, я заметила, что взгляд "ледяной магессы" смягчился — в нём появилось что-то человеческое. Королева наверняка читала мои мысли и поняла, что я была искренна. "Ну и пусть читает, — подумала я, глядя прямо в узкие кошачьи зрачки эльфийки, — мне нечего скрывать!". И — удивительное дело! — Окостенелла опустила ресницы.

— Я обязан помочь тебе спасти твоего сына, — как истинный властитель, Шумву-шах перешёл к делу без долгих проволочек, — и не только потому, что в его жилах течёт и моя кровь. Тёмные похитили ребёнка с Полуденной стороны Эххленда — где гарантия, что это не повторится? Каждый гражданин моей державы должен быть уверен в том, что вся её мощь придет к нему на помощь, случись с ним беда. Без уверенности каждого

гражданина в своей защищённости нет, и не может быть великих империй — они становятся всего лишь пылью на сапогах Вселенной. Я уже связывался с самим Вам-Кир-Дыком — есть у нас особый канал, — ещё позавчера: сразу же, как только маги Гильдии Стражей Порталов сообщили мне о налёте на хижину Причесаха. Я предложил ему вернуть мальчика в обмен на чёрных магов, взятых в плен во время последней войны, или выкупить его за что-либо остро необходимое тёмным.

— А он? — я запнулась, уже зная ответ.

— Ответил категорическим отказом. Дословно — "я не верну этого мальчишку за все сокровища Полуденной стороны". И расхохотался — так, как это умеют только тёмные эххи.

— Но почему? — подавленно спросила я. — Почему мой Саша так нужен этой гадине?

— Потому что он дитя двух миров, сын двух разных разумных рас. А подробнее тебе расскажут они, — Шумву-шах кивнул в сторону магов, — я ведь пригласил их сюда не только для того, чтобы оформить наш развод.

— Даже у эххов разных рас дети рождаются крайне редко, — произнёс кто-то из магов (кажется, это был Нитофон) синтетическим голосом компьютера, — что же касается детей от браков эххов с иномирянами, то таких случаев было всего несколько за всю нашу историю. А случай с твоим сыном, землянка, вообще исключительный. Целые сутки сильнейшие маги нашей Академии совместными усилиями пытались разобраться в фоновой составляющей этого события, вычленить астральные следы и направление магических концентраторов…

— Коллега Нитофон иногда бывает излишне многословен, — желчно вставил маг Азин, — а проще говоря, твой сын, Алина, обладает огромными потенциальными способностями к магии: в перспективе он — сильнейший маг всего Эххленда. И поэтому чрезвычайно важно, на какой стороне он будет, когда вырастет, — на тёмной или на светлой.

— И может быть, — добавил маг Арыч, — что от этого зависит будущее всех эххов. Во всяком случае, вероятностные предсказания этого не исключают.

Я почувствовала, как во мне нарастает злость. Да что ж это такое? Спасать Сашеньку от наших доморощенных охотников за чудо-детьми, чтобы потом здесь, в благословенном Эххленде, который снился мне во сне, и куда я так стремилась, вляпаться в то же самое? Ну неужели во всей Вселенной нет ни одного нормального Мира, без этих вечных разборок, где матери могут растить своих детей без опаски?

— А военное вторжение на Полуночную сторону? —

услышала я голос Хрума.

— Этот вариант также уже рассматривался, — ответил эльфийский король. — Баланс сил в нашу пользу — мы можем рассчитывать на победу, пусть ценой немалых жертв, и даже сможем полностью опустошить Полуночную сторону. Но Вам-Кир-Дык дал понять, что если мы попытаемся освободить маленького пленника силой, то получим только его пепел — даже если вместе с ним превратится в пепел вся Полуночная сторона Эххленда.

— Возможно, это было бы самым лучшим решением проблемы, — бесстрастно изрёк маг Истраль. — Естественно, я имею в виду не полное уничтожение половины Эххленда, а смерть этого ребёнка.

— Что ты сказал? — я привстала, впиваясь глазами в деревянное лицо эльфа. — Да я тебе за такие слова моргалы выколю, и дальше по списку! Если вашей мудрости неведомо это наше землянское идиоматическое выражение, перевожу на эххийский: за моего сына я вам удалю органы зрительного восприятия окружающей вас действительности — мучительно и без наркоза, — а потом перейду ко всем прочим вашим органам. Мозг оставлю, так и быть, — он у вас уже явно работает с перебоями, если вы осмеливаетесь говорить такое матери!

— Я понимаю ваши материнские чувства, — Истраль поджал губы ("Ага, гад, на "вы" перешёл — зауважал!"), — однако позвольте мне внести полную ясность. В любом обитаемом Мире есть Добро и Зло, они борются между собой, и соотношение их меняется. В итоге, как правило, какой-то мир становится полностью светлым или, наоборот, тёмным. Есть и другой, достаточно редкий вариант — серый мир, где Добро и Зло смешались в равных пропорциях, и развитие остановилось. Впрочем, если мне не изменяет память, об этом мы с вами когда-то уже говорили, так что не будем повторяться. В данном случае важно то, что ваш сын, Алина, может стать своеобразной перемычкой, мостиком между Эххлендом и Землёй, — есть у него такие задатки. И тогда вступит в действие закон сообщающихся сосудов. Не понимаете? Для вас наверняка не секрет, что в вашем родном Мире зла хватает — и мелкого, и Зла с большой буквы. И если ваш сын сознательно перейдёт на Тёмную Сторону Силы, то Вам-Кир-Дык сможет через него качать негатив из вашего Мира — сюда. И тогда Чёрный Владыка возьмёт верх в Эххленде — это неминуемо, вопрос только во времени. А может быть и наоборот: он бросит Полуночную сторону и превратит всю вашу Землю в Тёмный Мир — это ему ещё и легче, ведь там он не встретит такого отчаянного сопротивления. И Вам-Кир-Дык обо всём этом

знает — к сожалению, его черномаги давно заметили вашего сына и поняли, на что он способен. Теперь вы меня понимаете? И простите, если я причинил вам боль…

Я молчала, раздавленная обрушившейся на меня тяжестью. Сашенька, сынок, вокруг которого переставали ссориться дети и к которому ластились птицы и звери, — и вдруг станет монстром, погружающим во Тьму целые Миры? Нет, этого не может быть… Не верю! А если… А если это правда? Ведь дети — они же как пластилин, из них можно вылепить что угодно, всё зависит только от ловкости рук лепщика! Сашенька… Сыночек… Как же это так, а?

— Успокойся, Алина, — мягко проговорил Шумву-шах (я уже и забыла, что его голос может быть таким), — до этого пока далеко (похоже, его величество тоже читал мои мысли). Твой сын ещё мал — у нас ещё есть время спасти его и всё изменить. И есть ещё непременное условие "сознательно перейдёт", а этого может и не случиться — ты ведь устояла перед искушением тёмных.

— Значит, прямое военное вторжение отпадает, — де Ликатес оставался магом-воином, хотя переживал он за Шепотка немногим меньше, чем я сама — в этом я была уверена. — Но есть ведь и другие способы. Можно ли здесь говорить открыто, ваше величество?

— Можно. Мой тронный зал имеет абсолютную защиту от проникновения в него даже бестелесных шпионов и от всех видов магического подслушивания. Что ты предлагаешь, рыцарь? Я со своей стороны обещаю вам сделать всё, что только в моих силах, — вы можете рассчитывать на любую мою помощь и поддержку.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТ КАМЕРОНА ДО ОТДАНОНА

Лесная дорога сделала очередной поворот, и я облегчённо вздохнула: ну наконец-то! Впереди в сплошной зелёной стене, до чёртиков мне надоевшей за последние дни, появился просвет — широкий, словно проломленный тараном. В проломе желтела степь — Поперечный лес кончился.

Ехавший рядом со мной Хрум тоже повеселел (внешне это было незаметно, но я уже научилась чувствовать его настроение, да и мои пробуждавшиеся способности делали своё дело). Оживились и воины, и даже кони, казалось, куда радостнее заперебирали копытами — Поперечный лес с его прелестями всех нас уже достал до печёнок и глубже. Капитан О'Прах отдал короткий приказ, и с десяток всадников, горяча коней, помчались вперёд. Вырвавшись из леса на степной простор, разведчики покружили там, осмотрелись и подали знак — типа, всё в порядке, езжайте смело. Копыта наших лошадей отсчитали последние шаги по как бы мху, выстилавшему узкую лесную трассу (странный он, этот мох — невытаптываемый какой-то, и следов не сохраняет), и в лицо мне ударил тугой степной ветер, приправленный горьковатым запахом трав. Ну, слава Создателю Вселенной…

* * *

Во дворце Шумву-шаха мы пробыли ещё часа два, и пока маги оживлённо обсуждали детали плана, предложенного де Ликатесом, я немного пришла в себя — стресс-то мне выпал ещё тот. Оклематься мне помогла доброжелательная аура всех присутствовавших в тронном зале — даже Окостенелла, которую я никак не могла заподозрить в чрезмерной ко мне любви, искренне мне сочувствовала. Всё-таки эти эххи — удивительный народ…

В итоге я чуть не забыла получить развод — как-то выпало из памяти. Хорошо, что де Ликатес об этом не забыл, и король тоже (я так полагаю, что если бы Шумок запамятовал об этой маленькой формальности, Окостенелла живо бы ему, двоежёнцу, напомнила — не фиг потому что). А сама процедура развода оказалось простой до безобразия: архимаги дружно

зафиксировали факт взаимного согласия сторон, и всё. И так же быстро я стала женой Хрума — даже расписываться нигде не пришлось. Совет Чародеев наряду с другими полномочиями имел право "простирать сень законности над любовным ложем" — так это витиевато звучало по-эххийски. Маги в Эххленде ведали актами гражданского состояния (загс и нотариальная контора в одном флаконе), причём академики на мелочи не разменивались: они снисходили до браков-разводов-споров-завещаний только особо продвинутых личностей, типа местной знати. Ликатесский правитель таким и был, так что с точки зрения эхийской законности всё вышло пучком. Жаль, конечно, что моё второе бракосочетание было обставлено гораздо скромнее, чем первое, но с моей стороны было бы верхом борзости снова претендовать на полнометражное шоу — это я понимала.

Короче, из дворца я вышла уже герцогиней де Ликатес. Приятно, конечно, врать не буду, но праздновать свадьбу мне совсем не хотелось — надеюсь, вы понимаете, почему. Мы с Хрумом намеревались немедленно отправиться домой через телепорт, однако на выходе к нам подкатился ни кто иной, как Озаботтэс. Таукитянина переполняла (и даже хлестала через край) радость встречи с вернувшейся мной; бывший менеджер по невестам искренне (и больше, чем все прочие камеронцы вместе взятые) рад был меня видеть. Отклонить просьбу Озаботтэса "навестить хотя бы на часок его скромное жилище" значило бы нанести бедняге незаживающую рану, и мы приняли его приглашение, благо обитал он неподалёку.

Как выяснилось ещё по дороге, ныне Озаботтэс возглавлял департамент попаданцев, и потому имел типа служебную жилплощадь при своей конторе в центре столицы, рядом со зданием Академии Магии. За все годы моего отсутствия в Эххленд попало всего с десяток уроженцев параллельных миров, из чего я сделала вывод, что работой толстяк не перегружен — это тебе не капризных королевских невест опекать. На мой вопрос, большой ли у него штат сотрудников, Озаботтэс уклончиво ответил "сами увидите, леди"; при этом его глазки так шустро завертелись, что у меня даже возникло опасение, как бы они совсем не выскочили и не упрыгали. Что стояло за этой его пантомимой, выяснилось очень скоро: в типа квартире таукитянина нас встретило зеленокожее существо странного вида (то ли крупная ящерица, то ли мелкий дракон), однако с явно выраженными признаками особи женского пола и явно не эххийка. Глава департамента попаданцев запираться не стал и признался, что весь персонал департамента перед нами.

— Бред'да, — гордо представил он зеленокожую, зловеще

(или очаровательно — это как посмотреть) оскалившую острые зубки в как бы улыбке, — моя жена и коллега. Мы работаем с пропущенными в Эххленд попаданцами только с нею вдвоём, и ничего, справляемся.

— Слушай, Зяба, — спросила я, когда эта его царевна-лягушка усвистала на кухню за вином. — Она у тебя что, тоже с этой твоей, как её, Тиу-Киу-Тау-Миу?

— Увы, — таукитянин тяжело вздохнул, — Бред'да с другой планеты. Из моего родного мира сюда больше никто не попадал… Но всё равно — мы с ней любим друг друга, и нам хорошо. Жаль только, что у нас нет детей, но они, может быть, ещё будут, правда?

"Вот уж действительно, любовь зла" — подумала я, а потом вспомнила, как "ледяная магесса" предлагала отдать меня в жёны Озаботтэсу, и мне стало и смешно, и грустно…

Однако долго рассиживаться с попаданской четой мы не стали — выпили по бокалу, обменялись с хозяевами пожеланиями счастья в личной жизни и покинули гостеприимный дом. А через двадцать минут мы оказались уже в Ликатесе: хорошая штука телепорт.

Свадебный банкет никто, понятное дело, не отменял, но в разгар чествований на меня то и дело накатывала тоска — у меня не шли из головы слова архимага Истраля о том, какая судьба ждёт моего сына. И поэтому утром я не стала нежиться в постели, как это положено счастливой новобрачной, а жёстко потребовала от своего теперь уже законного мужа скорее трогаться в путь — в долгий путь на запад.

* * *

План Хрума был прост — суть его можно выразить изречением боевых магов-рыцарей "панцирь не разрубить мечом, но можно пробить стилетом". Собственно говоря, точного плана и не было: нужно проникнуть в самое сердце Полуночной стороны, к Вам-Кир-Дыку, но как это сделать — это нам ещё предстояло обдумать и решить. Мы надеялись на помощь Отданонов — пограничники неплохо знали владения тёмных эххов, и я полагала, что князь д'Анакор не откажется помочь той, которая шесть лет назад была как бы повторением его погибшей племянницы Активии. К сожалению, в Западных горах не было сети телепорт-башен — нам предстоял трудный путь через Поперечный лес и пустыню. И путь этот был не только долгим, но и опасным, и меньше всего походил на лёгкую увеселительную

прогулку. Но другого свадебного путешествия я не хотела — я шла спасать своего сына.

Мы покинули Ликатес рано утром (я ехала верхом — не впервой) в сопровождении двенадцати боевых магов — рыцарей ближнего круга — и четырёх сотен отборных воинов под командованием капитана О'Праха. Шли скорой рысью, без задержек и ненужных встреч, и к ночи добрались до реки, за которой начинались Рощи Порталов. А на следующее утро, переночевав и дав отдых лошадям, наша спасательная экспедиция оказалась на пепелище, где раньше стоял дом Причесаха, и где пять дней назад — всего лишь пять дней назад! — на нас напали летучие гидры.

На месте сгоревшей хижины лесника уже появилась как бы времянка, возле которой стоял новый страж Рощи, провожавший глазами нашу походную колонну. Мы обменялись с ним короткими приветственными жестами, но останавливаться не стали — не до бесед. Хрум не повёл войско прямиком через Рощу Порталов — торной дороги через неё не было, а ломать копытами конницы зелёные насаждения в этом священном для эххов месте не посмел бы ни один маг Полуденной стороны. Мы двинулись вдоль опушки и примерно через час свернули в широкую лощину, отделявшую рощу имени Причесаха от соседней. А ещё через час я, обернувшись назад, увидела высоко в небе горсть догонявших нас тёмных точек.

— Смотри-ка! — сказала я Хруму, ехавшему рядом. — Что это ещё за хрень? Неужели опять гидры?

— Нет, — ответил он, разглядывая из-под руки аномальное атмосферное явление, — это не гидры. Это грифоны — король Шумву-шах действует.

Да, его величество тоже действовал. На военном совете в камеронском дворце было решено двинуть армию к Западным горам, и теперь она шла за нами на расстоянии примерно десяти дневных переходов. И были подняты в воздух грифоньи эскадрильи, прикрывавшие с воздуха марширующие на запад королевские части. А заодно глазастые пилоты-эльфы вели разведку по пути следования — Вам-Кир-Дык, как известно, не дремлет (даже когда спит). В задачу армии не входило немедленное вторжение на Полуночную сторону — Шумву-шах и архимаги со всей серьёзностью отнеслись к угрозам Чёрного Владыки убить Шепотка при попытке его освободить — приближение войск исконного противника к границе должно было только встревожить тёмных и лишить их покоя, отдыха и сна. Атака с ходу не намечалась — пусть Чёрный понервничает, ожидая внезапного удара неизвестно когда. И к тому же такое

ожидание утомляет и расслабляет, потому что никто не может находиться в постоянном напряжении, — психология называется. А наш авангард, имея десять дней форы, должен был перейти перевалы Западных гор и просочиться на вражескую территорию, пока Вам-Кир-Дык не перекрыл наглухо все тропки-лазейки — тактика называется.

Король не ограничился посылкой сухопутной армии, памятуя, как собирался воевать против него незабвенный Им-Кир-Дык — с моря. К берегам Полуночной стороны на страх Вам-Кир-Дыку отплыл мощный ударный флот под командованием прославившегося в боях с пиратами адмирала Задрыгалло, поднявшего флаг на магобронированном фрегатокрейсере "Шум Великий", способном эффективно поражать любые морские, береговые и воздушные цели и специально переоборудованном для взлёта и посадки боевых грифонов. Флот должен был крутиться вдоль всего побережья и, угрожая высадкой десанта, отвлекать и рассеивать внимание тёмных чародеев — стратегия называется. Короче, общий план был хорош, а вот как оно выйдет на самом деле — этого не мог сказать никто.

* * *

Поперечного леса мы достигли к вечеру того же дня и разбили лагерь у самой его опушки. Ночь прошла спокойно, если не считать того, что дозорные подстрелили чересчур любопытного ползуна-душителя, не преминувшего поинтересоваться, кто это здесь появился и нельзя ли попробовать его на вкус.

На закате лес выглядел сплошной тёмной стеной, угрюмой и зловещей. На рассвете эта стена стала зелёной, но от перемены цвета она не сделалась менее мрачной. "Не фиг вам тут делать, — как бы предупреждал лес всем своим видом, — шли бы вы куда подальше!". Но нам надо было двигаться вперёд, и мы пошли через лес. И началось…

Да, дорога через Поперечный лес пешком (и даже на коне) и пролёт над ним на спине дракона — это две большие разницы. Лес был нафарширован всякой гадостью: ядовитыми лианами; цветами, источавшими смертельный запах; мелкими, но зубастыми зверюшками, прыгавшими с ветвей и вгрызавшимися в конские крупы, и разными прочими прелестями. Дорог как таковых здесь не было — были узкие тропки, петлявшие среди гибельных топей, вмиг засасывавших с головой любого неосторожного. Про рукастых червячков-душителей я была уже в

курсе, но в лесу жили ещё и дикари с их дурацкой манерой без предупреждения (просто так, из любви к искусству) пускать в спины прохожим отравленные стрелы. Воины в нашем отряде были опытные, многие из них здесь уже бывали, и не раз; маги не спускали чар с чащи леса; и всё-таки мы несли потери — к счастью, немногочисленные. На ночёвки мы останавливались в лесных фортах, расположенных на расстоянии одного дневного перехода друг от друга, — ночевать в этом уютном лесопарке под открытым небом, а не под защитой крепостных стен и сторожевой магии, означало недосчитаться к утру половины бойцов.

— Послушай, Хрум, — не выдержала я после того, как мы битых два часа прорубались сквозь густые сети, растянутые поперёк тропы пауками-костогрызами, — откуда тут столько всякой дряни? Это же Полуденная сторона!

— Эхо магической войны, — пояснил мой муж, протирая лезвие меча, — отзвук злых заклятий, когда-то пущенных в ход. Здесь шли бои — тяжёлые бои, — и маги с обеих сторон не скупились на заклинания, действие которых длится сотни лет. Вот и появились чудовища… А дикари Поперечного леса раньше были обычными эххами, но потом под воздействием магии они мутировали и стали такими, какие они есть. И поэтому мы не выжигаем лес и не истребляем всех его обитателей — мы хотим спасти этих несчастных. Наши форты — это ведь не только опорные пункты, но и центры помощи. И мы спасём лесных эххов — только ради этого почти каждый день в этом проклятом лесу гибнут наши воины.

Да, я чувствовала в лесу запах магии. Именно так — чувствовала. Я заметила, как во мне всё уверенней посыпается что-то, чего у меня отродясь не было. То ли это оживились приснопамятные "первичные умения эххийки", которыми меня одарила Окостенелла, то ли дали о себе знать навыки, полученные во время моего краткого обучения в Академии Магии, то ли у меня и в самом деле были кое-какие задатки. А ещё для меня не прошли даром годы, проведённые рядом с моим сынишкой, и ночи, проведённые с де Ликатесом. Я понемножку становилась эххийкой — не крутой магессой, понятное дело, но тем не менее. И уверовала я в это, когда однажды мимоходом сотворила своё первое самостоятельное волшебство.

Как-то утром, после ночёвки в очередном форте, я, как любая нормальная женщина, приводила себя в порядок. Если вы помните, в Эххленд я прибыла без своих косметических принадлежностей и даже без расчёски, что меня где-то как-то слегка напрягало. И в это утро я взяла эххийский гребешок и внутренне посетовала — ну неудобно мне было держать его в

руке! И ручка у него какая-то дурацкая, и сам изгиб — вот если бы… И тут я ощутила тепло под ладонью и не поверила своим глазам: эххийская вшегонялка послушно приняла именно ту форму, которую я себе представила; изогнулась, словно пластилиновая, и вновь застыла. Я прибалдела и долго вертела перед собой эту чёртову расчёску, боясь поверить в то, что я сотворила. А когда я рассказала об этом Хруму, он только улыбнулся и сказал:

— Всё правильно — так и должно быть, — и поцеловал меня.

И только тогда я поняла, что я действительно проделала фокус с расчёской, и что это и в самом деле магия, пусть даже простенькая.

Так что нет худа без добра — Поперечный лес с его убойной экзотикой стал для меня типа тренажёром. Я приглядывалась, прислушивалась, принюхивалась (не глазами-ушами-носом, ясное дело), и небезуспешно: на шестой день пути я первой заметила затаившуюся в ветвях змейку-скакуна и предупредила де Ликатеса.

— Молодец, — похвалил меня Хрум, отряхивая с рукава пепел сожжённой им твари, — Вам-Кир-Дыку не поздоровится.

Я понимала, конечно, что он шутит, но мне всё равно было приятно — очень.

И всё-таки Поперечный лес за девять дней перехода надоел мне хуже горькой редьки — неудивительно, что я вздохнула с облегчением, когда он наконец-то кончился.

* * *

Вырвавшись на степной простор, мы поскакали куда резвей — аж в ушах засвистело. Кони прибавили прыти без понукания — им, как и всадникам, хотелось как можно скорей отдалиться от Поперечного леса на как можно большее расстояние. Я наслаждалась свежим ветром, голубым небом над головой вместо сумрачного зелёного полога, солнечным светом. Мне хотелось хлестнуть как следует свою кобылку, вырваться из кольца воинов и нестись, нестись, нестись вперёд — туда, за горизонт, где тёмной полоской уже виднелись обманчиво близкие Западные горы.

— Не увлекайся, — услышала я голос Хрума, — здешняя тишь обманчива. Степь — это, конечно, не лес, но и она таит не очень приятные сюрпризы — особенно там, где начинается пустыня.

— Это ты про песчаников, да? — я пренебрежительно

махнула рукой. — А что они нам сделают? Верт, помнится, всего с тремя бойцами быстренько распотрошил одного такого, а нас тут вон сколько!

— В пустыне можно встретить не только песчаных попрыгунов — здесь водится и кое-кто ещё. Да и Полуночная сторона — она вон там, за горами, рукой подать, и оттуда иногда тоже приходят не слишком приятные гости. Так что будь осторожна, договорились?

В ответ я дёрнула плечами — подумаешь, мол, — однако стала поглядывать вокруг уже не так благодушно и даже с некоторой опаской.

Песчаников мы действительно встретили — спугнули двоих зарывшихся. Гигантские тараканы выскочили из-под земли в клубах пыли и помчались прочь, высоко вскидывая голенастые конечности. Десятка два воинов, горяча коней, с азартом устремились за ними в погоню, однако герцог властным окриком прекратил эту забаву.

— Сомкнуть круг! — скомандовал он. — Не отвлекаться! Капитан Верт, следи за своими людьми — мы не на охоте в окрестностях Ликатеса.

Пристыженный О'Прах быстро навёл порядок — мне показалось даже, что он пару раз сунул кое-кому кулаком под рёбра, — и мы двинулись дальше в строгом походно-боевом строю: впереди капитан с тремя десятками воинов и тремя рыцарями, сзади, в типа тыловом охранении, — слышала я это выражение от Петровича, — троица магов и дюжины две бойцов, в центре я с Хрумом и шестью его рыцарями, а вокруг нас — тройное кольцо готовых к бою всадников, зорко смотревших по сторонам.

Степь вскоре сменилась холмистой пустыней. То есть не совсем пустыней — тут и там торчали жёсткие кустики и колючая трава, — но под копытами была уже не земля, а что-то вроде растрескавшейся сухой глины — вроде той, которая остаётся на месте высохших луж. Она хрустела, словно мы скакали по черепице, ломавшейся под лошадиными ногами. Хруст был неприятным — как будто по костям едешь — и не располагающим к умиротворённости. Мне стало как-то не по себе, молчать было уже невмоготу, и я спросила Хрума:

— А почему пустыня?

— Что значит почему? — не понял мой муж.

— Ну, там, за рекой, в ликатесских степях, нет ничего такого. И у Восточных гор тоже нет, и за ними тоже. Зелёные равнины, а если и есть как бы прерии, то не такие мёртвые, как эта, — я кивнула в сторону чёрного деревца, торчавшего на вершине

ближайшего песчаного бархана и напоминавшего обугленный скелет.

— Здесь тоже была война, Алина, — ответил рыцарь и, немного помолчав, добавил: — Страшная война, самая опустошительная из всех войн между тёмными и светлыми эххами. Полторы тысячи лет назад тогдашний Чёрный Владыка — древние легенды гласят, что он не был прирождённым эххом, а явился откуда-то из звёздных бездн, — вторгся на Полуденную сторону. Здесь, — Хрум сделал широкий круговой жест рукой, — была цветущая страна, такая же цветущая, как камеронские земли, и стояли города. Ты помнишь заклятье летучих гидр? Примерно такая же магия, только гораздо более мощная, пошла в ход и тут, на этих землях, и оставила после себя выжженную пустыню. Наши предки остановили полчища тёмных лишь в Поперечном лесу, но какой ценой — ты видела. И вот с тех пор…

— Хрум, а как же Вам-Кир-Дыку удалось прорваться к самым Восточным горам — ну, в прошлый раз, когда я была в Эххленде?

— Он шёл вдоль северного побережья — там нет пустынь, и полоса Поперечного леса гораздо уже. К тому же Вам-Кир-Дык напал внезапно, он выбрал удобный момент — Шумву-шах был слишком занят своими брачными делами.

— Ты ещё скажи, что во всём виноваты женщины, — фыркнула я. — И Троянская война состоялась из-за Елены, и Третья Мировая тоже начнётся из-за какой-нибудь порнозвезды. У вас, у мужиков, всегда виноват кто угодно, но только не вы сами с вашей вечной любовью к дракам!

— За красивую женщину можно и подраться, — маг усмехнулся, — хотя причины войн, конечно, другие. Войны идут на разных уровнях и на разных планах бытия — я не знаю, есть ли во Вселенной хотя бы один Мир без войн. И я не знаю, наступит ли когда-нибудь такое время, когда войн не будет. Созидание и разрушение — или добро и зло, можно сказать и так, — вечно борются между собой. Это закон Мироздания — великий Закон Равновесия, Алина.

* * *

К исходу дня мы добрались до небольшого озера, притаившегося среди невысоких холмов. Вода в озере неприятно походила на ртуть, и вообще это местечко мне не нравилось: из-под песка и ломкой глины вылезали какие-то руины — мёртвый город называется.

— Может, не будем здесь ночевать, — робко предложила я, —

а поедем дальше, пока светло?

— У нас четыреста лошадей, — де Ликатес покачал головой, — и воины, которые тоже хотят пить. Впереди нет открытых источников на полдня пути, а разыскивать подземные родники магией — дело долгое. Ты теперь герцогиня, Алина, — привыкай думать не только о себе, но и о тех, кто выполняет твои приказы.

После скачки под палящим солнцем мне очень хотелось выкупаться, но в озеро я не полезла — уж очень вид был тоскливый у этого водоёма. Пока ликатесцы разбивали лагерь — костры, палатки, и всё такое, — я, оглядевшись, тихенько потопала к ближайшему холмику, украшенному каменными остатками чего-то вроде стены. Ну, вы же понимаете: целый день в седле, а я вообще-то живая. Удобных кустиков в округе не наблюдалось — что мне, герцогине де Ликатес, прикажете снимать штаны на глазах у всего войска? И ладно бы ещё я была в короткой юбке или даже в джинсах — на мне были плотные кожаные брюки, широкий пояс с мечом-кинжалом — по статусу положено! — и длинная куртка с нашитыми на неё спереди и сзади железными пластинками: из такой упаковки выбраться не так просто.

Спрятавшись в тенёк и сделав свои дела, я привела свой прикид в исходное состояние и собралась уже вернуться к кострам, от которых тянуло вкусными запахами предстоящего ужина, но задержалась, словно заворожённая видом руин, окрашенных вечерним солнцем в погребальные цвета, — от каменных обломков тянулись длинные тени, острые, как клинки мечей. Древний город был немаленьким — его развалины простирались на сколько хватало взгляда, постепенно теряясь в крадущихся сумерках. И тихо выл ветер — то ли жалуясь, то ли плача…

Я шагнула вниз, и тут вдруг ощутила спиной чьё-то ледяное дыхание.

Я обернулась.

С противоположной стороны холма поднимался призрак: серая тень, очень отдалённо похожая на человеческую фигуру в развевающемся рваном плаще. Я видела круглое как бы лицо фантома и тёмные пятна там, где по идее должны быть глаза; носа и рта я как-то не разглядела. Очертания тела были размытыми, ног не было: призрак напоминал застиранную до потери цвета простыню, сорванную ветром с бельевой верёвки. Привидение добралось до вершины холма, обтекло останки разрушенной стены и поплыло прямиком к перепуганной мне, на ходу отращивая длинные бесплотные руки. И эти руки с

крючковатыми пальцами на узких ладонях однозначно норовили в меня вцепиться.

Я окаменела — ноги отказали напрочь. А потом у меня в голове что-то как бы вспыхнуло, высекая отчётливую мысль "Клинок!" (и не мысль даже, а типа видение — не знаю, как вам это объяснить).

Серую тень наискось пересёк слепящий росчерк. Призрак не заверещал — он просто распался на клочки, быстро растаявшие в воздухе, а я не сбежала, а скорее скатилась вниз, к подножию это чёртова холмика, и шлёпнулась на песок.

— Молодец, Алина, — услышала я, — ты делаешь успехи.

Я судорожно вскинула голову, со страхом ожидая какой-нибудь новой пакости.

Передо мной стоял мой муж и смотрел на меня с улыбкой.

— Молодец, — повторил он, протягивая руку, чтобы помочь мне подняться.

— Т-ты-ы-ы… — пролепетала я.

— Нет, не я, а ты — ты сама. Будем считать, что ты сдала первый серьёзный экзамен по прикладной магии. Сотворить меч-молнию, да ещё так быстро, сможет не всякий выпускник камеронской Академии. Этак мы с тобой скоро сможем стоять в бою бок о бок, жена.

— Ты за мной следил?!

— Ну, не совсем следил, а, так скажем, послеживал. Я ведь тебя предупреждал — здесь водятся не только песчаники. Тени павших нечасто нападают на живых, но иногда призраки могут быть опасными.

Я встала на ноги и посмотрела вверх, на источенные временем каменные останки, — там никого не было. Вот же блин горелый…

— Пойдём, — Хрум обнял меня за плечи, — ты ведь проголодалась, верно? И, несмотря на твои просыпающиеся магические умения, в кольце верных мечей всё-таки безопаснее.

— Послушай-ка, рыцарь, — спросила я его, когда мы подходили к нашему шатру, — а если бы я, это, не сумела бы? Что тогда?

— У тебя было в запасе ещё ноль целых шестьдесят восемь сотых секунды, — пояснил боевой маг серьёзным тоном. — Если бы ты не справилась сама, я бы вмешался — неужели ты думаешь, что я бы позволил фантому причинить тебе вред? Я ждал до последнего момента — я надеялся, что ты сама сумеешь его развоплотить. И я не ошибся — ты сумела это сделать.

— Ах ты, экзаменатор хренов! — возмутилась я (ушедший страх уступил место злости). — Он, видите ли, ждал — мол, а что

из этого выйдет? А если б я померла от разрыва сердца, а? Ну ты и гад, Хрум, — сегодня будешь спать отдельно, понял?

— Не сердись, — рыцарь мягко притянул брыкающуюся меня к себе и поцеловал. — Чтобы научиться плавать, надо прыгнуть в воду, верно? Экзамены должны быть жёсткими — если бы ты знала, что я стою рядом, ты надеялась бы не на себя, а на меня, и у тебя, скорее всего, ничего бы не вышло. А так — так ты теперь знаешь, что можешь за себя постоять, и что ты тоже кое-что умеешь. Стоит такое знание минутного испуга? Только не зазнавайся — до настоящей магессы тебе ещё далеко.

* * *

Подножия Западных гор мы достигли на третий день пути через пустыню, вскоре после полудня. До вечера было ещё далеко, но герцог не стал сходу углубляться в каменные теснины.

— Мы не успеем до темноты добраться до замка князя д'Анакора, — сказал он, — а Западные горы — это не Восточные. В ущельях можно запросто напороться на отряд тёмных эххов — они забираются туда даже в дни мира. А сейчас, когда Вам-Кир-Дык ждёт нашего удара, в засаду попасть проще простого — Чёрный Владыка уже наверняка разослал своих шпионов по всем горным тропам. Так что будем ждать утра.

Послеобеденный отдых не состоялся: де Ликатес собрал всех своих рыцарей (капитан Верт О'Прах, само собой, тоже присутствовал на этом типа военном совете), чтобы обсудить обстановку и прикинуть ближайший план действий. Герцог связывался через магический кристалл со столицей; с армией короля, уже подошедшей к Поперечному лесу; ещё с кем-то — я не очень въехала во все эти чародейские штучки (как говорится, я не волшебник, я ещё только учусь). В общем, ничего нового мужики в доспехах так и не надумали — решено было завтра поутру двигать в горы, к замку д'Анакора Отданона, внимательно глядя по сторонам, чтобы не получить по башке камнем, сброшенным кем-нибудь с какого-нибудь утёса, а там — по обстановке.

После окончания военного совета я вышла из шатра и долго смотрела на угрюмые скалистые горы, стоявшие между мной и моим сыном. Я понимала, конечно, что основная преграда на пути к нему — не эти горы, и всё-таки мне хотелось пройти их как можно скорее. Постояв так с полчаса, я поняла, что усидеть на месте всё равно не смогу, и предложила де Ликатесу сделать небольшую вылазку.

— Видишь вон тот утёсик? — сказала я ему, показывая на отдельно стоящую скалу с плоской, словно срезанной, вершиной. — Давай на него заберёмся — оттуда наверняка можно посмотреть на ущелье, по которому мы завтра пойдём, и вообще…

— Что вообще? — уточнил Хрум. — Зачем нам идти на ненужный риск?

— А кто тебе сказал, что риск, и что ненужный? — напирала я. — Я хочу посмотреть не глазами, а отсюда у меня ну ни хрена не выходит: вы тут так намагичили, ставя все эти ваши защиты, что дышать невозможно. Ты не далее как позавчера что-то там говорил о проверке моих умений в условиях, максимально приближенных, вот мы и приблизимся. Я ведь не зову тебя лезть в эти каменные джунгли на ночь глядя — я хочу сходить типа на разведку: а вдруг чего и унюхаю?

— Резонно, — согласился герцог, глядя на меня с интересом. — Ладно, уговорила.

Он приказал четверым рыцарям нас сопровождать. Боевые маги склонили головы в знак повиновения и потопали следом, погромыхивая железом. Взобравшись на коней, мы минут через десять оказались у подножья утёса, похожего на оплывшую каменную колонну, и полезли наверх. Карабкаться было совсем не сложно — широкие выступы образовывали что-то вроде лестницы наподобие той, по которой мне так и не удалось спуститься на берегу одной речушки на Карельском перешейке. Забравшись наверх, мы с де Ликатесом (рыцари остались этажом ниже — так им удобнее было нас прикрывать, не создавая при этом помех моему не слишком умелому чародейству) оказались на ровной площадке примерно метров сорок на сорок. Я огляделась.

Упомянутое ущелье уходило в горы и было пустынным на всём его протяжении — я не заметила там никакого шевеления. Горы закрывали полнеба, над их вершинами кое-где лениво ползли белые облачка. Кроме облаков, в небе над горами никто не летал — только позади, над пустыней, кружила пара грифонов: лётчики Шумву-шаха вели свою воздушную разведку.

Я закрыла глаза и сосредоточилась — как учили. Сверзиться вниз я не боялась: мы стояли на самой середине этой как бы смотровой площадки, и мой муж был со мною рядом. Перед глазами поплыла мутная серая пелена, кое-где проколотая разноцветными искрами. Я заметила два маленьких пульсирующих пятна метрах в ста от входа в ущелье — кажется, это горные духи, они вроде бы не опасны, если я правильно помню уроки его мудрости архимага Арыча. Больше я не увидела

никого и ничего — ни следов чужой магии, ни затаившихся злых врагов. Я попыталась расширить "горизонт наблюдения", но это кончилось только тем, что серая завеса превратилась в подобие экрана телевизора с выдернутой антенной — сплошные помехи и никакого изображения.

— Ты ничего не видишь? — спросил Хрум.

— Ничего, — ответила я, не открывая глаз.

— Тогда, — в голосе рыцаря явственно прозвучала насмешка, — посмотри глазами.

Я поспешно открыла глаза и обмерла: прямо на нас летел огромный дракон.

* * *

— Я был зол на тебя — демонически зол. Я изгрыз когти на обеих передних лапах, — Костя посмотрел на пальцы своей левой руки (правой он держал бокал), — размышляя, как бы мне тебя прикончить, не нарушая при этом слова, данного мною королю Шумву-шаху.

Я невольно поёжилась, прикинув, какие кары выдумывал мне разъярённый дракон. И я его хорошо понимала: я бы на его месте ещё и не то бы придумала. И я до сих пор не могла поверить в реальность ситуации: мы — я, Хрум и дракон Кост-а-Лом в человеческом обличии — сидим втроём на вершине скалы и мирно беседуем вместо того, чтобы поливать друг друга огнём.

…Дракон летел на нас со сверхзвуковой скоростью — как тот истребитель, который сбил над лесом вертолёт, когда мы с Серёгой удирали от погони в моём далёком прежнем мире, — а я не могла понять, почему де Ликатес стоит спокойно, не хватаясь за меч, и почему его рыцари не спешат встретить чудовище какой-нибудь антидраконьей магией. Я пыталась сама метнуть навстречу дракону что-нибудь вроде молнии, но в сознании у меня было пусто, словно я враз позабыла всё, чему меня учили. Единственное, что я смогла сделать — это спрятаться за спиной Хрума и прижаться к нему всем телом.

Дракон приземлился на край площадки и растопырил крылья, гася разбег. Герцог (и я вместе с ним) подался назад, уступая место крылатой зверюге, и сказал обалдевшей мне:

— Не бойся — он пришёл с миром. Он предупредил — мы поймали его мысль.

Повеяло жаром, словно где-то рядом распахнулись врата огненной преисподней. Там, где совершил посадку дракон, взметнулось светящееся облако, скрывшее крылатого ящера. А

когда оно рассеялось, я увидела вместо дракона человека в чёрном облегающем одеянии и в алом плаще — моего бывшего мужа Костю. Слава всем богам Вселенной, что у меня здесь нет больше этих бывших — задолбало уже с ними встречаться.

Человекодракон сделал к нам несколько шагов и поднял вверх правую руку ладонью вперёд.

— Я пришёл с миром, — произнёс он официальным тоном.

— Я знаю, — спокойно ответил де Ликатес. — Что ты хочешь нам сказать?

Вместо ответа Костя деловито снял с плеча объёмистый типа рюкзак и извлёк оттуда пузатую бутыль тёмного стекла (на глаз литров пять, не меньше) и три серебряных бокала.

— Я угощаю, — сказал он радушно. — Присядем?

И мы уселись напротив друг друга. Скала была ощутимо тёплой — она вобрала в себя энергию, выделившуюся при превращении большей массы в меньшую (это мне Хрум потом уже объяснил). Дракон наполнил бокалы, и мы выпили — типа, со свиданьицем. Бред какой-то, честное слово…

— Да, я был на тебя зол, — продолжал Кост-а-Лом, вновь наполняя бокалы, — очень зол. Я никогда прежде не встречался с такой подлостью и даже не предполагал, что на такое кто-то может быть способен.

Я поморщилась — он что, прилетел только для того, чтобы читать мне морали? Не фиг меня воспитывать, я уже большая. И вообще — что было, то прошло, а кто старое помянет…

— Когда я вернулся домой — после того, как мы разгромили тёмных, — я месяц пил и гонял своих жён; они прятались от меня по всем закоулкам моей пещеры. Я даже порывался спьяну лететь в Камерон, чтобы с тобой расправиться, Алава. Хорошо, что Ослабелла…

— Алина, — вставил де Ликатес.

— Что? — не понял дракон.

— Мою жену зовут Алина, — пояснил герцог.

— Твою жену? — Костя явно удивился. — Я немного не в теме…

"Узнаю мой жаргончик, — подумала я, — цепкая у тебя память, Костенька".

Де Ликатес коротко ввёл его в курс дела. Дракон внимательно слушал.

— Я кое-что слышал о последних событиях, в том числе и о похищении тёмными какого-то ребёнка, — сказал он, выслушав рассказ герцога, — но так, краем уха, по маговизору. Я теперь редко покидаю свой горный замок, только в случае необходимости. Семейные дела, знаете ли…

— Семейные дела? — осмелилась я. — Это какие же? Очередной апгрейд твоего гарема, да?

— У меня больше нет гарема, — Кост-а-Лом широко улыбнулся, обнажая ровные белые зубы, а я вспомнила его драконий оскал и снова зябко поёжилась.

— Надо полагать, изменить старинным привычкам тебя заставило что-то серьёзное? — спросил де Ликатес.

— Ещё бы! — улыбка дракона стала ещё шире. — Я стал отцом — Ослабелла родила мне дочь, и мы назвали её Кусей. Она ещё маленькая, и пока ещё не умеет сама перекидываться в драконицу, но у неё такие зубки! — Костя в умилении закатил глаза. — Она настоящая Куся!

Отпад — кто бы мог подумать? Ай да Ослабелла — добилась таки своего!

— Когда я узнал, что Белла беременна, я сначала не поверил. А потом она сказала, что или я отпущу всех своих прочих жён, или она не будет рожать. И я, конечно, — дракон развёл руками, — выбрал первое. Пришлось полетать по всему Эххленду, возвращая жён откуда взял, и братья на меня наехали — мол, виданное ли дело, позор всему клану Ломов! — зато у меня теперь есть Куся.

— Поздравляю, — коротко уронил Хрум. — Но ты до сих пор так и не сказал, зачем ты к нам прилетел.

"Интересно, — думала я, искоса поглядывая на герцога, — о чём он думает? Ему ведь наверняка не очень приятно общаться с мужиком, с которым спала его жена, пусть даже не совсем добровольно. Ревнует, наверное, хотя по лицу не видно… Жаль, что я не умею читать мысли…".

— Я прилетел сказать "спасибо". Ей, — невозмутимо изрёк дракон, — твоей жене, — и объяснил, видя, что мы с Хрумом на пару ровным счётом ничего не понимаем:

— Дело в том, что Ослабелла убедила меня разогнать гарем не только поставив мне жёсткое условие "или-или". "Ты видел, что за чудо-жену ты себе приволок, — сказала она. — Эта попаданка тебя едва не погубила — да и меня тоже. И если ты и впредь будешь столь же ненасытен в своих любовных связях, то в конце концов твой череп точно украсит площадь в каком-нибудь городе Эххленда. По теории вероятности ты рано или поздно напорешься на ту, которая тебя погубит, так что решай!". И я решил, и не жалею о своём решении. Так что я тебе благодарен, Алина, — спасибо тебе за то, что ты своим появлением круто изменила мою жизнь: к лучшему. Ну, за здоровье герцогини де Ликатес!

Человекодракон снова наполнил бокалы, и мы выпили за моё здоровье.

— Ладно, я полетел, — слегка заплетающимся языком проговорил Костя. — Ослабелла ждёт, и она терпеть не может, когда я прихожу домой поддатым.

Он пошёл к краю площадки, но вдруг обернулся.

— Я поблагодарил, и мы квиты, но я всё-таки перед тобой в долгу, землянка. И если у меня будет возможность, я верну тебе этот долг, Алина. Я счастлив, и я хочу, чтобы ты тоже была счастлива.

Вновь взметнулось светящееся облако, меня обдало холодом (сопутствующий эффект превращения меньшей массы в большую), и через минуту мы с Хрумом уже смотрели вслед улетающему дракону. Костя торопился домой — к жене и дочери.

* * *

Ущелье было мрачным. Оно было выкрашено всего в два цвета — в чёрный и серый, — и даже тишина здесь была какой-то тёмной и многообещающей: мол, погодите, сейчас я вам устрою! Узкая полоска неба над нашими головами казалась последним приветом перед тем, как крышка каменного гроба захлопнется, навеки отсекая нас от всех радостей жизни. И если разобраться, то ничего удивительного: через эти горы веками шли полки светлых и тёмных эххов, желая сделать из друг друга окрошку, и камень Западных гор впитал в себя столько взаимной ненависти, что было непонятно, почему эти горы всё ещё стоят, а не рассыпались в мелкую пыль. Впереди высоченные стены ущелья — отвесные, хрен заберёшься, — смыкались, и я никак не могла избавиться от ощущения, что они вот-вот сомкнутся и здесь, и оставят от всего нашего войска мокрое место. Бр-р-р…

Но к Хруму со своими страхами я не приставала — герцог был напряжён, как тетива натянутого лука. Воздух вокруг нас подрагивал от чародейства: боевые маги прощупывали заклятьями каждое нагромождение камней, за которыми мог прятаться кто угодно, от серых гоблинов до призраков-убийц; в такой обстановке как-то не до разговоров. И я ехала молча, мечтая только об одном: скорее бы эта каменная кишка кончилась.

Надо сказать, что двигались мы хоть и со всеми предосторожностями, но быстро: дно ущелья было ровным, словно асфальтовое шоссе, иди и не спотыкайся. И поэтому я даже слегка удивилась, увидев за очередным поворотом каменный мост — неужели приехали?

Ущелье в этом месте разделялось надвое: основная трасса

уходила налево, а направо шла типа тропа, ведущая к пропасти, через которую был перекинут мост. Именно перекинут — дальняя часть моста висела на толстенных цепях, тянувшихся к скалам на той стороне пропасти, и, судя по всему, могла подниматься на манер наших питерских разводных мостов. А за мостом стоял замок — замок горского князя д'Анакора Отданона.

Князь устроился нормально: его замок был не выстроен, а высечен целиком в теле огромной скалы, окружённой глубокой пропастью. Пропасть огибала скалу-замок кольцом — ров с водой полная чешуя по сравнению с такой преградой, — и попасть в замок можно было только через мост: другой дороги не было. Не надо быть крутым стратегом, чтобы понять: взять такую крепость, мягко говоря, непросто. Однако пытались — когда мы подъехали к мосту, я заметила на стенах и башнях замка потёки застывшей лавы: камень плавили магией, и в пропасть лились огненные струи. Но твердыня устояла, и по-прежнему следила за горной тропой чёрными глазами бойниц — вряд ли кто-нибудь мог пройти-проехать по ущелью без разрешения хозяина Замка-в-Скале.

Де Ликатес не стал трубить в рог, возвещая о нашем прибытии, — звуковые сигналы эххам заменяет прямой мыслеобмен. Беззвучный сигнал был услышан — разводной пролёт моста остался лежать на месте, а железные ворота замка медленно распахнулись. Копыта коней зацокали по каменной спине моста — князь не возражал против того, чтобы весь наш отряд вошёл в его крепость, а это значило, что он если и не союзник, то, во всяком случае, не враг.

Когда мы ступили на мост, на котором с трудом разъехались бы два грузовика, я старалась держаться его середины — дна пропасти видно не было, среди острых каменных клыков глубоко внизу клубилась какая-то серая хмарь, а перил строители моста почему-то не предусмотрели. К счастью, этот головокружительный аттракцион длился недолго — длина моста составляла метров сто, не больше, из которых примерно одна треть приходилась на подъёмную часть.

Во дворе замка нас встретили шеренги суровых воинов в броне. Сам князь в полном вооружении и в багряном плаще стоял на ступеньках, ведущих куда-то внутрь. Я хотела было сказать ему что-нибудь вроде "Привет, дядя!", но слова замерзли у меня на губах — от д'Анакора веяло каменным холодом, и я не могла понять, почему.

Отданон скользнул по мне равнодушным взглядом (ну ни хрена не понимаю, он мне дядя или где?), хотя приветствие герцога принял учтиво и тут же распорядился, чтобы все наши

воины получили пищу и кров. Проследив за выполнением своего приказа, князь снова повернулся ко мне с Хрумом и пророкотал:

— Идёмте — будем говорить.

При этом он вроде бы обращался к нам обоим, но на меня не смотрел, и это мне не понравилось.

Поднявшись по каменным ступеням, мы оказались в просторном как бы зале, ярко освещённом многочисленными факелами, развешанными по стенам вперемежку со щитами, мечами, копьями и прочим боевым железом. Посередине зала стоял длинный деревянный стол, уставленный блюдами, кувшинами и кубками; подле стола я увидела четыре кресла с высокими спинками. В одном из кресел сидела женщина в серебристо-чёрном — я узнала в ней Нивею-Хею-Кею, бывшую чёрную нимфу и нынешнюю жену князя. Больше в этом типа банкетном зале никого не было — ни слуг, ни воинов почётной охраны.

— Садитесь, — произнёс д'Анакор, опускаясь в скрипнувшее под его тяжестью кресло рядом со своей супругой и указывая на свободные места напротив. — Выпьем.

Соблюдая этикет, я пригубила кубок, но вкуса вина даже не ощутила — что-то было явно не так, я это чувствовала. И тогда я отставила недопитый бокал и выдала без обиняков:

— Пить будем потом. Я пришла к тебе за помощью… дядя.

— Говори, — холодно уронил князь.

И я рассказала ему всё, с самого начала — как я вернулась в Эххленд, и как похитили моего сына, и зачем это похищение понадобилось Вам-Кир-Дыку. По неподвижному лицу д'Анакора ничего нельзя было понять, но мне показалось, что он уже в курсе всего этого, и что слушает он меня только типа из вежливости, или… или из каких-то своих соображений.

— И вот я пришла к тебе, — закончила я и залпом допила свой кубок. — Потому что только ты можешь подсказать, как нам проникнуть на Полуночную сторону и добраться до Чёрного Владыки.

Князь промолчал. Он молчал долго — как мне показалось, целую вечность, — а потом чётко и размеренно проговорил:

— Я не могу тебе помочь. Твой кристалл рассыпался — ты предала тень Активии, моей племянницы, и ни один Отданон не обнажит меча ради тебя, землянка. Я всё сказал.

* * *

Лязг мечей затихал. Истошные крики тоже раздавались всё

реже и реже — сражение явно подходило к концу. Воины де Ликатеса знали своё дело — вряд ли кому-нибудь из орков удалось улизнуть, тем более что герцог перед атакой отдал приказ "Не брать пленных!". Но вот огненные языки над разгромленным лагерем тёмных поднимались всё выше, превращая ночь в день. Раздуваемый ветром, пожар разгорался, его было видно издалека, и поднятые по тревоге легионы Вам-Кир-Дыка наверняка уже торопились к точке прорыва. Не страшно — наши успеют отойти в горы; ни капитан Верт О'Прах, ни тем более Хрум не будут ждать, пока их зажмут в смертное кольцо. И нападения с воздуха можно не опасаться — горгульи и летучие гидры, насколько мне известно, ночью видят плохо, а к рассвету ликатесское конное войско всяко доберётся до горных ущелий, откуда уже рукой подать до Замка-в-Скале. Дело своё ребята сделали: в сторожевой цепи, растянутой Чёрным Владыкой вдоль границы Полуночной стороны, появилась изрядная прореха. Вот в эту-то дыру я и нырну…

Я выбралась из кустов и прислушалась-принюхалась — всё тихо. Проверила всё своё снаряжение — вроде ничего не потеряла, — посмотрела ещё разок на пламя военного пожара, поправила капюшон и зашагала по вертлявой тропинке, еле различимой в ночной темноте.

Я шла на запад.

Точнее, уже не совсем я.

* * *

После слов д'Анакора я не то чтобы онемела — я была раздавлена. Я чувствовала себя так, как будто на меня скатилась каменная горная лавина, смяла, изломала и погребла под собой. Уж чего-чего, а такого я ну никак не ожидала! Дракон Костя, имевший все основания меня ненавидеть, и тот сменил гнев на милость, а мой дядя самых честных правил оказался заложником этих самых правил: для него кодекс чести горцев был превыше всего, хотя князь не мог не понимать, что речь идёт не просто о спасении одного ребёнка, но и о судьбе всего Эххленда, и не только Эххленда, но и других Миров.

Я молчала, не зная, что сказать — слов у меня не было. Де Ликатес стиснул рукоять меча, готовый ответить сталью оскорбителю своей жены, нимало не заботясь о последствиях поединка между ним и хозяином Замка-в-Скале. Вот только поединок этот не имел никакого смысла: даже если Хрум изрежет д'Анакора на куски, это нам не поможет.

И я молчала, молчали и все остальные, и молчание это становилось безнадёжным.

И тогда заговорила Нивея-Хея-Кея.

— Мой супруг не может тебе помочь, Алина, даже если бы захотел — закон гор суров. Тебе помогу я.

Князь вскинулся, глаза его гневно сверкнули, однако Хея-Кея положила свою узкую ладонь на его мускулистую руку, гася вспышку гнева гордого Отданона, и продолжала:

— Я твоя жена, д'Анакор, но по крови я не прирождённая Отданон — я свободна от слепого следования древним законам клана. Нет, это не значит, что я могу ими пренебрегать — я всего лишь гибче в их исполнении. Тень княжны Активии покинула попаданку Алину, когда королева Алава переступила грань между честью и бесчестием, да, это так. Но Алина искупила свою вину — тому доказательство её возвращение в Эххленд. А ребёнок Алины, похищенный слугами Чёрного Владыки, был зачат, когда в Алине ещё присутствовала тень твоей племянницы, князь д'Анакор, и поэтому этот мальчик — он твой внучатый племянник. Клан Отданонов живёт по закону "один за всех, и все за одного" — слушай голос крови. Ты не можешь сам помочь Алине, не спорю, но ты не можешь и помешать мне ей помочь. Я всё сказала.

Князь ещё какое-то время молчал. Потом его каменное лицо дрогнуло, он глубоко вздохнул, словно сбрасывая с плеч давящую тяжесть, протянул руку, взял кувшин с вином и наполнил все кубки.

— В твоих словах есть зерно истины, жена, — сказал он. — Мы слушаем.

Нет, что ни говорите, а за нами, женщинами, будущее. Мужчины рассуждают просто — бац дубиной по маковке, и все дела, — и лишь изворотливый женский ум способен рождать нестандартные решения. Я слушала бывшую чёрную нимфу и тихо ею восторгалась — это ж надо такое придумать! Конечно, осуществить её план совсем непросто, но только такая затея и может привести к успеху.

— Алина пойдёт на Полуночную сторону — одна. Одна, — повторила Нивея, заметив возражающий жест Хрума, — потому что никто из уроженцев Полуденной стороны не уйдет дальше верховьев Чёрной реки. Любого светлого эхха там вычислят сразу, по отблеску ауры, как ни маскируйся. А у неё, уроженки другого мира, шанс есть. В Алине, — она усмехнулась, — ещё достаточно тьмы: это плохо для Полуденной стороны, но хорошо для Полуночной. Её примут за свою, особенно если я ей помогу. А я помогу — я сделаю из неё чёрную нимфу. Не дёргайся, рыцарь, — она не станет истинной чёрной нимфой, она на время станет её

подобием — очень правдоподобным. И она сможет добраться до столицы и даже проникнуть во дворец Чёрного. А там…

— Я не отпущу её одну в логово Вам-Кир-Дыка, — глухо проговорил де Ликатес, — она там погибнет. Я пойду вместе с ней.

— Погибнет не она, а ты, — резко возразила Хея-Кея, — и вообще любой светлый эхх, оказавшийся в Сердце Тьмы. Мне известно, герцог ликатесский, что ты один из сильнейших боевых магов Эххленда, но всё твоё искусство — ничто перед объединённой мощью чёрных чародеев, когда они у себя дома. И ты не только погибнешь сам, но и погубишь свою жену, и не спасёшь её сына.

— Я не пущу её одну, — упрямо повторил Хрум. — Это безумие.

— Смири гордыню, рыцарь. В Тёмной Столице ты ничем не сможешь помочь своей жене — ты всё испортишь. Или для тебя невыносима мысль, — глаза Нивеи сузились, — что женщина может добиться чего-то сама, без помощи мужчины? Не волнуйся, для тебя и твоих воинов тоже найдётся дело — вы проложите Алине дорогу на Полуночную сторону. Чёрный выставил пограничные заслоны — вы прорубите их своими мечами, и твоя жена змейкой скользнёт в темноту. Другого способа нет — или ты думаешь иначе?

На лице д'Анакора появилась тень улыбки — князь неплохо знал свою супругу. Хрум, насупившись, молчал.

— Послушай, муж мой, — ласково сказала я, добавив в голос чуток проникновенности. — Помнишь, как я сюда попала? В смысле, не в первый раз, а во второй? Ты же сам говорил: я совершила поступок — настоящий поступок: поступок, достойный воина! Значит, я на него способна, верно? Так зачем же ты хватаешь меня за руку, а? Княгиня Отданон права — ну нет у нас другого пути, сам подумай. Значит, я должна это сделать, потому что больше некому!

— Я бы сама взялась за это дело, — добавила уроженка Полуночной стороны, — я ведь бывшая тёмная. Но Алина мать, и никто не может запретить ей спасать своего ребёнка. Она его найдёт, почувствует сердцем, — у меня это не получится. А твоё участие, славный воин, не ограничится только тем, что ты проложишь своей жене дорогу на Территорию Тьмы — ты поможешь ей вернуться. Как — я расскажу.

— Хорошо, — медленно произнёс де Ликатес, — я согласен.

И я увидела в его серых глазах тревогу за меня, перемешанную с бессилием что-либо изменить, — он ведь, умница моя, прекрасно всё понимал.

* * *

Мы пробыли в Замке-в-Скале три дня.

Де Ликатес не терял зря времени — он провёл глубокую разведку ближних участков Полуночной Стороны (или Территории Тьмы, как её высокопарно называли тёмные эххи) и выбрал направление удара. Вам-Кир-Дык ещё не подтянул к Западным горам свои главные силы, ожидая, к какому именно участку границы направится форсирующая Поперечный лес армия Шумву-шаха, но пикеты и дозоры Чёрного уже вовсю шустрили в предгорьях и даже забирались в сами горы. Разведка герцога обнаружила укреплённый лагерь орков неподалёку от западного выхода из ущелья, по которому мы добрались до замка князя д'Анакора, — оно пронзало горный хребет насквозь. Лагерь служил базой сторожевым отрядам тёмных, и его разгром проделал бы нехилую дыру в их системе охраны границы. Временно, конечно, — четырем сотням ликатесских воинов не выстоять против своры всякой нечисти, которая тут же ринется со всех сторон к месту боя, — но этого времени должно было хватить.

А со мной работала Нивея-Хея-Кея — самозабвенно, словно охваченный вдохновением художник, создающий истинный шедевр. Бывшая чёрная нимфа оказалась сильной магессой, не слабее Ослабеллы, а кое в чём — и самой Окостенеллы. Не скажу, что трансформация в чёрную нимфу — пусть даже неглубокая — была очень приятной процедурой: меня колбасило от макушки до пят. Зато на третий день, когда я глянула на себя в зеркало, я испытала лёгкий шок: на меня смотрела настоящая женщина-вамп, змея в человечьем обличии. Мои волосы стали чёрными (заметив, что это меня как бы расстроило, Нивея успокоила — мол, не бери в голову, по окончании действия чар опять станешь блондинкой), в зеленовато-серых глазах поселился убийственный холод, а движения сделались плавно-текучими, как у ползущей кобры. И ещё я почувствовала, как внутри меня концентрируется всё темное, что пряталось в глубине моей души — так глубоко, куда я никогда не забиралась. Мне так и хотелось сделать кому-нибудь какую-нибудь пакость, особенно какому-нибудь мужику.

— Превосходно! — сказала Хея-Кея, любуясь превращённой мной. — Вылитая чёрная нимфа! Выявить подделку сможет только сильный маг, и то если займётся этим специально.

— Спасибо, — поблагодарила я, не узнавая собственного голоса — в нём прорезались какие-то шипящие нотки.

Превращение не совершилось мгновенно, и пока я трансформировалась, Нивея-Хея-Кея занималась моим обучением: форма должна соответствовать содержанию. Я выучила несколько специфических заклятий из арсенала чёрных нимф, узнала об их нравах и прошла ликбез по географии Территории Тьмы — надо же знать, куда идти. Как выяснилось, Нивея, живя на самой границе, послеживала за всем происходящим на Полуночной стороне и была в курсе всех тёмных дел. Она рассказала, что Вам-Кир-Дык серьёзно озабочен проблемой наследника и в связи с этим доукомплектовывает своё гарем, что даёт мне шанс попасть в Сердце Тьмы на как бы законных основаниях — везёт мне с этими эххийскими конкурсами невест. В общем, схема дороги туда была более-менее ясной, но оставалась ещё дорога назад — только полный кретин мог надеяться, что мне удастся с ребёнком на руках пройти долгий обратный путь к Западным горам без всяких затруднений.

К счастью, в замке князя была древняя телепорт-башня. Её выстроили в незапамятные времена и не пользовались ею вот уже сотни лет. Башня эта не была связана с Камероном, Ликатесом и другими городами Полуденной стороны — со временем вектора сместились, а восстановить их было некому, — она была ориентирована на Полуночную сторону, а именно — на столицу тёмных эххов. Магическая проверка артефакта показала, что обе башни — и там, и тут, — вполне работоспособны, однако приёмник в столице Вам-Кир-Дыка был наглухо запечатан заклятьем. Мне нужно проникнуть в башню в Сердце Тьмы и мысленно позвать Хрума, а дальше — дело чародейной техники. Белых пятен в этом плане было выше крыши, но опять же — другого варианта у нас не было.

— Да, дело трудное, — сказала Нивея, — но я верю: всё у тебя получится. Это я тебе как мать говорю, — она запнулась, — …будущая. Д'Анакор ещё не знает — не говори ему, ладно?

"Да, — подумала я, — женская солидарность — это сила!".

…Отсвет пожара за моей спиной померк — потушили, наверное, да и ушла я уже далеко от места ночного боя.

Небо бледнело — занимался рассвет.

Я шла на запад.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТЕРРИТОРИЯ ТЬМЫ

Утреннее солнце уже ощутимо припекало спину.

Вообще-то я представляла себе Полуночную Сторону немножко не такой — я думала, там кругом сплошной холод, мрак и уныние, и только мёртвые с косами стоят. Ан нет: небо здесь было вполне приличного голубого цвета, солнышко жёлтеньким, а по сторонам дороги, в которую превратилась тропинка, вместо покойников, держащих в костлявых руках ржавый сельскохозяйственный инвентарь, росла какая-то типа травка, и даже попадались деревца и кустики. Нельзя сказать, что окружавший меня пейзаж был очень живописным — знойное марево, пыль, низкие холмы, да шелестящая под ветром седая ковыль-трава, — однако ничем замогильным и не пахло, и если бы я не знала, что нахожусь на Территории Тьмы, то могла бы подумать, что это окрестности Ликатеса — степь как степь, ничего особенного.

Из погранзоны я выбралась благополучно — спасибо Хее-Кее, накачавшей меня перед выходом эликсирами, благодаря которым я как заведённая без устали шла всю ночь напролёт с реактивной скоростью. Следящая магия — я чувствовала лёгкое покалывание — не обратила на меня внимания: на то я и чёрная нимфа, чтобы бродить, где вздумается, от близлежащего Вампирвилля до Зомбибурга на Диком Западе, у Пустоши, и от южного Орк-Злей-Сити до северного Троллътауна. Под утро, правда, я чуть не напоролась на отряд огров, спешивших к границе, но вовремя учуяла их приближение, отползла и прикинулась ветошью (в прямом смысле слова — не очень пытливый взгляд не обнаружил бы ничего, кроме брошенной на траву рваной тряпки, в которую превратился мой плащ с капюшоном). Огры, шумно сопя и подымая своими лапищами тучи пыли, протопали мимо, а я ещё немного полежала и пошла дальше. Хорошо всё-таки, что я кое-что уже смыслю в магии — без этого бы кранты.

Куда мне идти, я знала. Нивея буквально вложила мне в мозги (под магией, понятное дело) всю необходимую информацию: я без особого напряжения могла зримо представить себе карту Полуночной стороны. Хороший, кстати, способ обучения — весь семестр можно со вкусом валять дурака, а перед сессией закачать в голову содержимое конспектов-учебников — и привет ректору! Но студент рискует разве что стипендией, а у отважной меня на карту было поставлено куда больше. И сейчас мне надо было выйти к Чёрной реке — она брала своё начало у

отрогов Западных гор (для тёмных они были восточными) и пересекала почти всю страну. Вбирая в себя многочисленные притоки, Чёрная река текла на северо-запад, и по ней можно гораздо проще достичь Сердца Тьмы, столицы тёмных, чем по суше. И самое главное — в верховьях этой реки в большом количестве обитали чёрные нимфы: здесь находилось их основное гнездо — рассадник, так сказать. А встретиться с ними нужно было обязательно.

Если верить тому, что мне рассказывала Нивея (а эххи, как всем известно, не врут), прогулки в одиночку по Территории Тьмы малополезны для здоровья — тут своя специфика.

Во-первых, тёмные эххи — все без исключения — ярые индивидуалисты, и если даже не рассматривают любого встречного-поперечного в качестве потенциальной добычи, то уж во всяком случае непременно прикинут, что с него можно поиметь, и как. Радушия здесь не встретишь — тут каждый сам за себя, один Вам-Кир-Дык за всех. Причём власть Чёрного Владыки далеко не абсолютна: вожди орков, троллей и прочих гоблинов мнят себя сугубо самостоятельными властителями, живут по своим законам и затихают на время только после очередной трёпки, которую Вам-Кир-Дык периодически — типа по расписанию — задаёт своим подданным. А в свободное от его карающего внимания время подданные интенсивно дерутся между собой, теша свои порочные наклонности, присущие всем тёмным. И попасть в эту многостороннюю свару, не имея за спиной поддержки своего клана, — чревато.

Во-вторых, на Полуночной стороне неважно обстояло дело с экологией. Черномаги тысячелетиями специализировались на разрушительных заклятьях, и в результате без малого треть Территории Тьмы — на западе, где был типа полигон для испытаний новых достижений в области боевой магии, — превратилась в безжизненную Пустошь, населённую кошмарными тварями, порождениями магических новинок. Оттуда дули злые удушливые ветры; оттуда летели тучи всеядной саранчи и комаров-мутантов; там регулярно вспыхивали непонятные эпидемии, опустошавшие Полуночную сторону похлеще вторжения неприятеля. Дыхание Пустоши отравляло — в прямом и переносном смысле — тёмным эххам всю жизнь и отнюдь не способствовало (на генетическом уровне) развитию благостных черт характера. Поэтому тёмные путешествовали по своей стране только компаниями, где сородичи поддерживали друг друга, чтобы не протянуть ноги от заразы, — жизненная необходимость брала верх над врождённым эгоизмом.

В-третьих, наряду с постоянными разборками между

вампирами, орками, троллями, призраками, оградами, ведьмами, колдунами и прочими разновидностями нечисти-нежити на Территории Тьмы пышным цветом цвёл обыкновенный бандитизм — разбой был здесь таким же рядовым явлением, как в Питере осенний дождик. Шайки шныряли по всем дорогам, не боялись вступать в бой с военными отрядами и даже порой нападали на слабо укреплённые замки. Время от времени Вам-Кир-Дык проводил крупные облавы, пойманных уголовников казнили сотнями и тысячами; на какое-то время становилось потише, а потом всё начиналось сначала. Дикий Запад, или Зона Беспредела — полоса земли между Пустошью и более-менее благополучными центральными районами Полуночной стороны, — давала прибежище всем, без расовых предпочтений и ненужных вопросов о прошлом. И обитатели Зоны Беспредела жили в состоянии непрерывной войны всех со всеми, а когда уставали, то уходили на север, к ледникам, где замораживались и впадали в спячку на полгода. Отоспавшись и набравшись сил, отморозки (так называли вышедших из полугодичного анабиоза) вновь принимались за старое.

Нельзя сказать, что в Сердце Тьмы на всё это смотрели сквозь пальцы и сидели сложа руки, однако принимаемые меры носили половинчатый характер. В столице терпели Зону Беспредела, потому что отморозки служили живым щитом между Пустошью и остальной частью Полуночной стороны, а заодно и пищей для тамошних чудовищ. А на самой Пустоши сдавали экзамены выпускники Высшего Магического Колледжа. Оценок не ставили: если новоявленный черномаг выживал в Пустоши неделю, значит, всё в порядке, а если нет — ну, на "нет" и суда нет. А главное — центральную власть в лице династии Кир-Дыков, похоже, устраивало такое положение дел: пусть лучше подданные режут друг друга, чем покушаются на трон. В случае большой войны Чёрный Владыка мигом натягивал узду, сколачивая из своей разношёрстной шушеры грозное войско, а в дни как бы мира равнодушно взирал на грызню скорпионов в банке — пусть, мол, тешатся. Ну не верю я, что имея под рукой такое могучее средство как магия, нельзя было навести в стране порядок — в конце концов, на Полуденной стороне всё обстояло совсем по-другому. Но как бы там ни было, а с реалиями Полуночной стороны приходилось считаться, если я хотела добиться поставленной цели, и поэтому мне во что бы то ни стало надо было разыскать моих как бы сестёр.

В общем, Территория Тьмы в целом, судя по рассказам Нивеи-Хеи-Кеи, оправдывала своё мрачное название, так что первое впечатление, которое произвела на меня Полуночная сторона,

было обманчивым, и очень скоро мне пришлось в этом убедиться.

* * *

Ну вот, наконец-то! Впереди блеснула узкая полоска воды. Дорога шла вдоль реки, и поэтому я свернула и решительно зашагала напрямик по пыльной траве — так короче. Ноги у бедной меня гудели — я отмахала миль тридцать, если не больше, и устала, несмотря на все допинги, заботливо приготовленные для меня княгиней Отданон. Кстати, о допингах — я нашарила один из поясных кармашков, вытащила оттуда миниатюрную склянку, взболтала, раскупорила и заглотила её содержимое. Во рту защипало, однако вскоре я ощутила прилив бодрости — снадобье действовало. Но отдохнуть всё-таки надо, что мы и сделаем, как только доберёмся до берега реки. А заодно и поедим — давно пора.

Река встретила меня свежестью и тихим журчанием воды, облизывающей камни. Я с истинным наслаждением умылась (пыли на меня осело килограмма три) и даже подумывала насчёт искупаться, но не решилась: в тылу врага не расслабляться! И потому я ограничилась минимальными водными процедурами, а затем, не снимая длинного, до пят, плаща, — будем следовать строгой моде чёрных нимф — уселась на бережку у самой воды, под раскидистой типа ивой (или вербой? Я и в земной-то ботанике не сильна, а уж в эххийской — тем более) и приступила к трапезе. Мой поздний завтрак, конечно, несколько отличался (в худшую сторону) от тех, к которым я уже успела привыкнуть, — хлеб, сыр, вода, и никаких тебе вин и разносолов, — но в походных условиях на большее я не претендовала. Вот встречу своих как бы сестёр, тогда и поем по-человечески, то есть по-чёрнонимфийски. Ноги мои продолжали гудеть; я скинула сапоги и с наслаждениями пошевелила босыми пальцами — как мало надо человеку для счастья! И, каюсь, я слегка разнежилась, и вышла из этого блаженного состояния только тогда, когда увидела на воде угловатую тень — кто-то стоял за моей спиной.

Я обернулась — не резко, стараясь не выглядеть испуганной (Нивея предупреждала: страх на Территории Тьмы притягивает всякую нечисть лучше магнита).

В нескольких шагах от меня стоял… Нет, стояли — просто они были так похожи, что мне показалось, в глазах двоится, — два бугая и разглядывали меня с нехорошим интересом. Ростом под два метра, снизу шаровары неопределённо-грязного цвета, сверху обнажены до пояса (мускулатура — закачаешься). Бритые

— или лысые? — головы, квадратные подбородки, приплюснутые носы, маленькие глазки, из-под толстых вывороченных губ торчат кривые клыки. Кожа зелёная, но не такого цвета, как у иномирянки Бред'ды, жены Озаботтеса, а с мертвенным серым оттенком. Красавцы — отвернувшись не наглядишься. Орки, как пить дать. Классика, блин…

Они были похожи, как ксерокопии, только у одного на щеке была татуировка в виде разрезанного круга и двусторонний топор за поясом, а у другого — тату в виде пробитого стрелой треугольника и кривой зазубренный клинок. И оба смотрели на меня, как коты на сметану.

— Баба, — глубокомысленно пробурчал один (тот, что с топором).

— Баба, — согласился другой (немного подумав).

— Трахнем её, Хмык? — предложил топорник.

— Хм, — меченосец снова немного подумал. — Трахнем, Бурчал.

Зелёные образины вразвалочку двинулись ко мне, но я уже пришла в себя.

— Конечно, мальчики, — промурлыкала я, встала и гибким движением скинула плащ. — Ну, кто первый?

Орки остолбенели — шок называется.

На мне был чёрный костюм, облегающий тело как перчатка и украшенный спереди поперечными полосами шириной в ладонь. Шитые серебром, эти полосы шли одна за другой от шеи до пояса и напоминали живот змеи — национальный наряд чёрных нимф называется. И орки, судя по всему, очень хорошо знали, кто носит такой прикид.

— Чёрная нимфа… — прохрипел Бурчал.

— Чёрная нимфа… — эхом отозвался Хмык.

Если вы забыли, напомню: для чёрных нимф самый сладкий кайф — это прикончить мужика, по неосторожности попавшего в их сети. Способы бывают разными, но даже самый простой интимный контакт с нимфой грозит её партнёру летальным исходом. Относительно безопасно заниматься любовью с чёрной нимфой может только сильный маг, а эти двое явно не были такими магами — обычные дезертиры, решившие удрать от военных тягот в Зону Беспредела.

Орки попятились.

Я смотрела на них, прищурившись, и слегка покачивалась из стороны в сторону, как змея в охотничьей стойке.

— Трахать нельзя! — сообразил Хмык.

— Тогда прикончим гадину! — заорал Бурчал, брызжа слюной. — Чтоб это, неповадно ей было в следующий раз!

Логика, конечно, железная — какой следующий раз может быть, если они меня убьют? — но дело приняло неприятный оборот. Я-то думала, что эти придурки, поняв, кто я такая, тут же бросятся наутёк, однако их оскорблённое мужское самолюбие проявилось в неожиданной форме. Медлить было нельзя; я быстро нашарила кармашек на поясе, выдернула очередную склянку, отщёлкнула ногтем крышку и взмахнула рукой.

Зеленокожих окутало розовое облако. Глаза у обоих орков выпучились, с губ потекла слюна, кожа побагровела от прилива крови, но падать и умирать в страшных судорогах они почему-то не собирались. И через секунду я поняла, в чём дело — облако было розовым, а не синим, как я ожидала.

Хея-Кея предупреждала, чтобы я без крайней необходимости не пускала в ход чары — по их светлой окраске черномаги, случись они поблизости, легко смогут меня расшифровать, — и рекомендовала для самообороны использовать её эликсиры. А я, дура такая, в спешке перепутала кармашки и прыснула на орков не "вечным сном", а "безумием любви" — этот состав чёрные нимфы применяют, когда хотят довести свою жертву до состояния полового бешенства.

Зрелище было явно не до слабонервных. Орки понимали, что секс со мной для них смертельно опасен, но тянулись ко мне, мечтая повалить, содрать одежду и отыметь, а там — будь что будет.

"Придётся резать" — подумала я, лихорадочно соображая, как бы мне поэкономнее (чтобы не засветить свою магию) расправиться с этими двумя глыбами плоти, одуревшей от похоти, и тут с поверхности воды метнулась стайка серебряных бликов. И я узнала заклятье — оно называлось "смерть-рыбка".

Хмык не дотянулся до меня совсем чуть-чуть. "Рыбки" хлестнули его по широкой груди, оборачиваясь всаженными по рукоять ножами; орк захрипел и завалился навзничь, захлёбываясь тёмной кровью. Бурчал успел повернуться, и серебряные клинки утыкали его спину и задницу. А из воды с плеском появилась тёмная фигура, одетая точно так же, как я.

— Ты неосторожна, сестра, — проговорила нимфа. Её чёрные волосы густо пробила седина, лицо кое-где прорезали морщинки — моей "сестре" было уже немало лет. — Скажи спасибо, что мы оказались поблизости и заметили тебя — тебе повезло.

— Говорю "спасибо", — я учтиво поклонилась. — Я случайно выхватила не то зелье — я ещё молода, и если доживу до твоих лет, сестра, то не буду делать таких ошибок.

— Если ты будешь делать такие ошибки, — усмехнулась седая, — то до моих лет ты не доживёшь. Меня зовут Утопалла —

я хозяйка клана нимф Чёрной реки. А как твоё имя?

— Аллина, — представилась я (Хея-Кея познакомила меня с фонетикой нимфийских имён).

— Аллина? — переспросила Утопалла. — Я тебя не знаю. Ты Вольная?

— Да. Иду с гор — там я искала встреч с Отданонами.

— Ты отчаянная, — уважительно проговорила хозяйка клана, внимательно глядя на меня. — Будь гостьей — здесь и сейчас не самое лучшее время для посиделок у воды. Владыка собирает войска у границы — будет война.

— А нам-то что до этого? — я пожала плечами. — Пусть воюет. У нас своя война.

— Ладно, потом поговорим, — подытожила Утопалла и обернулась к трём нимфам, по пояс высунувшимся из воды. — Заберите этого, — она показал на Бурчала, корчившегося на мокром песке, — он ещё жив. Пригодится для праздника. Уходим, сёстры.

* * *

Чёрные нимфы бывают разные.

Это странное племя обитает на всей Территории Тьмы и бродит по всей Полуночной стороне наподобие наших цыган, держась особняком и живя своей жизнью. Есть нимфы речные, есть лесные, есть горные (они же пещерные). Нимфы владеют собственной магией, достаточно специфической, и сбиваются в кланы — обычно по среде обитания. Но они легко могут менять образ жизни — например, лесная нимфа без особых проблем проживёт в болоте или в озере, а горная быстро привыкает жить в лесу и чувствует себя там как дома. И есть ещё нимфы-Вольные, свободные охотницы на мужчин, живущие сами по себе и время от времени переходящие из клана в клан — именно такой нимфой была Нивея-Хея-Кея (и такой же нимфой она сделала меня).

По натуре своей чёрные нимфы одиночки и держатся сообща только для облегчения выживания — примерно так же ведут себя ведьмы и колдуны-отшельники. Чёрные Владыки неоднократно пытались вменить нимфам в обязанность службу в армии, но все эти попытки оказались тщетными — чёрные нимфы считаются невоеннообязанными и принимают участие в боевых действиях исключительно по собственному желанию, на добровольной основе.

Чёрные нимфы — убеждённые амазонки-феминистки,

мужчину они не приемлют ни под каким видом, будь он хоть вампир, хоть дух бесплотный. Живут нимфы долго, как и все эххи, и пополняют свои ряды девочками всех тёмных (и не только) рас Эххленда. Чаще всего маленьких девочек они просто воруют, тщательно выбрав подходящую, но бывает и так, что матери сами приносят нимфам своих дочерей. Обычно это матери-одиночки, озлобленные на весь мужской род, — из их дочерей вырастают самые сильные нимфы-магессы. Как гласят предания Полуночной стороны, эти нимфы становятся мстительницами: они ищут по всему Эххленду своих отцов, находят их, соблазняют, убивают и приносят своим матерям головы непутёвых папаш (и иногда и другие органы, растущие у мужиков не между плеч, а между ног). Но вообще-то чёрные нимфы охотятся на всех мужчин — такое у них типа призвание.

Нивея рассказала мне свою историю (эту историю, кстати, я и взяла за основу своей легенды — кто я, и как я очутилась в верховья Чёрной реки). Хея-Кея охотилась в Западных горах и как-то раз подкараулила у горного ручья князя д'Анакора. Она прикинулась простой девушкой-гумкой, бежавшей из неволи, и поначалу довольно успешно затащила князя в свои сети. Однако д'Анакор вовремя раскусил подставу и пустил в ход магию. Нимфа и горец сцепились не на шутку (по словам Хеи-Кеи, на камнях у того ручья до сих пор остались следы их схватки), и в конце концов Отданон взял верх и пленил свою противницу. Нивея ждала, что он возьмёт её силой, а потом убьёт (или наоборот), но князь привёз пленницу в свой замок и не коснулся её до тех пор, пока… пока она сама не раскрылась ему навстречу. Чудеса случаются, но всё-таки редко — даже в Эххленде.

Да, чёрные нимфы бывают разные, однако всех их объединяет одно: все они злостные мужененавистницы, а история Нивеи-Хеи-Кеи — это всего лишь счастливое исключение из правил. Хотя настоящая любовь — это ведь тоже исключение из правил, верно?

* * *

Честно говоря, в воду я плюхнулась без особого удовольствия. Купаться-то я люблю, и трансформация в земноводную чёрную нимфу позволяла мне пробыть под водой долгое время без каких-либо неудобств, однако играть в лягушку мне как-то хотелось не очень.

К счастью, марафонский заплыв не состоялся — мы наискось пересекли реку и за её поворотом вылезли на берег довольно живописного песчаного острова, украшенного густой зелёной

рощей. Пока мы плыли, нимфы то и дело беспокойно озирались, и я поняла, почему: за раненым орком — его волокли по поверхности, чтобы не захлебнулся раньше времени, — тянулся кровавый след. Я знала, кто водится в водах Чёрной реки, вполне разделяла тревогу моих "сестёр" и вздохнула с облегчением, когда мы выбрались на сушу, — местные водяные твари чуют кровь за милю.

Островок, отделённый от противоположного берега реки протокой, был миленький. Наше появление было встречено шумом-гамом — на типа пляж высыпало с полсотни нифм разного возраста, но в большинстве своём молодёжь: образ жизни мужеистребительниц не способствовал их долголетию — за ними тоже охотились, и участь нимфы, захваченной на месте преступления, была незавидной, хотя в обычной жизни между чёрными нимфами и всеми прочими обитателями Полуночной стороны соблюдалось что-то вроде вооружённого нейтралитета. Чёрные нимфы, несмотря на свою внешнюю хрупкость, были опасны в бою, и поэтому с ними просто так, без повода, предпочитали не связываться. Вокруг брошенного на песок Бурчала островитянки ходили кругами, не сводя с него немигающих глаз, и мне даже стало жаль злополучного орка (хоть он и сам был во всем виноват — не фиг потому что).

— Эй, вы! — крикнула Утопалла, заметив, что её соплеменницы норовят учинить над пленником расправу без суда и следствия. — Он ещё нужен! Не трогать — я кому сказала?

Её тут же послушались — похоже, авторитет Утопаллы в клане был непререкаемым, — а она повернулась ко мне.

— Ты голодна — путь прошла неблизкий. Пойдём со мной — заодно и поговорим.

Предложенные мне в тростниковой хижине хозяйки клана жареная рыба и плоды (что-то вроде манго и кокосовых орехов) оказались вкусными — пищевые пристрастия нимф не сильно отличались от общеэххийских. Вином, правда, меня не угостили, ну да ладно, не будем соваться со своим меню в чужой ресторан — я и без вина поела с большим аппетитом.

Утопалла терпеливо ждала, пока я поем, хотя по её лицу было видно, что старушке страсть как хочется со мной поговорить — женское любопытство называется. И я не стала её мучить — поведала ей слегка адаптированную под меня историю Нивеи-Хеи-Кеи (без финала, само собой, — по моей версии моя охота была безрезультатной).

— А что ты намерена делать дальше? — спросила Утопалла, выслушав мой рассказ. — Снова пойдёшь в горы?

— Нет, — я покачала головой. — Я намерена отправиться в

столицу — хочу стать женой Владыки. Я слышала, он ищёт себе новых жён.

В змеиных глазах Утопаллы плеснуло восхищение.

— Ты хочешь попасть в постёль к Чёрному? И ты надеешься его убить? Ты отважна, сестра, — очень отважна. Никому из нашего племени не удалось это сделать — Владыка до сих пор жив и здоров.

— Э-э-э… — пробормотала я. — А почему ты решила, что я хочу убить Вам-Кир-Дыка? Я просто хочу стать его женой…

— Просто женой? — Утопалла усмехнулась. — Не смеши меня, сестра, — какая чёрная нимфа хочет забраться в постель к мужчине только для того, чтобы стать ему просто женой? Убить мужчину, с которым она делила брачное ложе, — это высшее наслаждение для любой чёрной нимфы! Хотя вы, Вольные, всегда были с придурью…

— Нет, — поспешно поправилась я, — я, конечно, не прочь прикончить Владыку (между прочим, это было чистой правдой), но для этого мне нужно сначала залезть к нему в койку, правильно? Ну, а там — как оно пойдёт-поедет-побежит…

— Ты задумала достойное злое дело, Аллина. Когда-то давно, — взор Утопаллы слегка затуманился, — когда я только прошла инициацию и ещё не убила своего первого мужчину, моя старшая сестра Утонулла — родная сестра — ушла этим путём. Она добралась до Сердца Тьмы и даже попала в гарем Чёрного Владыки, но…

— Она погибла?

— Да, — грустно ответила старая нимфа. — Её путь окончился в Пирамиде — я получила от Утонуллы прощальную весть.

О таинственной Пирамиде в столице Полуночной стороны я уже слышала от Нивеи, но сейчас я решила не развивать эту тему — успеется.

— Ты задумала достойное злое дело, сестра, — повторила Утопалла. — Убить Вам-Кир-Дыка — это мечта каждого тёмного эхха, и я помогу тебе попасть в Сердце Тьмы, чтобы ты отомстила за Утонуллу! Обещаешь?

Я только открыла рот, чтобы уверить Утопаллу в искренности своих намерений, но тут в дверь хижины просунулась темноволосая головка молоденькой нимфы.

— Всё готово, хозяйка, — почтительно доложила она. — Можно начинать.

— Идём, Аллина, — сказал старая нимфа. — Сегодня у нас праздник, а завтра с утра мы тронемся в путь.

И я пошла за ней следом, на ходу мусоля мысль, вертевшуюся

в моей голове: "Каждый тёмный эхх мечтает убить своего Владыку — да что же это за страна такая?".

* * *

О ритуале инициации чёрных нимф я, понятное дело, знала, — зря, что ли, Нивея со мной работала? — однако видеть эту процедуру мне, естественно, не доводилось. К чему идёт дело, я просекла сразу (давно я вам не напоминала, что я девочка умненькая, но, думаю, вы не забыли об этом факте моей биографии).

На опушке рощи был воздвигнут внушительных размеров шалаш, рядом с шалашом сидел орк Бурчал, поводя своей лысой башкой, — он был не связан, но явно под магией, — а вокруг в ожидании шоу столпилось всё нимфийское население речного острова — штук сто пятьдесят. Ждали только Утопаллу, и как только она появилась, взволнованный шум сразу стих.

Хозяйка клана величавой походкой проследовала в центр полукруга, образованного тихо перешёптывающимися чёрными нимфами (замыкал окружность песчаный берег реки), остановилась и торжественным жестом воздела вверх руки.

— Слушайте! — проговорила она шипяще-металлическим голосом. — Смотрите! День настал — сегодня на Территории Тьмы станет тремя чёрными нимфами больше! Алтарь, — она показала на шалаш, — готов, жертва, — рука Утопаллы указала на пленника, — тоже. Выйдите, юные!

Шеренга нифм дрогнула, зашевелилась, и из неё вытолкнули трёх девчонок — совсем ещё молоденьких, по виду лет пятнадцати, не больше, с едва сформировавшимися женскими округлостями. Одеты они были в лёгкие тёмные туники на голое тело — туники были почти прозрачными, и поэтому каждый мог легко убедиться в том, что под ними ничего больше нет. Бурчал заволновался — я видела, как его маленькие глазки налились кровью (хотя стояла я от орка метрах в пятнадцати).

А девочки подошли к Утопалле и потупили взоры, скромно наклонив головки, — ни дать ни взять примерные ученицы перед строгим учителем. Та придирчиво оглядела каждую, удовлетворённо кивнула и коротко, почти небрежно, бросила:

— Берите его!

Всё чернонимфийское сообщество радостно завизжало. Примерные ученицы исчезли — девчонки бросились на орка с быстротой атакующих змей. Да, техникой они владеют — не зря их тут учили…

А юные нимфы, казавшиеся по сравнению с могучим орком тростинками, упавшими на дубовый пень, одним рывком поставили Бурчала на ноги и поволокли его в шалаш. Орк шёл, утробно урча и с трудом переставляя ноги. Его едва затянувшиеся раны вскрылись, и орочья темная кровь хлестала во все стороны, пачкая туники и лица остервеневших девиц. Орк шёл на смерть; он сознавал это, и всё-таки шёл — я поняла, что его накачали "безумием любви" до самых бровей. Бурчал размахивал ручищами, жадно тиская гибкие тела юных нимф и разрывая их одежды, однако не делал никаких попыток вырваться, скорее наоборот. Орки вообще не слишком богаты умом, а этот, похоже, утратил последние остатки разума…

Живописная группа из четырёх тесно переплетённых тел ввалилась в шалаш, оставив у входа пятна крови и клочья разорванных туник, и вскоре оттуда донеслись сладострастные женские стоны. Шалаш затрясся — визг нимф-зрительниц дошёл до ультразвукового порога. Я отвернулась, старательно изображая равнодушие, — я ведь была как бы их соплеменницей.

Мне было не по себе, и к тому же меня с головы до ног захлестнула волна острого желания — если бы здесь был мой Хрум, я бы, наверно, с лёгкостью перекинула его через плечо и утащила вон в те кустики (и совсем не для того, чтобы потом прикончить). Да, вот это эротик-шоу — куда там нашим телевизионным халтурщикам. И нимфы-зрительницы тоже явно впали в экстаз — прям группенсекс какой-то…

Мистерия продолжалась часа полтора, и всё это время чёрные нимфы стояли вокруг шалаша, сладострастно облизываясь и покачиваясь из стороны в сторону; некоторые ласкали друг друга. Наконец в полуразвалившемся шалаше всё стихло.

Из шалаша выбрались две девицы, абсолютно голые, всклокоченные и перемазанные кровью; глаза их сыто блестели.

— Орк ещё жив, — сообщила одна из них, змеиным движением облизывая губы, — но он скоро умрёт, хозяйка. Мы высосали из него всю его мужскую силу.

А затем на свет божий вылезла и третья неофитка, но в отличие от первых двух, эта чуть не плакала.

— Мне не доста-а-а-алось… — заныла она, бросая злобные взгляды на сытых подруг. — Они со мной не поделились, а потом этот орк стал уже ни на что не годен. А-а-а-а!

— Да, — глубокомысленно изрекла Утопалла, — это моя ошибка. Надо было его хоть немного подлечить и подкормить, а потом уже… Жаль, конечно, но что поделаешь. Вы двое можете надеть "змеиную кожу" — теперь вы полноправные чёрные нимфы.

— А как же я-я-а-а? — заскулила обделённая.

— А тебя мы подарим Хозяину Реки, — холодно проговорила хозяйка клана. — Завтра мы отправляемся в долгий путь к Сердцу Тьмы — пусть Хозяин будет к нам благосклонен. Ты сама виновата — надо было бороться за свою долю, а не ждать объедков.

Неудачница вздрогнула и застыла на месте, испуганно озираясь, словно Хозяин был уже рядом с ней.

"Хозяин Реки, — подумала я, — слышали мы про эту местную Несси". Мне было жаль несчастную девчонку, хотя какое мне до неё дело? Мне надо попасть в столицу Полуночной стороны, и всё, что может помочь мне спасти моего сына, есть благо — разве не так? И всё-таки мне было жаль эту совсем ещё молоденькую эххийку, и меня вдруг осенило.

— Послушай, почтенная Утопалла, а зачем тебе отдавать Хозяину Реки сестру?

— Как это зачем? — удивилась та. — Разве тебе неизвестен его нрав? Мы собираемся плыть — плыть, а не идти по земле! Или тебе уже не надо в столицу?

— Это всё мне известно, сестра, — я постаралась, чтобы мой голос звучал равнодушно и в то же время убедительно, — но зачем губить соплеменницу, когда у нас есть ещё живой орк? Я знаю, что Хозяин должен вместе с жертвой получить и толику магии чёрных нимф, но разве мало нашей магии вошло в этого орка во время инициации? Не разумнее ли отдать его — он ведь на вкус Хозяина будет ничуть не хуже, — чем лишать клан будущей нимфы?

— А ты не только отчаянна и отважна — ты ещё и умна, Аллина. Хорошо, что ты не речная нимфа, а Вольная — я бы видела в тебе очень опасную соперницу. — Утопалла дробно рассмеялась, но глаза её остались по-змеиному холодными. — Что ж, будь по-твоему, сестра.

По приказу Утопаллы бесчувственного орка — от его штанов остались одни лохмотья — подтащили к самой кромке воды. Все чёрные нимфы (и я вместе с ними) подались назад, под деревья, а хозяйка клана снова подняла руки и запела. Её низкий вибрирующий голос давил на виски и далеко разносился над притихшей рекой. Пела она недолго — метрах в ста от острова вздулся водяной бугор, лопнул и показалась громадная жабья голова; щелевидная пасть распахнулась, открывая длинные игольчатые зубы.

— Хозяин Реки, — нараспев произнесла Утопалла, отступая от уреза воды, — возьми сладкую еду, которую мы для тебя припасли, и помоги нам в нашей дороге по твоей реке!

Гигантская жаба издала утробный звук и одним рывком одолела расстояние до берега острова. Из пасти выскочил длинный липкий язык, подцепил Бурчала и с лёгкостью поднял в воздух грузное орочье тело. Мелькнули растопыренные голые ноги, и пасть захлопнулась со звуком упавшей крышки великанского чемодана.

— Ква-а-а-ур-р-р-р… — разнеслось над рекой. Хозяин принял жертву, поблагодарил и исчез — только невысокая волна плеснула о песчаный берег. Меня передёрнуло, хотя я изо всех сил старалась не подавать виду, что весь этот театр меня хоть как-то колышет. Нет, на Полуденной стороне всё-таки уютнее, как ни крути…

— Спасибо, сестра, — услышала я дрожащий голосок. Рядом со мной стояла та самая не прошедшая по конкурсу (голая, так и не оделась) и преданно смотрела на меня. — Моё имя Уснулла, и я…

— Не за что, — холодно ответила я. — Ты нужна клану, Уснулла, а этот орк — он всего лишь кусок мяса. Иди, оденься — простудишься.

"Можно подводить предварительные итоги, — подумала я, провожая взглядом юную нимфу. — Завтра я поплыву в столицу, а главное — меня не раскусили и приняли за свою. Нивея-Хея-Кея старалась не зря — классная работа".

* * *

Чёрная река производила впечатление. Широкая — местами почти как наша Нева в центре города — и полноводная, река катилась на северо-запад ровно и мощно, не обращая внимания на то, что творилось на её берегах. И реке не было никакого дела до маленькой скорлупки нашей ладьи, усевшейся к ней на спину, — на Полуночной стороне вообще никому нет ни до кого никакого дела.

Мы плыли быстро — нас несло течением, а мы только подгребали вёслами (с добавкой магии, ясное дело). Мы — это двадцать чёрных нимф, считая меня и Утопаллу, на удобной и ходкой деревянной ладье с изогнутым носом, украшенным головой змеи. Точнее, нас было двадцать одна: Уснулла слёзно умоляла Утопаллу взять её с собой — мол, пройду инициацию в походных условиях, много мужиков бегает по берегам реки, кого-нибудь да поймаю, — и таки уговорила.

Мужиков по берегам Чёрной реки бегало действительно много, и все они были весьма малоприятными личностями —

тёмные эххи, что с них возьмёшь. На третий день пути на нас напали — из густых камышовых зарослей вылетело несколько длинных лодок навроде пирог, битком набитых истошно орущими головорезами, и устремилось к нам; одноглазый тролль, сидевший на головном каноэ, орал громче всех и потрясал устрашающего вида шипастой дубиной. Но драка не состоялась: чёрные нимфы встретили атакующих "смерть-рыбками", и после того, как с десяток отморозков, включая тролля-главаря, свалились в воду, утыканные серебряными ножами, остальные поспешно ретировались, быстро поняв, кто мы такие есть. К величайшему огорчению кроткой Уснуллы, пленных взять не удалось — инициация бедной девочки снова откладывалась.

Но в целом наше плавание протекало мирно. В связи с угрозой войны на Территории Тьмы была объявлена общая мобилизация, и отряды боевых призраков, "чёрных кобольдов" и зомби по всей Полуночной стороне подчистую выметали банды отморозков, формируя из них штрафные батальоны, которым предстояло первыми идти под заклятья светлых магов. И местечковые типа властители тоже притихли, уразумев, что по законам военного времени и с ними никто церемониться не будет. Тем не менее, Вам-Кир-Дык не отменил дополнительный набор в свой гарем (об этом мы узнали по пути), и потому наше плавание продолжалось.

Всё вроде бы шло по плану, но мне было тошно. И страшно, не буду врать. Я уже получила кое-какое представление о тёмных нравах — реальное, а не по чьим-то рассказам, — и это представление отнюдь не способствовало оптимизму. Да, мне удалось войти в доверие и как бы вписаться в коллектив чёрных нимф, но что дальше? Ведь там, впереди, могучие черномаги и сам Вам-Кир-Дык — удастся ли их обмануть? И где мне искать моего Сашеньку в этом огромном гадюшнике, именуемом Территорией Тьмы, и как вырвать его из цепких лап Чёрного Владыки? Я ведь одна, совершенно одна, и глупо уповать на то, что те жалкие крохи магических знаний и умений, которыми я располагаю, помогут мне одолеть хотя бы самого слабого из чёрных чародеев. Мне было очень страшно и очень хотелось уткнуться в плечо Хруму и выплакаться. Но мой рыцарь был далеко, очень далеко, а Полуночная сторона слезам не верит…

* * *

На пятый день пути (по расчётам Утопаллы, мы должны были достичь Сердца Тьмы дней за десять — гораздо раньше, чем если

бы шли по берегу, ведь мы плыли по течению, и днём и ночью, без остановок) хозяйка клана заметно помрачнела.

— В чём дело, сестра? — спросила я, заметив, что старая нимфа всё чаще посматривает вперёд с озабоченным видом. — Что, опять какая-нибудь засада?

— Хуже, — сумрачно ответила Утопалла. — Впереди Ведьмины Зубы, и я не знаю, как мы их пройдём. С Обгрызлой шутки плохи…

Обгрызла, значит, — так-так, припоминаю, в который раз скажем спасибо Нивее-Хее-Кее. Персонаж колоритный: древесная ведьма преклонного (причём по эххийским меркам) возраста с большим стажем и мерзким (даже по меркам Полуночной стороны) характером. В своё время (лет четыреста назад) жила в лесах в окрестностях Вампирвилля, где и вышла замуж за некоего кровососа по имени Пью (подробностей его деяний история не сохранила). Затерроризировала муженька бесконечными скандалами, довела его до алкоголизма, а потом отравила чесночной похлёбкой (подсунула ему роковую миску, когда вампир пребывал в состоянии тяжёлого похмелья). Спасаясь от мести сородичей безвинно убиенного, бегала по всей Территории Тьмы, находя радость в бесконечных склоках на каждом новом месте жительства (со всеми, кто попадался ей под руку). Не меньше ста лет она провела в Зоне Беспредела, где прославилась предельно распутным поведением (заслужить на Полуночной стороне репутацию развратницы — это надо очень постараться). Была неоднократно бита до полусмерти, однако выжила (живучесть ведьм общеизвестна) и в конце концов, устав, осела на берегу Чёрной реки. На тамошнее уютное местечко зарились многие, но хитрая ведьма сумела убедить Вам-Кир-Дыка, что никто не сможет лучше неё фильтровать всех плывущих в столицу, и заручилась его поддержкой. Несмотря на благосклонность Владыки к Обгрызле, соседи не раз пытались её подвинуть — уж больно лакомый кусок она отхватила. Обгрызла огрызалась, а когда ей не хватало силёнок, прибегала к своей испытанной методе: ссорила своих врагов между собой и тихо посмеивалась, наблюдая, как вчерашние союзники мечом и магией выясняют отношения, напрочь при этом позабыв, с чего, собственно, всё началось. Можно ещё добавить, что с годами стервозный характер склочной древесной ведьмы только ухудшился (хотя считалось, что хуже уже некуда), и тогда беспокойство Утопаллы станет понятным — перспектива встречи с вышеописанной милой дамой вгонит в дрожь даже зомби, хотя эти создания по определению лишены каких-либо эмоций. Но другого пути по воде не было.

Ведьмины Зубы показались вскоре после полудня. Река здесь сужалась до нескольких десятков метров, а впереди — и того меньше. Течение стало более быстрым, под веслами вскипали бурунчики — мы уже не столько гребли, сколько тормозили. А потом я увидела два высоченных серых утёса-близнеца, вздымавшихся по обоим берегам, — местный Гибралтар называется. Так вот вы какие, Ведьмины Зубы…

Течение всё убыстрялось, и я вопросительно посмотрела на Утопаллу — может, рванём да и проскочим сходу?

В ответ на мой немой вопрос старая нимфа только покачала головой.

— Здесь не то что ладья — рыба не проскочит. Сама увидишь, Аллина.

— К берегу! — донёсся до нас каркающий голос от подножия левого Ведьминого Зуба, — да поживей, пловцы-молодцы! А не то…

"А что "не то"? — подумала я. — Неужели эти Зубы могут сходиться, как эти, Сцилла с Харибдой? Нивея вроде бы ни о чём таком не говорила…".

Впереди залязгало. Утёсы остались на месте, но между ними из воды поднялась цепь, усаженная железными треугольниками остриями вниз — каждый треугольник был размером с рыцарский щит, только толще. Зубастая цепь быстро поднялась над водой метра на три, а затем резко провисла. Вода забурлила — из волн навстречу падающим вниз остриям вылезли точно такие же встречные железные клыки. Раздался грохочущий лязг.

Стремнина перекрывалась гигантским капканом — цепи, управляемые невидимым механизмом (а может, магией), расходились и вновь смыкались наподобие оскаленной пасти, и проскочить через эту разрезалку пополам не было никакой возможности. С берега долетел злорадный хохот.

— К берегу, — скомандовала Утопалла, сумрачно поглядывая на грохочущие цепи.

Когда мы подгребли к прибрежной отмели, там уже собралась целая компания: орки, гумы, парочка огров, разномастные ведьмы, длиннобородый колдун с крючковатым посохом и даже призрак, безмолвно паривший над самой водой. А впереди всех стояла мерзкого вида старушенция в каких-то лохмотьях — надо думать, Обгрызла собственной персоной.

— Куда вас, к демонам, несёт? — проскрипела эта элегантно одетая особа.

— В столицу, почтенная Обгрызла, — вежливо ответила Утопалла.

"Ага, — подумала я, — значит, я не ошиблась: это чучело и

есть знаменитая Обгрызла. А здороваться тут у них, наверно, не принято?".

— А за каким хреном? — не отставала дотошная ведьма.

— Владыка набирает жён, — сдержанно пояснила хозяйка клана ("Можно подумать, эта пародия на женщину об этом не знает!" — подумала я).

— Нечего делать! — заверещала Обгрызла, потрясая сухонькими ручонками. — Не пущу — вы, нимфы, вечно переходите дорогу честным женщинам! Я посылала к Владыке и внучку, и правнучку — всё бестолку! И всё из-за вас, твари! Пусть лучше моя праправнучка попадёт на ложе Вам-Кир-Дыка, чем там снова окажется кто-то из вас! Нет вам тут дороги! Идите пешком, вокруг — явитесь как раз к разбору колпаков! — и ведьма жизнерадостно захохотала.

— Мы здесь не при чём, — обиженно пробормотала Утопалла скорее для меня, чем для старой склочницы, впавшей в экстаз очередной ссоры. — Она так достала всех соседей, что те просто не пропускали её дочек-внучек в Сердце Тьмы…

"Нет, так не пойдет, — я лихорадочно размышляла. — Идти вокруг, да ещё пешком — это же застрелиться! Тут на каждом шагу жди ножа в спину — легче выходить из окружения (как выходят из окружения, я знала по рассказам моего дедушки), а про потерю времени я уже и не говорю… Но эта старая мымра окончательно съехала с катушек — она нас ни за что не пропустит, по принципу "у меня на сердце радость, я соседу сделал гадость". Драться с ней? Ага, драться — вон их здесь сколько собралось, всякой твари по паре… А если мы и победим, в чём я сильно сомневаюсь, как потом остановить клацающие вставные челюсти поперёк реки? Блин, что же делать?".

И тут до меня дошёл смысл последних слов моей "сестры", и меня осенило.

— Послушай, достопочтенная Обгрызла, а ты пропустишь нас, если я, чёрная нимфа Аллина, дам тебе слово, что мы возьмём с собой твою прапрапра и доставим её во дворец Владыки в целости (тьфу, чуть не сказала "целкости" — моего типа юмора тут явно бы не поняли) и сохранности, и что мы не только сами не причиним твоей прапра никакого вреда, но будем её защищать от каждого, кто на неё покусится? Это тебя устроит?

Древесная ведьма подавилась собственным хохотом и вытаращила свои бельмастые глазёнки. По рядам её воинства прошёл изумлённый ропот, а призрак задёргался и чуть не шлёпнулся в воду, сгустившись от удивления до более плотного состояния.

— Ты… дашь мне… такое слово? — еле выговорила

Обгрызла, кое-как справившись с приступом кашля.

Вношу необходимое пояснение. Эххи не врут — это общеизвестно, и тёмные эххи в этом смысле ничем не отличаются от эххов светлых. Да, тёмные подличают, злодействуют, строят козни и пакостят, но не врут в глаза. Они могут уклониться от ответа на заданный вопрос, промолчать, но если эхх — любой! — дал слово, он его сдержит (эту простую истину довёл до моего сведения ещё чёрный глюк у Водопада Слёз). Поэтому на Территории Тьмы никогда не клянутся в дружбе или верности сюзерену — если заветное слово не произнесено, никто не запрещает любому верноподданному точить нож на своего Владыку и при удобном случае пустить этот нож в дело. И потому для нечистиков Обгрызлы (да и для чёрных нимф) моё заявление прозвучало громом среди ясного неба.

— Да, — повторила я, — я даю такое слово.

…Когда зловещие утёсы остались позади, ко мне подошла Утопалла.

— Не понимаю я тебя, Аллина, — негромко проговорила она, косясь на молоденькую ведьму, свернувшуюся клубочком на корме нашей ладьи (ведьмочка оказалась симпатичной девчонкой, её портили только острые крысиные зубки и злые глазки). — Зачем ты связалась с этим ведьминым отродьем? Ведь она тебе к тому же ещё и конкурентка!

— По агентурным данным, — безмятежно ответила я, — у Вам-Кир-Дыка широкое ложе, там всем хватит места. И мы вроде бы успешно плывём дальше, разве не так?

— Да, — вздохнула старая нимфа, — вы, Вольные, точно с придурью…

* * *

Город Фолт был форпостом столицы Полуночной стороны или, по-нашему говоря, городом-спутником. Здесь сходилось множество дорог со всех концов страны, и отсюда к Сердцу Тьмы вдоль берега Чёрной реки вело основательное типа шоссе, мощенное камнем, — как бы автомагистраль (хотя автомашин во всём Эххленде, ясен пень, и в помине не было). По реке до столицы можно было доплыть за полсуток — Утопалла решила сделать остановку в Фолте, чтобы передохнуть перед заключительным этапом нашего трудного тёмного пути, а заодно привести в надлежащий товарный вид любимую меня. Вам-Кир-Дык был хоть и многожёнцем, однако многожёнцем разборчивым и знающим толк в женской красоте — мне надо было обратить на

себя его внимание и понравиться Чёрному Владыке. К тому же этот перекрёсток всех дорог, то есть город Фолт, служил при столице чем-то вроде контрольно-пропускного пункта, и с учётом общей обстановки (война на носу — враг у границ) нам, учитывая важность моей миссии, не стоило пренебрегать требованиями режима и пытаться пролезть нелегально (а то как бы чего не вышло).

Наша ладья пришвартовалась в гавани Фолта, когда солнце уже начало понемногу клониться к закату. Утопалла хотела продолжить путь ночью (чёрные нимфы отлично видят в темноте) с тем, чтобы к утру достичь цели нашего путешествия, а до ночи рассчитывала отдохнуть и отметиться у местных властей.

В порту было многолюдно (то есть многоэххно), и мои как бы "сёстры" уже начали плотоядно поглядывать на снующих по причалам плечистых орков и стройных вампиров — естество чёрных нимф брало своё, — но Утопалла решительно пресекла эти поползновения.

— Никакой охоты, — заявила она, — я налагаю запрет! На обратном пути — пожалуйста, а сейчас — ни-ни! На дело идём, ясно? А кто нарушит — пусть пеняет на себя: вы меня знаете.

Судя по всему, нимфы хорошо знали свою предводительницу и повиновались, хотя и с явным сожалением и разочарованием.

Наведя порядок, Утопалла предложила мне прогуляться на берег, чтобы заявить кому положено о нашем приплытии — власти наверняка об этом уже знали, однако не спешили порадовать нас своим появлением. Ладно, сами к ним явимся, мы эххи не гордые, — как там говорят насчёт горы и Магомета? — тем более что к главе местной администрации не стоило относиться с пренебрежением.

Городом и его окрестностями правил мессир де Фолт, и поскольку он являлся весьма заметной личностью, сведения о нём, естественно, имелись в файлах моей памяти.

Родился он в Зомбибурге, и был вроде бы гумом. С детства интересовался феноменом зомби (вероятно, под влиянием специфики родного края) и потому, после того, как на юношу бледного обратили внимание черномаги, будущий мессир окончил Высший Магический Колледж по кафедре некромантии. Во время преддипломной недельной практики в Пустоши потерял ногу, столкнувшись с ядовитым пилохвостом, однако сумел прикончить монстра и даже отрастить себе новую конечность взамен откушенной. В результате молодой некромант получил диплом с отличием и распределение на тёпленькое местечко в городе Фолте, то есть практически в столице. Здесь тёмный чародей развил бурную научную деятельность, изучая

возможности продления срока службы боевых зомби — все прежние образцы относительно быстро приходили в негодность из-за истощения запасов маны, поскольку сами ожившие мертвецы ману не генерировали. И мессиру удалось найти решение: ману зомбям передавали типа погонщики — живые эххи. Мало кого из тёмных эххов прельщала роль пастуха живых трупов, однако хитроумный маг и тут нашёл выход: погонщиками становились наркоманы, пристрастившиеся к дрянь-траве, растущей на Пустоши. Их уже практически ничего не интересовало, и поэтому эти нарики равнодушно отдавали свою ману зомби, довольствуясь жалкими крохами и, конечно, дрянь-травой, которую они курили почти постоянно.

Изыскания мессира имели важное военное значение и были оценены по достоинству: он стал лордом Даркнесс (это что-то вроде магистра тёмных наук), а затем и бароном де Фолт. Как мессиру удалось свалить своего предшественника — дело тёмное (впрочем, на Полуночной стороне других дел и не бывает), но с тех пор вот уже сотню лет он сидел тут плотно. Вам-Кир-Дык ему доверял (в той мере, в какой один чёрный эхх может доверять другому), и даже не возражал, когда лорд Даркнесс наладил устойчивый наркотраффик из Зоны Беспредела, превращая сотни и сотни эххов в наркоманов-погонщиков. Добавим, что мессир был настоящим черномагом — это вам не ведьма Обгрызла с её самодеятельностью, — и я побаивалась встречи с ним. Но делать было нечего — авось пронесёт.

На берег мы пошли вчетвером. Обгрызлина прапрапра — "огрызок Обгрызлы", как "ласково" называли её чёрные нимфы, — ни под каким видом не соглашалась остаться на борту ладьи в обществе моих "сестрёнок" в моё отсутствие, а четвёртой за нами увязалась Уснулла: после жертвоприношения на острове несостоявшаяся нимфа ходила за мной по пятам. Памятуя данное мною слово, я не могла бросить ведьмину внучку, а присутствие Уснуллы грело: приятно, блин, когда кто-то смотрит на тебе с немым обожанием.

Здание как бы таможни издали напоминало полуразвалившуюся саклю (вблизи оно тоже выглядело не лучше). Зайдя внутрь, мы обнаружили там единственного служащего: в пустой комнате с глиняным полом за дощатым столом сидел унылого вида вампир, грустно вертевший в руках гранёный стакан с остатками засохшей крови; на его длинной морде лица лежала печать тотальной разочарованности во всех и вся. Увидев нас, служитель несколько оживился, но тут же снова сник, поняв, что с чёрных нимф ему вряд ли что-либо обрыбится.

Тяжело вздохнув, чиновник-кровопивец выудил из-под стола

толстенную ветхую книгу, сдул с неё пыль (пыли было много) и достал какую-то типа писалку (что-то вроде нашей древней перьевой ручки). Найдя в книге нужную страницу, вампир выслушал Утопаллу, коротко сообщившую, кто мы, что и зачем, и уже приготовился сделать запись, как вдруг лицо его волшебным образом переменилось: с него мигом слетело выражение "у меня болят все зубы, а тут ещё вы!". Чиновник склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, подтянулся, как будто получил команду "Смирно!", и прошелестел:

— Вас хочет видеть его тёмность. Идите, вас там уже ждут.

"Там", то есть на улице, нас действительно уже ждали четверо зомби. В том, что это именно они, сомнений даже не возникало: источаемый ими типа аромат довёл бы землянку Алину до тошноты, и даже нимфа Аллина испытала острое желание зажать нос. Но делать нечего — мы послушно пошли следом за косолапо переступающими живыми трупами. Стоит добавить, что по военному времени лорд Даркнесс, вдобавок ко всем его прочим титулам, стал кем-то вроде губернатора края с неограниченными полномочиями (об этом мы узнали ещё на причале), и поэтому пренебрегать его приглашением не стоило ни в коем разе.

Город Фолт был невелик — посёлок по сравнению с тем же Ликатесом, — и шли мы недолго. По дороге я усиленно вертела головой по сторонам: во-первых, чтобы меньше нюхать наших смердящих конвойных, а во-вторых, мне было интересно — всё-таки первый населённый пункт Полуночной стороны.

Да, это не Ликатес — это гораздо хуже. Дома здесь выглядели так, словно в них во всех разом был начат капитальный ремонт, да так и не окончен; население Фолта, судя по прохожим, в основном составляли зомби разной степени гнилости — Нью-Зомбибург какой-то. Попадались и прочие, но в явном меньшинстве, причём почти все представители этого меньшинства пребывали под перманентным кайфом — это было видно невооружённым глазом, без всякой магии. В общем, наркопритон на разупокоенном кладбище — весёленькое местечко, ничего не скажешь.

Дворец наркобарона был, наверно, единственным зданием Фолта, находившимся в более-менее приличном состоянии. Его выстроили в виде стилизованного черепа (вероятно, по прихоти владельца): глазницами служили два огромных круглых окна с тонированными стёклами, из распахнутого рта торчал серый ступенчатый язык — типа входная лестница, — а от ноздрей черепа, завершая ансамбль парадного подъезда, выступал вперёд как бы козырёк. Общие размеры черепообразного домика не впечатляли — новорусские коттеджи куда круче.

Зомби замерли перед входом. Из оскаленной пасти черепа вылезло бледное существо неопределённой расовой принадлежности — то ли гум-калека, то ли колдун, пострадавший от неосторожного обращения с собственными заклинаниями, то ли помесь орка с вурдалаком. Мутант сделал нам приглашающий жест и прошепелявил:

— Его тёмность изволит вас принять — идите за мной.

Пройдя через полутёмный типа холл — темноту в нём рассевало только гнилостно-зеленоватое свечение стен, оригинальные световые обои называется, — мы оказались в зале более просторном и гораздо лучше освещённом: здесь на стенах висели магические голубые факелы. В центре зала, на возвышении (и почему цари-короли всех калибров так любят сидеть на возвышениях?), в мягком кресле с белыми черепами на подлокотниках восседал в традиционно чёрных одеждах (а вы как думали?) мессир де Фолт, он же лорд Даркнесс, он же… впрочем, неважно. Кроме самого очень бледнолицего черномага, в зале присутствовало ещё несколько типов в чёрном, но кто они такие, я так и не разобрала.

Утопалла почтительно поклонилась (мы тоже).

— Хозяйка клана нимф верховьев Чёрной реки приветствует достопочтенного лорда и просит его милостивого соизволения разрешить нам следовать в Сердце Тьмы, — витиевато выдала старая нимфа. — Мы спешим туда, дабы усладить взор Чёрного Владыки созерцанием прелестей дочерей реки — может быть, он снизойдёт до выбора одной из нас себе в жёны.

— Может, и снизойдёт, — безразлично отозвался барон, небрежно кивнув в ответ. — Но только если я разрешу вам плыть дальше — это вы понимаете?

— Понимаем, ваша тёмность, — смиренно ответила Утопалла.

А я ничего не понимала в упор — что нужно от нас этой бледной поганке в чёрном?

— Времена настали тяжёлые, — продолжал между тем мессир. — Армии врагов грозят вторгнуться в наши пределы, и тайные враги крадутся тут и там, лелея коварные замыслы. Я поставлен здесь оберегать Владыку, и я не могу пропустить к нему никого без тщательной магической проверки.

— Такая проверка, ваша тёмность, — Утопалла осмелилась возразить, — займёт не один день — мы опоздаем на смотрины!

— Опоздаете, — согласился барон, — а как же!

"Да что же ему надо, в конце-то концов? — думала я. — Чего ради он играет с нами в кошки-мышки? Тоже мне, Обгрызла-два называется… А может, он это, взятку вымогает? Но какую?

Золото-брильянты в Эххленде не в цене, никакого крутого магического артефакта у нас не имеется… Блин, что же ему предложить?". И тут де Фолт приоткрыл карты.

— Брачные игры, — вкрадчиво произнёс он, — радуют сердце любого живущего. А я вот, после того как моя супруга почила безвременно, лишён этой радости — разве что так, от случая к случаю… Всё дела, дела, заботы государственной важности…

"Ах ты, сукин сын! — догадалась я. — Так вот что тебе от нас надо! Ну ты и козёл…". Я припомнила, что мессир одно время был женат на эмигрантке с Полуденной стороны — кажется, её звали Осатанеллой, — а потом бывшая светлая эххийка умерла (обстоятельства её смерти, ясен пень, остались тайной, покрытой мраком).

Утопалла тоже всё поняла.

— Вы желаете, ваша тёмность, чтобы одна из нас стала вашей женой? — спросила она напрямик.

— Я ещё не сошёл с ума, — дипломированный некромант издал хрюкающий звук, который при известном воображении можно было принять за подобие смеха, — чтобы класть себе в постель водяную змею! Мне ведомы повадки вашего племени, достойная… Утопалла, правильно?

— Тогда, — не растерялась хозяйка клана, — мы можем отдать вам вот эту молодую ведьму, — она указала на "огрызок Обгрызлы", — с ней вы не побоитесь разделить брачное ложе?

— Я ничего не боюсь! — заносчиво начал барон, но тут вмешалась честная я.

— Мы не можем её отдать — я дала слово, что доставлю её во дворце Владыки!

— Дала слово? — водянистые глаза некроманта остановились на мне, и взгляд их был странен. — Удивительное дело…

— Ты что, передумала? — раздражённо воскликнула Утопалла. — Ты уже не хочешь в столицу и не хочешь стать женой Владыки? Так нельзя, Вольная, — это недостойно! Мы все отправились с тобой, а ты…

Прапрапра сжалась в комок, глядя на меня умоляюще, но тут подала голос Уснулла.

— Я согласна стать вашей женой, ваша тёмность. Я ещё не прошла инициацию — я ещё не настоящая чёрная нимфа, и вы без опаски сможете делить со мной ложе.

— Не настоящая? — переспросил наркобарон, изучая Уснуллу анатомическим взглядом (это который не только раздевает, но и потрошит). — Посмотрим… (вокруг нимфы заплясали голубые искорки). — Хм, и верно… Что ж, это меняет дело — на водяную змею без ядовитых клыков я согласен, — он

кивнул Утопалле и снова посмотрел на меня. — Не беспокойся за данное тобой слово… Аллина, правильно? — древесные ведьмы не в моём вкусе. — И барон снова типа рассмеялся.

— Я тоже согласна, — проговорила Утопалла после короткой паузы.

— Вот и прекрасно, — подытожил мессир, — на том и порешим.

…Из череподома правителя Фолта мы ушли втроём — Уснулла осталась.

"Бедная девочка, — думала я. — Нехорошо получилось… Но с другой стороны — мне надо добраться до Сердца Тьмы, ведь там мой сын! А Уснулла — во-первых, она вернула мне долг, а во-вторых — ещё неизвестно, как сложится её жизнь: вспомним хотя бы капитана Верта с его пленницей-степнячкой, не говоря уже о тётушке Нивее и дядюшке д'Анакоре. А в-третьих — на Территории Тьмы не станет одной чёрной нимфой больше, разве это плохо?".

Погружённая в свои размышления, я не обратила внимания на очень странный взгляд, которым проводил меня лорд Даркнесс, — у меня перед глазами стояла прощальная улыбка маленькой Уснуллы…

* * *

Столица Полуночной стороны встретила нас мелким моросящим дождиком — Сердце Тьмы слезоточило. В туманной дымке, обильно размоченной моросью, громадные башни и прочие здания города казались сонмищем призраков, бредущих неведомо куда в серой мгле. На дождь как таковой чёрным нимфам (и мне в нимфийской ипостаси) было как-то плевать, однако общий антураж наводил уныние — это вам не залитый ликующим солнцем Камерон.

Десятерым нимфам, несмотря на их робкие возражения, Утопалла велела остаться на борту ладьи — столица столицей, но мелькавшие на берегу вороватые рожи местных жителей не внушали доверия многоопытной хозяйке клана. Ведьмина внучка заметно приободрилась, хотя не отставала от меня ни на шаг — после Фолта она прониклась ко мне доверием (хотя понятия "тёмная эххийка" и "доверие" — вещи малосовместимые). Прапрапра вырядилась на смотрины в лучших традициях своего племени: волосы дыбом (причёска "электрошок" называется), мордашка изуродована боевой раскраской "ирокезы на тропе войны", длинная юбка располосована от талии до пят (первый

встреченный на причале тролль остолбенел при виде стройных ножек и смуглых бедёр "огрызка Обгрызлы", мелькавших из-за под этой её разрезной занавески), кофточка… гхм, промолчим (я не ханжа, но это уже явно сексуальная провокация). Не знаю, какое впечатление она произведёт на Владыку, но если стражники не изнасилуют эту очень раскованную девицу прямо на проходной, то ей просто повезёт.

Сама я не увлекалась макияжем и выбором наряда — "змеиная кожа" чёрной нимфы меня вполне устраивала. В конце концов, я пришла сюда не покорять сердце Вам-Кир-Дыка, а за своим сыном. Я уже пыталась поискать Сашеньку (мысленно, есть такой магический метод), но он не отозвался. И всё-таки я была уверена: Шепоток здесь, значит, я его найду.

Вопреки моим опасениям, городские ворота мы прошли без проблем: взятку никто не вымогал, а мрачные "чёрные кобольды" (каждый из них держал по две секиры, а в третьей руке — широкий щит, прикрывавший всё тело) не обратили на внучкин прикид "возьми меня немедля" ни малейшего внимания — вероятно, и не такое видали. Был там ещё черномаг, но тот только скользнул по нашей делегации скучающим взглядом и отвернулся.

Дождь кончился, заспанное солнце помаленьку распихивало туман и остатки мороси, и столица Полуночной стороны соизволила принять нас в свои холодные объятья. Несмотря на ранний час, её улицы уже кишели темной нелюдью — эххи вообще встают рано, привычка у них такая. Поначалу я ещё пыталась их классифицировать — это гум, это вампир, это хрен знает кто, — однако вскоре бросила это занятие: оно оказалось таким же бессмысленным, как попытка сортировать по маркам машины на Невском. Я даже удивилась — война вроде, а у них тут столько народу в тылу ошивается, — но потом сообразила: всегда и везде найдётся куча разных ушлых-дошлых, которые непременно отыщут очень уважительную причину не идти на фронт. Тёмноэххийские вельможи в этом смысле наверняка не были исключением, а если учесть, что каждый из них имел свою челядь, то становится понятным, откуда тут такая толпа.

Город, конечно, немаленький — куда там Ликатесу, — но архитектура странная: у них тут в моде стиль "одинокая башня", иногда вытягивающаяся вверх до размеров небоскрёба. Дома-башни не стояли вплотную: они отделялись друг от друга свободным пространством и высокими заборами (иногда типа решётчатыми) с непременными копейными наконечниками поверху — острыми, хоть сейчас в бой, — и внушительного вида коваными воротами, явно рассчитанными выдержать удар тарана.

Окна домов были узкими — обыкновенные бойницы, и ничего больше. Короче, воплощённый тезис "мой дом — моя крепость": не дома, а какие-то оборонительные сооружения — от соседа здесь не ждут ничего, кроме пакости. Ну да, если принять во внимание нравы и обычаи тёмных эххов, то не только копьями забор утыкаешь, но ещё и ток к нему подключишь — взаимная подозрительность эгоистов называется. Нет, не хотела бы я тут жить — ни за какие коврижки.

Хотя, в общем, город как город. Необычный — ну так на Земле те же арабские селения на европейский глаз выглядят необычно, а тут всё-таки причудливый магический мир со своими фишками. И честно говоря, не скажешь, что это типа "Обитель Зла": замогильная символика здесь не в большом фаворе, и чёрный цвет отнюдь не доминирует: кровли серых башен были и синими, и красными, и золотыми, и скалящиеся черепа на фасадах встречались редко, разве что на жилищах магов-некромантов (это мне объяснила Утопалла). И зомби я не видела — они ведь скорее боевые роботы, чем полноправные жители Территории Тьмы (чего им зря жечь ману, шастая по улицам, — вонять, что ли?).

И всё-таки я чувствовала: это Сердце Тьмы, столица тёмных эххов, и ни чистота улиц, ни даже зелень деревьев (было здесь и такое) меня не обманывали. И дело было вовсе не в облике всех этих орков и прочих — молодые вампиры, скажу вам по секрету, смотрятся очень даже ничего, — а в душной атмосфере города. Не в прямом смысле слова — дышалось-то тут нормально, — а в переносном (или, если хотите, в магическом).

Сердце Тьмы окутывало незримое, но осязаемое облако зависти, жадности, подлости и злобы, и я его ощущала. Оно, это облако, вползало мне в ноздри, липло к волосам и даже шептало мне на ухо какие-то гнусности. Эмоции, как и мысли, материальны — их можно попробовать на вкус (если, конечно, ты хоть чуть-чуть владеешь магией, а я владела — пусть даже чуть-чуть). Я вспомнила тёплую и открытую ауру Ликатеса, и только теперь поняла, что основное отличие тёмных эххов от светлых вовсе не том, что вторые с искренним удовольствием созидают, а первые с неменьшим удовольствием разрушают, а в том, что за мысли крутятся у них в головах, какие чувства они испытывают, и как они относятся — даже не к тем, кого считают врагами, а к своим же собственным сородичам. Чистый и свежий (без всякого автомобильного смога), воздух Сердца Тьмы был пересыщен негативом — той самой тонкоматериальной субстанцией, которую Вам-Кир-Дык с помощью Шепотка намеревался качать сюда из одного далёкого параллельного Мира, известного эххам

как Третья планета системы Жёлтой звезды, а нам, людям, — как планета Земля. Или наоборот: Чёрный мог отступить, оставив весь Эххленд победителям с Полуденной стороны, и начать всё сначала на Земле, обрушив на мой родной мир весь чудовищный заряд негатива, скопившегося за тысячи лет на Территории Тьмы.

И я поняла, что должна любой ценой вырвать моего сына из лап Владыки не только потому, что он мой сын.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КЛИНОК СУДЬБЫ

Дворец Вам-Кир-Дыка открылся внезапно. Всякий раз за очередным перекрёстком я видела всё те же ряды серых домов, сменявших друг друга, и думала, что идти ещё далеко, как вдруг шеренги башен разомкнулись перед центральной площадью, посередине которой и высился дворец. Хотя сказать "высился" было бы не совсем верно: здание, несмотря на свою высоту, производило впечатление чего-то приземистого, придавленного к земле. Обиталище Чёрного Владыки походило на исполинских размеров антрацитово-чёрную (других цветов у неё не было) многоножку, приползшую откуда-то из-за омывавшего весь Эххленд океана, из-за тех самых Загадочных Вод, откуда ещё никто не возвращался. Эта тварь ползла через всю страну, устала и прилегла на брюхо на центральной площади столицы, а её многочисленные ноги окопали громадное округлое тело глубоким рвом и окаменели, превратившись в ряды массивных колонн, окружавших дворец со всех сторон; шерсть на глянцево блестящей спине обернулась остроконечными башенками-шпилями. Заняв добрую половину площади, чёрная тварь замерла, но не заснула — она зорко следила за всеми своими владениями десятками круглых глаз-окон, окольцевавших голову-купол, отделённую от здания-тела кружевным воротником широкого каменного балкона. Многоножка высунула из тёмного прожорливого рта длинный язык подъёмного моста, перекинутого через ров: смотрелось это неприятно, но именно туда мне и надо было идти. А ещё я заметила среди шпилей на спине-крыше дворца башню очень знакомых очертаний, и сердце у меня ёкнуло: это была телепорт-башня — такая же, как в Камероне, Ликатесе или в Замке-в-Скале. Попасть туда наверняка непросто, но это башня здесь есть, а это уже немало.

Нимфы, до сего времени поглядывавшие на всё с гордым безразличием, сразу как-то сникли, а ведьмина внучка так и норовила ко мне прижаться. А мне и самой было не по себе: дворец Владыки излучал давящую злую силу.

— Идём, сёстры, — негромко сказала Утопалла, преодолев краткое замешательство, и мы вступили на площадь.

На площади было людно (тьфу, то есть эххно). К языкастому входу во дворец со всех сторон тянулись стайки женских фигур — попасть в гарем Владыки мечтали многие тёмные эххийки, несмотря на более чем вероятный печальный конец такого рода карьеры: как известно, Вам-Кир-Дык имел обыкновение

скармливать своих провинившихся или просто надоевших жён летучим гидрам. Впрочем, у нас на всякие там конкурсы красоты девчонки тоже летят как мухи на мёд, хотя знают, чем это может кончиться.

Когда мы пересекали площадь, Утопалла тронула меня за плечо.

— Смотри, Аллина, — сказал она, — вот она, Пирамида.

Сложенная из чёрного камня Пирамида была не выше дворца Владыки и стояла с ним рядом, поэтому она не сразу бросалась в глаза. Но когда я её увидела, я чуть не задохнулась: поток зла, излучаемый многоножкой дворца, казался тонкой струйкой по сравнению со злой мощью Пирамиды — из неё тёмная энергия изливалась лавиной.

— Там убивают, — тихо проговорила старая нимфа. — Туда ушли многие — тысячи и тысячи, десятки тысяч. Чёрный Бог Хаоса ненасытен — он постоянно требует жертв.

От Хеи-Кеи я кое-что знала об этом зловещем чирье на ровном месте, но многое было мне непонятно, и прежде всего — культ Бога Хаоса. Эххи, насколько я успела заметить, не слишком религиозны: нет у них (во всяком случае, на Полуденной стороне) ни официальных святилищ, ни служителей культа типа жрецов. У них есть вера в Творца Вселенной, но вера эта внутренняя, не требующая пышных церемоний и ритуальных обрядов — внешне эта вера не бросается в глаза. Это как если человек знает, что завтра взойдёт солнце — не будет же он молиться по этому поводу, да ещё публично. Есть у светлых эххов общины подвижников — типа отрешившихся от всего мирского, — но это не религия в чистом виде. А культ Чёрного Бога напоминал какие-то древние языческие верования землян (я не теолог, понятное дело, но кое-что знаю о финикийском Ваале или о мексиканском Уицилопочтли).

— И давно это здесь творится? — спросила я.

— Точно не знаю, — Утопалла пожала плечами, — но не меньше ста лет.

Всего сто лет? Странно… Сто лет — это не срок для такого древнего народа, как эххи. Получается, что это новая вера, родившаяся совсем недавно, особенно по меркам эххов — они ведь живут сотни лет. Странно — очень странно…

— Никто не знает точно, что происходит внутри Пирамиды, — добавила хозяйка клана. — Известно только, что её построил великий маг Чернодыр. Это его детище, и он творит там свои таинственные обряды.

Чернодыр? Ну, к этому дяденьке у меня особый счёт. Это ведь он в кошачьем облике гонялся за мной ещё на Земле, и он же, как

сказал Хрум, организовал похищение Шепотка. "Встречу — обязательно оторву ему голову" — подумала я, хотя прекрасно понимала, что при встрече с этим черномагом всё будет с точностью до наоборот: не я ему оторву голову, а он мне свернёт шею как цыплёнку. Но можно хотя бы помечтать, верно?

Не дойдя до моста с полсотни шагов, Утопалла остановилась.

— Мы пришли, — сказала она просто и буднично. — Дальше ты пойдёшь одна, Аллина. Вы пойдёте, — она бросила взгляд на нахохлившуюся прапрапра. — Прощай, сестра, — удачи тебе в твоём деле!

— Прощай, Утопалла, — ответила я немного севшим голосом.

Хозяйка клана повернулась и пошла прочь, за ней двинулись остальные нимфы. Мои "сёстры" шли через площадь гибкой змеиной походкой чёрных нимф, не оборачиваясь, а я вдруг сообразила, что не сказала им всем "спасибо" за то, что они помогли мне добраться до Сердца Тьмы. Да, среди тёмных не принято благодарить (а я хорошо вошла в роль темной эххийки, истинной чёрной нимфы), но мне было как-то неловко: ведь Утопалла пожелала мне удачи, даже не подозревая, в чём именно состоит моё дело, — пожелала просто так, от души.

* * *

Перед мостом-языком уже образовалась небольшая очередь: дефицита в желающих добиться ласк Владыки не наблюдалось, а "чёрные кобольды" пропускали претенденток по одной. За мостом соискательниц ждали черномаги, осуществлявшие типа магический фейс-контроль. Их было шестеро, и смотрели они девушек не только глазами, но и чарами. "Вот оно, — подумала я, холодея. — Ну, Алинка, держись…".

Очередь двигалась быстро — трёхрукие вахтёры работали в темпе. Ведьмина внучка, следовавшая за мной собачонкой, только жалобно пискнула, когда кобольд властным жестом отлепил её от меня. Я шагнула на мост, повторяя про себя: "Я чёрная нимфа, я чёрная нимфа, я чёрная нимфа…".

Меня окатила волна магии — я почувствовала её всеми нервами. Ощущение мерзкое, доложу я вам: словно стоишь голая на сцене в ярком свете прожекторов, а тебя в это время разглядывает тысячная толпа зрителей. Сканирование длилось целую вечность — я уже ждала сковывающего заклятья или холодного лезвия меча, приставленного к моей шее, но вместо этого услышала бесстрастное:

— Проходи, нимфа.

Ещё не веря в удачу, я сделала несколько шагов вперёд. "Пасть многоножки" — дверь во дворец — как-то не располагала к ответному тёплому чувству, и я шла медленно, силясь унять бешено стучащее сердце. Возле самого входа меня торопливой рысцой догнала прапра, и хотя она мне была, по большому счёту, никто и звать никак, появление ведьминой внучки обрадовало — вдвоём всё-таки веселее.

Провожатых не наблюдалось, и я немного задёргалась — как бы не заплутать, — но всё оказалось очень просто: перед нами открылся единственный длинный коридор, освещённый голубыми магическими факелами. Коридор вёл куда-то вправо, и свернуть было некуда: все попадавшиеся по пути двери были заперты, и возле них на страже стояли всё те же угрюмые "чёрные кобольды" в полном вооружении. Понятно — его тёмному величеству и нафиг не надо, чтобы его любознательные как бы невесты безнадзорно шарахались по всему дворцу.

Короче, мы не заблудились: коридор вскоре окончился просторным залом — кастинг-холл называется. Я осмотрелась.

Народу — тьма-тьмущая (штук пятьсот, если не больше). Весь цветник всех тёмных эххийских рас — букет цветущих прерий называется. Кого тут только не было: молоденькие орчанки в типа халатах, наброшенных поверх бикини; ведьмы (древесные, горные, снежные и прочие) в экзотических нарядах (как очень скоро выяснилось, прикид "огрызка Обгрызлы" был ещё не самым экстравагантным — теперь понятно, почему охранники у ворот не впали в экстаз при виде ведьминой внучки); аристократически бледные вампирессы в чёрном (что, кстати, зачастую действует на мужиков куда круче, чем обнажёнка); дочки-внучки колдунов, одетые кто во что горазд (лишь бы выделиться из толпы), но с непременными магическими побрякушками на запястьях и на шее; гумки — эти или косили под других тёмных эххиек, или, наоборот, изображали из себя чуть ли не монашескую невинность. Хотя нет, кое-кого тут всё же не было — например, троллъчих или огрих (Вам-Кир-Дык, похоже, всё-таки был в какой-то степени эххом с нормальной ориентацией и не страдал абсолютной всеядностью в отношении женщин). Не заметила я и других нимф — кажется, я была здесь единственной представительницей этого роду-племени. Это вообще-то плюс — так я буду заметнее.

Интерьер зала был прост и предельно функционален: голые стены с факелами, пол типа линолеум, одна дверь (вход, он же выход), окон нет, стульев тоже — народ стоит стоя. Только напротив двери, на как бы подиуме, я заметила четыре кресла,

причём занятых — там сидели четыре сумрачных типа. Они чем-то напоминали почтенных архимагов Шумву-шаха, только те были белыми, а эти — чёрными. Эти мрачные личности сидели неподвижно, с каменными мордами, и смотрели в зал так, словно там никого не было.

— Хм, — подумала я вслух, — и когда же начнётся концерт?

— Ещё не все собрались, — затараторила прапрапра, радуясь возможности пообщаться с неприступной мной (помнит, зараза, кому и чем обязана). — Вот когда все соберутся, тогда и начнут. Осмотрят всех, кто сюда попал, даже не сомневайся.

— А ты откуда знаешь? — я немного удивилась. — Ты же вроде здесь никогда не была?

— А мне бабушка говорила, — охотно пояснила ведьмочка, опуская многочисленные пра-пра-пра, — она бывала при дворе Владыки и видела праздники невест, и не один раз. А потом она рассказывала мне, и даже показывала — видениями.

— Угу, — я кивнула, — значит, ты в курсе. И надолго всё это затянется? А то неплохо бы и поесть — после завтрака прошло уже часа три, не меньше.

— Да по-разному — когда как. Но к полудню Владыка обычно уже делает свой выбор.

— А он сам-то здесь будет?

— Опосредованно, — ведьмина внучка заговорщицки подмигнула, — в виде копии. Он раньше присутствовал во плоти, пока как-то раз какая-то сумасшедшая гумка не метнула в него зачарованный нож. Вот с тех пор…

— Круто! — восхитилась я. — Брачные игры для настоящих мужчин — с риском для жизни. Послушай, словоохотливая, раз ты такая знающая, тогда скажи: а кто эти мальчики в креслах? Типа жюри, да?

— Это не мальчики, — девчонка посмотрела на меня с испугом и даже перешла на шёпот, — это лучшие маги Владыки: Черномор, Чернолес, Черногор, Чернодыр. Они…

— Стоп! Чернодыр — это который из них?

— Вон тот, — ведьмочка дёрнула остреньким подбородком, — крайний справа.

Я пригляделась. Зрение у меня хорошее, света в зале хватало, и стояли мы недалеко, так что я смогла разглядеть Чернодыра довольно подробно. Коротко говоря, это был Кощей Бессмертный, только не пенсионного возраста, как в русских сказках, а в расцвете сил. "Так вот ты каков, вражина, — подумала я, заметив на бледной щеке мага длинный свежий рубец, — жаль, что Хрум тебя не замочил. Хотя отметочку он тебе оставил — клюв у вороны тоже был острым. Погоди, гад, мы ещё с тобой

сочтёмся…".

Мои мстительные размышления прервал густой тягучий звук, похожий на звук гонга.

— Начинается… — шепнула ведьмина внучка.

* * *

На стене над головами сидевших истуканами черномагов появилось бледно-голубое свечение. Затем свечение неспешно сползлось в световое пятно, пятно сгустилось и приняло форму человеческой фигуры. Ещё немного — и перед восхищёнными взорами претенденток на стене во всей красе проявился их потенциальный жених: Вам-Кир-Дык, Чёрный Владыка, повелитель и потрясатель, и прочая, и прочая. Точнее, это была его очень точная фантомная копия, неотличимая от оригинала, и к тому же неуязвимая для зачарованных ножей, стрел и тому подобных острых предметов, вредных для телесного здоровья. Дубликат сполз по стене вниз, отделился от неё, подошёл к краю сцены и встал там в непринуждённой позе, скрестив руки на груди. По кастинг-холлу пронёсся восторженный вздох.

"Интересно, — подумала я, — а на брачное ложе он тоже пошлёт свою копию? Так сказать, из соображений безопасности: а вдруг какая-нибудь психопатка надумает ткнуть молодого мужа отравленной шпилькой? Да, трудно быть королём на Территории Тьмы…".

Впрочем, на данном этапе для соискательниц места в гареме было вполне достаточно и ксерокопии Владыки — типа его рекламного проспекта. Товар видите? Видим. Устраивает? Если устраивает, поехали дальше, а кто разочарован — выход вон там. Похоже на Интернет-знакомство, кстати, — там ведь тоже начинают с предъявления фото. Но в Интернете можно и лохануться, а тут всё чин-чинарём — ведь эххи (даже тёмные) не врут.

Разочарованных не было. Во-первых, подавляющее большинство присутствовавших в зале эххиек были загодя согласны даже на чёрного ракопаука в шерсти (желательно только мужского пола) вместо сухощавого темноволосого мужчины средних лет, каким предстал перед ними Вам-Кир-Дык в своей обычной ипостаси (тут, как говорится, о любви ни слова — не за этим пришли); а во-вторых — в своём гумском обличии Владыка выглядел очень даже прилично: мужик как мужик, всё при всём.

Вам-Кир-Дык-копия не стал баловать (или мучить — это как

посмотреть) аудиторию долгими речами. Он вообще не сказал ни слова (а чего тут говорить — и так всё ясно) — он просто поднял вверх правую руку ладонью вперёд.

Из ладони Владыки выхлестнул тонкий розовый луч типа лазерного. Нет, Владыка не собирался делать жаркое из кандидаток в жёны — луч был чем-то вроде магического сканера (это мне тут же объяснила на ухо моя хорошо осведомлённая ведьмина внучка), с помощью которого его тёмное величество осуществлял свой выбор. И верно, не ходить же ему по залу, набитому сотнями и сотнями девушек, и не разглядывать в упор каждую — ноги сотрёшь по самое это самое, да и глаза устанут. А так — рассматривай любую, под любым углом, при любом увеличении, во всех ракурсах, и всё это не сходя с места. Не знаю, как там проходил отборочный тур у Шумву-шаха (если вы помните, я тогда сразу вышла в финал, без всякого первого тура), а у Вам-Кир-Дыка — удобно, блин, ничего не скажешь (естественно, для него, поганца, а не для бедных невест, играющих в этом шоу роль мух под микроскопом).

Луч проворно сновал по всему залу, цепляя то одну, то другую девушку, и всякий раз запятнанные розовым зайчиком замирали: неужели я? Но нет, лучик равнодушно скользил дальше, оставляя за собой разочарованные вздохи и разбитые девичьи надежды.

Первой выбранной оказалась молоденькая гоблинка. Ничего девочка, хотя, конечно, на любителя: скуластенькая, крепенькая, раскосенькая, с чёрными жёсткими волосами, в коротенькой кожаной юбке с бахромой (не уверена, но, по-моему, под юбкой у ней ничего больше не было). Гоблинку немножко портило обилие пирсинга и кокетливо выкрашенные в красный цвет кончики клыков, оттопыривавших верхнюю губу, а так — экологически чистое дитя природы называется. Луч-поисковик замер на ней секунд на пять, не больше, а потом раздался гонг — типа, нашёл. Счастливая избранница широко улыбнулась и пошла по лучу к подиуму, задрав приплюснутый носик, украшенный медным кольцом. Ей давали дорогу, однако на лицах у многих яснее ясного читалось: "Ну надо же — кто бы мог подумать! Вкусы Владыки неисповедимы…". Один из магов (кажется, Чернолес) встал с кресла и встретил гоблинку у края сцены. Раздался мелодичный звук (не гонга), и в стене открылся светящийся проём, в котором тут же исчезли черномаг и первая невеста дня.

И почти сразу же определилась невеста номер два — ею оказалась высокая вампиресса с осиной талией и крутыми бёдрами. Эта шла к подиуму с ледяной улыбкой на тонких губах и с гордо поднятой головой — типа, "А вы что, сомневались?".

Перед ней тоже расступались, но провожали уже не удивлёнными, а завистливо-неприязненными взглядами, на которые эффектная кровососка обращала ноль внимания. Вампирша плавно скользнула по нити луча к подиуму, там её встретил другой черномаг, и они точно так же исчезли в стенном проёме, открывшемся перед ними и тут же сомкнувшемся за их спинами.

Затем наступила пауза — розовый лучик скакал по залу, перепрыгивая с одной девицы на другую, но ни на ком не задерживаясь, хотя почти весь кастинг-холл был уже прочёсан. Пауза несколько затянулась — ведьмина внучка даже успела мне объяснить, что за один сеанс Владыка выбирает четырёх жён, поэтому и магов на сцене четверо, — а потом в третий раз прозвучал гонг.

На этот раз выбор Владыки пал на ведьму — на городскую, или уличную, — рыжую и предельно наглую (сходу видно) особу. Так, а вот это типаж уже знакомый — у нас (в смысле, на Земле) такие тоже водятся, только там их иногда называют офисными. Эти особи помимо врождённой хамоватости и ограниченных умственных способностей обладают ещё целым набором милых черт характера, среди которых основное место занимает резкое — не в разы, а на порядки, — различие между самооценкой и реальной ценностью данной особы. Офисные ведьмы (рыжие, хотя часто встречаются и блондинки) глубоко убеждены, что весь мир им очень крупно задолжал, и тот факт, что он (то есть мир) почему-то не спешит выплатить этот долг с процентами, приводит офисных ведьм в состояние неконтролируемого бешенства, чреватого непредсказуемыми поступками — от склок на рабочем месте и увода из семейного стойла чужих мужей до многоходовых интриг и подделки финансовой отчётности с целью вызвать банкротство фирмы, в которой как бы работает такая ведьма.

Рыжая ведьма не шла по лучу — она словно наматывала розовую нить на себя, грубо и властно. Ей тоже давали дорогу к сцене, но она нарочито распихивала локтями всех, кто не успевал отойти на безопасное расстояние с трассы её движения. "Наверно, — подумала я, — для Вам-Кир-Дыка такие дамочки — это что-то вроде специй, чтоб не так пресно было жить. У него не забалуешь — мигом отправит в вольер к летучим гидрам, прямо из опочивальни. Хотя ещё неизвестно, что случится раньше — он успеет спровадить рыжую ведьму из рода stervis vulgaris туда, где ей и положено быть, или она успеет довести его до инсульта. Большого риска эхх этот наш Владыка…".

Довести до конца мои типа философские рассуждения мне не удалось. Луч коснулся меня, замер и тут же прозвучал заветный гонг — я невольно вздрогнула. Луч ощутимо тянул меня к

подиуму, и я пошла, подчиняясь этому световому аркану и слыша за спиной шипение рассерженной ведьминой внучки, имя которой я так и не узнала. Не обессудь, девушка, я тут не при чём. Я обещала довести тебя до дворца, и я своё обещание выполнила, а что касается выбора Владыки — тут уж ты меня извини. Моя совесть чиста, а тебе повезёт в другой раз — может быть.

* * *

Я почти не удивилась, когда у подиума меня встретил Чернодыр — именно он остался последним из четвёрки магов, наблюдавших за ходом церемонии выбора жён. На меня он глянул индифферентно, чуть шевельнул рукой, открывая проход в стене, и прошелестел, не размыкая своих тонких бескровных губ:

— Иди за мной, избранная.

"Хм, — подумала я, шагнув вслед за ним в светящийся овал. — Избранная — пять лет назад я описалась бы от восторга, услышав о себе такое, а сейчас…".

Мы поднимались по спиральной каменной лестнице. Маг шёл впереди, я видела его бритый затылок, похожий в голубом свете магических факелов (что тут у них, везде такое освещение?) на затылок зомби, и поймала себя на мысли: а не всадить ли мне в этот затылок "меч-молнию" или "смерть-птичку"? Нельзя — я пришла сюда не за этим, месть подождёт. А потом я вдруг испугалась — а ну как эта тёмная сволочь читает мои мысли? — и заставила себя думать о чём-нибудь другом, более подходящем для невесты Чёрного Владыки.

Итак, я опять невеста короля, на сей раз тёмного. Невеста — да нет, считай, уже жена. Интересно, какие-нибудь дополнительные брачные обряды здесь предусмотрены, или меня сразу потянут в койку? Помнится, дракон Костя долго не рассусоливал, раз — и на матрас. А в койку-то мне не хочется — я люблю Хрума и не хочу ему изменять. А что делать, если по-другому не выйдет? В конце концов, пару раз — это ведь не в счёт, верно? И вообще-то интересно (можете меня презирать, но проскочила у меня в голове и такая мыслишка), каков в постели Чёрный Владыка — не зря ведь на него бабы так вешаются. Повелитель Территории Тьмы — это, конечно, звучит гордо, однако на ложе любви важны не титулы, а несколько иные достоинства. Чувство вины перед Хрумом за все эти мысли я постаралась загнать как можно глубже — если Чернодыр меня читает, пусть видит, что чёрная нимфа думает только о

предстоящем ей сексе с Владыкой (вполне нормально для новобрачной), и ни о чём другом.

Лестница привела нас в какую-то небольшую комнату без окон-дверей (вход не в счёт). Я недоумённо посмотрела по сторонам — а куда дальше-то? Чернодыр повернулся ко мне; в глазах его горел странный огонёк — я бы сказала, зловещий, — и мне стало не по себе: куда он меня привёл и зачем? Но маг лишь обронил краткое "жди, избранная" и исчез — не ушёл, а именно исчез, как сквозь камень провалился или растаял в воздухе. Я зябко повела плечами — задолбала уже эта ваша магия перемещений, — и тут где-то на самом пределе чувств я разобрала еле слышный то ли шорох, то ли шёпот, то ли слабый далёкий свет (не знаю, как сказать точнее). А когда я поняла, что значит этот отзвук, я чуть не бросилась с кулаками на каменные стены — это был голос моего сына, слабенький зов. Мой сын здесь, он где-то рядом!

— Сашенька, — прошептала я, затравленно озираясь. — Шепоток…

Стена внезапно растаяла, и хлынул свет — настоящий солнечный свет. Я зажмурилась и услышала голос — спокойный и размеренный, как у автоответчика.

— Здравствуй, Алина. Я тебя ждал, и ты пришла.

* * *

Пару шагов вперёд я сделала на автопилоте, машинально. Ослепивший меня свет лился из двух круглых окон — огромных, от пола до потолка, — за окнами сияло яркое солнце. Под ногами был узорчатый пол, типа мраморный, чёрно-бело-серый; на нём переплетались и складывались в завораживающий рисунок какие-то диковинные цветы, змеиные тела, языки чёрного пламени. Потолка и торцовых стен (в них вроде были какие-то двери) этой странно изогнутой комнаты я не разглядела — моё внимание привлёк тот, кто сидел в кресле у плавно закруглявшейся стены с окнами. В комнате больше никого — и ничего — не было, и я логично предположила, что это он назвал меня моим настоящим именем. Я не сразу проморгалась после синей полутьмы винтовой лестницы и не сразу разглядела, кто там сидит, а когда разглядела, то шарахнулась назад и больно ударилась спиной о выпуклый камень глухой стены — проход исчез, затянулся, зарос бесследно. Я стояла, не в силах отойти от этой стены и не в силах оторвать взгляд от тёмной фигуры в кресле, стоявшем между круглых окон. И я думаю, вы бы меня поняли, потому что там

сидел Вам-Кир-Дык, Чёрный Владыка, король Полуночной стороны Эххленда. Я сразу узнала Владыку — оригинал его тёмного величества (а в том, что передо мной оригинал, я нисколько не сомневалась) ничем не отличался от его копии, на которую я достаточно нагляделась внизу, в зале невест.

При виде моего испуганного прыжка назад Вам-Кир-Дык скрипуче рассмеялся.

— Я тебе так неприятен? — проговорил он нормальным человеческим голосом. — Но ты же сама искала со мной встречи, и даже хотела стать моей женой — ты ведь сама пришла на смотрины! Твоё желание исполнилось — я тебя выбрал, и ты теперь моя жена. О будущем нашем счастливом браке, — тёмный король сделал ударение на слове "счастливом", — мы ещё с тобой поговорим, но только чуть позже: сейчас нам надо выяснить более важный вопрос.

Я молчала. Мои мысли скакали, как белки на лесном пожаре. Неужели это всё? Как глупо… Пройти всю страну, войти во дворец, и сразу вляпаться… И что теперь будет с моим Сашенькой?

— Меня потрясает твоя наивность, Алина. Ты же вроде неглупа — неужели ты всерьёз надеялась обвести вокруг пальца моих искусных магов, специалистов своего дела, и самого меня? Неужели ты думала, что твоих ничтожных магических умений хватит, чтобы бороться со мной, с Чёрным Владыкой? Необыкновенное самомнение или обыкновенная глупость, землянка. Тебя раскусил ещё барон де Фолт, а маги при входе во дворец подтвердили твою сущность, фальшивая нимфа. Тебя узнали, Алина, но ты шла туда, куда нужно было мне, и поэтому тебя не стали задерживать — зачем портить праздник невест?

Я подавлено молчала.

— Сделали тебя неплохо, — Чёрный скользнул взглядом по моему костюму, — отдадим должное этой искуснице-предательнице, до которой я ещё доберусь. Но мне хочется видеть тебя в другой одежде, которая тебе больше к лицу.

Вам-Кир-Дык не махал руками и не доставал никаких магических приспособлений, но мой нимфийский наряд лопнул, словно настоящая сухая змеиная кожа во время линьки, и осыпался к моим ногам; по полу запрыгали вывалившиеся из пояса пузырьки со снадобьями, заботливо приготовленными для меня Нивеей. "Неужели он собирается меня насиловать?" — испугалась я, оставшись совершенно голой и судорожно прикрываясь руками.

— Женщины всегда думают об одном, — Владыка скривился, его крючковатый нос при этом повело куда-то вбок. — Нет, я не

собираюсь трахать тебя прямо тут, хотя ты теперь моя жена, — делу время, потехе час. Я просто тебя переодену — я так хочу.

И мое тело стремительно облекло тонкое бельё и эххийский брючный костюм — такой же, в каком я гуляла по Ликатесу, причём как на меня шитый. "Вот это магия, — подумала я с невольным восхищением. — Это тебе не дырки штопать!".

— Вот так лучше, — Вам-Кир-Дык удовлетворённо оглядел меня с ног до головы. — А теперь к делу, Алина. Поговорим?

— Я ни о чём не буду с тобой говорить, — выпалила я со смелостью отчаяния, — пока не увижу своего сына! Где он? Куда вы его дели? Он здесь, я его слышала!

— Увидеть? — Владыка на долю секунды задумался. — Это можно. Но только придётся принять кое-какие меры предосторожности — ты уж меня извини.

Вокруг меня в воздухе возникла светящаяся дымка. Я осторожно протянула руку — под пальцами спружинила невидимая упругая плёнка. А потом из бесшумно распахнувшейся двери в торцовой стене выплыл прозрачный шар, внутри которого на стульчике сидел Саша. Он был в той самой одежде, которую подобрал ему Причесах; Шепоток был очень бледный и какой-то странный, как будто сонный. Он смотрел на меня и словно сквозь меня, не видя и не узнавая.

— Сашенька! — я бросилась к нему, но тугая плёнка отбросила меня назад — мягко, но неумолимо.

— Не дёргайся, — холодно сказал Вам-Кир-Дык, — это бесполезно.

— Что вы с ним сделали, сволочи? — голос у меня сорвался на всхлип.

— Не волнуйся, он жив и здоров — это действительно твой сын, а не его копия.

Да, это действительно был он, мой Сашуля, я видела это без всякой магии — сердцем. Но что с ним такое? Неужели они накачали его какой-нибудь дрянью?

— Он цел и невредим, — повторил Владыка. — Твой сын слишком ценен, ему никто не причинит вреда, пока он может быть нам полезен. И вот тут-то… Ты всё ещё не догадалась, почему ты сюда дошла, и почему я тебя ждал?

Я уже кое о чём догадывалась (не полная дура), но молчала, как партизан на допросе, — пусть сам скажет, гадина.

— Ты наверняка уже знаешь, зачем мне понадобился твой сын, — Чёрный посмотрел на Шепотка, неподвижно сидевшего в своём стеклянном шаре, потом снова перевёл взгляд на меня. — Да, именно так: твой сын — это волшебный мост между Мирами. Он вымостит нам дорогу, по которой мы пойдём завоевывать

новые Миры. И первой нашей целью будет Земля — твой бывший мир, Алина. Мы проигрываем войну здесь, в Эххленде, и для нас захватить какой-нибудь параллельный мир — это вопрос жизни и смерти, а бороться за жизнь мы будем до конца. Мы ведь тоже не хотим умирать, землянка, хоть и несём с собой разрушение и смерть. Твой сын обладает уникальным даром — нам даже пришлось его полуусыпить, чтобы он, зовя маму, не разнёс по камушкам весь мой дворец, — и он может стать для нас, тёмных эххов, спасением. Но твой Саша оказался маленьким, но крепким орешком: он не хочет нам помогать, а заставить его мы не можем — не удивляйся, даже могучие маги не всесильны. Твой сын, Алина, слишком светлый — он не приемлет Тьму. А вот ты…

Я уже догадалась, к чему он клонит, и мне стало тошно.

— Совершенно верно, — Чёрный Владыка и не собирался скрывать, что читает мои мысли. — Нам поможешь ты — ведь это твой сын, он тебя любит, и он тебе верит. Ты, Алина, склонишь его на нашу сторону — время у тебя есть. Лет пять мы здесь ещё продержимся, а там он подрастёт, войдёт в силу, и тогда…

— А если я откажусь?

— Я знал, что ты это скажешь, — голос Вам-Кир-Дыка звучал бесстрастно. — И поэтому я говорю: у тебя есть выбор. Или ты добровольно переходишь на нашу сторону и помогаешь нам вырастить твоего сына таким, каким нужно, или ты просто умрёшь. То есть не просто, а сложно умрёшь, землянка. И это ещё не всё: в случае твоего отказа сначала умрёт твой сын — умрёт у тебя на глазах, умрёт долгой и мучительной смертью. Мне будет жаль выжигать его мозг, но и умирать в одиночку мне не хочется. Вот поэтому я тебя ждал, и поэтому ты здесь, Алина.

В глазах Чёрного не было ни злобы, ни гнева — в них вообще не было ничего, кроме тёмной пустоты, — но меня охватил леденящий ужас: так страшно мне не было даже тогда, когда зубы дракона Кости щёлкали в метре от моего лица. Я впервые видела настоящее зло, Зло воплощённое, — куда там картонным Тёмным Властелинам из бесчисленных фэнтези, не знающим даже, на кой хрен им сдалась пресловутая власть над миром. А вот у этого Зла, стоявшего передо мной в облике хищнолицего мужчины, одетого в чёрное, цель была. Зло, маячившееся за спиной Вам-Кир-Дыка, разрушало само по себе — оно не могло не разрушать, как огонь не может не сжигать, вода не может не затоплять, а ветер не может не дуть. И это Зло невозможно ни уговорить, ни соблазнить, ни купить — его можно только уничтожить. Но у меня не было сил это сделать, и я мысленно закричала, взывая к Хруму, к кому угодно, ко всему Эххленду: "По-мо-ги-те-е-е-е! Остановите это Зло, не дайте ему убить моего сына, а потом

поползти дальше, убивая и разрушая всё на своём пути!".

А Вам-Кир-Дык встал и подошёл ко мне. Он уже не был бесстрастным — в его глазах ярилось тёмное злое пламя.

— Решай! — прогремел он. — Решай быстро, здесь и сейчас, — нет у тебя времени для долгих раздумий! Решай, землянка, или…

С этими словами Чёрный Владыка протянул ко мне руку, согнутые пальцы которой походили на когти, и… замер. Замер с полуоткрытым ртом, а его горящие глаза остекленели.

* * *

Сторожившая меня невидимая плёнка исчезла.

Я не стала разбираться, почему это произошло, как не стала и ломать себе голову над вопросом, с какого это перепугу Чёрный решил поиграть в детскую игру "морская фигура, замри!", — я опрометью бросилась к прозрачному пузырю, внутри которого смирно сидел Шепоток.

Поверхность шара была твёрдой, как стекло. Разбить? А чем? И если это типа стекло, то не поранят ли осколки Сашеньку? Нет, лучше, наверное, проколоть. Никаких острых предметов под рукой не было, но я всё ещё оставалась чёрной нимфой Аллиной, пусть даже переодетой в другую одёжку, да и герцогиня де Ликатес кое-что соображала в магии. Когти? А может, молоток? Нет, когти — тяжёлые, острые, сильные когти крупной хищной птицы.

И на моих пальцах сформировались когти — именно такие, какими я их представила. Оболочка захрустела, прогнулась, подалась. Поблёскивающие воронёным металлом острые кончики когтей моей правой руки прокололи преграду — это было не стекло, а что-то вроде толстого и прочного пластика. И гибкого — шар немного смялся, уступая нажиму моих ладоней. Сейчас, сейчас…

— Превосходно! — раздалось за моей спиной. — Но несвоевременно: наш разговор ещё не окончен, леди.

"Кир-Дык очухался!" — мелькнуло у меня в голове. Голос, правда, был другой — не сочный баритон Владыки, а ноющий фальцет певца мальчиковой группы "Поющие вирусы", но что стоит магу, с легкостью меняющему внешность, подредактировать голос?

Я резко обернулась, выставив вперёд когти.

Нет, Вам-Кир-Дык, слава Творцу Вселенной, стоял в той же позе, зато рядом с ним нарисовался другой субъект. Это был

Чернодыр — его лысый череп с оттопыренными ушами и меченую шрамом морду я узнала сразу. Он тоже был в чёрном — форма называется. Давно не виделись, аспид, — я по тебе смертельно соскучилась, Кощей недорезанный.

— А тебе чего надо? — прошипела я, приседая, как кошка перед прыжком. Я не стала заниматься сравнительным анализом наших с ним магических возможностей — я готова была вцепиться всеми десятью в бледное лицо черномага.

— Тихо, тихо, Алина, — маг предостерегающе поднял руку, — не надо царапаться — я же не кусаюсь. Прежде всего, я хочу выразить тебе мою искреннюю благодарность — ты мне очень помогла.

"Если это прикол, — подумала я, — то я не въезжаю. Какая ещё благодарность?".

— Искренняя (так, этот бледный тоже меня читает). Чёрный Владыка, — маг посмотрел на Вам-Кир-Дыка, застывшего с протянутой рукой, — был очень осторожен. Он никогда не расслаблялся, но тут, когда появилась ты, а с тобой — реальная возможность наконец-то осуществить его далеко идущие планы, он увлёкся и утратил свою вечную настороженность. И не утратил даже, а лишь ослабил внимание — чуть-чуть. И мне этого хватило — я сильный чародей, — Чернодыр самодовольно поджал губы. — Всего одно заклятье, но именно тогда, когда оно могло достичь цели, — и трон мой!

"Не, я не догоняю, — обречённо подумала я. — Бред какой-то — или я туплю, или одно из двух".

— Ты всё ещё не понимаешь? — Чернодыр обозначил на своей холщовой физиономии лёгкое удивление. — А ведь всё очень просто: король умер — да здравствует король! Вам-Кир-Дыка больше нет — есть новый Чёрный Владыка Всем-Кир-Дык, то есть я.

Так, кое-что прояснилось. Знаем мы эти штучки — дворцовый переворот называется. Ну да, конечно, рано или поздно одна из попыток приближённых Владыки свергнуть своего повелителя-потрясателя должна была увенчаться успехом — теория вероятности называется. Вот и увенчалась, и я этому поспособствовала. Отрадно, спорить не буду, — Кир-Дык мне не друг и не родственник, а совсем наоборот, — но что дальше?

— А вот это уже зависит только от тебя, Алина, — ласково проговорил маг, изображая доброго следователя по контрасту со следователем злым, который уже вышел из игры. — Для тебя ничего не изменилось, землянка, — Всем-Кир-Дыку твой сын нужен точно так же, как он был нужен Вам-Кир-Дыку. Поняла? И убери свои когти, иначе я тебя свяжу — так, на всякий случай.

Чего уж тут не понять — я и блондинкой дурой не была, а сейчас я брюнетка. А когти мои уже исчезли и без моего вмешательства — Чернодыр решил не ограничиваться устным предупреждением.

— Вам-Кир-Дык необратимо мёртв, — голос Чернодыра полнило торжество, — а Всем-Кир-Дык пойдёт дальше! Смотри, землянка, — он широким жестом показал на окно, — вот так берут власть на Территории Тьмы!

Невольно повинуясь властному голосу новоявленного Владыки, я приблизилась к окну.

Город горел в нескольких местах, чёрные столбы дыма смерчами поднимались вверх. А на улицах Сердца Тьмы шла большая драка — "чёрные кобольды" резались с полчищами зомби. Звуков боя не было слышно, но даже немое кино впечатляло: площадь перед дворцом была усыпана изуродованными телами и кусками тел — кобольды работали мечами в режиме ветряных мельниц, но зомби продолжали драться, даже потеряв половину туловища. И они постепенно брали верх — гвардейцев оттесняли к стенам "многоножки".

Наблюдая эту батальную сцену, я заодно поняла, что нахожусь в куполе дворца — за окном был широкий балкон с резными каменными перилами, а за ними на крыше дворца торчали башенки-шпили. Башенки — и среди них телепорт-башня! Дело за малым — сгрести в охапку сына, вышибить окно, перемахнуть через перила — и бегом к башне. А там… Но в комнате был ещё и Чернодыр, он же Всем-Кир-Дык, и он наверняка будет против.

— Я всё продумал, — продолжал между тем нью-Владыка. — О твоём появлении мне — мне, а не королю, — сообщил мессир де Фолт. А я, как верный слуга его величества, доложил об этом Вам-Кир-Дыку. Но не сразу — я предвидел его реакцию на твоё появление и заранее приказал лорду Даркнессу поднять полки живых трупов, готовившиеся к отправке на фронт, и немедленно двинуть их в столицу. У Вам-Кир-Дыка были сторонники — сейчас они стали моими конкурентами в борьбе за трон, — и мне требовались тысячи нерассуждающих солдат, покорных моей воле. Но мессир не оправдал моих надежд, — маг сделал скорбное лицо, — он попросил отсрочки до утра: у него, видите ли, появилась молодая жена (я сразу поняла, о ком идёт речь). Пришлось послать к нему "птицу смерти" — не время думать о любовных утехах, когда идёт спор о власти, — а войско мёртвых привёл в Сердце Тьмы новый барон де Фолт. Впрочем, этого мессира мне всё равно пришлось бы убирать — он возомнил себя повелителем зомби и мог стать опасным. А дальше — дальше всё

шло по плану: ты попала к Владыке — я сам тебя к нему привёл, — он принялся тебя убеждать, а я выждал момент и ударил быстро и безошибочно. Вам-Кир-Дык думал, что всё предусмотрел — магическая защита над дворцом не снимается ни днём, ни ночью, а вокруг купола она ещё и усиленная, — но я оказался хитрее. Здорово у меня вышло, правда?

Он подошёл к статуе бывшего Владыки и постучал ей по лбу согнутым пальцем — звук был деревянный.

— Ну как живой! — весело сказал черномаг, любовно оглядывая дело своих чар. — Я мог бы его сжечь, но я его сохраню. Зачем? А вот зачем.

С этими словами он отломил Вам-Кир-Дыку палец (раздался хруст), сунул его в рот и разжевал; по кадыкастому горлу прошло глотательное движение — меня чуть не вырвало.

— Древние эххи, жившие в пещерах, практиковали священный каннибализм, — пояснил маг, вытирая губы, — как ритуал отнятия жизненной силы у побеждённого врага. Хороший обычай — у предков есть чему поучиться. Тебе не предлагаю — рано. Вот когда ты станешь Царицей Тьмы…

— А с чего ты взял, что я ею стану? — спросила я хрипло (от такого зрелища вообще можно лишиться голоса).

— А у тебя нет другого выхода! — жизнерадостно сообщил Всем-Кир-Дык. — Ты же умная женщина, землянка, я знаю. Когда ты попала к нам в первый раз, ты мечтала о власти, и я не верю, что с тех пор ты так сильно изменилась, что перестала о ней мечтать. И я тебе предлагаю эту власть — власть не над каким-то крошечным герцогством, а власть над Миром, больше того — над многими Мирами! Чего тебе ещё нужно? Ты станешь моей женой, причём единственной — я не слишком увлекаюсь любовными игрищами, магонаучные изыскания для меня куда интереснее, и мне вполне хватит одной темпераментной тебя. А твой сын, когда вырастет, станет наследником трона Владыки Миров — в этом я могу дать тебе своё слово. Кто может предложить тебе больше, дочь Третьей планеты системы Жёлтой звезды?

Я ошеломлённо молчала — голос Чёрного Владыки завораживал.

— Может быть, ты боишься, что светлые возьмут верх, и ты останешься ни с чем? Зря боишься. Посмотри вон туда, — Чернодыр вытянул руку, — видишь мою Пирамиду?

Я молча кивнула.

— Ты думаешь, это святилище Бога Хаоса? Ерунда — Бога Хаоса нет, потому что Хаос бесструктурен, это полное ничто. На самом деле Пирамида — это моё непобедимое оружие и моя тайна. — Чернодыр обдал меня взглядом, способным заморозить

птицу в полёте, — типа, стоит ли открывать девчонке эту тайну? — и продолжал:

— Мои коллеги чересчур консервативны: Черномор пытается приручить кракенов, Чернолес — оживить деревья и послать их на светлых (тут я почему-то вспомнила Урфина Джюса с его дуболомами), Черногор возится с тварями Пустоши, и только я нашёл путь к истинному могуществу. Тебе известно, что ману нельзя хранить, как нельзя сохранить живое дыхание, но мне удалось решить эту задачу. Я — только я один! — знаю, как хранить ману неопределённо долгое время. Решение оказалось простым — ману можно хранить, но только в том случае, если тот, кто её сгенерировал, перестанет жить. В Пирамиде за сто лет умерли мучительной смертью миллионы эххов, а вся их мана влилась в хранилище. Пирамида — это гигантский аккумулятор маны, и хозяин его — я. Накопленной маной можно зарядить сотни мощных энергетических бомб, каждой из которых достаточно, чтобы уничтожить целое войско или разрушить Камерон. И я смету и разрушу — я не уступлю Шумву-шаху Эххленд, как это собирался сделать мой недалёкий предшественник, — он презрительно посмотрел на законсервированный труп Вам-Кир-Дыка. — И меня не остановит никто и ничто — наши маги-монстрологи сумели увеличить высоту полёта гидр и наделили новые их образцы ночным зрением. На Полуденную сторону падёт смерть с ночного неба, — выкрикнул Чернодыр, — я сказал! А потом — потом я пойду дальше, пойду покорять иные Миры! Мы пойдём — с тобой, Алина.

Я молчала, не зная, что сказать этому эххоеду с замашками вселенского Чингис-хана.

— Ну, что скажешь? — спросил черномаг уже своим обычным фальцетом.

— А пошёл ты… — выдохнула я, с трудом разлепив запёкшиеся губы. — Завоеватель хренов — мало тебе крови? Бери меч, и иди вон туда, на улицу, — там её вволю, пей!

— Я не хотел тебе угрожать, — глаза Всем-Кир-Дыка недобро сузились. — Думаешь, почему я всё это тебе рассказал? Потому что, как пишут в ваших книжках, всё злодеи очень любят поговорить и обязательно выбалтывают свои самые страшные тайны? Действительно, я не прочь с тобой поговорить — ты отличаешься от моих сородичей хотя бы тем, что не думаешь только о том, как бы всадить в собеседника нож. Но главное: я хотел сделать тебя своей сознательной союзницей — это самое эффективное. Жаль, что это мне не удалось… Что ж, тогда мы вернёмся к тому, чем закончил наш незабвенный Вам-Кир-Дык.

С этими словами он подошёл к недоломанному мною прозрачному шару, в котором всё так же неподвижно сидел Шепоток, и вытянул правую руку. Я окаменела: в руке мага появилась пятнистая змея. Она подняла голову, уставилась на моего сына и зашипела.

Я хотела кинуться на этого маньяка, но не могла даже двинуться с места — Чернодыр выполнил своё обещание меня связать. Я почувствовала, как у меня из-под ног уходит пол.

— Последний раз спрашиваю, — Всем-Кир-Дык полуобернулся ко мне; змеиная голова покачивалась у самой стенки шара, и я была уверена — тварь иглой прошьёт оболочку, как только получить команду "Фас!", — ты со мной или нет? Что ты выбираешь, землянка?

"Сейчас я хлопнусь в обморок, — отрешённо подумала я. — Сашенька…"

Торцовую дверь рассекла пылающая черта, словно туда ударила огненная молния. Дверь раскололась надвое; её половинки с грохотом повалились на мраморный пол. И я не поверила своим глазам: на пороге стоял герцог Хрум де Ликатес с мечом в руке.

* * *

Чернодыр был законченным негодяем (кто бы сомневался), но трусом он не был, и на внезапное появление своего старого врага он среагировал со скоростью и безошибочностью компьютера. Маг не пытался прикрыться мной или Шепотком (магия бьёт со всех сторон, от неё не спрячешься за живым щитом) — Чернодыр встретил Хрума лицом к лицу, правильно рассчитав, что всё остальное подождёт.

Змея исчезла — вместо неё в руке Всем-Кир-Дыка возник чёрный меч. И в следующее мгновение этот меч скрестился с мечом де Ликатеса.

Мои колдовские способности явно возросли. Пять лет назад, у Зелёных Камней, я не различала стремительных движений рыцаря, рубившего серых гоблинов, и даже в недавнем — всего месяц назад — бою у Рощи Порталов я не видела подробностей знаменитого "танца смерти" адепта Магии Меча: обычное человеческое зрительное восприятие тормозило. Но сейчас я видела не только пляшущие размытые тени — я могла уловить детали магического поединка и даже выражение лиц непримиримых противников. К сожалению, я могла только наблюдать — сковывающее заклятье черномага работало, мне не

удалось даже пошевелиться.

Мечи обоих магов не были просто полосами заточенной стали — они были сотканы из чистой энергии. По лезвию клинка рыцаря текли потоки голубого огня, прошитые золотыми струями; меч Всем-Кир-Дыка светился багровым огнём, рвущимся из тьмы. Это было что-то — маны, пущенной в ход обоими противниками, хватило бы для освещения половины Питера в течение всей зимы.

Какое-то время эххи крестили друг друга мечами без видимого преимущества одной из сторон, однако вскоре наметился перелом — де Ликатес явно брал верх. Думаю, дело было не в том, что Хрум был искуснее — Чернодыр тоже очень ловко орудовал клинком, но мой рыцарь пришёл сюда победить или умереть, а тёмный наверняка ещё и прикидывал, нельзя ли ему как-нибудь улизнуть и вернуться с подмогой, ведь во дворце была целая куча его слуг и сторонников. И самоотверженность побеждала.

Всем-Кир-Дык раньше меня понял, что проигрывает. Тело чёрномага взвилось вверх, словно подхваченное порывом ветра, что-то полыхнуло, и в это время Хрум молниеносно взмахнул мечом — голубое лезвие превратилось в голубой веер. Я моргнула, а в следующую секунду увидела Чернодыра на полу — он лежал лицом вниз, широко раскинув руки. А я чуть не упала — ко мне вернулась способность двигаться.

Я не кинулась на шею герцогу — я бросилась к сыну. Когти выросли у меня ещё на лету, и я с бешенством вонзила их в шар. Я рвала оболочку с яростью разъярённой пантеры, и оболочка расползалась под моими когтями как гнилая ткань. Разодрав шар на клочки, я упала на колени и прижала к себе Шепотка.

— Сашенька… — прошептала я. — Сыночек…

Тельце моего сына было живым и тёплым, но магическим зрением я видела чёрную паутину, облепившую его со всех сторон. И я осторожно, самыми кончиками когтей, начала счищать с него эту гадость.

— Мама… — тихо проговорил Шепоток. — Ты… пришла…

И я заплакала, сжимая сынулю в объятьях и переливая ему свою силу, свою любовь и свою тревогу за него, за этого маленького человечка. Да, Саша станет могучим магом, когда вырастет, но сейчас он был ещё ребёнком, которого я должна была защищать.

— Не плачь, мама, — голос Шепотка стал громче и уверенней. — Пойдём домой…

"Домой, — подумала я, вытирая слёзы, — да, да, конечно, конечно домой, и как можно скорее!".

Я повернулась к Хруму — маг стоял рядом с нами. Меч в его руке был опущен, но я не сомневалась: магический клинок готов встретить любого врага. Хотя хватит уже этих врагов — пора сматываться из этого гостеприимного местечка.

— Как ты сюда попал? — спросила я. Мне ужасно хотелось обнять мужа, но я боялась, что снова разревусь, и уже надолго, и решила не рисковать.

— Через телепорт-башню, — спокойно ответил мой рыцарь. — Я услышал твой зов.

— А как же запирающее заклятье?

— Архимаги помогли, — кратко пояснил Хрум, явно не желая вдаваться в подробности. — Я потом тебе всё расскажу, а сейчас нам надо уходить. Во дворце идёт резня, слышишь?

Я прислушалась (не ушами, понятное дело) и услышала звон мечей, крики, шипение файерболов и грохот рушащихся стен — тёмные эххи развоевались между собой не на шутку, гражданская война называется.

— А эти? — спросила я, имея в виду обоих Кир-Дыков. — Они, того, не оживут?

— Они оба необратимо мертвы — посмотри сама.

Я пригляделась к трупу Чернодыра. Труп лежал странно: наполовину погрузившись в пол, как будто упал ничком в жидкую грязь, и вокруг него расплывалось огромное кровяное пятно.

— Он хотел удрать в какой-нибудь соседний Мир — это был его коронный номер. Но я поймал его на переходе — в этот момент любой маг абсолютно беззащитен.

И я поняла. Меч Хрума разрезал удиравшего Чернодыра от макушки до пяток, вдоль, по линии плеч, с той же лёгкостью, с какой ножницы режут бумагу. На полу лежала только одна спинная половина тела, поэтому и казалось, что покойник как бы зарылся в песок. Да, это круто…

— А где его вторая половина? — на всякий случай я решила уточнить.

— Точно не знаю, — рыцарь пожал плечами. — Или растворилась в Астрале, или выпала в другой мир. Его обитатели очень удивятся, если её найдут. Идём, Алина, надо спешить.

— Да, бежим, — согласилась я. — Только… Ты бы спалил эти бренные останки, я имею в виду обоих, а то вдруг какой-нибудь тёмный умелец сумеет их реанимировать. Нагляделась я на этих зомбей — гадость страшная.

Хрум спорить не стал. Он поднял клинок, с лезвия сорвалась струя голубого пламени. Огонь охватил Вам-Кир-Дыка, взметнулся к потолку, и на узорчатом мраморе пола осталась только кучка пепла. А следом за ним форсированной кремации

подвергся и Всем-Кир-Дык — обоим Чёрным Владыкам пришёл полный и окончательный кирдык.

— Вот теперь пошли, — я облегчённо вздохнула. Шепоток молчал — наверно, ещё не совсем проснулся, — я взяла его на руки, встала, и тут мой взгляд упал на Пирамиду, силуэт которой был хорошо виден за окном. Да, Пирамида — абсолютное оружие Чернодыра. Как он там сказал — "На Полуденную сторону падёт смерть с ночного неба"? А вот не бывать этому!

— Погоди-ка, Хрум, — сказала я. — Кажется, тут у нас есть ещё одно дело.

* * *

Хрум слушал меня очень внимательно.

— Думаю, Чернодыр не врал, — закончила я.

— Я тоже так думаю, — медленно проговорил рыцарь. — Мы на Полуденной стороне кое-что слышали о разработке тёмными какого-то супероружия. Значит, Чернодыру всё-таки удалось его создать… Это страшная угроза всему Эххленду, Алина, — очень страшная.

— А я о чём? Хрум, эту штуку нельзя так оставлять! Чернодыр сдох, и больше никто здесь не знает, как копить и хранить ману, но эта проклятая призма уже налита маной под пробку! Чернодыр ведь не один трудился над своим Манхэттенским проектом, и кто-нибудь из его сотрудников наверняка сумеет наполнить готовой маной магическую супербомбу — тут, как я понимаю, большого ума не надо. А сбросить её — так это вообще как два пальца об асфальт. Значит, Пирамиду надо взорвать на хрен! И все дела — новой уже не будет: некому её построить. Ты сможешь её сломать, Хрум?

— Не знаю, — задумчиво произнёс боевой маг, — надо посмотреть…

Он подошёл к окну и несколько очень долгих минут всматривался в мрачный контур Пирамиды. Тем временем шум битвы стал куда слышнее — сражение приближалось к покоям Владыки. Времени у нас оставалось всё меньше. Я занервничала.

— Трудно, — сказал он наконец, — там очень мощный защитный кокон. Не знаю, смогу ли я его пробить. И ещё одно: при разрушении Пирамиды будет очень сильный выброс энергии — такой, что от всего Сердца Тьмы не останется камня на камне. А мы почти рядом с Пирамидой.

Блин, об этом я и не подумала. Да, перспективка ещё та…

— Можно отклонить вектор выброса, — де Ликатес рассуждал вслух, — но для этого нужно столько маны, что… У меня её не хватит — наверняка.

— Возьми мою, — услышала я, и сразу даже не поняла, кто это говорит.

— Возьми мою, отец, — повторил Шепоток. Он снова стал прежним — остатки чёрной паутины бесследно исчезли. Саша обнимал меня за шею, как любой ребёнок его возраста, сидящий на руках у мамы, но взгляд его был взглядом взрослого мужчины, а голос — голосом воина перед битвой. Где-то внутри у меня запульсировал жаркий комок гордости — за него.

— Ты быстро растёшь, сынок, — очень серьёзно произнёс герцог, глядя на Шепотка с настоящим уважением. — У него столько маны, — Хрум посмотрел на меня, — Совет Чародеев в полном составе повырывал бы себе бороды от зависти.

А я уже и сама это почувствовала: на моих руках сидел кусочек солнца, истекавший энергией. Не зря черномаги его боялись — я, наверно, сгорела бы вмиг, если бы этот кусочек не звали Шепотком, если бы он не был моим сыном, и если бы он мог заставить свою ману делать то, что ему нужно, — разрушать или созидать, неважно. Пока ещё он этого не умел — ведь Сашеньке было всего четыре года.

— Давай вместе, Хрум, — сказала я, — мы ведь семья, верно?

И мой рыцарь меня понял — вот такой он у меня понятливый.

И мы начали творить наше первое семейное заклятье. Я направляла энергию Саши, готовила её (готовить обед — женское дело, ясен пень!), передавала герцогу, а он, дрожа от напряжения, лепил из неё что-то грандиозное: в воздухе медленно прорисовывалось что-то вроде гигантского призрачного меча.

— Клинок Судьбы, — хрипло пояснил де Ликатес, — такое заклинание творилось всего лишь несколько раз за всю историю Эххленда — оно требует совместных усилий сотен и даже тысяч магов. Приготовьтесь — уже скоро.

Воздух в комнате тёк горячими струями, словно подул знойный ветер, стены купола подрагивали. "Сейчас ка-а-ак…" — подумала я и услышала голос Хрума:

— Глаза! Закрой глаза, Алина! И ему, сыну, тоже!

Я поспешно прижала Шепотка к себе, лицом к груди, прикрыла его обеими руками и крепко зажмурилась.

* * *

Вспышка была ослепительной. Если бы я смотрела глазами,

инвалидность по зрению была бы мне обеспечена, и к бабке не ходи. Даже по косвенному, магическому зрительному каналу я получила такую оплеуху, что еле устояла на ногах (и то только потому, что держала Сашу и боялась его ушибить, падая на пол). Мрамор пола под моими ногами содрогнулся, как будто всю твердь Эххленда перекорёжило землетрясением огромной силы — мне даже показалось, что сейчас мы все дружно ухнем куда-нибудь в преисподнюю вместе с дворцом. Зазвенело битое стекло — окна вылетели (к счастью, нас не поцарапало — Хрум позаботился о коконе).

— Всё, — устало выдохнул де Ликатес.

Я осторожно приоткрыла глаза.

За выбитыми окнами висела багровая мгла и кружились какие-то чёрные хлопья — Хиросима называется. Пирамида исчезла, словно испарилась, а города практически не было — ударная волна смела всё, дома-башни рухнули, упали, как сбитые щелчком спичечные коробки. На руинах Сердца Тьмы бушевал сплошной пожар — горело всё, что могло и даже не могло гореть. Но дворец устоял, хоть и был рядом с эпицентром магического взрыва, и купол почти не пострадал — усиленная защита смягчила удар. И Хруму удалось "отклонить вектор выброса" — почти вся энергия Пирамиды ушла в небо, ударила вверх, как струя из откупоренной бутылки шампанского, и только малая её часть — капельки — выплеснулась в стороны. Если бы не это, на месте столицы Полуночной стороны осталась бы выжженное пятно, чёрная яма хрен знает сколько километров в диаметре, а мы бы все трое мгновенно… Меня передёрнуло.

— Мы сделали это! — выдала я с претензией на торжественность, однако этот штамп из голливудских боевиков прозвучал как-то нелепо, и я закончила почти жалобно: — Пошли отсюда, а?

— Сначала надо решить, куда идти, — отозвался Хрум.

— Как куда? — не поняла я. — В телепорт-башню, куда же ещё?

— В телепорт-башню? — Хрум криво усмехнулся. — Посмотри, Алина.

Я посмотрела, и мне резко поплохело. Крыша дворца была гладкой, как бильярдный шар или как лысый череп покойного Чернодыра — все шпили-башенки срезало как бритвой. Телепорт-башни не было — нам некуда было идти. Я выглянула на балкон — его перила кое-где были проломлены, но сам балкон не обвалился, — и осмотрела крышу ещё раз. Телепорт-башня исчезла — я увидела на её месте только одни обломки. Путь назад был отрезан.

— Что же нам теперь делать? — спросила я растеряно, но рыцарь уже пришёл в себя.

— Будем пробиваться к реке, — сказал он, вглядываясь в улицы, затянутые густым дымом. — Захватим какую-нибудь лодку и поплывём, а я попробую вызвать нам на помощь десант на грифонах. Тёмные заняты друг другом, им сейчас не до нас. И ещё этот пожар — у нас есть шанс. Но надо поспешить: скоро они узнают, что Вам-Кир-Дыка и Чернодыра нет в живых, и сюда живо подтянутся со своими отрядами другие претенденты на титул Чёрного Владыки.

— Тогда пошли, — распорядилась оживившаяся я, — чего стоим, кого ждем?

Мы двинулись к двери, разрубленной мечом де Ликатеса, но ещё не доходя, увидели, что весь коридор завален обломками рухнувших стен и перекрытий — дворцу всё-таки крепко досталось от взрыва. Развернувшись, мы кинулись ко второй торцовой двери, распахнули её общими усилиями и отпрянули — там бушевало пламя.

— Через огонь нам не пройти, — признался рыцарь, — у меня сейчас не хватит сил.

Выглядел он и впрямь неважно — как говорится, краше в гроб кладут. Понятное дело — что, по-вашему, легко взрывать Пирамиды? Хорошо хоть вообще не надорвался — спасибо Шепотку (ну и, само собой, заботливой мне).

— А сквозь стены? (я вспомнила открывавшиеся проходы).

— Не получится, — Хрум покачал головой, — тут целая система заклятий — коды, чтобы тебе было понятнее. Во дворце Владыки пользоваться тайными ходами могут только маги из числа посвящённых — силой тут ничего не сделаешь.

— Тогда давай по крыше, — решила я. — Хватит у тебя сил спустить нас всех по стене? Если что, мы с Шепотком поможем — правда, сынок?

Но Сашенька не ответил — он спал, уткнувшись мне в грудь. Умаялся бедный ребёнок — ещё бы, отдать столько маны!

— Хватит, — ответил Хрум, но как-то не слишком уверенно.

Мы вылезли через разбитое окно на балкон и подошли к перилам. Прыгать невысоко — никакой магии не надо. Рыцарь наклонился, выбирая, куда прыгнуть, но тут снизу рванул фонтан огня.

Большой кусок крыши провалился; из дыры лезли языки пламени, обёрнутые дымом.

— По крыше не пройти, — в голосе Хрума прорезались непривычные нотки безнадёги, — горит весь верхний этаж. Крыша скоро рухнет.

Он был прав — я и сама видела тут и там обширные красноватые пятна на кровле. Под крышей бушевал пожар, и идти по ней означало рисковать в любую секунду провалиться в раскрывшуюся под ногами доменную печь.

— Ну что ж, Алина, — герцог тяжело вздохнул. — Мы с тобой спасли Эххленд, и о нас сложат баллады. Не каждому дано славно умереть, да ещё вместе с той, кого любишь. Я…

— Смени пластинку! — оборвала я его. — Это что ещё за похоронный марш, рыцарь? Ты боевой маг или так, погулять вышел? Я намерена не умирать, а жить с тобой долго и счастливо. Нет, насчёт славной кончины я ничего не имею против, но лет этак через пятьсот, не раньше. Думай, блин горелый, думай — это тебе не мечом махать!

Пристыженный рыцарь задумался. Я тоже вовсю напрягала извилины, но мне ничего не приходило в голову. Идти нельзя, ползти нельзя, а летать мы не умеем…

— А зачем летать самим? — пророкотало в моём сознании (до чего же знакомый голос, блин!). — Я могу подвезти!

— Костя… — прошептала я, не веря своим телепатическим ушам. — Хрум, это дракон Кост-а-Лом! Он прилетел за нами! Вот ведь зараза какая — помнит своё обещание!

Это действительно был дракон Костя. Громадная крылатая тень вынырнула из дыма, заложила крутой вираж и приземлилась на балкон, ломая кривыми когтями остатки перил.

— Ну, вы будете подниматься на борт, — прорычал ящер, выдохнув сноп искр, — или всё-таки предпочтёте принять славную смерть в огне? Если второе, то я полетел — должен же кто-то рассказать поэтам о вашей геройской гибели!

— Хорош подкалывать, ящерица, — огрызнулась я, хотя мне хотелось расцеловать уродливую драконью морду (и пусть Хрум ревнует). — Каким ветром тебя сюда занесло? И очень вовремя, кстати, а то у нас тут проблемы с транспортом.

— Если её светлость герцогиня не возражает, — дракон грациозно выгнул шипастую шею, — я расскажу об этом по дороге. А сейчас садитесь — этот карниз скоро обвалится, да и весь этот чёрный домик тоже вот-вот рухнет.

Герцог не мешкал — на чешуйчатом костином боку появилось что-то типа лестницы.

— Садись, — Хрум принял у меня Шепотка и подал мне руку, помогая вскарабкаться на драконью спину.

— Куда? — уточнила дотошная я, оказавшись наверху. — Тут у него спинные зубцы!

— Сейчас поправим, — отозвался заметно повеселевший рыцарь. Зубцы на костиной спине дрогнули, расходясь и меня

форму — подготовка сидения для пассажиров называется.

— Эй, эй! — забеспокоился Костя. — Не портите мне фигуру — что я скажу Ослабелле?

— Это временно, Кост-а-Лом, — успокоил его де Ликатес, — не будешь же ты возражать против того, что даме должно быть удобно в полёте? Я потом всё поправлю, обещаю тебе.

Я устроилась в ложбинке, как в седле (хорошо, что я в брюках), рыцарь передал мне Сашу, сонно вертевшего головёнкой и не понимающего, что происходит, и забрался следом. Он уселся у меня за спиной (Шепотка я взяла на руки), обнял меня, и я почувствовала волну магии — мой заботливый муж ставил защитный кокон от встречного ветра (и чтоб не упасть).

— Готовы? — любезно осведомился Константин, поворачивая к нам голову и ехидно подмигивая.

"Летайте драконами "Эххаэрофлота"! Мы сделаем всё, чтобы сократить ваше пребывание на земле!" — подумала я и скомандовала: — Поехали, командир!

Дракон поднял в воздух свою массивную тушу с лёгкостью ласточки-береговушки — горящий дворец быстро остался позади, под крылом потянулись дымные развалины столицы Полуночной стороны. Нам не мешали — противовоздушная оборона Сердца Тьмы пришла в полное расстройство. Только раз попалась навстречу какая-то ошалевшая и очень одинокая горгулья и сунулась прямо под костин огнемёт. "Прощальный фейерверк" — подумала я, провожая взглядом подожжённую тварь, падавшую вниз огненным клубком.

Дымная завеса над горящим городом отдалялась и уходила за горизонт. Клонившееся к закату солнце светило нам в спины. Шепоток спал у меня на руках — безмятежно, как спят одни только дети.

Мы летели домой.

Мальчик по имени Кассандр (как бы эпилог)

В Эххленде все имеют право на отдых: и воины, и ремесленники, и землепашцы, и маги, и правители всех рангов. И поэтому я, герцогиня де Ликатес, в свой очень законный выходной лежала, опираясь на локти, на травянистом взгорке в центральном парке Ликатеса, посматривала на играющих детишек, среди которых бегал и мой Саша, слушала детский смех и наслаждалась ничегонеделанием. В больших дозах это занятие убийственно, а вот в малых — самое то. Погода была обычной для Полуденной стороны — светило солнце, и хотелось верить магам-предсказателям, не обещавшим дождя в течение всей предстоящей недели. Нет, маги-погодники, как и все эххи, не врут — они просто ошибаются, подобно всем своим коллегам-синоптикам во всех обитаемых Мирах Познаваемой Вселенной.

А парк был моей гордостью. По возвращении в Ликатес я взяла в свои руки всё, что касалось благоустройства города, — любая нормальная женщина хочет, чтобы дома у неё был уют, а моим домом уже почти год назад стал Ликатес. Нельзя сказать, что город достался мне в запущенном состоянии, но руки (и чары) приложить пришлось, чтобы ни одна мелочь не портила настроение ни горожанам, ни требовательной мне. В частности, я ликвидировала памятник дракону Васе: в благодарность за помощь, оказанную мне Костей, я передала ему голову его брата, чтобы драконы смогли её похоронить по своему обряду. С кланом Ломов у нас установились добрые отношения типа "мир, дружба, жвачка", и мёртвая драконья голова на центральной площади Ликатеса смотрелась при таком раскладе не очень политкорректно. А потом я и вовсе превратила опустевшую площадь в зелёный парк: детям надо где-то играть, причём лучше внутри городских стен — так оно спокойнее.

С парком пришлось изрядно повозиться — с меня семь потов сошло, пока я подтянула сюда подземные ключи и устроила пруд, а потом регулировала баланс между притоком воды и её испарением, чтобы вода в нём не застоялась, не высохла, и в то же время не перелилась через край и не превратила мой парк в болото. И я всё сделала сама (чем и горжусь), не прося помощи ни у мужа, ни у других магов.

Правда, кое в чём мне помогали (не с водой, а с зелёными насаждениями и прочим). Не обошлось без конфликтов — один

маг (не буду называть его имени), когда я поручила ему вывести в парковой траве всю кусучую мелкую живность, отнёсся к своему делу халатно. Пришлось употребить власть: после того, как я обнаружила в парке целое гнездо сиреневых муравьёв, известных своей злобностью, я пообещала нерадивому чародею, что отправлю его в Пустошь изводить тамошних чудищ, причём не магией, а одним клопомором. Халтурщик внял, и через день в любом месте парка на траве можно было лежать голышом, не опасаясь укусов.

Из этой истории я сделала вывод: надеяться на кого-то — чревато, и усердно занялась самообразованием, повышая свой магический уровень. И тут уже я не стеснялась просить помощи у всех, начиная от архимагов Камерона и кончая целительницей Мильгаммой (она, кстати, оказалась нормальной девчонкой, и мы с ней даже типа подружились).

Я откинулась на спину, вдыхая тёплый травяной аромат. Хорошо-то как… Солнышко грело, и надо мной раскинулось небо — голубое, с белыми пёрышками редких облаков. А год назад, над Сердцем Тьмы небо было совсем другим: багрово-серым…

* * *

Небо было багрово-серым и быстро чернело — мы летели на восток, и ночь летела нам навстречу. Сашенька безмятежно спал, Хрум, похоже, тоже типа дремал — вымотались мои мужики в борьбе с тёмными силами. А у меня сна не было ни в одном глазу — повышенная нервная возбудимость после пережитого многосерийного стресса называется. Я то и дело зыркала по сторонам — а ну как вынырнет откуда-нибудь из-за туч гидра летучая? — и остро нуждалась в собеседнике. Костя махал крыльями, но язык у него был не занят, и к тому же он мог общаться со мной и телепатически (что ещё и лучше — не будите спящего мужчину, а тем более двоих). И я пристала к нему с требованием обещанных подробностей — как это он прилетел в столицу Полуночной стороны так вовремя? — пообещав, что не слезу с него, пока он не расколется. Исполнить свою угрозу мне было нетрудно — я ведь сидела на Косте в полном смысле слова.

Костя запираться не стал — вот за что я люблю эххов, так это за их правдивость. Он рассказал, что ещё прошлым вечером (это когда мы были в мертвецко-наркотическом Фолте) он ощутил смутное беспокойство относительно любимой меня. Драконы вообще эмпаты — они чувствуют другое разумное существо на большом расстоянии (вспомним, как Кост-а-Лом нашёл меня по

мимолётной мысли), особенно если это близкое существо. А я, как ни крути, ему таки не чужая — сколько ночей мы провели вместе (хорошо, что Хрум спит и не слышит моих мыслей). Короче, парень забеспокоился — ощутил, как он выразился, "нависшую надо мной угрозу". И верно — ведь именно в тот вечер "повелитель зомби" просёк, кто я такая на самом деле, и тут же настучал Чернодыру. Константин промаялся весь вечер, а ночью, когда его жена и дочь уснули, потихоньку выбрался из своей пещеры и рванул на запад. В ходе ожесточённых воздушных боёв над Западными горами грифоны Шумву-шаха посшибали множество гидр и горгулий (авиация Вам-Кир-Дыка понесла большой урон), так что дракон без особых помех прорвался на Полуночную сторону, тем более что дело было ночью. Куда лететь, он знал — Ломы не раз охотились на Территории Тьмы и таскали оттуда пленников и пленниц. В общем, уже на рассвете Костя добрался до столицы и устроился передохнуть и восстановить силы в густой роще на берегу Чёрной реки. Проснулся он от моего мысленного крика о помощи и тут же понёсся на мой зов. К счастью, он был ещё на подлёте, когда Хрум подорвал Пирамиду — дракона потрепало и опалило, однако его броня выдержала. Ну, а что было дальше, вы уже знаете. "Вот я и вернул тебе долг, Алина" — такими словами закончил он свой рассказ, а я в ответ ласково потрепала его по шее (чего эта толстокожая скотина наверняка не почувствовала).

Под утро я и сама закемарила, однако утреннее солнце не дало мне долго спать. Хрум и Шепоток тоже проснулись, и надо было их кормить (да и самой неплохо было бы хоть что-то перекусить — я ведь накануне не ужинала и даже не обедала). Хрум наколдовал для Саши и для меня пару типа бутербродов, но организм требовал чего-нибудь посущественнее, и я потребовала от Кост-а-Лома взять курс на Замок-в-Скале. Дракон было заартачился и начал зазывать в гости — мол, Ослабелла будет безумно рада меня видеть, а Шепоток познакомится с Кусей, — однако я вежливо отказалась: не очень-то я верила в то, что Ослабелла будет мне рада. Это мужики в силу примитивности своего мышления могут забывать старые обиды, а мы, женщины, существа более совершенные. Так что будем дружить домами, я не против, но на расстоянии. Костя немного поворчал, сетуя на усталость, но смирился — невелик крюк для крылатого быстролёта, — и в замок дядюшки д'Анакора мы прибыли в аккурат к завтраку. Кост-а-Лом завтракать не стал — он торопился домой: ему предстояло нелёгкое объяснение с супругой на тему "Где ты, подлец, шлялся две ночи подряд?".

В замке нас встретили радушно — дядюшку было не

узнать, — а Нивея-Хея-Кея сразу после завтрака принялась меня расколдовывать — обратная трансформация называется. Это дело заняло у неё почти весь день, а тем временем Шепоток под присмотром Хрума и князя Отданона облазил весь замок и покорил сердца всех его обитателей.

Пока я снова становилась из чёрной нимфы человеком, я успела рассказать Хее-Кее о своих приключениях, начиная со встречи с орками. Она слушала очень внимательно, ахала, и в итоге я ей пожаловалась, что героини из меня не вышло: опять меня спасали все кому не лень, а я сама так ничего и не сделала.

— А вот тут ты не права, сестра, — решительно возразила бывшая нимфа. — Ты сделала главное: ты проникла в Сердце Тьмы. Сама — туда ведь никто тебя не нёс на крыльях. И ты послала зов — такой, что его услышали. Это совсем не простое чародейство, уж я-то знаю. А кто снял паутину с Шепотка, и кто помогал перелить его ману герцогу де Ликатесу, когда он разрушал Пирамиду? Так что без тебя, Алина, не было бы этой победы — гордись. — И она обняла меня как старшая сестра — мы ведь и в самом деле стали с ней как бы сёстрами.

А вечером я наконец-то добралась до Хрума: истосковалась я по нему — сил нет, и надо же было узнать, как он всё-таки сумел ко мне прорваться? Выяснилось, что с войсками эльфийского короля к Западным горам прибыли архимаги — Шумок выполнил своё обещание оказать мне любую помощь. Чародеи долго ломали свои мудрые головы, пытаясь вскрыть заклинание, запиравшее приёмник телепорт-башни в Сердце Тьмы, но смогли сделать это лишь частично. Хрум дневал и ночевал в телепорт-башне Замка-в-Скале, не находя себе места, и когда он услышал мой зов, кинулся в охренитовый круг, не обращая внимания на предостерегающие крики магов. Хрум рисковал — из-за недоснятого заклятья телепортация работала ненадёжно, его могло впечатать в стену башни во дворце или размазать в пространстве, — но рыцарь поступил так, как поступил бы любой настоящий мужчина, спасающий свою любимую. И ему повезло: отделался парой ссадин, ударившись о камень башни, — боги Вселенной хранят влюблённых и отважных. Он тоже меня чувствовал, знал, где я нахожусь, и прорубился в купол, воспользовавшись тем, что тёмные увлечённо резали друг друга. Дальнейшее вы тоже уже знаете. В общем, мой муж тоже признался во всём, но я всё равно не слезала с него всю ночь, и мы потом продрыхли до полудня — тактичные хозяева замка не стали нас будить.

А на Территории Тьмы в результате всей этой истории произошли очень большие изменения. Трон Чёрного Владыки не

достался никому — за него дрались слишком многие, причём силы у них у всех были примерно равными. И тёмное королевство развалилось на целую кучу маленьких уделов — гумы, вампиры, орки, гоблины, тролли и ведьмы поспешили создать свои типа независимые республики. Потом они, правда, пытались объединиться, но у них ни хрена не вышло — суровой руки Чёрного Владыки больше не было, а доверять друг другу тёмные эххи не умели. Вот так на Полуночной стороне вместо одной единой державы появились Разъединённые Штаты, как их называли сами обитатели Территории Тьмы.

Тысячелетняя угроза истребительной войны исчезла, хотя западные Разъединённые Штаты остались для светлых источником беспокойства. Горячие головы из молодых боевых магов Полуденной стороны предлагали эльфийскому королю провести зачистку Территории Тьмы, вплоть до полного уничтожения всех тёмных, однако Шумву-шах на это не пошёл.

— Истребление миллионов разумных, — сказал он, — это преступление, особенно если они не представляют для нас организованной угрозы. И никто не знает, как это преступное деяние скажется на наших потомках, — Весы качнутся, и чёрное семя может прорасти среди нас самих. Миры светлеют постепенно, иначе будет ожог. Мы не черномаги — мы не будем жечь. А если у вас, молодые, слишком много энергии, найдите ей другое применение — идите за черту Загадочных Вод и узнайте, что там. Все Миры Вселенной сферичны, а нам до сих пор не ведомо, что представляет собой обратная сторона Эххленда, и почему она для нас закрыта.

Мы вернулись в Ликатес. Все страхи были позади, и я вспомнила о маме и Алексее — они ведь там с ума сходят, считая нас с Шепотком погибшими. Вернуться на Землю я не могла — это было бы путешествие в один конец, а вновь расстаться с Эххлендом и с Хрумом (и теперь уже навсегда) я не хотела ни в коем случае. И тогда я вдруг вспомнила о тех, кто проникают в наше виртуальное пространство: о Любознательных.

Разыскать такого умельца мне помог Причесах, навестивший нас в Ликатесе вскоре после нашего возвращения. Страж Порталов залечил свои раны и выздоровел, но в Рощу не вернулся: он пошёл на повышение и стал в Гильдии магом-наставником, а в его отстроенном доме поселился новый страж, не так давно окончивший Академию Магии в Камероне. Маг-хакер мне не очень понравился — он слишком надувал щёки и вообще корчил из себя незнамо что, — но дело своё он сделал: отправил маме на наш домашний комп голосовое сообщение с уведомлением на её сотовый. Я постаралась рассказать всё, что со

мной приключилось, как бы дико оно не звучало для любого как бы здравомыслящего человека с планеты Земля, а чтобы мама не приняла моё сообщение за жестокий розыгрыш, упомянула кое-какие мелочи из моего детства, о которых знали только она да я. Я пообещала, что приеду погостить, если представится такая возможность, сказала, что я счастлива, и передала привет от Шепотка. Я попросила маму поцеловать от меня дядю Лёшу и очень надеялась, что они оба успокоятся и не будут за нас переживать — в конце концов, дети вырастают и уходят от родителей, это закон жизни, а тогда какая разница, куда вышла замуж взрослая дочь: в Австралию или в параллельный мир? Ответа я не получила — связь была односторонней, — но Любознательный гарантировал, что моё послание дошло до адресата. И я ему поверила — ведь эххи не врут.

* * *

На меня упала чья-то тень, и я сразу, не открывая глаз, поняла, кто ко мне подошёл — как же я могла его не узнать?

— Ты очень красивая, — сказал Хрум, глядя на меня с улыбкой.

— Да, я такая, — согласилась скромная я. Комплименты вообще приятная вещь, а когда их тебе говорит муж, которому вроде бы уже нет нужды их говорить, это приятно вдвойне. И к тому же я верила, что мой рыцарь сказал это искренне — я лежала на траве в минимальном купальнике, стройная, загорелая: картинка, а не женщина! Между прочим, я стала в Ликатесе кем-то вроде законодательницы мод: эххийки здорово отстали от землянок по части нижнего белья, и здешние красавицы мигом взяли на вооружение наши открытия в этой области.

— Надеюсь, ваша светлость не принёсла какую-нибудь дурную весть, которая может испортить мне выходной? — промурлыкала я, когда де Ликатес устроился рядом со мной на травке. — Можно загорать дальше?

— На Полуденной стороне всё спокойно, герцогиня, — в тон мне отозвался рыцарь, — и я с удовольствием составлю вам компанию. А где Шепоток? — спросил он, ища глазами сына.

— Воюет с призраками вместе с другими юными рыцарями и спасет прекрасных дам — вон он, видишь? Только он скоро перестанет быть Шепотком — на день рождения он получит в подарок взрослое имя: Кассандр. Между прочим, он сам себе его выбрал — здорово, правда?

— Да, это необычно, — согласился Хрум, — ведь ему всего пять лет. Хотя с его даром — чему тут удивляться? А это имя, оно

что-то значит на языке твоего родного мира?

— Кое-что значит. Вообще-то известно женское производное от этого имени — была одна оригинальная особа, которая…

Продолжить лекцию по древнегреческой мифологии мне не дал Сашуля — он заметил появление Хрума и побежал к нам. Вернее, Шепоток не бежал — он скользил по-над травой, не пригибая тонких стеблей. Никак не могу привыкнуть, что мой сын пользуется магией вот так, походя, — для него это так же естественно, как дышать.

— Здравствуй, отец! — закричал он, подбегая к Хруму.

— Здравствуй, сын, — ответил герцог, поднимая вверх правую руку.

Отец — сын… Нет, это не было игрой. По возвращении в Ликатес мы рассказали Саше всё о его настоящем отце — по-другому не могло и быть. Шепоток внимательно выслушал, задумался и выдал своё резюме:

— Вернуться в этот мир нам помог он, — тут он посмотрел на Хрума, — он защищал нас от летучих гидр, и он пришёл за нами в Сердце Тьмы. И он твой муж, мама, а король Шумву-шах — я его даже ни разу не видел. Мой отец — рыцарь де Ликатес.

Я, конечно, не приняла всерьёз эту его тираду — мало ли что скажет четырёхлетний ребёнок, пусть даже необычный, — но оказалось, что я плохо знаю эххийские законы. Хрум обратился в Совет Чародеев, и архимаги отнеслись к словам Саши куда серьёзнее. Они сочли их достаточным основанием для того, чтобы признать Шепотка сыном ликатесского герцога. Не знаю, как отнёсся Шумок к решению архимагов лишить его отцовских прав, но спорить с ними он не стал, и мой сын стал сыном де Ликатеса — самым что ни на есть законным.

— Ну что, — спросила я, взъерошивая светлые волосы сына, — ты победил всех злодеев, великий воитель?

— Их много во всех мирах, — очень серьёзно ответил маленький рыцарь, — их трудно всех одолеть. Но я постараюсь, мама, — когда вырасту. И ещё… — он вдруг запнулся. — Мне очень здесь нравится, это мой мир, но где-то там, — Шепоток посмотрел в голубое небо, — где я родился, остались бабушка и дедушка, и они, наверно, скучают обо мне и о тебе, мама. Я хотел бы их навестить… — и Саша тяжело вздохнул.

— Мы обязательно их навестим, — пообещала я, — сразу, как только сможем.

— И ещё, — продолжал Шепоток, уютно устраиваясь между мной и Хрумом, — в том нашем мире очень много зла, я его чувствовал, я помню. Здесь мы победили тёмных, а там ещё нет — разве это справедливо? Я хочу вернуться на Землю и помочь

людям стать светлее. Это только эххи не могут вмешиваться в судьбы других Миров, а я ведь наполовину человек, значит, мне можно, правильно?

Вот это да! Кто бы мог подумать, что в головёнке моего сынули бродят такие мысли? Да, дети взрослеют быстро, особенно очень необычные дети двух миров…

— Ты прав, сынок, — сказала я, — так будет справедливо. Только ты сначала подрасти, ладно? И будет лучше, если ты вернёшься туда не один — один в поле не воин, помнишь такую пословицу?

— Помню. Но ведь ты пойдёшь со мной, отец?

— Конечно, сын, — де Ликатес осторожно положил ему на плечо свою тяжёлую руку. — Я пойду с тобой, и буду прикрывать тебе спину.

— Это, конечно, хорошо, — вмешалась я, — но я имела в виду немножко другое. Было бы совсем неплохо, если бы рядом с тобой, Кассандр, шёл брат. Или сестра, неважно. Что ты об этом думаешь, Хрум? По-моему, давно пора, а?

Де Ликатес молча кивнул и улыбнулся мне в ответ своей замечательной улыбкой. А мальчик по имени Кассандр смотрел на нас обоих своими зеленоватыми глазищами и тоже улыбался — он ведь тоже всё понял, умница моя.

К О Н Е Ц

Санкт-Петербург, 2007–2008 год